ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Сборник научных статей по материалам
Пятой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(16-17 февраля 2017 г.)

МОСКВА
2017

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

УДК 8(045)
ББК 81
П78

Рецензенты:
доктор филол. наук, проф. В.З. Демьянков,
доктор филол. наук, проф. О.А. Мудрак

Редколлегия:
к.ф.н. Е.М. Девяткина (отв. ред.),
к.ф.н. С.Ю. Бочавер, к.ф.н. Д.В. Маховиков, к.ф.н. А.Б. Шлуинский

Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2017. – 367 с.

В сборнике представлены научные статьи, основанные на докладах Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», прошедшей 16-17 февраля 2017 года в Институте языкознания РАН. Основные научные направления сборника: теоретическая лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, типология, психолингвистика, диалектология.

Сборник представляет интерес, прежде всего, для ученых-лингвистов, а также преподавателей высших учебных заведений, студентов.

ISBN 978-5-91730-736-7

© Авторы, 2017
© Институт языкознания
Российской академии наук, 2017

Предисловие

16-17 февраля 2017 года в Институте языкознания РАН прошла Пятая международная конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых».

Конференция-школа традиционно имела междисциплинарный характер, тематика докладов участников охватывала различные аспекты лингвистики: теоретическую лингвистику, сравнительно-историческое языкознание, описательную лингвистику, диалектологию, типологию, психолингвистику.

С лекциями перед молодыми учёными выступили академик РАН, д-р филол. н., проф. Владимир Александрович Плунгян (тема лекции: «Что современная лингвистика (не) знает про перфект?»), член-корр. РАН, д-р филол. н., проф. Владимир Михайлович Алпатов (тема лекции: «Лингвистика полвека назад и сейчас»), д-р филол. н., проф. Ирина Игоревна Челышева (тема лекции: «Проблемы формирования, фрагментации и динамики языковой общности (на материале романских языков)»).

Настоящий сборник составлен из статей, основанных на докладах Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Мы благодарим всех участников за плодотворное сотрудничество.

Е.М. Девяткина

Е.С. Балакина
Центр довузовской подготовки МГЛУ[1], Москва

Транзитивность в полимодальном конструировании событий

Введение

Многие структурно-грамматические, семантические и прагматические явления, которые традиционно описывались как сугубо языковые феномены, в современных работах все чаще анализируются как выходящие за рамки одной (вербальной) модальности. Подобным образом рассматриваются идиоматичность, метафора, отрицательные конструкции, аспектуальность, время, модальность и пр. [Steen and Turner 2013; Cienki 2013; Bressem and Müller 2014; Ирисханова 2016; Wu 2017]. Вслед за многими когнитологами, мы полагаем, что при конструировании событий в речи слова и жесты оказываются взаимосвязанными благодаря тому, что они «подключаются» к общим ментальным репрезентациям. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить корреляции между транзитивностью употребляемых в речи грамматических конструкций, характером события (событийной схемой) и жестами. Подобное исследование не только способствует выявлению роли жестов в речи, но и устанавливает взаимосвязь вербальных и невербальных средств при описании событий, обладающих разной внутренней структурой.

Транзитивность: понятие и походы

Транзитивность – это грамматическое отношение между глаголом, субъектом и объектом, традиционно понимаемое как способность глагола присоединять к себе прямое дополнение.

Однако наличие при глаголе дополнения в винительном падеже не может служить единственным формальным критерием транзитивности конструкции. При анализе данного грамматического феномена необходимо учитывать семантический компонент, который выражается в отношениях между субъектом и объектом. Участник ситуации, который

[1] Здесь и далее названия учреждений приведены в сокращении, расшифровку см. на с. 364.

подвергается воздействию другого участника (агенса), играет роль пациенса [Hopper and Thompson, 1980]. Таким образом, происходит необходимый для транзитивной конструкции перенос энергии (*Я сделала вот эту прическу)*.

Именно поэтому некоторые ученые заявляют о том, что транзитивность – это свойство всего высказывания, неотделимое от семантики [Halliday, 1967]. Когнитологи рассматривают транзитивность как одно из важнейших отношений в языке, которое обладает сложной природой и характеризуется целым рядом свойств, таких как результативность действия, предельность и точечность события, целенаправленность действий агенса, степень его воздействия на объект, а также перенос энергии от субъекта к объекту – прямой в транзитивных конструкциях и опосредованный предлогом в нетранзитивных конструкциях [Hopper and Thomson, 1980].

Транзитивность в конструировании событий

Таким образом, транзитивность становится важнейшим показателем способа ментального конструирования события, его типа. Под событийным типом понимается «динамическая модель, которая включает в себя компоненты, одни из которых репрезентируют состояния, а другие – процессы» [Kendall, 2008:12]. Другие ученые отмечают, что «концептуальная схема события (событийная схема) содержит тип процесса или состояния с его наиболее значимыми участниками, которые могут иметь различные роли в процессе или состоянии» [Dirven and Radden, 2007:38].

В настоящем исследовании мы опирались на две классификации событий: классификации З.Вендлера и Р.Дирвена и М.Верспур. З.Вендлер выделяет в событии пространственно-временные отношения и внутреннюю структуру, в то время как Р.Дирвен и М.Верспур указывают на перенос энергии и аргументативную структуру. Две классификации дополняют друг друга, объединяя основополагающие признаки событийной схемы: внутреннюю пространственно-временную и аргументативную структуры событий. Мы предположили, что оба этих параметра будут влиять на корреляцию типа конструкции и употребляемого с ней жеста.

Согласно классификации З.Вендлера, события включают в себя следующие категории:

- деятельность, которая подразумевает сознательную активность субъекта, преобразование объекта действительности (*Она из меня веревки вьет*);
- состояния, для которых характерно существование субъекта или объекта в пространстве, обладание субъектом объекта (*Я была в шоке; У Темы есть велосипед*);
- достижения – совершенные мгновенные действия (*Я увидел*);
- совершения, представляющие собой совершенные действия, требующие определенных усилий и времени для выполнения (*Он закончил университет*) [Vendler, 1967:121-147].

Классификация, разработанная Р.Дирвеном и М.Верспур, выглядит следующим образом:

- схема бытия: кем или чем является субъект/объект? Какими характеристиками обладает? В каких пространственно-временных отношениях находится?
- схема происшествия: что произошло/происходит?
- схема действия: что делает субъект?
- схема восприятия: что чувствует, видит или слышит субъект?
- схема обладания: чем обладает субъект/объект?
- схема движения: как, куда, откуда движется субъект/объект?
- схема передачи/переноса: от кого и кому передается объект? [Dirven and Verspoor, 2004: 77-86]

Материалы и методы

Для проверки гипотезы о взаимосвязи транзитивности глагольной конструкции, типа события и жеста нами было проведено исследование, которое заключалось в анализе видео материалов ТВ-передачи ‘Наедине со всеми’ (2013-2015), в которой ведущая Юлия Меньшова беседует со знаменитыми актерами, танцорами, политиками и спортсменами на разнообразные темы: семьи, любви, пути к успеху и планах на будущее.

Общий объем проанализированного видеоматериала равен 930 минутам (20 выпускам программы). Среди25 говорящих (16

женщин и 9 мужчин) 12 певцов, 7 актеров и 6 ТВ-ведущих в возрасте от 22 до 75 лет. Таким образом, в анализ включены представители обоих полов и различных возрастных групп.

Для анализа были выбраны переходные и непереходные синтаксические конструкции (общий объем – 200 единиц). Первоначально сочетание «синтаксическая конструкция + жест» было проанализировано по следующим параметрам: транзитивность/нетранзитивность, вид глагола (совершенный / несовершенный), одушевленность и неодушевленность субъекта и объекта, конкретный или абстрактный характер субъекта и объекта, число субъекта и объекта, тип события по двум классификациям, функция жеста, количество ударных фаз жеста, расположение жеста относительно того, кто его использует, тип движения жеста, количество рук, производящих жест, и форма ладони. Однако в ходе проведенного анализа мы обнаружили, что только сочетание тип события – функция жеста – тип конструкции обнаруживает взаимозависимость.

При этом мы предложили собственную классификацию функций жестов, имеющую в своей основе и модифицирующую систему, предложенную А.Ченки [Cienki, 2013]. Ученый выделяет следующие функции жеста:

- референтную функцию (указание и репрезентация объекта);
- функцию структурирования дискурса;
- прагматическую функцию.

Мы предложили выделить две подгруппы референтных жестов в отдельные группы. Репрезентирующие жесты иконически отображают какие-либо свойства физических и абстрактных объектов. Функция указательных жестов – указывать на что-либо/кого-либо. Более того, одной из функций таких жестов является интерактивная функция, то есть указание на собеседника для того, чтобы получить его ответную реакцию или удостовериться в том, что говорящий и собеседник обладают общими знаниями. Помимо этого, указание характеризуется определенной формой жеста (расположением или движением руки по линейной траектории). Таким образом, предложенная нами классификация разграничивает следующие группы жестов по функциональному критерию:

- структурирующие дискурс;
- прагматические;

- указывающие;
- репрезентирующие жесты.

Результаты

Поскольку целью данного исследования было установить связь между типом конструкций и функцией жеста с учетом когнитивной составляющей (в данном случае событийных схем), нами было принято решение поэтапно рассмотреть взаимозависимость этих трех аспектов.

В первую очередь мы проанализировали связь между транзитивными (Таблица 1) и нетранзитивными (Таблица 2) конструкциями и событийными схемами по двум классификациям – по типам события по Вендлеру и схемам события по Дирвену и Верспур.

Данные по типам событий, предложенным З.Вендлером, представлены в виде количества случаев от общего числа либо транзитивных, либо нетранзитивных конструкций. Событийные схемы по классификации Р.Дирвена и М.Верспур выступают как подтипы типов события З.Вендлера и представлены в процентном соотношении от числа конструкций каждого типа события, взятого в отдельности:

Таблица 1

Типы события (З.Вендлер)			
Деятельность – 66	Статив – 0	Достижение – 35	Совершение – 18
Типы события (Р.Дирвен и М.Верспур)			
Схема действия – 80%		Схема действия – 85%	Схема действия – 94%
Схема восприятия – 20%		Схема восприятия – 15%	Схема восприятия – 6%

Транзитивные конструкции и событийные схемы ***(119 случаев)***

Таблица 2

Типы события (З.Вендлер)			
Деятельность – 39	Статив – 20	Достижение – 20	Совершение – 2
Типы события (Р.Дирвен и М.Верспур)			
Схема действия – 58%	Схема бытия – 95%	Схема действия – 33%	Схема действия – 100%
Схема движения – 27%	Схема обладания – 5%	Схема движения – 48%	
Схема восприятия – 5%		Схема восприятия – 5%	
Схема происшествия – 14%		Схема происшествия – 5%	

Нетранзитивные конструкции и событийные схемы ***(81 случай)***

Анализ материала показал, что стативы (процессы и состояния) не вербализуются транзитивными конструкциями, поскольку они, как правило, не имеют четких пространственно-временных границ, протекают в пределах одного субъекта или объекта и не указывают на перенос энергии. События деятельности, следующие схемам действия и восприятия, представлены переходными конструкциями в 80% и 20% случаев, что, по-видимому, объясняется тем, что перенос энергии в событиях, концептуализируемых по данным схемам, более ярко выражен, чем во всех остальных случаях. В то же время для достижений и совершений схема действия представлена в нетранзитивных конструкциях в значительном количестве случаев (100% и 33% соответственно). Схема движения не бывает транзитивной, так как при ментальном конструировании движения важны траектория, точка начала и конечная точка, которые обычно выражаются предлогами.

Это подтверждает наше предположение о том, что выбор между переходной и непереходной конструкцией оказывается чувствительным как к внутренней структуре события (классификация Вендлера), так и к его аргументной структуре (классификация Дирвена-Верспур).

Далее мы проанализировали функции жестов, употребляющиеся с двумя типами конструкций - транзитивными (Рис. 1) и нетранзитивными (Рис. 2):

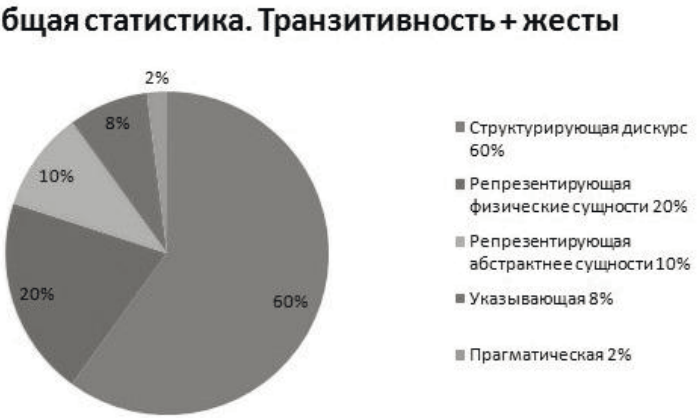


Рис. 1. *Функционирование жестов с транзитивными конструкциями*

Рис. 2. *Функционирование жестов с нетранзитивными конструкциями*

Как следует из диаграмм, функция структурирования дискурса доминирует над всеми остальными функциями жестов в обоих типах конструкций в нашем корпусе примеров. Это объясняется особенностями типа дискурса, а именно, устных ТВ-интервью. Интервьюируемые взаимодействуют не только с интервьюером, но и с многотысячной аудиторией, только небольшая часть которой присутствует в студии. В подобной ситуации непрямого контакта говорящие организуют свою речь более тщательно, прибегая в том числе к помощи жестов.

Другая распространенная функция жестов в нашем корпусе – репрезентирующая. В транзитивных конструкциях насчитывается 20% физических и 10% абстрактных репрезентативных жестов. В нетранзитивных конструкциях – 23% физических и 26% абстрактных репрезентативных жестов.

Указывающие (8% в транзитивных и 5% в нетранзитивных конструкциях) и прагматические (2% и 1% соответственно) жесты не так частотны, поскольку в данной коммуникативной ситуации количество участников минимально (обычно два или три человека), и они внимательно слушают друг друга. Таким образом, отсутствует необходимость в дополнительных средствах привлечения внимания собеседника.

Следующим этапом исследования стал анализ функционирования жестов с учетом типов событий по двум

классификациям – Вендлера и Дирвена-Верспур. Для всех событийных схем преобладающими жестами оказываются жесты, структурирующие дискурс, за исключением схемы движения, в которой доминируют репрезентативные жесты. Говоря о каком-либо движении, говорящий, как правило, показывает его траекторию или направление, при этом оно может быть как конкретным: *Сейчас она просто бегает по комнате,* так и абстрактным: *Вокруг вращаются бабушки и дедушки*.

Заключительным этапом анализа было соединение всех трех параметров: типа конструкции, функции жеста и типа события, включая событийную схему. Во всех событийных схемах превалирующими оказались жесты структурирования дискурса, за исключением совершений, выраженных нетранзитивными конструкциями, сопровождающимися жестами, которые репрезентировали абстрактные сущности.

Опираясь на идеи К.Мюллер [Müller, 2004], мы предположили, что жесты, репрезентирующие физические сущности, будут преобладать с транзитивными конструкциями, а жесты, репрезентирующие абстрактные сущности, будут употребляться с нетранзитивными конструкциями. Анализ показал, что в случае с событиями деятельности физические и абстрактные репрезентативные жесты в транзитивных и нетранзитивных конструкциях распределяются в соотношении 17% – 13% и 23% – 25% соответственно. Репрезентирующие жесты, сопровождающие события совершения, демонстрируют следующее соотношение: 100% жестов, репрезентирующих физический референт, использовалось с транзитивными конструкциями и 100% жестов, изображающих абстрактный референт – с нетранзитивными конструкциями. Это объясняется тем, что в этой событийной схеме в фокусе жеста находится процесс ли действие, которое может быть как физическим, так и абстрактным (Рис. 3):

Рис. 3. «*Я сделала вот эту, всем известную уже, прическу*»

События-совершения, вербализованные транзитивными конструкциями, не употребляются с жестами, репрезентирующими абстрактные сущности, по-видимому, потому, что действия в данной событийной схеме, главным образом, трудоемкие и длятся относительно долгое время, что затрудняет использование жестов физических действий для иллюстрации абстрактных сущностей.

Репрезентирующие жесты, сопровождающие события-достижения, демонстрируют иную тенденцию. В транзитивных достижениях распределение жестов, репрезентирующих физические и абстрактные референты (67% и 33%, соответственно) согласуется с нашей гипотезой. Однако все нетранзитивные конструкции, выражающие события-достижения сопровождались в нашем корпусе жестами, репрезентирующими физические сущности, что противоречит нашим предположениям. Данная тенденция, вероятно, объясняется тем, что жесты в достижениях обоих типов конструкций указывают не на действие, а на объект, который должен быть физическим, чтобы говорящий мог его репрезентировать жестом (Рис. 4):

Рис. 4. *«Ваня взял в руки журнал»*

Таким образом, достижения и совершения, выраженные транзитивными и нетранзитивными конструкциями, обнаруживают различия в сочетаемости с репрезентативными жестами, так как в фокусе жеста находятся разные референты: действия (в сочетании с совершениями) или объекты (в сочетании с достижениями).

Выводы

Результаты проведенного анализа частично подтвердили нашу гипотезу о том, что существует определенная взаимозависимость между функцией жеста и транзитивностью глагольных конструкций, которые сопровождаются данными жестами. Оказалось, что корреляция между типом конструкции и функцией жеста обнаруживается только в некоторых событийных схемах, что свидетельствует об отсутствии прямой связи между транзитивностью и функционированием жестов. Связь между ними носит опосредованный характер, и при анализе данной корреляции необходимо учитывать ряд факторов: дискурсивные факторы, внутреннюю и аргументативную структуру события, а также то, какие компоненты или свойства события профилируются жестом.

В целом, в настоящем исследовании мы показали, что связь между вербальными и невербальными характеристиками полимодальной коммуникации опосредована способом конструирования события и контекстуально-прагматическими

факторами. В дальнейшем мы предполагаем расширить исследование взаимосвязи грамматических и жестовых явлений на материале большего количества говорящих на разных языках.

Литература

Ирисханова О.К. «Жестовый поворот» как проявление антропоцентризма в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 50-61.

Bressem, J. & Müller, C. (2014). The family of Away gestures: Negation, refusal, and negative assessment. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill &J.Bressem (eds.), Body – language – communication. An international handbook on multimodality in human interaction.Berlin: De Gruyter Mouton.P. 1592–1605.

Cienki, A.J. (2013). Grammar, Space, Gesture and Cognition.InP.Auer, M.Hilpert,A.Stukenbrock&B.Szmrecsanyi (eds.), Space in Language and Linguistics. Berlin: De Gruyter.P:667-686.

Dirven, R. & Radden, G. (2007). Cognitive English Grammar.Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.

Dirven, R. & Verspoor, M. (2004).Cognitive exploration of language and linguistics.Hamburg:University of Hamburg.

Halliday, M.A.K. (1967). Notes on transitivity and theme in English: Part 2.Journal of Linguistics.No. 3,199–244.

Hopper, P.J., and Thompson, S.A. (1980).Transitivity in grammar and discourse. Language.No.56, 251–299.

Kendall, T. (2008).On the History and Future of Sociolinguistic Data. Language and Linguistics Compass No. 2.2: 332-351.

McNeil, D. (1992). Hand and Mind: What gesture Reveal about Thought. Chicago: University Chicago Press.

Müller, C. (2014). Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction.Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction.Vol. 2. Ed. Müller, C., Cienki, A., Frickle, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. Berlin: De Gruyter Mouton. P.1687-1701.

Müller, C. (2004). Forms and uses of the Palm Up Open Hand: A case of a gesture family? In: Cornelia Muller and Roland Posner (eds.), TheSemantics and Pragmatics of Everyday Gesture: The Berlin Conference. Berlin: Weidler. P. 233-256.

Vendler, Z. (1967). Linguistics in Philosophy. Ithaca: Cornell University Press.

Wu, S. (2017). Transitivity, multimodality and gesture.Amsterdam: Vrije Universiteit.

Резюме

Настоящее исследование посвящено анализу использования жестов с переходными и непереходными конструкциями при описании различных событий. Наша цель заключалась в установлении корреляции между типом конструкции, событийной схемой и жестами. Практическая часть исследования состояла в анализе видео материалов ТВ-программы «Наедине со всеми» общим объемом 15 часов 30 минут. Общий корпус примеров насчитывает 200 синтаксических конструкций – переходных и непереходных, сопровождающихся жестами. В ходе анализа учитывались следующие параметры: транзитивность/нетранзитивность грамматических конструкций, тип события (по классификациям З.Вендлера, Р.Дирвена и М.Верспур), функция жеста, характер субъекта и объекта (абстрактный или конкретный), одушевленность субъекта и объекта. Результаты проведенного анализа частично подтвердили гипотезу. Тип конструкции и функция жеста коррелируют только в некоторых событийных схемах, что свидетельствует об отсутствии прямой связи между транзитивностью и жестами. Был обнаружен также ряд фактов, влияющих на использование жестов с переходными и непереходными конструкциями: дискурсивные факторы, внутренняя пространственно-временная структура события, аргументативная структура события, а также выделенность тех или иных компонентов события в жесте.

Ключевые слова: полимодальность, транзитивность, событийная схема, жест, аргументативная структура, внутренняя структура, функция жеста.

Ekaterina S.Balakina
MSLU, Moscow
Katushka063@mail.ru

TRANSITIVITY IN THE MULTIMODAL CONSTRUAL OF EVENTS

Summary

The research investigates the ways speakers of Russian use gestures with transitive and intransitive constructions while construing different types of events. The purpose is to establish whether there is a correlation between the type of structure, event structure and gesture. The practical part of the study consisted in the analysis of video materials (15.3 hours) taken from Russian TV programme "Наедине со всеми". The total corpus of examples amounts to 200 transitive and intransitive constructions, accompanied by gestures. The results of the analysis partially confirmed the hypothesis. The type of construction and the function of gesture correlate only in some event schemes, which indicates the absence of a direct relation between transitivity and gesture. There was discovered a number of facts that influence the use of gestures with transitive/intransitive constructions: discursive factors, internal and argumentative structure of events and elements that are in the focus of gesture. This research provides a deep insight into the nature of multimodal communication and cognition and establishes a connection between them.

Keywords: multimodality, transitivity, event schema, gesture, argumentative structure, internal structure, gesture function.

References

Iriskhanova O.K. 'Zhestovyj povorot' kak projavlenie antropocentrizma v kognitivnoj lingvistike ['Gesture turn' as a manifestation of anthropocentrism in cognitive linguistics]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive studies of language], 2016, no.27, P. 50-61.

Bressem, J. & Müller, C. (2014). The family of Away gestures: Negation, refusal, and negative assessment. In C.Müller, A.Cienki, E. ricke, S.H.Ladewig, D.McNeill & J.Bressem (eds.), Body – language – communication. An international handbook on multimodality in human interaction.Berlin: De Gruyter Mouton. P. 1592–1605.

Cienki, A.J. (2013). Grammar, Space, Gesture and Cognition. In P.Auer, M.Hilpert, A.Stukenbrock & B.Szmrecsanyi (eds.), Space in Language and Linguistics. Berlin: De Gruyter. P. 667-686.

Dirven, R. & Radden, G. (2007). Cognitive English Grammar. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.

Dirven, R. & Verspoor, M. (2004). Cognitive exploration of language and linguistics. Hamburg: University of Hamburg.

Halliday, M.A.K. (1967). Notes on transitivity and theme in English: Part 2. Journal of Linguistics. No. 3, P. 199–244.

Hopper, P.J., and Thompson, S.A. (1980). Transitivity in grammar and discourse. Language. No.56, P. 251–299.

Kendall, T. (2008). On the History and Future of Sociolinguistic Data. Language and Linguistics Compass No. 2.2: P. 332-351.

McNeil, D. (1992). Hand and Mind: What gesture Reveal about Thought. Chicago: University Chicago Press.

Müller, C. (2014). Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction. Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction.Vol. 2. Ed. Müller, C., Cienki, A., Frickle, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. Berlin: De Gruyter Mouton. P. 1687-1701.

Müller, C. (2004). Forms and uses of the Palm Up Open Hand: A case of a gesture family? In: Cornelia Muller and Roland Posner (eds.), The Semantics and Pragmatics of Everyday Gesture: The Berlin Conference. Berlin: Weidler. P. 233-256.

Vendler, Z. (1967). Linguistics in Philosophy. Ithaca: Cornell University Press.

Wu, S. (2017). Transitivity, multimodality and gesture. Amsterdam: Vrije Universiteit.

Е.А. Власова
РНБ, Санкт-Петербург

Лексические особенности языка «Нового благочестия» на материале рукописных молитвенников из РНБ

В последнее время религиозные тексты на материале различных языков привлекают внимание всё большего числа учёных.

На материале средненижненемецкого языка можно выделить устойчивую традицию изучения текстов в рамках особого типа набожности, представленного в текстах религиозного движения «Новое благочестие» [Staubach 2015], [Leloux 1978], [Klug 2005].

В качестве примера работы, посвящённой изучению типа набожности, возникшей на территории средневековых Нидерландов в среде каноников, проповедников и авторов религиозных трактатов, следует считать работу П. Денцельбахера [Dinzelbacher 2012]. На основе мистических трактатов автор анализирует особенности немецких и нидерландских мистических воззрений. В качестве более раннего исследования, чётко обозначившего своеобразие нидерландской мистики, следует считать книгу, выдержавшую многократные переиздания и переведённую на немецкий и голландский языки, под названием «Очерк мистической и аскетической теологии» [Tanquery 1928]. В последнее время учёные пошли по пути детализации истории мистических учений. Например, книга М. Клуг «Работа и бедность в Devotio Moderna» раскрывает особенности уклада жизни членов «Нового благочестия», входивших в сообщество Сестёр всеобщей жизни, их отношения к труду и аскезе [Klug 2005].

Реформаторское аскетическое движение «Новое благочестие» («Devotio Moderne») было создано в последнюю четверть XIV в. Гертом Гротом (Geert Groote 1340-1384)[1], сыном зажиточного горожанина из Девентера. Идеалом этого движения, как указывает Г. Лелу [Leloux 1978: 29], становится следование

[1] Герт Гроте (Geert Groote 1340-1384) является крупнейшим представителем мистического направления в церковной прозе XIV в., оказавшим значительное влияние на религиозную книжность в северной Германии и выступавшим против догматов католической церкви.

Иисусу Христу на основе Священного писания. Идеи Герта Грота вызвали воодушевление в монашеской среде, что привело к появлению большого числа его сторонников. Воззрениям Герта Грота сопутствовала уверенность, что распространяемая им форма набожности может быть реализована только в кругу единомышленников. В результате такого подхода возникла организационная структура «Нового благочестия», базирующаяся на монашеско-канонической ветви Виндесхеймской конгрегации (Windesheimer Kongregation), принадлежавшей регулярным августинцам, и на сообществах Братьев и Сестёр общей жизни (Broeders ende Swestern de gemenen Levens) [Leloux 1978: 30]. Своё влияние конгрегация быстро распространила на Нидерланды и Германию как посредством образования новых монастырей, так и путём присоединения уже существующих монастырских общин. Также к ним присоединился целый ряд старинных конвентов.

Важной составляющей движения «Нового благочестия» после Виндесхеймской конгрегации и Братьев совместной жизни являются Сёстры совместной жизни. Широкий охват их зоны влияния подтверждается наличием в Любеке дома, принадлежавшего их организации, так называемого конвента св. Михаила (Michaeliskonvent), откуда, вероятно, происходит средненижненемецкий молитвенник, используемый нами в качестве материала исследования.

Возникновение большого числа молитвенников, созданных как тетради из подшивок, части или блоки которых происходили из различных монастырей, было связано с характером того образа жизни, который вели члены «Нового благочестия». Их день был связан с медитацией и переписыванием, переплётом литургических книг. Благодаря совместным усилиям создавалось огромное количество копий тех текстов, которые отвечали их духовным потребностям и впоследствии стали письменным наследием «Нового благочестия».

Строго говоря, в рамках письменного наследия следует рассматривать все тексты, сочинённые членами «Нового благочестия», например, Imitatio Christi «О подражании Христу» в переложении канонника Виндесхеймской конгрегации Фомы Кемпийского (Thomas von Kempen 1380 - 1471). Также в состав письменного наследия девотов следует включать и тексты,

созданные участниками других религиозных движений, которые они часто переписывали и рассматривали в качестве источника вдохновения. Например, девоты использовали тексты францисканцев Генриха Герпа (Heinrich Herp 1400/1410-1478), Дитриха Кольде (Dietrich Coelde 1435-1515) и Йогана Бругмана (Johann Brugman 1400-1473). В библиотеках Сестёр совместной жизни содержатся переписанные труды и выдержки из Бонавентуры (Bonaventura 1218-1274), Блаженного Августина (Aurelius Augustinus 354-430), а также копии известных средневековых текстов, например, сказания о св. Ансельме. Так, средненижненемецкий молитвенник, исследуемый нами, содержит легенду о св. Ансельме в стихотворной форме, а также цитаты из Бл. Августина на национальном языке.

Для прослеживания особенностей языка и лексики «Нового благочестия» во внимание берутся тексты, написанные на национальном языке, к которым относится такая важнейшая группа письменных памятников, как переводы с латинского языка Священного писания, трудов отцов церкви или других авторитетов.

Наиболее репрезентативным в этой связи оказываются переводы, осуществлённые создателем движения «Нового благочестия» Гертом Гротом. Среди них следует выделить распространённые в Средние века и часто включаемые, как в молитвенники, так и в часовники «Покаянные псалмы» (Busspsalmen). В качестве материала исследования нами используются покаянные псалмы из четырёх молитвенников, один из которых происходит из Любека (Ф. 955, Оп. 2, № 51[2]) и имеет средненижненемецкую диалектную окраску [Власова 2013], другие молитвенные книги Голл. O v I №1, Голл. O v I №4, Гол. O v I №10 написаны на средненидерландском [Власова 2014]. Все перечисленные рукописные памятники относятся к. XV – н. XVI в. и представляют собой конволюты.

Для анализа лексических особенностей текстов «Нового благочестия» следует ответить на вопрос, каким же языком пользовался создатель перевода псалмов и какой диалект можно считать языком Devotio Moderna. Важно отметить, что речь в

[2] Подробное описание состава молитвенника приводится в работе П. Хагена [Hagen 1922], а также в статье [Bondarko, Logutova, Lyakhovitskiy 2012] .

данном случае идёт об использовании диалекта, уже имеющегося на северо-востоке Нидерландов, откуда берёт своё начало «Новое благочестие». По мнению Г. Лелу [Leloux 1978: 34], областью происхождения религиозного движения Devotio Moderna следует считать район Ijssel. Как полагает Я. Госсенс, ийссельская область представляет собой переходную зону между двумя соседними языковыми ареалами: средненижненемецким и средненидерландским [Gossens 1983: 18]. Учёный считает, что нельзя говорить о существовании конкретной линии, разделяющей два языковых ландшафта [Gossens 1983: 17][3]. Такой переходный характер ийссельской области приводит к языковому смешению, сосуществованию в текстах Devotio Moderna средненижненемецких и средненидерландских диалектных признаков в различной пропорции. К области возникновения Devotio Moderna на северо-востоке Нидерландов могут быть отнесены также провинции Drenthe, Overijssel, Gelderland [Leloux 1978: 34]. По мнению учёного [Leloux 1978: 34], эти провинции относятся к зоне бытования средненижненемецкого языка, что нам представляется не совсем точным. Так, Г. Лелу отмечает, что письменный язык северо-восточных областей средневековых Нидерландов, очевидно, содержит элементы, которые нельзя отнести к средненижненемецкому [Leloux 1978: 34].

Первый опыт научного описания письменного языка, бытовавшего на северо-востоке средневековых Нидерландов, был связан с анализом языка грамот [Kern 1905]. В своей работе учёный обратил внимание на фонетические, морфологические и лексические особенности северо-восточно-средненидерландского. При анализе средненидерландского необходимо учитывать историю происхождения диалектов на западе Нидерландов, фламандского и брабантского, отличия которых от северо-восточных диалектов достаточно велики [Миронов 1986].

В этой связи возникает вопрос о типологической характеристике письменного языка северо-восточных провинций Нидерландов, и, соответственно, языка Devotio Moderna. Г. Лелу

[3] Попытка рассмотреть Ийссельлинию (IJssellinie), имеющую статус саксонско-франкского водораздела и продолжающуюся вглубь немецкого региона, в качестве западной границы средненижненемецкого является, по мнению Й. Госсенса, скорее рабочей гипотезой, не отвечающей языковой реальности [Gossens 1983: 17].

полагает, что речь в данном случае идёт о так называемом noordoostmiddelnederlandse, ‘северо-восточном средненидерландском’, который согласно своим характеристикам имеет большое сходство со средненижненемецким [Leloux 1978: 34]. В этой связи учёный предлагает использовать особые критерии, благодаря которым можно было бы отнести текст к средненижненемецкому или средненидерландскому. По его мнению, такими явлениями следует считать в первую очередь фонетические характеристики текста, а также его лексические особенности. Автор в рамках разграничения диалектов не упоминает грамматические особенности, что, в очередной раз, свидетельствует о типологической близости двух диалектов. Г. Лелу считает важнейшими средненижненемецкими признаками следующие явления: сохранение гласных *ê*$^{4/5}$ и *u* в таких лексемах, как *lêf* ‘любимый’ и *umme* ‘о’, а также использование *olt (old)* ‘старый’ [Leloux 1978: 35]. Как показал диалектный анализ покаянных псалмов из четырёх молитвенников, средненидерландские псалмы используют вариант *alt*, в покаянных псалмах из средненижненемецкого молитвенника параллельно употребляется оба варианта *olt/alt*. В этой связи более существенным оказывается отсутствие в средненижненемецком молитвеннике перехода *a* в *o* перед сочетанием *ld*, *lt* с дальнейшей вокализацией *l* и возникновением на месте *a* сочетания *ou*, которое широко представлено в средненидерландских молитвенниках Голл. O v I №1, Голл. O v I №4, Гол. O v I №10 такими лексемами, как *ghemenichuoudighet* ‘сделанный всеобщим’, *veroudet* ‘устаревший’. Другой важной средненидерландской особенностью, которая также нашла отражение в работе Й. Мака [Mak 1936: 35], оказывается использование местоимение *ons* ‘мы’ вместо средненижненемецкого *uns*, в котором сохранился германский гласный *u* перед носовым. Таким образом, основными критериями для определения средненидерландской диалектной окраски анализируемых нами текстов оказывается переход *u* в *o* перед удвоенным или закрытым носовым и последовательное отсутствие варианта *uns*, а также реализация перехода *a* в *ou* перед сочетанием *ld*, *lt*. Наличие в средненижненемецкой редакции покаянных псалмов из молитвенника Ф. 955, Оп.2, № 51 параллельного использования *ons* и *uns* свидетельствует о

средненидерландском влиянии, последовательное отсутствие сочетания *ou* свидетельствует о средненижнемецкой диалектной окраске. На лексическом уровне к средненижненемецким особенностям следует отнести использование союза *unde* ‘и’, возникшего в результате верхненемецкого влияния. Следует отметить отсутствие этого союза в средненидерландских молитвенниках и последовательное употребление союза *ende* ‘и’.

Выше перечисленные особенности позволяют охарактеризовать диалектную принадлежность текста и не препятствуют его восприятию как части письменного наследия движения «Нового благочестия». С другой стороны, наличие средненидерландских диалектных признаков может оказаться определяющим для понимания того, является ли текст частью наследия «Нового благочестия» Важным доказательством этого положения следует считать, например, упоминание Г. Лелу рипуарской рукописи с переводами текстов из Фомы Кемпийского, имеющих ярко выраженную средненидерландскую диалектную окраску [Leloux 1978: 43].

Подробное изучение лексики, употребляемой в текстах «Нового благочестия», позволяет охарактеризовать тот единый литературно-языковой тип [Peters 1983: 83], который свойственен текстам Devotio moderna и остаётся узнаваемым независимо от диалектной принадлежности того или текста. Как справедливо замечает Г. Лелу, насущной необходимостью в рамках описания письменного наследия «Нового благочестия» является систематическое всесторонне описание рукописей из каталогов К. Борхлинга, а также из Кёльнской городской библиотеки и Дармштатдской краевой и университетской библиотеки (Darmstadter Landes- und Hochschulbibliothek) [Leloux 1978: 34]. Особый интерес в данном случае представляют собой рукописи, имеющие нидерландскую диалектную окраску, но происходящие из различных немецких монастырей. К перечисленным в статье Г. Лелу каталогам следует также добавить каталог Мюнстерского собрания Э. Овергауфа [Overgaauw 1996], в котором, например, содержится молитва, сходная с молитвой из средненижненемецкого молитвенника Ф. 955, Оп.2, №51. Речь идёт о молитве распятому Христу с перечислением частей тела, с листа 18r: *gegrot sistu untfruchtende houet unses heren ihu[s] christus* ‘да, здравствует, внушающая трепет голова нашего

господа Иисуса Христа’. Похожим образом начинается молитва из рукописи Ms N.R. 5501, с л. 116r из Мюнстерского собрания: *Gegrotet sistu, entfruchtende hovet allen ghemechtighen unses ghesuntmekers* ‘Да, здравствует, внушающая трепет голова самого могущественного спасителя’ [Overgaauw 1996: 354].

На материале исследуемых нами четырёх молитвенников мы рассмотрим употребление ряда лексем, которые, по мнению Р. Петерса, являются словами-маркерами (Kennwörter) религиозной литературы «Нового благочестия» [Peters 1983: 88]. При перечислении этих лексем Р. Петерс относил их в первую очередь к лексическим характеристикам письменного наследия Братьев совместной жизни, в связи с этим они могут быть использованы для текстов, возникших в кругу сообщества Сестёр совместной жизни, с известной оговоркой. Такими лексемами, по мнению Р. Петерса являются: *innicheit*, *vuricheit*, *eenvoldicheit*.

Среди значений лексемы *innicheit* в средненижненемецком справочном словаре (Mittelniederdeutsches Handwörterbuch) специально упоминается тот смысл, который вкладывали в это слово члены движения «Нового благочестия». Так, по мнению авторов словаря, участники этого религиозного движения понимали *innicheit* как ‘активно выражающуюся в благочестивом стремлении приверженность к Богу’. В средненижненемецком молитвеннике лексема *innicheit* используется в составе словосочетаний *mit andacht unde innicheit* ‘с благоговением и благочестием’. Прилагательное *innich*, от которого образовано существительное *innicheit*, в средненижненемецком справочном словаре понимается в контексте языка Devotio Moderna как ‘благоговейный, благочестивый’. В качестве существительного, с которым *innich* образует согласованное определение, приводится *seele*: *inniche seele* ‘благочестивая душа’. В словаре упоминается возможность использовать прилагательное в виде субстантивированного существительного: *inniges* ‘благочестивое’. В средненижненемецкой молитвенной книге в качестве субстантивированного варианта употребляется словосочетание *bede der ÿnnighen mensche[n]* ‘молитвы благочестивых людей ’.

Существительное *vurricheit* в средненижненемецком справочном словаре имеет то же значение, что и выше приведённое существительное, — ‘активно выражающуюся в

благочестивом стремлении приверженность к Богу’. Покаянные псалмы из молитвенника и голландских часовников не содержат слов, однокоренных с существительным *vurricheit.* В других блоках средненижненемецкого молитвенника используется прилагательное *vurichlikē* ‘благочестивый’.

В покаянных псалмах из всех четырёх молитвенников широко используются однокоренные с существительным *eenvoldicheit* ‘всеобщность’ лексемы в виде диалектно окрашенных вариантов: *v`menÿchvoldÿghet* (Ф. 955, № 51, Оп. 2), *ghemenichuoudighet* (Голл. O v I №1, Голл. O v I №4, Голл. O v I №10) ‘сделанный всеобщим ’. Как показал анализ по диалектным признакам лексемы с реализованным переходом *a* в *o* перед сочетанием *ld*, *lt* с дальнейшей вокализацией *l* и возникновением на месте *a* сочетания *ou* представляют собой средненидерландские слова.

В результате анализа лексических особенностей языка религиозного движения Devotio Moderna, возникшего на северо-востоке Нидерландов в Средние века и распространившего своё влияние на территорию соседней Германии, мы можем сделать вывод о том, что тексты «Нового благочестия» обладают определённым лексическим своеобразием, связанным с теми идеями, которые проповедовали девоты. Провозглашаемое ими следование Иисусу Христу, ярко выраженный благочестивый образ жизни нашли отражение в частотном употреблении лексем *v`menÿchvoldÿghet* ‘сделать всеобщим’ и *innigkeit* ‘благочестие, а также однокоренных словах *Inniges*, *innige* в различных словосочетаниях.

Использование узнаваемых лексических маркеров языка «Нового благочестия» было связано с копированием девотами одних и тех же текстов, отвечающих их собственным духовным потребностям (например, переводы покаянных псалмов Герта Грота). Следует отметить, что это было не техническое копирование. При переносе известных текстов переписчики использовали родной письменный диалект. Доказательством этого положения служит наличие средненижненемецкой лексики в переводе покаянных псалмов из средненижненемецкого молитвенника (местоимение *uns* и союз *unde*) и отсутствие данных слов в псалмических текстах из средненидерландских молитвенников. Таким образом, исследование лексики в текстах

Devotio Moderna имеет двоякую функцию, с одной стороны, посредством анализа лексических особенностей выявляется сходство между текстами «Нового благочестия», с другой стороны, лексика подчёркивает их диалектное различие. Последнее обстоятельство подтверждает мысль о том, что единого, неизменно используемого из текста в текст языка «Нового благочестия» не существовало. Первоначально тексты Devotio moderna возникали на nooroostmiddelnederlandes «северо-восточной средненидерландской» основе. Типологически данный диалект имеет сходство с соседним средненижненемецким в силу переходного характера многих признаков, присущих данным диалектам.

Наблюдение над языком памятников, возникших на территориях, отличных от места происхождения языка Devotio moderna – района Overjisel, показывает, что узнавание текстов «Нового благочестия» происходит в том числе, благодаря наличию средненидерландской диалектной окраски. Примером тому могут служить перевод псалмов из средненижненемецкого молитвенника, сохранивший ряд средненидерландских лексем (например, местоимение *ons*), а также упоминание Г. Лелу средненидерландской диалектной окраски у текстов из рипуарского молитвенника. Таким образом, наличие особой лексики, отражающей мировосприятие членов движения «Нового благочестия», а также лексем с средненидерландской диалектной окраской составляет лексическое своеобразие письменного наследия «Нового благочестия». Систематическое всесторонне исследование средненидерландских рукописей из каталогов различных библиотек и собраний может дать более полную картину лексических средств, с помощью которых выражался особый тип набожности, характерный для религиозного движения «Нового благочестия» (Devotio moderna).

Литература

Власова Е.А. Диалектные особенности средненижненемецкого языка в молитвеннике XVв. из Любека (РНБ, ф. 955 оп.2 №51) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XVII. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора И.М. Тронского / отв. ред. Н.Н. Казанский;

Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2013. – С. 160-176.

Власова Е.А. Особенности средненидерландского и средненижненемецкого вокализма в молитвенных книгах XV – XVI вв. // Colloquia classica et indo-germanica, VI., памяти Леонарда Георгиевича Герценберга / отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский, Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.– СПб.: Наука, 2014. – С. 452– 463. – (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических ис- следований РАН; Т. X, Ч. 1).

Миронов С.А. История нидерландского литературного языка (IX-XVI вв.) М., 1986.

Bondarko, N., Logutova, M., Lyakhovitskiy, E. (2012). Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg / N. Bondarko, M. Logutova, E. Lyakhovitskiy // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hg. von A. Breith u. a. – Stuttgart: Hirzel Verlag,, 2012. – S. 123–155. – (Zeitschrift für deutsches Altertum; Beiheft 15).

Dinzelbacher, P (2012). Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters.

Hagen, P (1922). Die deutschen theologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek. Lübeck, 1922. (Veröffentlichungen der Stadtbibiothek der freien und der Hansestadt Lübeck)

Goossens, J (1983). Einleitung zur Ausgewählten Schriften zur niederländischen und deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft. Hrg. von Heinz Eickmans, Loek Geeraedts, Robert Peters. Waxmann. New York, Berlin, München.

Kern, J (1905). Middeleeuwsche oorkonden uit Oldenzaal, TNTL (= Tijdschrift voor Nederlandsche Taal en Letterkunde) 24, S. 245-260.

Klug, M (2005). Armut und Arbeit in der Devotio Moderna. Studien zum Leben der Schwestern in niederreinischen Gemeinschaften.

Leloux, H (1978). Zur Sprache der Devotio Moderna, NdJB, 101, S.28-45.

Mak, J (1936) Het vocalisme in beklemde syllaben van einige oostmnl. geschriften uit de kring der Moderne Devotie. TNL 55, S. 67-94.

Overgaauw, E (1996). Die mittelalterlichen Handschriften der Universitäts- und Landesbibliothek Münster. Harrassowitz.

Peters, R (1983). Mittelniederdeutsche Sprache // Niederdeutsch. Sprache und Literatur. Eine Einführung, Band 1, Sprache, Neumünster, S. 66-88.

Tanquery, A (1928). Précis de théologique ascétique et mystique, Issy, 1928.

Staubach, N (2015). Pragmatische Schriftlichkeit im Bereich der Devotio Moderna. Frühmittelalterliche Studien, ed. by W. Drews, Ch. Meier-Staubach, Vol. 25, p. 416-425.

Источники

Mittelniederdeutsches Handwörterbuch [Text]: / Begr. von A. Lasch u. C. Borchling, fortgef. v. G. Cordes u. A. Hübner. – Hrsg. von D. Möhn. – Bd. 1–2, 3 (1. Lieferung). – Neumünster, 1956–2004.

Резюме

В статье рассматриваются особенности языка «Нового благочестия» на материале рукописных молитвенников к. XV – н. XVI вв. из собрания Российской национальной библиотеки. В качестве языка «Нового благочестия» понимается единый литературно-языковой тип, имеющий лексические особенности и характеризующий тексты, используемые в кругу религиозного движения «Нового благочестия».

Для анализа лексических особенностей (например, лексем: innicheit, vuricheit, eenvoldicheit), а также диалектно окрашенных признаков языка «Нового благочестия» были выбраны рукописные книги, написанные на разных диалектах. Так, молитвенник Ф. 955, Оп.2, №51 имеет средненижненемецкую диалектную окраску, часовники Голланд.О.vI.1, Голланд.О.vI.4, Голланд.О.vI.10 средненидерландскую.

Ключевые слова: средненижненемецкий, Средние века, Devotio Moderna.

Elizaveta A. Vlasova
National Library of Russia, Saint Petersburg
kealis@gmail.com

Lexical peculiarities of the "Devotio Moderna" language as exemplified in handwritten prayer-books from NLR

Summary

The article submits an overview of "Devotio Moderna" language peculiarities, based on the handwritten prayer-books, compiled in the period from the end of the XVth century till the beginning of the XVIth century. Under the "Devotio Moderna" language there is to understand unified literature-linguistic type with lexical peculiarities, due to which the "Devotio Moderna" texts can be identified.

In order to analyze lexical peculiarities (for example: *innicheit*, *vuricheit*, *eenvoldicheit*) and dialectal marked features, we chose handwritten prayer-books, which were written on different dialects. One of the prayer-books is written on the Middle Low German, other books: Holland.O.vI.1, Holland.O.vI.4, Holland.O.vI.10 are written in the Middle Dutch.

Keywords: Middle Low German, Middle Ages, Devotio Moderna

References

Bondarko, N., Logutova, M., Lyakhovitskiy, E. (2012). Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg / N. Bondarko, M. Logutova, E. Lyakhovitskiy // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hg. von A. Breith u. a. – Stuttgart: Hirzel Verlag,, 2012. – S. 123–155. – (Zeitschrift für deutsches Altertum; Beiheft 15).

Dinzelbacher, P (2012). Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters.

Goossens, J (1983). Einleitung zur Ausgewählten Schriften zur niederländischen und deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft. Hrg. von Heinz Eickmans, Loek Geeraedts, Robert Peters. Waxmann. New York, Berlin, München.

Hagen, P (1922). Die deutschen theologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek. Lübeck, 1922. (Veröffentlichungen der Stadtbibiothek der freien und der Hansestadt Lübeck)

Kern, J (1905). Middeleeuwsche oorkonden uit Oldenzaal, TNTL (= Tijdschrift voor Nederlandsche Taal en Letterkunde) 24, S. 245-260.

Klug, M (2005). Armut und Arbeit in der Devotio Moderna. Studien zum Leben der Schwestern in niederreinischen Gemeinschaften.

Leloux, H (1978). Zur Sprache der Devotio Moderna, NdJB, 101, S.28-45.

Mak, J (1936) Het vocalisme in beklemde syllaben van einige oostmnl. geschriften uit de kring der Moderne Devotie. TNL 55, S. 67-94.

Mironov, S. A. Istorija niderlandskogo literaturnogo jazyka (IX-XVI vv.) [History of the Dutch literary language (in the period from the IXth century till the XVIth century)] M., 1986.

Overgaauw, E (1996). Die mittelalterlichen Handschriften der Universitäts- und Landesbibliothek Münster. Harrassowitz.

Peters, R (1983). Mittelniederdeutsche Sprache // Niederdeutsch. Sprache und Literatur. Eine Einführung, Band 1, Sprache, Neumünster, S. 66-88.

Staubach, N (2015). Pragmatische Schriftlichkeit im Bereich der Devotio Moderna. Frühmittelalterliche Studien, ed. by W. Drews, Ch. Meier-Staubach, Vol. 25, S. 416-425.

Tanquery, A (1928). Précis de théologique ascétique et mystique, Issy, 1928.

Vlasova E.A. Dialektnye osobennosti srednenizhnenemeckogo jazyka v molitvennike XV v. iz Lubeka (RNB, f. 955 op. 2 Nr. 51) [Dialekt features in Middle Low German in prayer-book of the XVth century from Lübeck]. Indoevropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija [Indo-European linguistics and classical philology Yearbook]. XVII. Materialy chtenij, posvjashhjonnyh pamjati professora I.M. Tronskogo [Proceedings of the 17th Conference in Memory of Professor J. Tronsky] / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, 2013, p. 160-176.

Vlasova E.A. Osobennosti sredneniderlandskogo i srednenizhnenemeckogo vokalizma v molitvennyh knigah XV – XVI vv. [Vocalic features in Middle Low Dutch and Middle Low German in prayer books of the XVth and XVIth centuries] // Colloquia classica et indo-germanica, VI., pamjati Leonarda Georgievicha Gertsenberga [Colloquia VI classica et indo-germanica in Memory of Leonard Georgievich Gertsenberg] / otv. red. N.A. Bondarko, N.N. Kazanskij [editor in chief N.A. Bondarko, N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2014, p. 452-463. – (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovannij RAN; T. X, CH. 1) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAN, Vol. X, Part,1]

Mittelniederdeutsches Handwörterbuch [Text]: / Begr. von A. Lasch u. C. Borchling, fortgef. v. G. Cordes u. A. Hübner. – Hrsg. von D. Möhn. – Bd. 1–2, 3 (1. Lieferung). – Neumünster, 1956–2004.

М.А. Грабовская
НИУ ВШЭ, Москва
Р.В. Жигульская
НИУ ВШЭ, Москва

Отличия в употреблении и значении между *свой* и притяжательными местоимениями 1 и 2 л. (ед. и мн. ч.)

1. Введение

Данная работа посвящена изучению различий употребления между возвратным местоимением *свой* и притяжательными местоимениями 1 и 2 лица единственного и множественного числа (*мой, твой, наш, ваш*)[1]. В данной статье не будет рассматриваться употребление местоимений 3 л., потому что распределение притяжательного и возвратного местоимений для ситуаций с 3 л. отлично от ситуаций с 1 и 2 л. [Падучева 1983]. Цель нашего исследования – проследить и сформулировать некоторые семантические факторы употребления *свой* и притяжательных местоимений 1 и 2 л. ед. и мн.ч. В нашей работе мы будем рассматривать только те ситуации, когда личное местоимение находится в одной клаузе с притяжательным местоимением *(свой, мой, твой, наш* или *ваш)*. Поиск примеров осуществлялся с помощью Национального корпуса русского языка. В поиск вводились пары: личное местоимение и притяжательное местоимение (*я* / *ты* / *мы* / *вы* + *мой* / *твой* / *наш* / *ваш),* расстояние: от 1 до 5 слов справа. Запросы вводились для каждой рассматриваемой пары отдельно. В выдаче результатов не различались форма 2 л. мн.ч. и вежливая 2 л. ед.ч. Это разделение осуществлялось вручную авторами работы на основе контекста. Все приведенные примеры были найдены с помощью запросов, описанных выше, или с помощью дополнительного поиска, производимого с целью найти примеры определенного типа (например, для проверки гипотезы). В примерах рассматривалась в том числе возможность замены притяжательного местоимения на местоимение *свой*, менялось или не менялось значение предложения после такой замены.

[1] В данной работе, употребляя термин *возвратное местоимение*, мы подразумеваем только местоимение *свой*, в то время как *притяжательными* называются местоимения *мой*, *твой* и *наш*.

2. Синтаксические особенности возвратного и личных притяжательных местоимений

Выбор личных (прономиналы) и возвратных (анафóры) местоимений в русском языке происходит согласно правилам Теории связывания [Chomsky 1981, 1986]. Антецедент личных местоимений не может находиться с ними в одной локальной области; рефлексивные местоимения и их антецедент находятся в одной локальной области. В этом отношении русский язык очень похож на английский. Однако, в отличие от английского языка, для личных притяжательных местоимений характерна антисубъектная ориентация. Иными словами, если антецедент является субъектом, притяжательные местоимения не могут служить для референции. В таких случаях употребляется возвратное местоимение *свой* [Avrutin, Wexler 1992: 265-266]:

(1) ***Раиса***$_i$ *помнит* ***ее***$_{?*i/j}$ ***дом.***
(2) ***Раиса***$_i$ *показала* ***Ольге***$_j$ ***ее***$_{?*i/j}$ ***дом.***
(3) ***Петя***$_i$ *помнит* ***свой***$_{i/?*j}$ ***дом.***
(4) ***Петя***$_i$ *показал* ***Ольге***$_j$ ***свой***$_{i/?*j}$ ***дом.***

Тем не менее, не только номинативные субъекты могут связывать местоимение *свой*. Если отсутствует субъект в номинативе, возвратное местоимение может отсылать к субъекту состояния (‘psych-predicate experiencer subject’) [Grashchenkov, Grashchenkova 2006].

В [Grashchenkov, Grashchenkova 2006] авторы обсуждают способность притяжательного местоимения отсылать к субъекту в номинативе и говорят о том, что его локальной областью можно считать минимальную категорию, включающую в себя местоимение и субъект. Предложения типа *Петя*$_i$ *прочитал [мой [отзыв на его*$_{i,j}$ *работу]]*, где *его* может отсылать как к человеку вне контекста, так и к Пете, допустимы благодаря наличию открытого спецификатора (‘overt specifier’) *мой*.

Данные наблюдения относительно точно предсказывают выбор местоимения в случае 3 л., но часто они не учитывают возможность употребления как притяжательного, так и возвратного местоимения, когда антецедентом является местоимение 1 или 2 л.. Иногда это обусловлено синтаксическими факторами, но, по-видимому, существуют

семантические факторы, которые определяют выбор того или иного способа референции (другие семантические факторы также обсуждаются в [Падучева 1983]). В этой работе мы обсудим уже сформулированные ранее контрасты (коллективно-дистрибутивный контраст, контраст по конкретности) и сформулируем свои собственные наблюдения.

3. Коллективно-дистрибутивный контраст

Коллективно-дистрибутивный контраст далее описан по [Bennett 1974 по [Ouwayda 2014]]. Коллективное прочтение появляется, когда имеется в виду группа людей. Дистрибутивная интерпретация возможна, когда подразумевается каждый человек в отдельности (даже если он и принадлежит к определенной группе). Данный контраст мы можем проиллюстрировать на переведенном на русский язык примере из [Syrett et al. 2013]:

(5) *Two boys pushed a car. 'Два мальчика толкали машину'***.**

Данное предложение может иметь коллективное прочтение, если мы относимся к двум мальчикам как к группе (к примеру, два мальчика толкают машину одновременно). Если же каждый из мальчиков имеется в виду по отдельности, то имеет место дистрибутивное прочтение.

Возвратное местоимение *свой* и притяжательные местоимениями во множественном числе имеют разные прочтения (одно – дистрибутивное, другие – коллективное)[2]. Рассмотрим это на примере из [Avrutin 1994]:

(6) ***Американские туристы*** *описали* ***их/свои*** *города.*

В данном примере при употреблении *их* предложение имеет коллективное прочтение, при употреблении *свои* – дистрибутивное прочтение. Если города были описаны не по отдельности (в целом), то ставится притяжательное местоимение

[2] Мы благодарны Э. Ройланду, который впервые подал нам эту идею, дав ссылку на [Avrutin 1994]. Мы также благодарны А.А. Волковой и М.А. Даниэлю за замечания к первой версии работы. Мы благодарны М.А. Даниэлю за комментарии к английской версии аннотации данной статьи.

(имеет место коллективное прочтение). Если города были описаны по отдельности (каждый студент описал свой город), то ставится возвратное местоимение (имеет место дистрибутивное прочтение). Рассмотрим еще один пример (предложение (8) сконструировано нами на основе предложения (7) путем замены притяжательного местоимения):

(7) *Но было бы неправильно говорить, что* ***мы*** *решили все* ***наши*** *проблемы.* [Стефан Дион: «Развитые демократии не рушатся» (2001) // «Известия», 2001.07.09]

(8) *Но было бы неправильно говорить, что* ***мы*** *решили все* ***свои*** *проблемы.*

В предложении (7) использовано притяжательное местоимение, что влечет за собой коллективное прочтение (‘у нас были общие проблемы’). В случае его замены на местоимение *свой* прочтение может меняться на дистрибутивное (‘у каждого были свои проблемы’), но может и оставаться коллективным.

Нам кажется, что в некоторых ситуациях возможно только одно прочтение, что ведет за собой возможность использования только одного местоимения. Эти ситуации обусловлены определенным контекстом. Пример такого контекста можно встретить в примере (9):

(9) ***Мы*** *подробно говорили о* ***наших*** *совместных шагах по нейтрализации таких угроз, как терроризм и распространение наркотиков.* [В. В. Путин. Выступление встречи с И.А. Каримовым // «Дипломатический вестник», 2004]

В данном примере есть спецификатор *совместных*, из-за которого становится невозможна замена *наших* на *своих* (с последующим изменением прочтения с коллективного на дистрибутивное).

4. Вежливые формы обращения (*Вы* + *Ваш*/*свой*)

Как было указано ранее, среди результатов поиска по корпусу контекстов с личным местоимением *вы*, преимущественно встречались не формы 2 л. мн.ч., а вежливые формы обращения, ассоциирующиеся с 2 л. ед.ч.. Среди этих

примеров наблюдается употребление как возвратного местоимения *свой*, так и невозвратного *ваш*. По-видимому, конструкции, в которых местоимение отсылает к вежливой форме обращения, допускают оба варианта. Так, в примерах ниже (10-12) местоимение *ваш* можно заменить на *свой*, без потери грамматичности предложения:

(10) *Лучше **вы вашу** рукопись отдайте в другое место.* [З. Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове) (1923)]

(11) *Ну, а щуку по-еврейски **вы вашему** барину готовите? — спросила она с вежливой ненавистью.* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943-1958)]

(12) *Да ничего, я не обижаюсь. **Вы** спросите-ка **вашу** жену.* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)]

Однако если рассмотреть те же примеры с местоимением *ты* вместо *вы*, на эти примеры такое наблюдение не распространяется. В этих предложениях (13-15) допускается только возвратное местоимение:

(13) *Лучше **ты свою / *твою** рукопись отдай в другое место.*

(14) *Ну, а щуку по-еврейски **ты своему / *твоему** барину готовишь?*

(15) ***Ты** спроси-ка **свою / *твою** жену.*

Более того, при поиске форм с *твой* по корпусу (*ты* (Им.п.) + *твой*, расстояние от 1 до 5) было обнаружено очень мало искомых конструкций. Преимущественно они датировались концом XIX - началом XX вв.[3], поэтому был задан подкорпус текстов, написанных после 2000 г., в котором нашлось всего два примера с подобной конструкцией:

[3] Явление, по-видимому, связанное с ограничением на употребление возвратных местоимений с антецедентами 1-го и 2-го лица, которое сильно отразилось в литературе первой половины XIX века и практически не наблюдается в современном языке [Падучева 1983: 17].

(16) ***Ты*** *что-то говорила про* ***твою*** *способность раскручивать, пиарить — у меня таких способностей нет.* [Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012]

(17) *Мы только нормальным людям разрешаем в пенсионном возрасте работать, а* ***ты*** *за* ***твои*** *жалобы ни дня после положенного срока не проработаешь.* [Олег Копытов. По дороге в монастырь // «Сибирские огни», 2012]

По всей видимости, для местоимений в конструкциях с вежливыми формами обращения характерны особые, менее строгие правила употребления. Можно предположить, что *свой* в таких случаях выражает меньшую степень вежливости и некоторую фамильярность в отношениях говорящего с референтом местоимения. Аналогичное наблюдение было сделано в [Падучева 1983: 24]. Однако если дополнительный смысловой оттенок меньшего выражения вежливости достигается именно за счет употребления возвратного местоимения, можно говорить об асимметричности вежливых и нейтральных форм обращения: немаркированными и синтаксически предсказуемыми в рассматриваемых контекстах являются пары *Вы – Ваш*, но *ты – свой*.

В настоящей работе мы рассмотрели только различия между *ты* и *вы* (вежливая форма обращения), то есть нейтральные и вежливые формы 2 л. ед.ч., но также необходимо исследовать возможные различия между правилами употребления *ваш* и *свой*. Однако здесь мы ограничены омонимичностью данных форм в корпусе.

5. Конкретность / неконкретность

Возвратное местоимение *свой* и притяжательные местоимения также противопоставлены по наличию или отсутствию референта [Падучева 1983]. Притяжательные местоимения имеют референт, а возвратное местоимение – нет[4]. Приведем сконструированный пример:

[4] Мы благодарны П. Зубкову, который первым указал нам на этот контраст.

(18) ***Мне*** *нужен* ***мой*** *телефон.*
(19) ***Мне*** *нужен* ***свой*** *телефон.*

В примере (18) речь идет о конкретном телефоне, который принадлежит определенному человеку. В примере (19) говорится о перспективном обладании телефоном конкретным человеком (сам телефон не определен). В примере (19) телефон не имеет определенных свойств, которым он должен соответствовать. Но мы полагаем, что в некоторых контекстах *свой* может иметь значение ‘соответствующий требованиям’. Пример (20) взят из Корпуса, пример (21) построен авторами статьи путем замены возвратного местоимения на притяжательное местоимение:

(20) *Отступать, как говорится, некуда. - Выходит,* ***вы*** *всё-таки нашли* ***своего*** *инвестора? - Мы много лет шли к созданию СП с "Дженерал моторс", у нас ещё немало совместных планов, но… условия переговоров обязывают к конфиденциальности. [Петр Меньших, Владимир Каданников. В Тольятти придут инвесторы… (2003) // «За рулем», 2003.05.15]*
(21) *Выходит,* ***вы*** *всё-таки нашли* ***вашего*** *инвестора?*

В примере (21) инвестор – конкретный человек (которого искали до этого), в примере (20) – неконкретный человек, соответствующий определенным требованиям. Мы полагаем, что хотя притяжательное местоимение порождает определенное значение, нельзя сказать, что возвратное местоимение всегда ассоциируется с неопределенным значением. Ведь во многих контекстах *свой* подразумевает соответствие тем или иным критериям (требованиям или нахождению в собственности), что привносит определенность в интерпретацию. Поэтому лучше говорить только о притяжательных местоимениях как о несущих значение конкретности.

6. «Усилительные» конструкции с *с*

Среди результатов выдачи поиска по корпусу были найдены и выделены в отдельную группу примеры, где конструкция типа *вы с вашим* + СУЩ, где притяжательное местоимение характеризует именную группу и обладает значением вроде ‘такой, как у Х-а; характерный Х-у’, где Х – референт личного

местоимения (например, ***Ты*** *с* ***твоим*** *характером никогда не найдешь друзей* в значении ‘ты с таким характером, как у тебя’). Конструкции такого типа можно называть усилительными, подразумевая их смысловую функцию в предложении: усиление определенных характеристик посессивной предложной группы, к которым идет отсылка в данном контексте. Ниже некоторые примеры из выборки (исходя из контекста, все притяжательные местоимения с *вы* употребляются не во 2 л. мн.ч., а в форме вежливого обращения 2 л. ед.ч.). Так, в примере (22) подразумеваются не все черты характера, а именно те его свойства, которые становятся причиной попадания в скандальную историю.

(22) *По приезде* ***вы*** *наверняка с* ***вашим*** *характером вляпаетесь в какую-нибудь скандальную историю и угодите на Север.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

(23) *Так что* ***вы*** *с* ***вашей*** *техникой [исполнения, сочинения] вполне успеете.* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)]

(24) ***Ты*** *с* ***твоими*** *руками и опытом хочешь оставить активную хирургию?!* [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001)]

(25) *Разве* ***я*** *с* ***моей*** *энергией выдержу долго на секретарской работе?* [Елена Ильина. Четвертая высота (1945)]

(26) *Мы, ваши читатели, не понимаем, как* ***вы*** *с* ***вашим*** *вкусом могли поместить эту вещь Максудова.* [М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)]

Это наблюдение распространяется как на формы вежливого обращения, так и на нейтральные формы 1 и 2 л. Невозвратные местоимения в таких конструкциях более предпочтительны. Замена притяжательного местоимения возвратным *свой* скорее невозможна, а в некоторых случаях сопровождается появлением дополнительного оттенка значения. Замена невозвратного местоимения на *свой* в предложениях выше придает негативный окрас высказыванию, служит для выражения претензии или раздражения говорящего по отношению к референту и его качеству. В подобной экспрессивной функции также выступает возвратное местоимение в примерах:

(27) *Как говорила Татьяна Анатольевна, последний год* ***мы*** *со* ***своими*** *характерами мешали постановке, все время влезали в ее работу и так придирчиво ко всему относились, что ей надоели.* [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000-2001)]

(28) *Но, помилуй, Рудин, как же* ***ты****, с* ***своим*** *умом, не догадался, что твое дело не в том состоит, чтобы быть… извини за каламбур… деловым человеком?* [И. С. Тургенев. Рудин (1856)]

Возможно, выбор в пользу притяжательного местоимения в усилительных конструкциях связан с тем, что именная группа с предлогом *с* выступает в качестве обособленной клаузы, что может также подтверждаться особой интонацией, сопровождаемой паузами, при прочтении и наблюдаемой пунктуацией в соответствующих фрагментах в письменном варианте в корпусе.

7. Заключение

Таким образом, в настоящей статье мы обсудили семантические факторы, которые могут определять выбор притяжательного местоимения. Мы дополнили описание коллективно-дистрибутивного контраста. Были рассмотрены вежливые формы обращения: мы выявили асимметричность вежливых и нейтральных форм обращения. Был добавлен дополнительный критерий ‘соответствие требованиям’ к контрасту по конкретности. Мы выявили и описали семантические свойства конструкций с *с*.

Литература

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru/.

Падучева Е.В. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. М.: ВИНИТИ, 1983. № 21. 1983. С. 3–33.

Avrutin S. (1994). The structural position of bound variables in Russian. Linguistic inquiry, Vol. 25, No. 4, 709–727.

Avrutin S., Wexler K. (1992). Development of Principle B in Russian: Coindexation at LF and coreference. Language Acquisition, Vol. 2, No. 4, 259–306.

Bennett M. (1974). Some extensions of a Montague framework of English: diss. – Doctoral dissertation, University of California, Los Angeles, California.

Chomsky N. (1981). Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris.

Chomsky N. (1986). Knowledge of language: Its nature, origin and use. New York: Praeger.

Grashchenkov P., Grashchenkova A. (2006). Possessive reflexives in Russian. Proceedings of FASL-15, Toronto: Ann Arbor.

Ouwayda S. (2014). Where Number Lies: Plural marking, numerals, and the collective-distributive distinction: diss. – Doctoral dissertation, University of Southern California.

Syrett K., Musolino J. (2013). Collectivity, distributivity, and the interpretation of plural numerical expressions in child and adult language. Language acquisition, Vol. 20, No. 4, 259–291.

Резюме

Статья посвящена изучению семантических различий в употреблении возвратного местоимения *свой* и притяжательных местоимений 1 и 2 лица единственного и множественного числа (*мой, твой, наш, ваш*). Работа сделана на основе данных Русского национального корпуса. В корпусе были найдены контексты, где возможно употребить только один вид местоимений (или где можно употребить оба вида, что повлечет за собой смысловую разницу между вариантами). Были рассмотрены уже известные и описанные контрасты (коллективно-дистрибутивный контраст, контраст из-за наличия и отсутствия референта), в которые были внесены дополнения. Также были выявлены новые различия (особенности употребления вежливых форм обращения, конструкций с *с*): различные контексты употребления; различные значения, которые могут быть вызваны различным контекстом. Результатом данной работы является описание выявленных различий между *свой* и притяжательными местоимениями 1 и 2 л. ед. и мн. ч.

Ключевые слова: русский язык, возвратные местоимения, притяжательные местоимения, корпус, семантика.

Maria A. Grabovskaya
National Research University Higher School of Economics, Moscow
magrabovskaya@gmail.com
Vasilisa R. Zhigulskaya
National Research University Higher School of Economics, Moscow
zhvasilisa@gmail.com

Differences in the use and meaning of the reflexive possessive *свой* and possessive first and second person pronouns

Summary

The article examines differences in the use of the reflexive possessive pronoun *свой* 'one's own' and first and second person singular and plural possessive pronouns. The research is based on data from the Russian National Corpus. Using the corpus, we isolate contexts where it is only possible to use one of the two types of possessive pronouns or where the alternative use leads to meaning differences. We examine the already described contrasts (collective-distributive contrast, contrast of presence or absence of the referent of possessive noun phrase) and provided some additional observations regarding these contrasts. We also suggest new factors (polite form of address, constructions with *s* 'with') which, again, lead to usage constraints or semantic contrasts. As a result, we provide a fuller and corpus-based description of differences between *свой* 'one's own' and possessive first and second person singular and plural pronouns.

Keywords: Russian, reflexive possessives, possessive pronouns, corpus, semantics.

References

Avrutin S. (1994). The structural position of bound variables in Russian. Linguistic inquiry, Vol. 25, No. 4, 709–727.

Avrutin S., Wexler K. (1992). Development of Principle B in Russian: Coindexation at LF and coreference. Language Acquisition, Vol. 2, No. 4, 259–306.

Bennett M. (1974). Some extensions of a Montague framework of English: diss. – Doctoral dissertation, University of California, Los Angeles, California.

Chomsky N. (1981). Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris.

Chomsky N. (1986). Knowledge of language: Its nature, origin and use. New York: Praeger.

Grashchenkov P., Grashchenkova A. (2006). Possessive reflexives in Russian. Proceedings of FASL-15, Toronto: Ann Arbor.

NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National Russian Corpus] [Electronic source]. URL: http://ruscorpora.ru/.

Ouwayda S. (2014). Where Number Lies: Plural marking, numerals, and the collective-distributive distinction: diss. – Doctoral dissertation, University of Southern California.

Paducheva E.V. Vozvratnoe mestoimenie s kosvennym antecedentom i semantika refleksivnosti [Reflexive pronoun with oblique antecedent and semantics of reflexivity]. Semiotika i informatika [Semiotics and informatics]. Moscow: VINITI, 1983, No. 21, 1983, pp. 3–33.

Syrett K., Musolino J. (2013). Collectivity, distributivity, and the interpretation of plural numerical expressions in child and adult language. Language acquisition, Vol. 20, No. 4, 259–291.

Д.Н. Гулидова
ИСАА МГУ, Москва

К вопросу об элизии в арабском языке

1. Введение

В настоящей статье исследуются особенности морфологического строения и словообразования имен арабского языка, содержащих два корневых элемента – харфа (ḥarf)[1]. Как отмечает арабский грамматист Ибн Йа‘иш в трактате «Шарх ал-муфассал» (XIII в.), исходно структура двухxарфного имени[2] включает три корневых харфа, один из них подвергается элизии (ḥaḏf) [Ibn Ya‘īš 6:2[3]].

Чаще всего имеет место выпадение третьего корневого харфа (*’ab* ‘отец’, *yad* ‘рука’), реже – выпадение первого корневого (*zina* ‘вес’, *diya* ‘выкуп за убитого’), наименее частотна элизия второго корневого (*sah* ‘зад, ягодицы’). Двухxарфные имена могут содержать суффикс женского рода *-at* (*sanat-u(n)* ‘год’) либо не иметь указанного показателя (*’ax-u(n)* ‘брат’) [Ibn Ya‘īš 5:82].

2. Типы имен, содержащих два корневых харфа

2.1. Имена, в которых выпавший корневой харф восстанавливается при определенных условиях.

К данному типу относятся имена, в которых выпадению подвергся третий корневой.

---

[1] Харф представляет собой «предельный сегмент членения арабской лексической единицы», в котором «согласный и гласный сосуществуют только в паре по типу CV» [Лебедев 2015: 108]. Структуру харфа, в котором оба компонента «присутствуют физически», обозначим как CV. Харф с нулевой реализации одной из указанных позиций обозначим как Cø либо øV.

[2] Речь идет о флектируемых именах, которые могут образовывать уменьшительную форму и форму множественного числа [Ibn Ya‘īš 6:2]. Таким образом, объектом рассмотрения не являются, например, нефлектируемые имена вопросительные *man* ‘кто’ и *mā* ‘что’, личные местоимения *huwa* ‘он’ и *hiya* ‘она’.

[3] Издание трактата, с которым мы работали, вышло без даты. В настоящей статье принимается обозначение [Ibn Ya‘īš 6:2], в котором первая цифра указывает на том, вторая – на страницу.

Ибн Йа‘иш анализирует явления элизии (выпадения) и восстановления корневых харфов. Автор «Шарх ал-муфассал» отмечает следующую закономерность: если третий корневой харф восстанавливается при использовании имени в качестве первого компонента генитивной конструкции (идафы), то он восстанавливается и при образовании формы двойственного числа [Ibn Ya‘īš 4:151]. Приведенное утверждение верно, в частности, для имен *’ab-u(n)* ‘отец’ и *’ax-u(n)* ‘брат’, имеющих глубинную структуру ’abaw и ’axaw соответственно. Третий корневой харф – wāw подвергается элизии для обеспечения «максимально возможной легкости» слова[4] [Ibn Ya‘īš 1:52-53]. Опущенный wāw восстанавливается при использовании имен в качестве первого компонента идафы: *hāḏā ’abūka wa ’axūk* ‘Это твой отец и твой брат’ (НОМ). Харф wāw также восстанавливается в формах дв.ч: *hāḏāni ’axawāni wa ’abawān* ‘Это два брата и два отца’ (НОМ) [Ibn Ya‘īš 4:151].

Имена *’ab* и *’ax* представляют особый интерес, поскольку входят в категорию «шести имен». Согласно арабской языковедческой традиции, падежи в таких именах выражаются не первичными (гласные u, a, i), а вторичными показателями – харфами (wāw в номинативе, ’alif в аккузативе, yā’ в генитиве).

Ибн Йа‘иш отмечает еще одну закономерность: если третий корневой харф восстанавливается при образовании форм двойственного числа и множественного числа, образуемого добавлением суффикса -āt, то он восстанавливается и при образовании формы имени относительного[5] [Ibn Ya‘īš 6:2]. Например: *’ab-u(n)* ‘отец’ – *’abawāni* ‘двое отцов’ – *’abawiyy-u(n)*

[4] Применяется «метод традиционной арабской грамматики, согласно которому языковые явления рассматриваются как более «легкие» (’axaffu) или более «тяжелые» (’aṯqalu) в зависимости от особенностей их семантики, фонетики, морфологического строения, функционирования в речи» [Гулидова 2016].

[5] Имя относительное передает отношение лица/предмета к племени, населенному пункту, роду занятия и т.д. Оно образуется путем присоединения к основе добавочного сегмента -уу, которому обязательно предшествует гласный -i предыдущего харфа: *baġdād* ‘Багдад’ – *baġdādiyy-u(n)* ‘багдадский’. Сегмент -iуу в арабистике принято считать суффиксом. Первый из двух yā’ не имеет гласного, а второй, будучи конечным элементом слова, приобретает функцию харфа словоизменения – содержит показатели флектируемости (u, a, i) [Ibn Ya‘īš 5:141-142].

‘отцовский’, *sanat-u(n)* ‘год’ – *sanawāt-u(n)* ‘годы’ – *sanawiyy-u(n)* ‘годовой, годичный’.

Вместе с тем в некоторых двуххарфных именах, содержащих суффикс -at женского рода, третий корневой харф восстанавливается в форме имени относительного, несмотря на то, что этого не происходит при образовании формы дв.ч.: *šafat-u(n)* ‘губа’ – *šafatāni* ‘гу́бы (дв.ч.)’ – *šafahiyy-u(n)* ‘губной’. Исходная форма имени *šafa* реконструируется как šafha, выпавшим считается харф hā’. Он рассматривается как имеющий сходство со «слабыми» харфами ’alif, wāw, yā’, наиболее подверженными морфонологическим изменениям, включая элизию. В частности, харф hā’ характеризуется как «легкий» в плане произношения и «слабый» в плане расположения в слове (занимает конечную позицию). По замечанию Ибн Йа‘иша, ’alif, wāw и yā’ часто подвергаются элизии, если занимают конечную позицию в слове, суффикс ж.р. -at рассматривается как компенсация выпавшего корневого: *ṯubat-u(n)* ‘группа людей’ (третий корневой – wāw). Свидетельством того, что в имени *šafa* элизии подвергся харф hā’, является также его восстановление в уменьшительной форме *šufayhat-u(n)* ‘губка’, форме «ломаного» множественного числа[6] *šifāh-u(n)* ‘губы’, формах глагола и масдара[7] *šāfahtu mušāfahatan* ‘я вел беседу’, прилагательного *šifāhiyy-u(n)* ‘с большими губами’ [Ibn Ya‘īš 5:82-83].

2.2. Имена, в которых опущенный корневой харф не «восстанавливается».

К данному типу относятся имена, в которых элизии подвергается первый либо второй корневой.

В качестве примеров Ибн Йа‘иш приводит имена *‘idat-u(n)* ‘обещание’ и *zinat-u(n)* ‘взвешивание’, глубинные формы которых имеют вид wi‘dat-u(n) и wiznat-u(n). Элизии подвергается первый корневой wāw, tā’ рассматривается как компенсация выпавшего харфа. При образовании имени относительного wāw не восстанавливается: *‘idiyy-u(n)*, *ziniyy-u(n)* [Ibn Ya‘īš 6:3]. Указанное обстоятельство объясняется удаленностью харфа wāw, занимающего начальную позицию, от

[6] При образовании формы «ломаного» множественного числа происходит изменение основы слова: *jafna* ‘блюдо, миска’ – *jifān* ‘блюда (мн.ч.)’.

[7] Масдар – именное слово со значением действия или состояния.

показателя имени относительного -уу. Ибн Йа‘иш также отмечает отсутствие в речи форм двойственного числа и множественного, образуемого добавлением -āt, в которых имело бы место восстановление первого корневого харфа: *wi‘datāni и *wiznatāni, *wi‘dātun и *wiznātun [Ibn Ya‘īš 6:3].

Исключение составляют случаи, когда восстановление первого корневого харфа продиктовано необходимостью. В частности, если в качестве третьего корневого выступает уā’, то арабская языковедческая традиция предписывает восстановление выпавшего корневого, даже если он занимает первую позицию, в силу необходимости. Так, глубинные формы имен *šiyat-u(n)* ‘пестрая окраска’ и *diyat-u(n)* ‘выкуп за убитого’ реконструируются как wišya и widya. Гласный -i первого корневого переносится на последующий харф, а сам wāw выпадает по аналогии с элизией, имеющей место в имперфекте глагола: *yašī* ‘(он) приукрашивает’, *yadī* ‘(он) платит выкуп за убитого’. При образовании форм имени относительного после элизии суффикса ж.р. в структуре рассматриваемых имен остается два харфа, второй из которых – уā’. Однако в арабской грамматике не существует имен «способных»[8] с такой структурой. В условиях необходимости добавления харфа выбор делается в пользу восстановления первого корневого, а не присоединения «чуждого» слову харфа. Ибн Йа‘иш показывает механизм сопутствующих морфонологических изменений: а) харф wāw восстанавливается с исходно присущим ему гласным -i, второй корневой также сохраняет гласный -i: wišiya, widiya; б) гласный -i второго корневого заменяется на -a, уā’ заменяется на ’alif: wišā, widā; в) ’alif заменяется на wāw: wišaw, widaw. Следовательно, от имен *šiya* и *diya* образуются имена относительные *wišawiyy-u(n)* и *widawiyy-u(n)* [Ibn Ya‘īš 6:3].

Ибн Йа‘иш обращает внимание на «закрепление» в *wišawiyy* и *widawiyy* гласного за вторым корневым харфом. Согласно учению арабского грамматиста VIII в. Сибавайхи, если какой-либо харф имени подвергается элизии, вследствие чего контактно расположенный харф получает «обязательно присущий» гласный, то после восстановления выпавшего элемента в силу

[8] Понятие «имя способное» охватывает весь массив флектируемых имен. Подробнее см. [Гулидова 2016].

необходимости гласный сохраняется[9]: *ġad-u(n)* ‘завтрашний день’ – *ġadawiyy-u(n)* ‘завтрашний’, *yad-u(n)* ‘рука’ – *yadayāni* ‘ру́ки (дв.ч.)’ [Ibn Ya‘īš 6:3-4]. Так, после элизии в указанных именах третьего корневого (wāw и yā’ соответственно) второй корневой dāl «берет на себя» функцию харфа словоизменения и принимает «обязательные» в этом случае показатели флектируемости. После восстановления опущенного элемента харф dāl не лишают гласного, так как в этом случае «возвращение харфа не считалось бы возвращением» [Ibn Ya‘īš 5:83].

К рассматриваемому типу также относится имя, в котором элизии подвергается второй корневой: *sah-u(n)*[10] ‘зад, ягодицы’. Глубинная структура – satah-u(n). Тот факт, что при образовании имени относительного второй корневой – tā’ не восстанавливается (*sahiyy-u(n)* ‘ягодичный’), объясняется его удаленностью от присоединяемого к основе сегмента -уу, как в случае с *‘ida* и *zina* [Ibn Ya‘īš 6:4].

2.3. Имена, в которых допускается как восстановление, так и не-восстановление выпавшего корневого харфа.

В данном случае речь идет об элизии третьего корневого.

К указанному типу относятся, в частности, имена *yad-u(n)* ‘рука’ и *dam-u(n)* ‘кровь’. Имя *yad* имеет глубинную структуру yady, элизии подвергается третий корневой yā’. Рассматриваемое имя относится к группе имен, содержащих один и тот же харф в позиции первого и третьего корневого типа *qalaq* ‘беспокойство’ и *salis* ‘мягкий’. Ибн Йа‘иш отмечает уникальность структуры yady, которая больше не встречается в именах [Ibn Ya‘īš 5:83]. О том, что третий корневой харф имени – yā’, свидетельствуют, в частности, производные формы глагола *yadaytu (’ilayhi yadan)* ‘я оказал (ему услугу)’, «ломаного» множественного числа *’aydin*[11] и *yadiyy-u(n)* ‘ру́ки’. Форма *yadiyy* указывает на то, что имя в ед.ч. имеет структуру yady, так как имя мн.ч. по модели fa‘īl

[9] Необходимость делает обязательным лишь восстановление выпавшего харфа, а не изменение структуры [Ibn Ya‘īš 6:4].

[10] Рассматривается как малоупотребительное и аномальное [Ibn Ya‘īš 9:134-135].

[11] Харф yā’ восстанавливается при присоединении определенного артикля al- (*al-’aydī* ‘ру́ки’) и при использовании имени в качестве первого компонента идафы (*’aydīhim* ‘их ру́ки’).

образуется от имени ед.ч. по модели fa‘l, например *‘abd* ‘раб’ – *‘abīd* ‘рабы’ [Ibn Ya‘īš 5:83-84].

Глубинная форма имени dam имеет вид damy. На это указывает, в частности, восстановление третьего корневого уā’ в формах ломаного мн.ч. *dimā’-u(n)*[12] и *damiyy-u(n)*. При этом проводится аналогия с соответствующими дериватами имени *ẓaby-u(n)* ‘газель, антилопа’: *ẓibā’-u(n)* и *ẓabiyy-u(n)* ‘газели (мн.ч.)’ [Ibn Ya‘īš 5:84-85].

Обращает на себя внимание ход рассуждений Ибн Йа‘иша при анализе производных от *yad* и *dam* форм двойственного числа и имени относительного. Утверждается, что, в отличие от имен типа *’ab* и *’ax*, в рассматриваемых именах третий корневой не восстанавливается в форме дв.ч.: *yadāni*, *damāni*. Основанием для этого считается тот факт, что уā’ не восстанавливается в идафе: *yaduka* ‘твоя рука’, *damuka* ‘твоя кровь’ [Ibn Ya‘īš 4:151]. В данном случае действует правило: если опущенный харф не восстанавливается при использовании имени в качестве первого компонента генитивной конструкции, то он не восстанавливается и при образовании двойственного числа [Ibn Ya‘īš 4:151]. Вместе с тем в арабской языковедческой традиции существуют формы дв.ч. *yadayāni* и *damayāni*. Как отмечает Ибн Йа‘иш, указанные варианты рассматриваются преимущественно как малоупотребительные и аномальные и квалифицируются как «поэтические вольности» [Ibn Ya‘īš 4:152-153].

В процессе рассуждения о факторах, «вызывающих» восстановление опущенного элемента, Ибн Йа‘иш выстраивает их иерархию. Значимым с этой точки зрения считается восстановление третьего корневого в формах *yadayāni* и *damayāni* при отсутствии его восстановления в формах *yaduka* и *damuka*. Таким образом, утверждает Ибн Йа‘иш, двойственное число рассматривается как «более мощный», чем генитивная конструкция, фактор восстановления выпавшего элемента [Ibn Ya‘īš 4:151].

Образование формы дв.ч. без восстановления третьего корневого (*yadāni*, *damāni*) предполагает аналогичный подход к образованию формы имени относительного: *yadiyy-u(n)* ‘ручной’, *damiyy-u(n)* ‘кровяной; кровавый’. По словам Ибн Йа‘иша,

[12] Согласно морфонологическим закономерностям, «слабый» харф уā’ после ’alif модели fi‘āl заменяется на хамзу.

сторонники данной точки зрения применяют исключительно формальный подход, не учитывая исходную структуру yady и damy [Ibn Ya‘īš 6:5]. В то же время в арабской грамматике широко используются формы имени относительного *yadawyy-u(n)* и *damawyy-u(n)*. Восстановление третьего корневого харфа в приведенных формах при отсутствии его восстановления в формах *yadāni* и *damāni* дает грамматистам основание утверждать о «преимуществе» имени относительного с этой точки зрения. Сторонники такого подхода рассматривают имя относительное как «первичное» и «более мощное» по сравнению с двойственным числом средство восстановления выпавших элементов [Ibn Ya‘īš 6:3].

К рассматриваемому типу также относится имя *han-u(n)* ‘(мелкая) вещь’. Допускается восстановление и не-восстановление третьего корневого харфа в генитивной конструкции (*hanuka/hanūka* ‘твоя вещь’), при образовании форм двойственного числа (*hanāni/hanawāni* ‘две вещи’) и имени относительного (*haniyy-u(n)/hanawiyy-(n)*) [Ibn Ya‘īš 4:153].

Образование имени относительного двумя «способами» (с восстановлением и без восстановления выпавшего корневого) характерно и для некоторых «недостаточных» имен, имеющих в начальной позиции элемент ’i-, который трактуется как компенсация выпавшего третьего корневого. Например: *’ibn* ‘сын’ – *’ibniyy/banawiyy* ‘сыновний’, *’ism* ‘имя’ – *’ismiyy/simawiyy* ‘именной’, *’ist* ‘зад, ягодицы’ – *’istiyy/satahiyy* ‘ягодичный’ [Ibn Ya‘īš 6:5]. Таким именам также свойственно восстановление опущенного элемента (в ряде случаев – в виде соответствующего субститута) в форме имени уменьшительного: *’ibn-u(n) – bunayy-u(n)* ‘сынок’, *’ism-u(n) – sumayy-u(n)* ‘имечко’, *’ist-u(n) – sutayhat-u(n)* ‘ягодички’. В соответствии с требованиями арабской просодии, элемент ’i- (в терминах арабской грамматики – протетическая хамза) в именах типа ’ibn обеспечивает «связку» с последующим харфом типа Cø. Поскольку первый харф имени уменьшительного, «строящегося» по модели fu‘ayl, всегда имеет гласный (u), необходимость в использовании начальной протетической хамзы отпадает. Восстановление третьего корневого харфа объясняется невозможностью образовать форму имени уменьшительного от сегмента из двух корневых харфов, остающегося после опущения начального ’i- [Ibn Ya‘īš 5:121].

3. Выводы

1) К числу «инструментов» восстановления опущенного харфа относятся формы имени относительного, двойственного числа, множественного числа, образуемого с помощью суффикса -āt, «ломаного» множественного числа, имени уменьшительного, глагола, масдара, прилагательного. Наиболее показательными в этом плане считаются формы имени относительного, двойственного числа и множественного числа, образуемого с помощью суффикса -āt.

2) Для идентификации глубинной структуры имени Ибн Йа‘иш анализирует структуру соответствующих производных. Иерархию ключевых инструментов такой реконструкции можно представить в виде вектора, отражающего нарастание «способности» к восстановлению выпавшего элемента: генитивная конструкция → двойственное число/ множественное число, образуемое с помощью суффикса -āt → имя относительное.

3) Элизия в именах имеет определенные морфологические «последствия»:

- выпавший третий корневой харф может быть компенсирован в первой позиции, первый корневой может быть компенсирован в третьей позиции;
- гласный, «приобретенный» харфом в результате элизии контактно расположенного харфа, сохраняется после восстановления выпавшего элемента;
- позиция опущенного элемента в слове предопределяет возможность/невозможность его восстановления в производных формах;
- глубинная структура имени, один из корневых харфов которого подвергается элизии, предопределяет образование от него форм множественного числа по определенным моделям.

4) Необходимость восстановления опущенного элемента диктуется рядом причин. К ним относятся, в частности, недопустимость образования флектируемых имен со структурой, которая отсутствует в арабской грамматике, и невозможность образовать имя уменьшительное от сегмента из двух корневых харфов.

Литература

Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана / Сборник пособий по исламоведению и корановедению. – М.: Восточная книга, 2012. С.63-221.

Гулидова Д.Н. Логические основы построения именных и глагольных парадигм в арабской языковедческой традиции (на материале трактата Ибн Йа‘иша «Šarḥ al-Mufaṣṣal») // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 3. С. 75-88.

Лебедев В.В. Вопросы теории арабской грамматики: гласные в арабской временной системе // Реформы образования мусульман Евразии от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского: исторический опыт и современная актуальность. – М.: Медина, 2015. Т. 1. С. 107-122.

’Ibn Ya‘īš Ya‘īš ibn ‘Alī. Šarḥ al-mufaṣṣal (на арабском языке). Vol. 1-10. Beirut, ‘Alam al-kutub – Cairo, Maktabat al-Mutanabbi.

Резюме

В статье описываются особенности морфологического строения и словообразования имен арабского языка, содержащих два корневых элемента – харфа (харф – минимальная единица морфологической структуры арабского слова). Исходно структура двуххарфного имени включает три корневых элемента, один из них подвергается элизии. В статье анализируется традиционный подход к выделению типов двуххарфных имен, выявляются причины и последствия элизии, рассматриваются «инструменты» восстановления выпавшего элемента. Работа выполнена в рамках более широкого исследования – «Морфологическая проблематика в трактате арабского грамматиста Ибн Йа‘иша “Шарх ал-муфассал” (XIII в.)». В исследовании дается интерпретация наиболее значимых с точки зрения Ибн Йа‘иша и его предшественников аспектов арабского морфологического учения.

Ключевые слова: Ибн Йа‘иш, «Шарх ал-муфассал», элизия, двуххарфное имя.

Daria N. Gulidova
IAAS Moscow State University, Moscow
dariagulidova@mail.ru

Revisiting elision in Arabic

Summary

The article describes some characteristic features of morphological structure and word formation of biliteral nouns in Arabic. Biliteral nouns comprise two radical elements – ḥarfs (ḥarf is a minimal unit of word's structure in Arabic). The initial structure of biliteral words comprises three radicals one of which is elided. The article describes the types of biliteral nouns existing in the Arabic linguistic tradition. Reasons for and consequences of elision are singled out, means of restituting elided elements are considered. The study is part of a broader research «Morphological issues in Arab grammarian Ibn Ya'īš's treatise "Šarḥ al-Mufaṣṣal"» (XIII century). Aspects of Arabic morphology considered the most important by Ibn Ya'īš and his predecessors are interpreted.

Keywords: Ibn Ya'īš, «Šarḥ al-Mufaṣṣal», elision, bilateral name.

References

Aganina G.R. Lingvisticheskie osnovy orfojepii chtenija Korana [Basic linguistic principles of the correct Koran recitation] / Sbornik posobij po islamovedeniju i koranovedeniju. – M.: Vostochnaja kniga, 2012. S.63-221.

Gulidova D.N. Logicheskie osnovy postroenija imennyh i glagol'nyh paradigm v arabskoj jazykovedcheskoj tradicii (na materiale traktata Ibn Ja'isha «Šarḥ al-Mufaṣṣal») [Logical principles of forming noun and verb paradigms in the Arabic linguistic tradition (based on Ibn Ya'īš's treatise «Šarḥ al-Mufaṣṣal»)] // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2016. № 3. S. 75-88.

Lebedev V.V. Voprosy teorii arabskoj grammatiki: glasnye v arabskoj vremennoj sisteme [Theoretical issues of Arabic grammar: vowels in the system of tenses in Arabic] // Reformy obrazovanija musul'man Evrazii ot Husaina Faizhanova do Ismaila Gasprinskogo: istoricheskij opyt i sovremennaja aktual'nost'. – M.: Medina, 2015. T. 1. S. 107-122.

’Ibn Ya‘īš Ya‘īš ibn ‘Alī. Šarḥ al-mufaṣṣal [The Explanation of al-Mufaṣṣal]. Vol.1-10. Beirut, ‘Alam al-kutub – Cairo, Maktabat al-Mutanabbi.

Ю.А. Дрейзис
ИСАА МГУ, Москва

Механизмы когезии в современном китайском стихе: «вторая жизнь» классического параллелизма[1]

В тексте практически любого формата, как на современном, так и на классическом китайском языке, сразу обращает на себя внимание параллелизм конструкций. Параллелизмы в текстах классики составляли настолько общее место, что главный пропонент литературной реформы начала XX в. Ху Ши 胡适 (1891–1962) был вынужден специально отметить необходимость полного отказа от них [胡适 1991: 3]. Несмотря на это, параллелизм классического типа (*дуйчжан* 对仗, *дуйоу* 对偶, *дуйчжао* 对照, *дуйцзюй* 对句, *дуйчжи* 对峙, *дуйшу* 对属 и пр.) продолжает активно употребляться не только в литературе, но и в разговорном китайском языке [Link 2013: 3–7]. Тем более актуален такой параллелизм в поэзии, где воспроизведение изоморфных с точки зрения синтаксиса парных конструкций, состоящих из равного числа слогов (слов), выступает как одна из наиболее явных характеристик текста [Plaks 2015: 67].

При этом парадокс китайской литературной традиции заключается в аксиоматизации в ней правил, налагающих формальный запрет на любые повторы в поэтическом тексте вне зависимости от его длины (в главном формате традиции – «регулярном», или «уставном», стихе *люйши* 律诗). Повтор как фигура, которая воспринимается в качестве одного из базовых признаков поэтического текста и один из способов создания его связности [Николаева 2009: 36], не игнорируется китайской литературой вообще, но довольно методично изгоняется из классической поэзии [王力 1958: 300–301]. Традиция описывает запрет словесного повтора как «избегание повтора иероглифа» (*би чун цзы* 避重字) и призывает соблюдать его по возможности строго. «Повтор иероглифа» без специальных дополнительных условий допускается в единственном случае – при употреблении редупликации.

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Чтобы скомпенсировать отсутствие повторов, а также анафор и эпифор, в китайском стихе используется особого вида параллелизм (далее мы будем обозначать его термином *дуйчжан*). *Дуйчжан* основан на ритмической и мелодической парности структуры предложений и их частей, занимающих две смежные стихотворные строки. Он также означает принадлежность слов в сходных синтаксических позициях к одной семантической категории и их одинаковую частеречную принадлежность. *Дуйчжан* – это род синтаксического параллелизма, при котором сохраняется запрет на прямой повтор слова.

Приведём пример *дуйчжана* из классического стихотворения Ван Вэя 王维 (699–759) «На снег зимним вечером в память о прибежище отшельника Ху» (*Дун вань дуй сюэ и Ху цзюйши цзя* 冬晚对雪忆胡居士家):

隔 牖 风 惊 竹
开 门 雪 满 山
отгороженный окном ветер пугает бамбуки
раскрываю двери снегом полнятся горы[2] [全唐诗 1986: 291].

Первые слова, открывающие строки, – предикативы со сближающимися значениями 隔 ‘отстоять, быть отделённым (некоторым расстоянием)’ и 开 ‘открывать, распахивать, растворять’ (тем самым создавая некоторое расстояние между предметами). Соположение этих слов высвечивает в их семантике сближающий компонент. Во второй позиции – несомненные существительные 牖 ‘окно’ и 门 ‘дверь’, которые принадлежат к одному классу элементов конструкции дома. За ними, после цезуры, следует пара слов 风 ‘ветер’ и 雪 ‘снег’ – оба обозначают погодные явления и выступают в роли субъекта в соответствующих клаузах. Затем опять возникают предикативы: 惊 ‘пугать, тревожить; изумлять’ и 满 ‘заполнять, наполнять’ (а

[2] Все переложения принадлежат автору работы. Автор стремится максимально сохранить порядок слов оригинала. Знаков препинания нет там, где они отсутствуют в китайском тексте. Поскольку различие прописных и строчных букв для китайского языка нерелевантно, оно полностью снято в русском переводе.

также ‘чувствовать себя подавленным’), которые осуществляют функцию предикатов. Здесь соотнесение семантики двух компонентов затруднительно, но рематический фокус в обоих случаях падает именно на них, подчёркивая различие в «действиях» ветра и снега. Ветер придаёт сцене динамику (одно из значений предикатива *цзин* 惊 – ‘шарахнуться, понести’), а снег статичен; именно поэтому для уравновешивания его пассивности во фразе возникает активное движение – «раскрываю двери». Активность ветра, в свою очередь, балансируется неподвижностью окна, отграничивающего лирический субъект от описываемой картины. Закрывается конструкция двумя существительными (竹 ‘бамбук’ и 山 ‘гора’) в позиции объектов. Они соотнесены как части природного мира, окружающего субъект. Дополнительное измерение параллелизму придаёт контраст звукового образа в первой строке и зрительного образа во второй. Параллелизм подкрепляется ритмическим рисунком, в котором «ровные» *пин* 平 и «модулированные» *цзэ* 仄 тоны чередуются так, чтобы создать их противопоставление в верхней и нижней строках. Всё это сложное построение заставляет читателя задуматься о соотнесённости смыслов в двустишии Ван Вэя, отыскать возможные коннотации, перечитать и переосмыслить весь *дуйчжан*.

Из приведённого примера видно, что китайский параллелизм «работает» на всех уровнях связности текста, выступая средством реализации и когезии, и когерентности. Он основывается на тонком балансе повторяемости и различия. При этом *дуйчжан* не является компонентом риторической орнаментации, как параллелизм античной традиции [Plaks 1988: 45]. Он составляет интегральную особенность любого текста на классическом литературном языке *вэньянь* 文言. «Вездесущесть» китайского параллелизма нивелирует эффект поэтической интенсификации, превращая *дуйчжан* из признака украшенности в способ организации литературного текста как такового [Cheng 1982: 53].

Языковые особенности *вэньяня* с его очевидным доминированием неизменяемых однослогов и лабильностью грамматических категорий дают возможность отстраивать параллельные конструкции от слова к слову и от слога к слогу с невероятной точностью, невозможной в языках с активным словоизменением. Разные виды структурной, по преимуществу

фонетической, повторяемости в традиционном поэтическом тексте делают параллелизм конструкций всепроникающим, а оттого менее демонстративным, чем в языках с явной многосложностью [Plaks 1988: 47].

Насколько изжитым оказывается параллелизм традиционного типа в современном стихе? По общим наблюдениям, современная китайская поэзия инкорпорирует определённые элементы *вэньяня* и особенности традиционной манеры [Yeh 2008: 9–26]. На протяжении всего XX в. она стремится отстраниться от классики, опираясь на авангардный эксперимент и декларируемую «борьбу» с вэньянизмами. Однако в поэзии КНР последних тридцати лет можно легко найти примеры организации текста в соответствии с принципами классического параллелизма – причём как у авторов «интеллектуалистского» (*чжишифэньцзы* 知识分子) крыла, так и у противостоящих им групп, которые подчёркивают необходимость «придания поэзии более разговорного характера»[3].

Довольно часто аналоги *дуйчжан* применяются в поэзии Сюаньюань Шикэ 轩辕轼轲 (р. 1971), которая вся строится на языковой игре и каламбурах. Например, стихотворение «Бо Цзюйи» (*Бай Цзюйи* 白居易, 2010)[4] в средней части «разламывается» надвое двумя строками, оформленными в соответствии с принципами *дуйчжана*:

下西洋，找不到钻进地洞的侄子

下地狱，遇不到熬成婆的但丁

спускаясь в западные моря, не находя скользнувшего в тайник племянника[5]

[3] Термин поэта И Ша [伊莎, 2014].

[4] Бо Цзюйи (772–846) – известнейший поэт династии Тан. Имя Бо Цзюйи буквально означает «пребывающий в простоте», а его фамилия – Бо (Бай) имеет также значение «задарма, нахаляву», что обыгрывается в стихотворении.

[5] Аллюзия на знаменитые путешествия Чжэн Хэ 郑和 (1371–1435) – серию плаваний китайского флота в Юго-Восточную Азию и Индийский океан в 1405–1433 гг. По мнению историков, среди причин организации этих экспедиций было в т.ч. желание императора Чжу Ди朱棣 (1360–1424) утвердить законность пребывания на троне, узурпированном им у своего

спускаясь в ада пределы, не встречая кому воздалось сторицей данте [轩辕轼轲 2010].

Две строки практически точно соответствуют друг другу по числу иероглифов и абсолютно идентичны по числу слов. Двусложному *дидун* 地洞 ‘тайник, щель для укрытия’ соответствует в нижней строке односложное *по* 婆 ‘свекровь’, которое входит в состав идиомы *до нянь сифу аочэн по* 多年的媳婦熬成婆 «кто долго ждёт – тому воздастся» (букв. ‘сноха, много лет терпеливо сносящая страдания, станет свекровью’), здесь дающейся в усечённом виде. Строки связывает полный формальный параллелизм синтаксической структуры. При эквивалентности синтаксических позиций, в которые попадают элементы параллельной структуры, у них абсолютно разные грамматические функции в составе соответствующих синтагм.

В классическом *дуйчжане* такая форма соответствия встречается нередко. Этот вид по-своему «силлептической» связи А. Плакс предлагает называть «псевдопараллелизмом» или «криптопараллелизмом» [Plaks 1988: 56]. «Криптопараллелизм» составляет для Плакса интегральную особенность *дуйчжан* как такового, т.к. он способствует созданию нетривиальных семантических связей между компонентами текста за счёт тонкой игры с нашим восприятием и интерпретацией их различия и тождества.

У Сюаньюань Шикэ, чьё стихотворение представляет собой попытку отыскать точки соприкосновения между китайской и западной культурными традициями, схождение в ад у Данте уподобляется легендарным странствиям евнуха Чжэн Хэ – материалу классических пьес и романов. Параллелизм служит не только для обеспечения формальной связности, но и создаёт эффект глубокой смысловой слитности текста – «племянник» спускается в земную щель, подобно автору «Божественной комедии», в то время как Данте приобретает определение в виде китайского фразеологизма, описывающего сложные отношения между родственниками в традиционной семье.

племянника. Ходили слухи, что племянник не погиб, а смог бежать и скрывается где-то в Китае или за его пределами.

Дуйчжан у Сюаньюань Шикэ довольно изящно обыгрывает и иероглифическую форму высказывания – и в слове ‘племянник’ *чжицзы* 侄子, и в имени Данте (*Даньдин* 但丁) соотносимые за счёт параллелизма иероглифы содержат один и тот же ключ 亻, детерминатив со значением ‘человек’. В то же время вторые компоненты этих слов – *цзы* 子 и *дин* 丁 – означают, среди прочего, ‘сын; ребёнок’ и ‘совершеннолетний мужчина’. Так они оказываются и соотнесёнными, и противопоставленными, выводя принцип тождества на новый уровень абстракции.

Такие примеры есть и у других авторов, которые придерживаются прямо противоположных эстетических установок, например, у поэта «интеллектуалистского» толка Оуян Цзянхэ 欧阳江河 (p. 1956). Уже в раннем стихотворении «Ручное оружие» (*Шоуцян* 手枪, 1988) встречается *дуйчжан*:

黑手党戴上白手套
长枪党改用短枪
мафия (букв. «чернорукая группировка») надевает белые перчатки
фалангисты (букв. «длинноствольная группировка») переходят на короткостволки [歐陽江河 2013: 18].

Так же, как в стихотворении Сюаньюань Шикэ, строки «Ручного оружия» полностью совпадают по числу слов, но одна короче другой на один иероглиф. Поэты не следуют напрямую за однозначными соответствиями иероглиф–иероглиф, которые были обусловлены моносиллабизмом *вэньяня*, а отталкиваются от особенностей современного китайского языка, где двуслог – такая же часть нормы, как и однослог. Обыгрывание внутренней формы слов, на котором строится стихотворение, обостряется за счёт использования в нём параллелизмов разного типа. Однако именно в той части, которая маркирована использованием дуйчжан, находится истинная кульминация, после которой возникает финальный образ «вечной Венеры» с выдвинутыми из груди ящиками.

В классическом стихе *дуйчжан*, как правило, возникает именно в центральной части строфы, маркируя её смысловой

центр. Это встречается довольно часто, ср. у Юй Цзяня 于坚 (р. 1954) в цикле «Записки» (*Бяньтяо цзи* 便条集, 1996–1999):

式样古典的瓷盆
来自往昔的日常生活
使当代的晚餐　获得升华
盛鸡汤的时候　有人手指一滑
它砰地一声　摔裂成了两半
算啦　这盘子不贵　主人叫道
日常生活的悲剧
在史诗中开始　于平庸中结束
миска под старину
родом из прежней повседневной жизни
заставляет современный ужин обрести возвышенность
налита куриным бульоном чей-то палец скользнул
она крякнула оземь опрокинулась треснула надвое
ладно чего там эта миска дешёвка хозяин сказал
повседневной жизни драма
с эпоса началась пошлостью завершилась [Yu 2010: 32].

В стихотворении Юй Цзяня практически безупречный *дуйчжан* (единственный его изъян – повтор послелога *чжун* 中 ‘в’) появляется в последней строке, которая содержит сентенцию, подводящую итог высказыванию.

Параллелизм-*дуйчжан* в классическом стихе составляет настолько сильный и явный механизм создания связности, что его структурообразующая функция не может быть проигнорирована и в современном поэтическом (кон)тексте. Безусловно, как отмечал ещё М.Ю. Лотман, поэзия – это вообще «структура, все элементы которой на разных уровнях находятся между собой в состоянии параллелизма» [Лотман 1972: 89], но в китайском случае ситуация осложняется ещё несколькими моментами.

Во-первых, параллелизм является общей чертой не только поэзии, но и других видов дискурса, однако сам по себе не обращает последовательность предложений в текст [Halliday, Hasan 1976: 20]. Однако в классическом китайском языке с его лабильностью слова и значительной ролью изолирующих факторов параллелизм подчас становится главным средством

передачи синтаксической информации. Современный язык, даже с учётом повышения в нём степени агглютинации, всё ещё опирается на текстовую «механику» *вэньяня*. В поэзии эта особенность оказывается обнажена по причине её повышенной чуткости к процессам языка, а также характерной установки на цитатность.

Во-вторых, существует связь использования *дуйчжан* в современном стихе с освоением нетипичной для китайской классики строфики. По мере нарастания популярности европейской длинной строфы происходит перемещение параллелизма в ту часть текста, которая является наиболее семантически нагруженной, как в приведённых примерах Юй Цзяня, Сюаньюань Шикэ, Оуян Цзянхэ.

По выражению М.Ю. Лотмана, не имеющееся в языке сходство значений становится основой параллелизма, но «сам параллелизм конструирует особую узуальную соотнесённость смыслов» [Лотман 1995: 45]. В китайском тексте параллелизм, поддержанный пластичностью синтаксических функций, насыщает семантический объём каждого слова, толкая читателя к сложной интерпретации многомерного высказывания.

Литература

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л: Просвещение, 1972.

Лотман Ю.М. К основаниям моделирующей поэтики. 1995. URL: http://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_ii/lotmanm.pdf (дата обращения 22.07.2016).

Николаева Т.М. Как и почему повторы служат скрепами текста? (На материале русской поэзии) // Revue des études slaves. 2009. № 1.

王力.汉语诗律学. 上海: 上海教育出版社, 1958.

伊莎. 口语诗论语. 2014. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_489db0970102v6uq.html (дата обращения 18.09.2015).

歐陽江河.手藝與注目禮: 歐陽江河詩選. 臺北: 秀威, 2013.

轩辕轼轲. 《锁麟囊》：小诗九首. 2010. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_63ead5230100htfn.html (дата обращения 20.07.2016).

胡适.文学改良刍议 //胡适文萃. 北京:作家出版社, 1991. С. 3–13.

全唐诗. 上海: 上海古籍出版社, 1986.

Cheng F. Chinese Poetic Writing. Bloomigton: IUP, 1982.

Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.

Link P. An Anatomy of Chinese: Rhythm, Metaphor, Politics. Cambridge: HUP, 2013.

Plaks A.H. Where the Lines Meet: Parallelism in Chinese and Western Literatures // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. 1988. Vol. 10. No. 1/2. C. 43–60.

Plaks A.H. Beyond Parallelism: A Rethinking of Patterns of Coordination and Subordination in Chinese Expository Prose // Literary Forms of Argument in Early China. Leiden: Brill, 2015. C. 67–87.

Yeh, M. “There Are no Camels in the Koran”: What is Modern about Modern Chinese Poetry? // New Perspectives on Contemporary Chinese Poetry. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. C. 9–29.

Yu, J. Flash Cards. Brookline: Zephyr Press, 2010.

Резюме

Статья посвящена анализу использования параллелизма классического типа (*дуйчжан*) в поэтических текстах на китайском языке последних тридцати лет. В китайской традиции параллелизм – это один из важных механизмов текстовой связности. Его роль усиливается прямым запретом на использование повтора, что ограничивает возможности общепринятых в европейском ареале поэтических средств связности и придаёт особое значение применению параллельных конструкций, которые работают на всех уровнях языка и создают нетривиальные семантические связи между компонентами текста за счёт игры с интерпретацией их различия и тождества.

В современном поэтическом тексте на китайском языке *дуйчжан* продолжает функционировать как один из способов обеспечения текстуальности. Исследование показывает, что параллелизм классического типа маркирует наиболее семантически нагруженные фрагменты поэтических высказываний: в современной поэзии, в отличие от классики, параллелизм не закреплён за отдельным участком текста, а возникает на тех участках, на которые приходится смысловая кульминация высказывания. В китайском тексте параллелизм, на который налагается пластичность синтаксических функций,

насыщает семантический объём каждого слова. Это стимулирует читателя к многоуровневой интерпретации смысла высказывания.

Ключевые слова: китайская литература, китайский язык, когезия, параллелизм, поэзия, связность.

Yulia A. Dreyzis
IAAS MSU, Moscow
xiaoyouliya@gmail.com

Mechanisms of cohesion in contemporary Chinese verse: a "reincarnation" of classical parallelism

Summary

The paper is devoted to the analysis of classical parallelism (duizhang) in Chinese poetic texts of the last thirty years. In Chinese tradition, parallelism acts as one of the important mechanisms of textual cohesion. Its role is strengthened by a direct ban on the use of any kind of repetition. This ban limits the possibilities of conventional poetic cohesion devices while emphasizing the use of parallel constructions that operate on all levels of the language and create non-trivial semantic links among text components creating a subtle balance of elements of similarity and difference.

In contemporary Chinese poetic texts, duizhang continues to function as one of the ways to ensure their textuality. The study shows that this type of parallelism marks the most semantically loaded fragments of poetic utterances. In contemporary poetry, parallelism is not assigned to a particular section of the text but rather positioned in those parts where one finds the semantic climax of the utterance. Parallelism, intensified by the plasticity of syntactic functions, saturates the semantic volume of each word. This stimulates the reader to a multi-level interpretation of the meaning of a poetic utterance.

Keywords: Chinese language, Chinese literature, coherence, cohesion, parallelism, poetry

References

Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stikha [Poetic text analysis: Verse structure]. L: Prosveshchenie, 1972.

Lotman Yu.M. K osnovaniyam modeliruyushchei poetiki [To the bases of a modeling poetics]. 1995. URL: http://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_ii/lotmanm.pdf (Accessed 22.07.2016).

Nikolaeva T.M. Kak i pochemu povtory sluzhat skrepami teksta? (Na materiale russkoi poezii) [How and why do repetitions serve text binding functions? (On the material of Russian poetry)] // Revue des études slaves. 2009. № 1.

王力.汉语诗律学. 上海: 上海教育出版社, 1958.

伊莎. 口语诗论语. 2014. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_489db0970102v6uq.html (Accessed обращения 18.09.2015).

歐陽江河.手藝與注目禮: 歐陽江河詩選. 臺北: 秀威, 2013.

轩辕轼轲. 《锁麟囊》：小诗九首. 2010. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_63ead5230100htfn.html (Accessed 20.07.2016).

胡适.文学改良刍议 //胡适文萃. 北京:作家出版社, 1991. C. 3–13.

全唐诗. 上海: 上海古籍出版社, 1986.

Cheng F. Chinese Poetic Writing. Bloomigton: IUP, 1982.

Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.

Link P. An Anatomy of Chinese: Rhythm, Metaphor, Politics. Cambridge: HUP, 2013.

Plaks A.H. Where the Lines Meet: Parallelism in Chinese and Western Literatures // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. 1988. Vol. 10. No. 1/2. C. 43–60.

Plaks A.H. Beyond Parallelism: A Rethinking of Patterns of Coordination and Subordination in Chinese Expository Prose // Literary Forms of Argument in Early China. Leiden: Brill, 2015. C. 67–87.

Yeh, M. “There Are no Camels in the Koran”: What is Modern about Modern Chinese Poetry? // New Perspectives on Contemporary Chinese Poetry. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. C. 9–29.

Yu, J. Flash Cards. Brookline: Zephyr Press, 2010.

Д.В. Дяченко
ПСТГУ, Москва

Славянские заимствования в современном диалекте села Старошведское: лексические и грамматические процессы[1]

Введение

Село Старошведское (шв. Gammalsvenskby, современное официальное название — Зміївка) находится в Херсонской области (Украина). Оно было основано в 1782 г. шведами, переселившимися с острова Дагё (шв. Dagö, эст. Hiiumaa). Родным языком переселенцев был диалект Дагё — один из шведских диалектов Эстонии. Число шведов — жителей села никогда не превышало 1000 человек [Маньков 2010a]. До революции диалект села изучался дважды: в 1882 г. Х. Венделлем и в 1905–1906 гг. А. Карлгреном. Главные результаты этих работ — «Словарь шведских диалектов Эстонии» [Freudenthal, Vendell 1886] и краткий обзор фонетики и грамматики диалекта [Karlgren 1953]. После революции диалект практически не изучался. Описание его современного состояния началось в 2004 г., когда А.Е. Маньков обнаружил, что некоторые жители села говорят на языке, восходящем к диалекту Дагё. Этот язык функционирует как живая система и представляет собой единственный сохранившийся до наших дней скандинавский диалект на территории бывшего СССР.

В наше время основным языком для всех жителей села является так нащываемый суржик (смесь русского и украинского). Диалект сохраняется немногочисленной группой пожилых носителей, которые используют его в общении между собой. Они хорошо владеют шведским и немецким языками (исторически Старошведское находилось в окружении немецких поселений). Таким образом, для диалекта характерна ситуация постоянного языкового контакта, одним из результатов которого стали лексические заимствования из эстонского, стандартного шведского, немецкого, русского, украинского языков.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Диалект села Старошведское: изучение лексики и составление электронного словаря» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Русские заимствования в шведских диалектах Эстонии были рассмотрены в статье Х. Лагмана [Lagman 1971a], представляющей собой свод как современных, так и архивных данных и построенной, в основном, на фактическом материале диалекта Нюккё (Nuckö) — наиболее изученного шведского диалекта Эстонии. Современная языковая ситуация в Старошведском, находившемся на советской территории, была неизвестна Лагману. Таким образом, новизна нашей работы состоит в изучении материала современного диалекта села.

Источником фактического материала для нашего исследования является словарь диалекта, издаваемый А. Маньковым [Маньков 2014], а также серия работ по морфологии диалекта [Маньков 2010b, 2011a, 2011b, 2012, 2013a, 2013b]. О системе записи, разработанной для диалекта, и о произношении см. [Маньков 2010a, 2013c].

В предыдущей статье [Дяченко 2016] был приведен базовый фактический материал — список заимствованных славянских существительных с комментариями и примерами словоупотребления. Целью же данной работы является систематизация фактического материала в зависимости от лексических и морфологических процессов, существенных для славянских заимствований в современном диалекте. Кроме того, в этой статье мы впервые приводим заимствованные прилагательные, глаголы, союзы и частицы.

Примерный объем диалектного словаря, насколько позволяют судить записанные интервью, — около 4000 лексем, из них около 120 — славянские заимствования. Большую их часть составляют существительные. Другие части речи представлены единичными примерами. В данной работе мы стремились к исчерпывающему учёту фактического материала. Возможно, в ходе последующей обработки интервью материал будет несколько дополнен, однако едва ли принципиально. Следует при этом учитывать, что мы рассматриваем здесь только те заимствования, которые подверглись хотя бы минимальной ассимиляции, приближающей их облик к диалектной фонетике и морфологии. В речи носителей достаточно частотны неассимилированные русские и украинские слова (см. примеры в статье [Дяченко 2016]); их описание не входит в задачу данной работы.

Критериями ассимилированности являются (см. также [Дяченко 2016]): 1) фонетические изменения, приближающие слово к диалекту; 2) включение слова в систему диалектного словоизменения; 3) включение заимствованной основы в состав сложного слова: на наш взгляд, участие заимствования в диалектном словообразовании (в данном случае в образовании композитов) означает определенную степень его освоения диалектом. Также мы учитываем частотность употребления заимствования. Так, заимствованный союз *a* встречается в диалекте намного чаще исконного союза *män* ‘но’, поэтому его, вероятно, следует считать ассимилированным заимствованием. Частица *aʒ* ‘аж’ с фонетической точки зрения является чужеродной формой, однако она неоднократно встретилась в интервью. Напротив, частицу *вроде* едва ли можно считать ассимилированной формой, т. к. она встретилась только один раз.

В число славянских заимствований мы также включаем те немногочисленные русские и украинские слова, которые попали в диалект до переселения с Дагё в 1782 г. и могли быть заимствованы не напрямую, а через посредство эстонского языка в ту эпоху, когда диалект контактировал с эстонским: *alesk*, *kástrüll, sakk, sīpļ* (об эстонских заимствованиях см. [Lagman 1971b]).

Лексический аспект заимствований

Тематические группы существительных

Большинство славянских заимствований связано с бытом. Список, приведённый ниже[2], состоит из 110 слов, из них обозначений предметов быта — 30; к ним примыкают обозначения блюд — 12 слов. Другую крупную тематическую группу составляют обозначения растений — 19 слов. К группе «реалии новейшего времени» относятся слова, заимствованные в XX в. Мы включаем их в список, т.к. эти слова встретились с диалектными окончаниями, что свидетельствует об их морфологической ассимиляции; в интервью встретилось 13 таких слов.

[2] В список также включаются контаминации, имеющие какой-либо славянский элемент, и слова, которые допускают заимствование не только из русского/украинского, но и из немецкого или шведского; см. [Дяченко 2016: 124].

Предметы быта:

— посуда: *bank* ‘банка’, *blūd* ‘блюдце’, *butl* ‘бутыль’, *kástrüll* ‘кастрюля’, *stáka* ‘стакан’, *svärk* ‘чекушка’[3], *tṣáun* ‘чан’ (укр. *чавýн);*

— мебель: *dívan* ‘диван’, *kamód* ‘комод’, *kánop* ‘диван’, *tabrétk* ‘табуретка’;

— хозяйственные приспособления: *diṣl* ‘дышло’, *maṣín* ‘машина’, *sakk* ‘соха’, *skiss* ‘маленькая коса’ (< укр. *скісок*), *ṣlaŋ* ‘шланг’, *vóloken* (опред. ед. ч.) ‘волок’;

— одежда: *kádus* ‘фуражка’ (ср. рус. *картýз*), *koft* ‘кофта’, *kuṭka* ‘куртка’, *ṣarf* ‘шарф’;

— транспортные средства: *fūr* ‘фура’, *harb* ‘телега’ (укр. *гарбá*), *kíbik* ‘кибитка’;

— разное: *balk* ‘бревно’, *grifl* ‘грифель’, *kólendär* ‘календарь’, *krant* ‘кран’, *lamp* ‘лампа’, *snopp* ‘сноп’.

Блюда: *alesk* ‘галушка’ (в конечном счёте, к укр. *галушка*; судя по фонетическим изменениям, в диалект это существительное попало через эстонский), *boṣṣ* ‘борщ’, [γ]*artṣíts* ‘горчица’, *katlát* ‘котлета’, *kofe* ‘кофе’, *pírak* ‘пирожок’, *pirőga* (опред. мн. ч.) ‘пироги’, *povídl* ‘повидло’, *pränik* ‘печенье’, *sírop* ‘сироп’, *várnek* ‘вареник’, *vínegret* ‘винегрет’.

Растения: *ablkős* ‘абрикос’, *akátse-trā* ‘акация’, *aplsín* ‘апельсин’, *bokleẓáne* ‘помидор’ (южнорус./укр. *баклажáн* в значении ‘помидор’), *bűrak* ‘бурак’, *bűrjanar* ‘бурьян’, *dinnje* ‘дыня’, *düllje* ‘груша’ (укр. *дýля*), *gū* ‘гриб’ (рус. диал. *губа* в значении ‘гриб’), *káḍfl* ‘картофель’, *káven* ‘арбуз’ (южнорус. или укр. *кавýн*), *kúraj* ‘курай’ (рус./укр. *курáй*), *pärsik-trā* ‘персиковое дерево’, *sīpḷ* ‘лук’ (возможно, к укр. *цибуля*, рус. диал. *цыбуля* через эст. *sibul*; точный источник этого слова в диалекте определить затруднительно из-за фонетической близости соответствующих слов в окружающих языках; ср. [Lagman 1971b: 57]), *tṣeráṣne-trā* ‘черешня’, *vínagrad* ‘виноград’, *viṣne* ‘вишня’, *rūz-büsk* ‘розовыйкуст’, *slive* ‘слива’.

Обозначения людей: *amräkántse* ‘американцы’, *doftor* ‘доктор’, *dúrak* ‘дурак’, [γ]*oste* ‘гости’, *gräk* ‘грек’, *sáldat* ‘солдат’, *sígan* ‘цыган’, *xostes-mänske* ‘гость’.

Село и жильё: *bástan*‘баштан’ (южнорус./укр. *баштáн*), *bázar*

[3] Лагман [Lagman 1971a: 16] приводит слово *sätvärk* m. ‘четверть’ < *четверик*, форма *svärk* f. — следующий этап его видоизменения.

‘базар’, *banje* ‘баня’, *butk* ‘будка’, *kladóuk* ‘кладовка’.

Животные: *kriss* ‘крыса’, *skórop* ‘карп’ (происхождение начального *s* не вполне ясно).

Вещества и материалы: *fanắr-* (в *fanär-fabríkk*, *fanắr-brikk* ‘лесопилка’) ‘фанера’, *djogg* ‘деготь’, *bäkk-lak* ‘смоляной лак’, *sōda* ‘сода’, *tsimắnt* ‘цемент’.

Имена собственные: *Amắrika* ‘Америка’, *Bắrislav* ‘Берислав’, *Kắṣon* ‘Херсон’, *Neppär* ‘Днепр’.

Единицы измерения: *kilómätär* ‘километр’, *kópek* ‘копейка’, *littär* ‘литр’, *metär* ‘метр’.

Названия месяцев: *ắgüst* ‘август’, *jánvar* ‘январь’.

Разное: *lapp* ‘лапа’, *skask* ‘сказка’, *tsifär* ‘цифра’, *úse* ‘усы’.

Реалии новейшего времени: *avtomáta* ‘автоматы’, *batarắjana* ‘отопительные батареи’, *bombar* ‘бомбы’, *dopär* ‘тюрьма’ (из аббревиатуры *ДОПР*, *Дом принудительных работ*), *kíno* ‘кино’, *kombáinar* ‘комбайны’, *lā*[γ]*re* ‘концентрационный лагерь’, *okópar* ‘окопы’, *paperósana* ‘папиросы’, *paroxóda* ‘пароходы’, *rakétar* ‘ракеты’, *snarjádar* ‘снаряды’, *tánkana* ‘танки’, *traktoṇ* ‘трактор’, *vagóna* ‘вагоны’.

Прилагательные

(1) *fanérne* ‘фанерная (фабрика)’: *Ive tfō vikur kēḍ-dom oss ot fanérne fábrika* ‘Через две недели нас повезли на фанерную фабрику’.

(2) *kaprónove* ‘капроновая, капроновые’: *Fäṣt skā̄r ja kōṇ, sänn rēär ja hūp-e me salt o läggär inn-e üte kástrüll, o tät-n räi jär sjū̄ran, so läggär ja inn-en üte butlar, üte trī-litäṣ, o gā̄r fast-dom me kaprónove loke* ‘Вначале я режу капусту, потом смешиваю с солью и кладу это в кастрюлю, и когда она уже просолится, кладу её в бутыли, в трёхлитровые, и закрываю их капроновой крышкой’.

(3) *rādär* ‘рад’: *Han bḷäi so rādär, än-en fī sī me* ‘Он так обрадовался, что увидел меня’.

Формы *fanérne, kaprónove* восходят к русским формам прилагательных на *-ый/-ий, -ые/-ие* (т.е. к им. и вин. падежам ед. и мн. ч.) Безударное *-е* закономерно отражает **-i* < рус. *-ый/-ий, ые/-ие* (а также укр. *-ий, -і*) [Дяченко 2016: 136]. Эти формы являются несклоняемыми. Форма *rādär*, восходящая к рус. *рад*, приобрела парадигму прилагательных типа 1 (т.е. по образцу

varmär ‘тёплый’).

Глаголы

(1) *dráznet* < рус. *дрáзнит*: *Han änt a hāve-de bite, um-de änt a dráznet-en* ‘Она (собака) тебя не укусила бы, если бы ты её не дразнил’.

Исконный глагол ‘дразнить’ – *narr*: *Hund änt a hāve-de bite, um-de änt a hāve-en narra* ‘Собака тебя не укусила бы, если бы ты её не дразнил’. Глагол *dráznet* встретился в интервью только один раз. В приведённом предложении он использован в качестве супина в составе презенса конъюнктива. Форма *dráznet* является застывшей и по звучанию ближе всего стоит к русской форме 3 л. ед. ч. настоящего времени, однако возможно и возведение к инфинитиву. С морфологической точки зрения это неассимилированная форма, т.к. у неё отсутствует диалектное окончание супина (в состав формы презенса конъюнктива входит супин). С фонетической точки зрения *dráznet* является частично ассимилированной формой, поскольку в ней произошёл характерный для диалекта переход безударного *i* > *e*.

(2) *vī* ‘веять’ < укр. *віяти*: *Ja vīd räi girm möḷke* ‘Я уже провеяла молоко’. В интервью встретились следующие формы: инфинитив: *vī*, презенс ед. ч. *vīär//vīar*, претерит *vīd//vīa*, супин *vīd*. Глагол употребляется носителями неуверенно: он встретился в одном из интервью с Л.А. Утас, однако в другом интервью она отрицает его существование. Исконный глагол ‘веять’ — *tjūḷ*: *Fār vā-ḍär slīk maṣín, tjūḷ-kvēne, so tjūḷa ve sē girm* ‘Раньше была такая машина, веялка, и мы провеивали зерно’.

Союзы и частицы

(1) *a* ‘а’: *Ja änt a vare upp-steve, a fī stīv upp* ‘Я бы не вставала рано, а пришлось встать’.

(2) *aẓ* ‘аж’: *He vār so kallt, än ja aẓ darra* ‘Было так холодно, что я аж дрожала’; *Ja toḷar umm-e, o aẓ än-e rūsär girm me* ‘Я рассказываю об этом, и аж пробирает дрожь’.

(3) *daẓe* ‘даже’: *Fār ōt ve änt iŋa sillär, ja väit daẓe änt, än-dom vār, täss sille* ‘Раньше не было селёдок, я даже не знаю, что они были, эти селёдки’.

(4) *no* ‘но’: *Sūḷe gi nēr, no hon gḷimar ār̄n* ‘Солнце зашло, но оно ещё светит’.

(5) *hotṣ* ‘хоть’ (укр. *хоч*): *Um-en hotṣ änt a röke* ‘Хоть бы он не курил’; *Hotṣ än-on a vare stark!* ‘Хоть бы она была здорова!’

Участие заимствований в обновлении лексики диалекта

Имеется, как минимум, три примера вытеснения исконных слов славянскими заимствованиями:

(1) *gū̄* полностью вытеснило исконное обозначение гриба, которое ещё существовало в диалекте в конце XIX в. — *svomp* f. [Freudenthal, Vendell 1886: 223].

(2) *kriss* вытеснило исконное наименование крысы — *rott*, — которое стало обозначать мышь; исконное обозначение мыши, соответствующее шв. *mus*, бесследно исчезло из современного диалекта.

(3) *sīpḷ* является единственным обозначением лука в диалекте; исконно скандинавское обозначение лука сохранилось только в обозначении чеснока — *kvit-löük*.

Грамматический аспект заимствований

Род заимствованных существительных

В диалекте различается мужской (m), женский (f) и средний (n) род. В речи консервативных носителей род является устойчивой категорией. Имеющиеся случаи колебания в роде могут быть объяснены с исторической точки зрения и нередко имеют параллели в родственных диалектах; см. об этом [Маньков 2010b]. Значительное количество заимствованных существительных сохраняет род языка-источника: *banje* f, *bank* f, *bastan* m, *boṣṣ* m, *butl* m, *bű́rak* m, *dinnje* f, *diṣl* n, *düllje* f, *dű́rak* m, *fūr* f, *gartṣíts* f, *grifl* m, *gū̄ f, harb* f, *kánop* n, *káṭüs* m, *kā́ven* m, *kíbik* f, *kilómätär* m, *kladóuk* f, *koft* f, *kólendär* m, *krant* m, *kriss* f, *lamp* f, *lapp* f, *linnje* f, *maṣín* f, *metär* m, *Neppär* m, *pírak* m, *pränik* m, *sáldat* m, *sírop* m, *sígan* m, *skask* f, *skiss* m, *skórop* m, *snopp* m, *stäka* m, *ṣarf* m, *tabrétk* f, *traktoṇ* m, *tsifär* f, *tṣáun* m, *várnek* m, *vínagrad* m, *vínegret* m, *vólok* m.

В ряде случаев род заимствования не соответствует роду в языке-источнике, при этом прослеживаются следующие закономерности:

1. Значительное число собирательных и вещественных существительных в диалекте относится к среднему роду; см. список в [Маньков 2013b]. Эта тенденция влияет и на

заимствования. Так, из мужского в средний род перешли вещественные существительные *djogg* ‘дёготь’ и *tsemā́nt* (однако у *sírop* ‘сироп’ сохранился м. р.). Существительные *ablkṓs*, *aplsī́n*, *bokleẓáne* ‘помидор’, *slive*, *viṣne* были осмыслены в диалекте как собирательные, чем, по-видимому, обусловлен их переход в средний род. Возможно, так же следует объяснять средний род у *sīpḷ* ‘лук’ (нельзя, однако, исключать влияние исконных слов ср. р. с исходом на согласный + *ḷ*: *hankḷ* ‘перчатка’, *äpḷ* ‘яблоко’).

2. Некоторые славянские существительные, которые предположительно попали в диалект через эстонский язык, относятся к м. р.: *álesk*, *kástrüll*, *sakk*. Это, вероятно, объясняется тем, что парадигма м. р. является наиболее частотной в диалекте.

3. Некоторые случаи изменения рода могут быть объяснены семантической ассоциацией, т.е. влиянием другого слова с таким же или похожим значением. Это относится к *blīd* m ‘блюдце’ (ср. *táldrik* m ‘тарелка’),*dópär* n (ср. шв. *fängelse* n, нем. *Gefängnis* n ‘тюрьма’), *kamṓd* n (ср. *skōp* n ‘шкаф’). Аналогичными примерами являются *vā̄ḍ* m ‘мир’ (изначально f; ср. древнешв. *weruld* f) и *káḍfl* m ‘картофель’ (изначально f, ср. нем. *Kartoffel* f): изменение рода может быть объяснено ассоциацией с рус. *мир*, *картофель*.

Словоизменение заимствованных существительных

Парадигма существительного в диалекте состоит из четырех форм: 1) неопределённого ед. ч., 2) определённого ед. ч., 3) неопределённого мн. ч., 4) определённого мн. ч. В зависимости от форм определенного ед. ч. и неопределенного мн. ч. существительные распределяются по морфологическим типам, внутри которых могут выделяться морфонологические подтипы, обусловленные синхронными фонологическими закономерностями [Маньков 2011а].

Ассимилированные заимствованные существительные включаются в диалектную парадигматику, приобретая окончания того или иного словоизменительного типа. Формирование парадигмы у заимствованных существительных обусловлено двумя факторами: родом и морфологической ассимиляцией.

Парадигмы м., ж. и ср. родов в диалекте не совпадают (см. примеры в [Маньков 2011а]), поэтому принадлежность существительного к тому или иному роду автоматически влечет

за собой определенную парадигму.

Если форма заимствованного существительного фонетически близка какой-либо форме в диалекте, заимствование может приобрести ту парадигму, которую имеет данная диалектная форма, что ведёт к морфологической ассимиляции заимствования. Например, форма *крыса* созвучна диалектным формам типа f. 2b (например, *hēna* ‘курица’, *sistra* ‘сестра’). Окончание им. п. ед. ч. *-a* воспринимается носителями как флексия опред. ед. ч. типа f. 2b, что ведёт к включению данного существительного в этот тип и к формированию парадигмы *kriss*, *krissa*, *krissar*, *krissana*. Формы *баня, дыня, дуля* созвучны форме опред. ед. ч. существительных типа f. 2c (*kirkja* ‘церковь’, *briggja* ‘мост’), из чего следует возникновение парадигмы этого типа: *banje, banja, banjar, banjana* и т.п. Тем же процессом обусловлено формирование парадигмы у *bank, harb, kāven, kibik, lapp, maṣín, Neppär, skask, tabretk*. Существительное *diṣl* колеблется между n и f: средний род в диалекте обусловлен родом этого слова в русском, женский род вызван фонетической близостью формы *дышло* и опред. формы ед. ч. существительных типа f. 2b. Форма *bástan* ‘баштан’ закономерно относится к типу m. 1d (к которому в диалекте относятся существительные м. р. с исходом основы на *-n*): *bastan*, *-Ø*, *-ar*, *-a*. В то же время, *bastan* напоминает форму опред. ед. ч. существительных м. р. типа m. 2b (*bokan* ‘пекарь’, *biggjan* ‘строитель’), в результате чего возникают формы, характерные для этого типа: *bastar*, мн. ч. *bastarär*.

Полная парадигма, однако, складывается у заимствований не всегда: так, существительные *butl, kolendär, ṣlaŋ* не имеют особой формы определённого ед. ч.; ср. [Karlgren 1953: 18].

Словообразовательные процессы

В диалекте достаточно много сложных слов, в состав которых входят заимствованные основы. Приведём их полный список: *ablkṓs-trā̄* ‘абрикосовое дерево’, *ablkṓs-värke* ‘абрикосовая древесина’, *akátse-trā̄* ‘акация’, *alesk-väliŋ* ‘суп с галушками’, *sjū̄rmöl̦ks-aleskväling* ‘суп из кислого молока с галушками’, *bázar-dāen* ‘базарный день’, *bäkk-lak* ‘смоляной лак’, *bokleẓáne-pl̦ant* ‘помидор’, *bl̦ind-kr*[ɨ]*ss* ‘крот’, *bű́rjanz-büsk* ‘бурьян’, *gass-lamp* ‘керосинка’, *gill-sīpl̦* ‘шиповник’, *düllje-trā̄* ‘груша’ (дерево), *fanär-fabríkk* или *fanä́r-brikk* ‘лесопилка’, *fl̦ō̄o-gū̄*

‘мухомор’, *harb-vāvär* ‘арба’, *häksl-maṣ́n* ‘машина, на которой резали солому’, *katt-use* ‘кошачьи усы’, *kāvens-huniŋ* ‘арбузный мёд’, *kāvens-sirop* ‘арбузное варенье’, *kāven-skīv* ‘ломтик арбуза’, *kúraj(s)-büsk* ‘перекати-поле’, *pärsik-trā̄* ‘персиковое дерево’, *rūz-büsk*‘роза’, *säte-sīpḷ* ‘семена лука’, *sīpḷ-fräi* ‘пёрышки лука’, *sīpḷ-skaft* ‘пёрышко лука’, *sīpḷ-skālär* ‘луковая шелуха’, *slive-kūn* ‘слива’ (ягода), *slive-trā̄* ‘слива’ (дерево), *tjūḷ-maṣ́n* ‘веялка’, *triske-maṣín* ‘молотилка’, *tṣeráṣne-trā̄* ‘черешня’, *vínagradz-büsk* ‘виноградный куст’, *vínagrads-kḷips* ‘виноградная гроздь’, *vintär-sīpḷ* ‘озимый лук’, *viṣne-tränar* ‘вишнёвые деревья’, *xostes-mänske* ‘гость’, *äpḷ-pirak* ‘пирожок с яблоком’.

Есть пример составления сложного слова из двух заимствованных основ: *kāvens-sirop*.

Что касается суффиксального словообразования с участием славянских заимствований, то это крайне редкое явление. Единственным примером на данный момент является прилагательное *úsjatär* ‘усатый’, образованное от *úse*.

Заключение

Приведённый фактический материал позволяет сделать следующие общие выводы о славянских заимствованиях в диалекте:

1. Число славянских слов, в той или иной степени подвергшихся ассимиляции и ставших элементами диалектного словаря (учитывая композиты), не так велико, как ожидалось бы: 4% от общего объёма лексики, при этом доля полностью ассимилированных заимствований ещё меньше.

2. Распределение заимствований по частям речи крайне неравномерно: абсолютное большинство — существительные; другие части речи представлены единичными примерами.

3. Большая часть заимствований связана с повседневной жизнью: прежде всего, это обозначения предметов быта, блюд, растений.

4. Славянские существительные, переходя в диалект, в типичном случае сохраняют свой род.

5. Основными факторами, определяющими формирование парадигмы у заимствованных существительных, являются род и фонетическая близость формы им. п. ед. ч. диалектной форме определённого ед. ч.

6. Заимствованные существительные активно участвуют в образовании сложных слов. Напротив, аффиксальное словообразование от заимствованных основ для диалекта не характерно.

Литература

Дяченко Д.В. Русские и украинские заимствования в диалекте села Старошведское: имена существительные // Типология морфосинтаксических параметров. М.: МПГУ, 2016. С.115–130.

Маньков А.Е. Диалект села Старошведское // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Серия III: Филология. 2010a. № 19. С. 7–26.

Маньков А.Е. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2010b. № 20. С. 92–111.

Маньков А.Е. Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2011a. № 24. С. 32–43.

Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2011b. № 25. С. 37–54.

Маньков А.Е. Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2012. № 28. С. 7–25.

Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Мир шведской культуры: Сборник статей. М.: РГГУ, 2013a. С. 55–105

Маньков А.Е. Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013b. № 31. С. 21–31.

Маньков А.Е. Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное // Slovene. International Journal of Slavic Studies. 2013c. Vol. 2/1. С. 60–110.

Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (a—brist-bäin) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2014. № 38. С. 91–130.

Freudenthal A.O., Vendell H.A. (1886). Ordbok öfver estländsk-

svenska dialekterna. Helsingfors.

Karlgren A. (1953). Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Stockholm.

Lagman H. (1971a). Ryska lånord i estlandssvenska mål. Svio-estonica. Studier utgivna av svensk-estniska samfundet, Vol. XX, ny följd 11, 3–29.

Lagman H. (1971b). Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på de estlandssvenska dialekterna. Stockholm.

Резюме

В статье рассматриваются русские и украинские лексические заимствования в современном диалекте села Старошведское (шв. Gammalsvenskby), который является единственным живым скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. Целью статьи является систематизация фактического материала в зависимости от лексических и морфологических процессов, существенных для славянских заимствований. Источником фактического материала является словарь диалекта, издаваемый А.Е. Маньковым и основанный на интервью с наиболее компетентными («консервативными») носителями диалекта. Число русских и украинских слов, подвергшихся ассимиляции и ставших элементами диалектного словаря, невелико: 4% от общего объёма лексики; доля полностью ассимилированных заимствований ещё меньше. Абсолютное большинство заимствований — существительные; другие части речи представлены единичными примерами. Большая часть заимствований связана с повседневной жизнью: прежде всего, это обозначения предметов быта, блюд, растений. Русские и украинские существительные, переходя в диалект, в типичном случае сохраняют свой род. Основными факторами, определяющими формирование парадигмы у заимствованных существительных, являются род и фонетическая близость формы им. п. ед. ч. диалектной форме определённого ед. ч. Заимствованные существительные активно участвуют в образовании сложных слов; аффиксальное словообразование от заимствованных основ для диалекта не характерно.

Ключевые слова: неизученный язык, скандинавские языки, шведские диалекты Эстонии, село Старошведское.

Daria V. Diachenko
St. Tikhon University for the Humanities, Moscow
ddana2009@yandex.ru

Slavic Loanwords in the Present-Day Dialect of Gammalsvenskby: Lexical and Grammatical Processes

Summary

The paper deals with Russian and Ukranian loanwords in the present-day dialect of Staroshvedskoe (Sw. Gammalsvenskby), which is the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former Soviet Union. The aim of the paper is to classify the factual material in accordance with lexical and morphological processes relevant to Slavonic loanwords. The source of the material is the dictionary of the dialect being published by A. Mankov and based on interviews with most fluent speakers of the dialect. The number of Russian and Ukrainian words that have been assimilated and became part of the dialect vocabulary is very small and makes up 4% of the total vocabulary. The proportion of fully assimilated words is even smaller. The absolute majority of loanwords is constituted by nouns, other syntactic categories are represented by insignificant number of examples. Most loanwords are related to everyday life. In the first hand, these are words for household items, dishes and plants. Russian and Ukrainian words borrowed into the dialect typically preserve their gender. The most frequent factors that determine the formation of noun paradigm are (1) gender and (2) phonetic similarity of the Russian/Ukrainian NOM SG form to the dialect DEF SG form. Borrowed nouns frequently occur in compounds, whereas affixal word formation involving loanwords is extremely rare.

Keywords: unexplored language, Scandinavian languages, Swedish dialects of Estonia, Staroshvedskoye, Gammalsvenskby.

References

Diachenko D.V. Russkie i ukrainskie zaimstvovaniia v dialekte sela Staroshvedskoe: imena sushchestvitel'nye [Russian and Ukranian loanwords in the dialect of Staroshvedskoye: nouns]. *Tipologiia morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactic parameters], 2016, pp. 115–130.

Freudenthal A.O., Vendell H.A. (1886). Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors.

Karlgren A. (1953). Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Stockholm.

Lagman H. (1971a). Ryska lånord i estlandssvenska mål. Svio-estonica. Studier utgivna av svensk-estniska samfundet, Vol. XX, ny följd 11, 3–29.

Lagman H. (1971b). Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på de estlandssvenska dialekterna. Stockholm.

Mankov A.E. Dialekt sela Staroshvedskoe [The dialect of Gammalsvenskby]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta (PSTGU). Seriia III: Filologiia* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2010a, no. 19, pp. 7–26.

Mankov A.E. Grammaticheskie kategorii sushchestvitel'nogo v dialekte sela Staroshvedskoe [Grammatical categories of nouns in the dialect of Gammalsvenskby]. *Vestnik PSTGU. Seriia III: Filologiia* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2010b, no. 20, pp. 92–111.

Mankov A.E. Slovoizmenenie sushchestvitel'nykh v dialekte sela Staroshvedskoe [Noun inflection in the dialect of Gammalsvenskby] Vestnik PSTGU. Seriia III: Filologiia [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2011a, no. 24, pp. 32–43.

Mankov A.E. Dialekt sela Staroshvedskoe: materialy k opisaniiu prilagatel'nykh i mestoimenii [The dialect of Gammalsvenskby: Materials for the description of adjectives and pronouns]. *Vestnik PSTGU. Seriia III: Filologiia* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2011b, no. 25, pp. 37–54.

Mankov A.E. Slovoizmenenie glagolov v dialekte sela Staroshvedskoe [Verb inflection in the dialect of Gammalsvenskby]. *Vestnik PSTGU. Seriia III: Filologiia* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2012, no. 28, pp. 7–25.

Mankov A.E. Dialekt sela Staroshvedskoe: obzor morfologii [The dialect of Gammalsvenskby: an outline of morphology]. *Mir shvedskoi kul'tury: Sbornik statei* [The world of Swedish culture: a collection of papers], 2013a, pp. 55–105

Mankov A.E. Suffiksal'noe slovoobrazovanie sushchestvitel'nykh v dialekte sela Staroshvedskoe [Noun Suffixes in the Dialect of Gammalsvenskby]. *Vestnik PSTGU. Seriia III: Filologiia* [St.

Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2013b, no. 31, pp. 21–31.

Mankov A.E. Skandinavskii ostrov v slavianskoi iazykovoi srede. Dialekt sela Staroshvedskoe: imia sushchestvitel'noe [A Scandinavian island in a Slavonic linguistic environment. The dialect of Gammalsvenskby: nouns]. *Slovene. International Journal of Slavic Studies*, 2013c, vol. 2/1, pp. 60–110.

Mankov A.E. Dialekt sela Staroshvedskoe: opyt sostavleniia slovaria ischezaiushchego iazyka (a — brist-bäin) [The dialect of Gammalsvenskby: an attempt at compiling a dictionary of an endangered language (a — brist-bäin)] // *Vestnik PSTGU. Seriia III: Filologiia* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2014, no. 38, pp. 91–130.

Д.А. Ефремова
Университет МГИМО, Москва

Категория модальности в тексте биографических романов

1. Введение

Основной целью исследования было выявление средств субъективной и объективной модальности в тексте биографических романов и их соотношения, а также зависимости этого соотношения от стилевых, жанровых и типовых особенностей изучаемого типа текста. Модальность неоднократно становилась предметом рассмотрения в различных областях лингвистики, в том числе в функциональной стилистике и лингвистике текста [Гальперин 2008, Солганик 1997, Тураева 2012]. Тем не менее, эта категория исследовалась на материале художественных [Валгина 2003, Донскова 1983, Романова 2008], публицистических [Матвеева 1988, Давидко 1990], научных [Мильруд, Антипов 2009] текстов, модальность биографических текстов практически не изучалась. Материалом для исследования послужили 50 англоязычных биографических романов, написанных во второй половине XX – начале XXI вв. Для работы над исследованием применялись приемы лингвистического наблюдения для выявления используемых в изучаемом типе текста средств субъективной и объективной модальности, контекстуального и суперлинеарного анализа для выделения эксплицитных и имплицитных средств субъективной модальности, а также количественные методы.

2. Теоретические основы исследования

Данное исследование проведено в русле текстоцентрической концепции модальности, в рамках которой она трактуется как облигаторная, интегративная, текстообразующая категория. Модальность проявляется в разной степени выраженности объективного и субъективного и является результатом авторского видения мира, целевой установки текста и жанровых требований, предъявляемых к нему. В сферу объективной модальности попадают средства, имеющие значение всеобщности, безличности, максимально дистанцированные от автора, общепринятые в данной культуре. При этом субъективная модальность понимается как нечто индивидуально-авторское,

личное, личностное [Ефремова 2016: 34].

Исследование основывается на положении о том, что биографический текст является межстилевым явлением, обнаруживающим в своей лексической, грамматической и композиционной организации общие черты с научным, публицистическим и художественным стилями [Ефремова 2016: 8]. Биография понимается как жанр – формально-содержательное единство, обладающее определенными относительно устойчивыми особенностями, среди которых можно назвать хронологически линейное развертывание пространственно-временного континуума, который прерывается ретроспективными и проспективными фрагментами, рубрикальность, диахронный подход к описанию характера, тенденцию к повествованию от третьего лица, стремление к точности, достоверности изложения, непредвзятой подаче информации. [Maurois 1929: 83–97, Коньшина 1997: 83, Ефремова 2016: 83–100]. Биографические тексты по критерию особенностей реализации основных текстовых категорий подразделяются на биографии-справки, биографические очерки, биографические эссе, биографические романы [Ефремова 2016: 71, 239]. В статье рассматриваются биографические романы, которые характеризуются большим объемом, многолинейностью сюжета, охватывающего целый ряд событий, партитурностью[1], диалогичностью, отдельными нарушениями традиционного композиционного построения при сочетании различных композиционно-речевых форм: повествования, описания, рассуждения, диалога (в том числе и диалога с читателем), внутренней речи, использованием символизма как средства осуществления логико-семантической и структурной интеграции частей текста, наличием заголовка как организующего и систематизирующего компонента текста [Бахтин 1975: 452–453, 469–470, Тимофеев, Тураев 1974: 328–331, Хализев 1999: 210–215].

[1] Партитурность текста – структурно-семантическая категория текста, базирующаяся на свойстве текста конвергировать разноуровневые языковые единицы в полифоническом художественном произведении, создавая тем самым эффект многоголосия, которое возникает как одновременное звучание нескольких партий персонажей [Прянишникова 1983:29, Савина 2016:37].

3. Первый этап исследования: соотношение объективной и субъективной модальности в романах биографиях

На начальном этапе исследования, исходя из приведенного выше определения изучаемой категории, были выделены средства выражения субъективной и объективной модальности в тексте романов-биографий и установлено их соотношение (см. Таблицы 1, 2). Поскольку модальность в данной работе трактуется как текстовая категория, единицей анализа являлись не отдельные предложения, а совокупность сверхфразовых единств равного объема из начала, середины и конца каждого из рассматриваемых биографических романов. Средства объективной и субъективной модальности отбирались методом сплошной выборки[2].

Таблица 1

Средства объективной модальности в романах-биографиях

Средство	Доля
1. Фактическая информация (даты, имена, топонимы, ссылки на исторические события, статистические данные и т.п.)	76%[3]
2. Цитаты[4]	14%

[2] Средства для анализа выделялись на основе принятого в исследовании определения модальности. В сфере объективной модальности находятся факты, безоценочные средства, а также средства, имеющие значение всеобщности (значение, передающее общность субъекта или объединение субъектов, характеристику, не имеющую исключений. Применительно к анализу биографического текста значение всеобщности можно определить как значение, выражающее характеристику, признаваемую всеми представителями общности, которым известно биографируемое лицо). Субъективная модальность объединяет все индивидуально-авторские средства (авторские оценки, предположения, согласие/несогласие, принятие/неприятие, разные виды волеизъявления; стремление выделить что-либо в сообщении, авторский вымысел, степень категоричности высказывания).

[3] За 100% принято общее количество проанализированных средств объективной модальности в романах-биографиях. Доля определенного средства объективной модальности высчитывалась, исходя из абсолютных значений. Общее число проанализированных средств объективной модальности составило 6080, а, например, цитат в этом общем числе – 851. Отсюда методом пропорций получаем 14%.

[4] Поскольку цитаты понимаются в данном исследовании как вставки в текст романов-биографий фрагментов **других** текстов, при подсчете они

3. Ссылка на авторитетные источники	2%
4. Пассивный залог	2%
5. Сложные синтаксические структуры (сложное подлежащее)	2%
6. Парентетические внесения	2%
7. Безличные предложения и безличные компоненты сложного предложения	1%
8. Терминологическая лексика	0,7%
9. Личные местоимения 1 л. мн. ч.	0,3%

Таблица 2

Имплицитные и эксплицитные средства выражения субъективной модальности в биографических романах

Эксплицитные средства	Доля[5]	Имплицитные средства	Доля
• эпитеты,	20%	• модальные глаголы,	8%
• эмоционально-оценочная лексика,	25%	• метафоры,	19%
• модальные слова,	8%	• сослагательное наклонение,	3%
• парентетические внесения,	0,9%	• отрицание (в т.ч. литоты) и антитезы,	1,5%
• личные местоимения 1 л. ед. ч.,	0,5%	• инверсия и эмфатические конструкции,	6%
• вопросно-ответные комплексы	0,6%	• параллельные конструкции,	0,5%
		• дистантные повторы,	0,8%
		• обособления,	0,5%
		• ирония,	0,5%
		• аллюзия,	0,4%
		• риторические вопросы,	0,8%

учитывались только в разделе «Цитаты», несмотря на то, что в них обнаруживались и другие средства объективности, например, фактическая информация, пассивный залог и т.п.

[5] За 100% принято общее количество проанализированных средств субъективной модальности в романах-биографиях. Доля эксплицитных и имплицитных средств высчитывалась от общего числа средств субъективной модальности.

		• эвфемизмы, • междометия • сравнения	0,1% 0,2% 1%

Анализ показал, что в биографических романах объективная модальность преобладает над субъективной (52%:48%[6]), что соотносится с жанровым каноном биографического текста, требующим от авторов опоры на факты, документы, а также непредвзятой подачи информации. Степень и способ проявления субъективной модальности (эксплицитный или имплицитный) зависят от стилевых и типовых особенностей биографических романов. По сравнению с другими биографическими текстами: биографическими справками, биографическими очерками и эссе, рассмотренными в нашем диссертационном исследовании [Ефремова 2016], биографические романы имеют наибольшую долю средств субъективной модальности, что отражает стилевые особенности изучаемого типа текста (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Соотношение средств субъективной и объективной модальности в различных биографических текстах

Тип текста	Средства объективной модальности	Средства субъективной модальности
Романы-биографии	52%	48%
Биографические эссе	61%	39%
Биографические очерки	66%	34%
Биографии-справки	85%	15%

Биографические романы – тип биографического текста, наиболее приближенный по своим функционально-стилистическим особенностям к художественному стилю. По мнению исследователей, выделявших этот стиль [Гальперин 1971, Солганик 1997, Ефимов 1957], одной из основных особенностей художественных текстов является довольно высокий уровень проявления авторской субъективности, что отчасти характерно и для романов-биографий.

[6] Здесь и далее за 100% принято общее количество проанализированных средств модальности (объективной и субъективной) в романах-биографиях.

4. Второй этап исследования: соотношение имплицитных и эксплицитных средств выражения субъективной модальности

В ходе исследования также были выявлены имплицитные и эксплицитные средства выражения субъективной модальности в романах-биографиях (см. Таблицу 2) и установлено их соотношение (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Соотношение эксплицитных и имплицитных средств выражения субъективной модальности в различных типах биографического текста

	Эксплицитные средства	Имплицитные средства
Биографические романы	57%[7]	43%
Биографические эссе	74%	26%
Биографические очерки	66%	34%
Биографии-справки	44%	56%

Авторы биографических романов склонны прибегать к открытым способам выражения собственных оценок и мнения, что отражает стилевые особенности рассматриваемого типа текста, а именно существенный уровень проявления в них авторской субъективности. Тем не менее, по сравнению с другими типами биографического текста, отличающимися относительно высокой степенью авторской субъективности, прежде всего, биографическими эссе и очерками, для биографических романов характерна наибольшая доля имплицитных средств выражения субъективной модальности. Это связано такой типовой особенностью биографических романов, как диалогичность. Диалогичность понимается как категория текста, характеризующая его направленность на адресата, особенность текста перекликаться с чужими высказываниями (интертекстуальность) [Бахтин 1979: 309, Стилистический энциклопедический словарь 2003: 45]. По мнению ряда исследователей [Бахтин 1997: 319–320, Барт 1989: 233–236, Эко 2016: 39], в рамках диалогичности читателю отводится особая роль в декодировании смыслов, заложенных

[7]Здесь и далее за 100% принято общее количество средств субъективной модальности в каждом типе текста.

автором в роман, и даже создании новых смыслов. Именно поэтому роль имплицитных средств выражения субъективной модальности в биографических романах столь значительна.

5. Третий этап исследования: степень категоричности высказывания

В исследовании также рассматривалась неразрывно связанная с модальностью категоричность высказывания, которая понимается как модусная семантико-прагматическая категория, отражающая степень уверенности говорящего в существующем положении дел и позволяющая судить о степени безапелляционности передаваемой информации [Малышкин, Никитина 2014: 108]. Категоричность высказывания проявляется в использовании таких средств субъективной модальности, как модальные глаголы и слова. В тексте биографических романов модальные глаголы и слова составляют по 8% всех проанализированных нами средств выражения субъективной модальности. Из 8% модальных глаголов 5% составляют модальные глаголы, выражающие уверенность, а 3% – сомнение. Та же тенденция прослеживается и в употреблении модальных слов: из 8% модальных слов, 6% составляют модальные слова, выражающие уверенность, а 2% – выражающие сомнение. Это свидетельствует о том, что для биографических романов характерна высокая степень категоричности высказывания, указывающая на стилевые особенности изучаемого типа текста, а именно существенный уровень проявления в них индивидуально-авторского отношения.

6. Выводы

В настоящем исследовании были проанализированы средства реализации в англоязычных биографических романах одной из основных категорий текста – модальности и их связь со стилевыми, жанровыми и типовыми особенностями изучаемого текста. Анализ показал, что стремление к объективности является доминирующей тенденцией текста биографических романов, которая определяется жанровым каноном, при этом степень и способ проявления авторской субъективности (эксплицитный или имплицитный) зависят от стилевых и типовых особенностей биографического текста.

Исследование также было направлено на выявление степени категоричности высказывания в биографических романах,

которая, как и модальность, позволяет судить о степени авторского присутствия в тексте. Биографы в романах стремятся звучать безапелляционно при выражении собственных оценок и мнения, что является отражением такой стилевой черты биографических романов как существенный уровень проявления в них авторской субъективности.

Таким образом, стилевые, жанровые и типовые особенности биографических романов можно признать факторами, влияющими на соотношение субъективной и объективной модальности в изучаемом типе текста.

Полученные результаты могут быть использованы для анализа других смежных с модальностью категорий оценочности, эмотивности, экспрессивности, а также для определения типа биографического текста.

Литература

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 505с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 тт. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 732с.

Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 250 с.

Гальперин И.Р. Стилистика: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1971. 343с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Либроком, 2008. 137с.

Давидко Н.В. Модальность связного теста: на материале англоязычной прессы // Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности: тезисы докладов конференции. Иркутск, 1990. С.26–27.

Донскова О.А. Соотношение модальности и прагматики драматургического текста // Сборник научн. трудов. Моск. гос. Пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза. М.: Изд-во МГПИИЯ, 1983. Вып. 213. С. 11–16.

Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 448 с.

Ефремова Д.А. Лингвостилистические средства выражения модальности в тексте биографии: дис. … канд. филол. наук. Москва, 2016. 251с.

Коньшина Ю.И. Авторизованная биография как тип текста // Культура и текст. – Барнаул, 1997. № 1. С. 83

Малышкин К.Ю., Никитина Л.Б. Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания // Омский научный вестник. 2014. №5. С.108–110.

Матвеева Т.В. О некоторых способах выражения субъективной модальности в публицистическом тексте // Структура и семантика текста. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. С.109.

Мильруд Р.П., Антипов И.В. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. 2009. №1 (5). С. 29–38

Прянишникова А.Д. Партитурность текста и ее роль в художественном произведении (на материале английской прозы XX века): дис. … канд. филол. наук. М., 1983. 168 с.

Романова Т.В. Модальность. Оценочность, Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 308 с.

Савина А.А. Партитурность англоязычного художественного текста (на материале английского регионального романа 19–20вв): дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. 193 с.

Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 1997. 256 с.

Стилистический энциклопедический словарь / Н.М. Кожина. М.: Флинта, 2003. 693 с.

Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М.: УРСС, 2012. 127 с.

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 240 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: АСТ, 2016. 570 с.

Maurois, A. (1929). Aspects of Biography. Cambridge: Cambridge University Press.

Резюме

Исследование проведено в области функциональной стилистики и лингвистики текста. Объектом исследования являются категория модальности текста и неразрывно связанная с ней категоричность высказывания, а предметом – реализация данных категорий в тексте романов-биографий. Для установления языковых факторов, влияющих на актуализацию модальности в изучаемом типе текста, применялась комплексная методика сбора и обработки материала: приемы лингвистического наблюдения, контекстуальный и суперлинеарный анализ, количественные методы. В статье устанавливается зависимость соотношения субъективной и объективной модальности и степени категоричности высказывания от стилевых, жанровых и типовых особенностей изучаемого типа текста. Доминирующей тенденцией текста биографических романов является стремление к объективности, что определяется жанровым каноном изучаемого текста, требующим от авторов опоры на фактические источники и непредвзятой подачи информации, а степень и способ проявления субъективной модальности зависят от стилевых и типовых особенностей романов-биографий. Биографическим романам свойственна высокая степень категоричности высказывания, что отражает такую стилевую черту романов-биографий как относительно высокий уровень проявления индивидуально-авторского отношения.

Ключевые слова: биографический роман, субъективная модальность, объективная модальность, категоричность высказывания.

Daria A. Efremova
University MGIMO, Moscow
efremovadarya@yandex. ru

MODALITY IN BIOGRAPHICAL NOVELS

Summary

The research addresses the problems of functional stylistics and text linguistics. The object of this research is modern English biographical novels, and the subject is text category of subjective and

objective modality and statement finality, inseparably linked with it. The research is aimed at establishing the language factors influencing the implementation of modality in the studied text type. In the course of work on this research a complex technique of collecting and handling the material was applied including linguistic observation, contextual and superlinear analysis, quantitative methods. The article reveals the dependence of subjective and objective modality ratio and the degree of statement finality on the style, genre and typological features of the studied text type. Biographical novels display the dominating tendency towards objectivity, which is determined by the genre canon of the studied text requiring the use of verified sources and impersonal presentation of facts; the degree and the method of subjective modality manifestation depend on the stylistic and typological features of biographical novels. The studied text type is characterized by a high degree statement finality, which reflects such a stylistic peculiarity of biographical novels as a relatively high degree of subjectivity.

Keywords: biographical novel, subjective modality, objective modality, statement finality.

References

Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Selected Writings: Semiotics, Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1989. 616 p.

Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovaniya raznyh let [Issues of Literature and Aesthetics. Research of Different Years]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1975. 505 p.

Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of the Written Word]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.

Bahtin M.M. Sobranie sochinenij v 7 tt. [Collected Writings in 7 Volumes]. Moscow: Russkie Slovari Publ., 1997. Vol. 5. 732 p.

Valgina N.S. Teorija teksta [Text Theory]. Moscow: Logos Publ., 2003. 250 p.

Gal'perin I.R. Stilistika: uchebnoe posobie [Stylistics: textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1971. 343 p.

Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: Librokom Publ., 2008. 137 p.

Davidko N.V. Modal'nost' svjaznogo testa: na materiale anglojazychnoj pressy [Modality of Discourse: Based on the English

Press]. Funkcional'nye, tipologicheskie i lingvodidakticheskie aspekty issledovanija modal'nosti: tezisy dokladov konferencii [Functional, Typological, Linguo-didactic Aspects of Modality Research: Theses of the Conference], Irkutsk, 1990, pp. 26–27.

Donskova O.A. Sootnoshenie modal'nosti i pragmatiki dramaturgicheskogo teksta [Modality and Pragmatics Ratio in Drama]. Sbornik nauchn. trudov [Collection of Scientific Writings], Moscow: MGPIIJa Publ, 1983. no. 213, pp. 11–16.

Efimov A.I. Stilistika hudozhestvennoj rechi [Stylistics of Belles-lettres Style of Texts]. Moscow: MGU Publ, 1957. 448 p.

Efremova D.A. Lingvostilisticheskie sredstva vyrazhenija modal'nosti v tekste biografii [Linguo-stylistic Means of Modality in the Biographical Text] Philology Dr. Diss. Moscow, 2016. 251 p.

Kon'shina Ju.I. Avtorizovannaja biografija kak tip teksta [Subjective Biography as a Type of Text]. Kul'tura i tekst [Culture and Text], Barnaul, 1997, no 1., p. 83.

Malyshkin K.Ju., Nikitina L.B. Leksiko-grammaticheskie markery kategorichnosti vyskazyvanija [Lexical and Grammatical Markers of Statement Finality]. Omskij nauchnyj vestnik [Omsk Scientific Journal], 2014, no. 5, pp. 108–110.

Matveeva T.V. O nekotoryh sposobah vyrazhenija sub"ektivnoj modal'nosti v publicisticheskom tekste [On Some Ways of Subjective Modality Expression in Publicistic Text]. Struktura i semantika teksta [Structure and Semantics], Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1988, p. 109.

Mil'rud R.P., Antipov I.V. Tipologicheskie harakteristiki modal'nosti v nauchno-issledovatel'skom pis'mennom tekste [Typological Characteristics of Modality in Written Scientific Text]. Jazyk i kul'tura [Language and Culture], 2009. no. 1(5), pp. 29–38.

Prjanishnikova A.D. Partiturnost' teksta i ee rol' v hudozhestvennom proizvedenii (na materiale anglijskoj prozy XX veka) [Partiturnost of Text and its Role in Belles-lettres Style of Text (Based on the English Prose of the 20th Century)] Philology Dr. Diss. Moscow, 1983. 168 p.

Romanova T.V. Modal'nost'. Ocenochnost', Jemocional'nost' [Modality. Evaluativity. Emotionality.]. Nizhnij Novgorod: NGLU im. N.A. Dobroljubova Publ., 2008. 308 p.

Savina A.A. Partiturnost' anglojazychnogo hudozhestvennogo teksta (na materiale anglijskogo regional'nogo romana 19–20 vv.)

[Partiturnost of the English Belles-lettres Text (Based on the English Regional Novel of the XIX–XXth centuries)] Philology Dr. Diss. Nizhnij Novgorod, 2016. 193 p.

Solganik G.Ja. Stilistika teksta: ucheb. posobie. [Stylistics: textbook]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 1997. 256 p.

Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Stylistic Encyclopedic Dictionary. Ed. by N.M. Kozhina]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2003. 693 p.

Timofeev L.I., Turaev S.V. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of Literary Terms]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1974. 509 p.

Turaeva Z.Ja. Lingvistika teksta. Tekst: struktura i semantika [Text Linguistics. Text: Structure and Semantics]. Moscow: URSS Publ., 2012. 127 p.

Halizev V.E. Teorija literatury [Theory of Literature]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1999. 240 p.

Jeko U. Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta [The Role of Reader. Text Semiotics Research]. Moscow: AST Publ., 2016. 570 p. Maurois, A. (1929). Aspects of Biography. Cambridge: Cambridge University Press.

Д.О. Жорник
МГУ им. Ломоносова, Москва
И.А. Хомченкова
МГУ им. Ломоносова, Москва

Предикаты боли в горномарийском языке: семантика и морфосинтаксис[1]

Введение

Статья посвящена системе предикатов боли в горномарийском языке (< финно-угорские). Данные собраны в 2016-2017 гг. в с. Кузнецово Горномарийского района республики Марий Эл.

Работа следует принципам, выработанным в проекте «База данных по типологии лексического выражения боли» [Брицын и др. 2009]. Концепт боли понимается в этом проекте достаточно широко, применяясь к любым неприятным физиологическим ощущениям (‘болеть’, ‘жечь’ о сильной боли, ‘гудеть’ о монотонной боли в голове и т.п.). Вследствие этого часто вместе с предикатами боли рассматривают и глаголы потери функциональности (‘онеметь’, ‘затекать’ и т.п.). Однако в данной статье мы не будем рассматривать эти глаголы в силу их типологически системных отличий от прототипических глаголов боли.

Теоретической базой послужил фреймовый подход [Рахилина, Резникова 2013]. В семантическом поле боли в качестве фреймов выступают комбинации таких параметров, как часть тела, причина и тип боли. Нашей целью, в первую очередь, является не исчисление исчисления возможностей каждого глагола употребляться в различных фреймах, а выявление механизмов переноса глаголов в зону боли.

В языках, освещённых в вышеупомянутой базе данных, «ядро» этого семантического поля необыкновенно мало и представлено лишь одной или несколькими лексемами, имеющие значение ‘болеть’ в качестве исходного (*болеть* в русском, *hurt* и *ache* в английском и т. п.). Абсолютное большинство предикатов боли – это лексемы, претерпевшие семантический сдвиг в зону боли из других семантических полей (‘гореть’, ‘раскалываться’,

[1] Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

‘ныть’, ‘тянуть’), то есть «вторичные» предикаты боли. Примечательно, что глагол в таком случае не просто сдвигается в другое поле, а зачастую также меняет модель управления, аспектуальные и акциональные свойства. В таких работах, как [Рахилина 2010], [Reznikova et al. 2012], [Брицын и др. 2009] в связи с этим предлагается говорить о таком переносе предикатов из одного поля в другой как о «ребрендинге», поскольку происходит импликативный переход значения и, соответственно, обязательная смена исходного фрейма, а также целый комплекс изменений на разных уровнях (см. также [Кустова 1998] об импликативных сдвигах и их отличиях от метафоры и метонимии).

Данная точка зрения не общепринята, см., например, [Падучева 2004], где изменения в акциональных свойствах и модели управления отмечаются и при метафоре. Независимо от теоретической трактовки мы рассматриваем такое поле, в котором глагол при переносе меняется и семантически, и морфосинтаксически, и далее мы будем говорить о взаимодействии этих процессов.

Чтобы проследить процесс ребрендинга в зоне боли в горномарийском языке, мы изучили 18 предикатов боли, их семантику в исходном и болевом значениях, а также модели управления, акциональные характеристики и морфологические свойства.

Структура настоящей статьи такова: в **разделе 1** описан инвентарь болевых предикатов в горномарийском языке, в **разделе 2** обсуждаются семантические переносы, происходящие при переходе глаголов в зону боли. В **разделе 3** демонстрируются возможные модели управления болевых предикатов, а в **разделе 4** показаны их акциональные характеристики. В **заключении** представлены некоторые обобщения касательно устройства рассматриваемого семантического поля в горномарийском языке.

1 Инвентарь болевых предикатов

Мы классифицируем предикаты боли следующим образом.

- Исходные глаголы боли
    - Глаголы с общим значением
    - Специальные глаголы

- Вторичные глаголы боли
  - Глаголы потери функциональности
  - Глаголы горения
  - Глаголы разрушения
  - Глаголы звука
  - Глаголы движения и его каузации

Кроме исходного семантического поля, есть и другие релевантные в рассматриваемой зоне характеристики: часть тела, где сосредоточены неприятные ощущения, и собственно тип этих неприятных ощущений.

Данные горномарийского языка укладываются в существующие типологические представления устройства зоны боли. Поле включает в себя 4 исходных глагола, которые составляют маленькое «ядро», а также 14 глаголов, претерпевших перенос из других полей, представляющих периферию.

1.1 Исходные глаголы боли

В данный раздел входят болевые предикаты горномарийского языка, для которых не засвидетельствовано иного исходного значения. Глаголы с общей семантикой представлены только одной лексемой: ***karštaš*** ‘болеть’ (1), которая является доминантной. Она свободно используется для указания на любую степень интенсивности боли в любой части тела из-за любых причин, что показывает возможность употребления при нем широкого круга интенсификаторов (1), (2).

(1) *maša-n* *vuj-žə̑* *piš* *karšt-a*
М.-GEN голова-P.3SG сильно болеть-NPST.3SG
‘У Маши сильно болит голова’.

(2) *malə̑n* *tagače* *mən’-ən* *vuj-em*
почему сегодня 1SG-GEN голова-P.1SG
tenge *karšt-a*
так болеть-npst.3sg
‘Почему у меня сегодня так голова болит?’

Список специальных глаголов несколько больше: *cažgə̑žaš* ‘щипать’ (3), *jəčäš* ‘болеть’ (4), который описывает пульсирующие или острые кратковременые боли в голове, *kəčəštäš* ‘чувствовать боль от холода’ (5).

(3) *šušer-žə* *cažgə̑ž-eš*
рана-P.3SG щипать-NPST.3SG
‘<Васю укусила собака.> Рана саднит’.
(4) *maša-n* *vuj-žə̑* *jə̈č-ä*
М.-GEN голова-P.3SG болеть-NPST.3SG
‘У Маши болит голова (пульсирует)’.
(5) *üšt-eš* *maša-n* *parna-vlä-žə* *kə̈čə̈št-ə̈t*
мороз-LAT М.-GEN палец-PL-P.3SG болеть-NPST.3PL
‘От холода у Маши пальцы свело’.

1.2 Вторичные глаголы боли

Перейдем к большей части нашего поля: заимствованным глаголам, пришедшим в зону боли из полей-доноров.

- Глаголы горения

Первая группа, по типологическим ожиданиям, состоит из глаголов, выражающих идею горения. В горномарийском данная группа представлена только одним глаголом *jə̑laš ‘гореть’* (7). В исходном значении глагол обозначает собственно ситуацию горения, например, дров. При переносе в зону боли он меняет семантику и описывает ситуации, с одной стороны, сильной обжигающей боли (например, при попадании едкого вещества на рану) (6), а с другой – боли, сопровождаемой повышенной температурой тела (7).

(6) *ti* *vär-žə* *jə̑l-a*
этот место-P.3SG гореть-NPST.3SG
‘<Ивана в лоб укусила пчела.> Это место жжет’.
(7) *tə̈də-n* *lepkä-žə* *jə̑l-a*
3SG-GEN лоб-P.3SG гореть-NPST.3SG
‘<Вася совсем болен.> У него лоб горит’.

- Глаголы разрушения

Глаголы из данной группы объединены значением разрушения или, шире, деформации объекта. Их можно разделить на подклассы. Некое разрушительное воздействие может быть произведено, во-первых, инструментом: *šeläš* ‘колоть’ (8), *šə̑raš* ‘колоть’ (9), *pə̈čkäš* ‘резать’ (10);

Глагол *šeläš*(8), исходное значение которого ‘колоть’, в зоне боли обозначает сильную боль в голове:

(8) *ivan* *ärn’a* *mə̑č* *äräkä-m* *jü-n*
И. неделя весь водка-ACC пить-PF.3SG
tədə-n *vuj-žə̑* *šel-eš* *(vele)*
3SG-GEN голова-P.3SG колоть-NPST.3SG почти
‘Иван пил всю неделю водку, и у него голова раскалывается’.

Глагол *šə̑raš,* который также имеет в качестве исходного значения ‘колоть’, обозначает колющие, часто резкие и повторяющиеся боли в боку или животе:

(9) *tədə-n* *əndə* *pokə̑-žə̑-m* *šə̑r-a*
3SG-GEN теперь бок-POSS.3SG-ACC колоть-NPST.3SG
‘<Иван быстро бежал, и> и теперь у него в боку колет’.

Глагол *päčkäš* ‘резать’ обозначает резкую, режущую боль в глазах:

(10) *mən’-ən* *sənzä-m* *päčk-eš*
1SG-GEN глаз-ACC резать-NPST.3SG
‘<На улице такое яркое солнце,> у меня в глазах режет.

Во-вторых, разрушительное воздействие может быть произведено какой-либо острой частью тела (например, зубы): *kačkaš* ‘есть’ (11);

Данный глагол обозначает боль при воздействии, как правило, какого-либо едкого вещества на чувствительные части тела:

(11) *шампунь* *sənzä-škə̑-žə̑* *popaž-ə̑n*
глаз-ILL-P.3SG попасть-PF.3SG
sənzä-m *kačk-eš*
глаз-ACC есть-NPST.3SG
‘<Маша мыла голову> шампунь попал ей в глаз, глаз щипет’.

В-третьих, разрушительное воздействие может быть произведено голыми руками: *kə̂škedäš* ‘рвать’ (12)*, todaš* ‘гнуть, ломать’ (13).

Глагол *kə̂škedäš* с исходным значением ‘рвать’ (12) обозначает монотонную резкую боль:

(12) *uštə̂* *licä-m* *kə̂šked-eš*
мороз лицо-ACC рвать-NPST.3SG
‘На морозе лицо горит’.

Глагол *todaš* ‘гнуть, ломать’ обозначает ноющие боли в теле, как правило, появляющиеся при болезни или после физических нагрузок:

(13) *petä-n* *kečə̈-gə̂t* *cilä*
П.-GEN день-весь весь
käp-šə̈-m *tod-eš*
тело-P.3SG-ACC ломать-NPST.3SG
‘У Пети целый день всё тело ломит’.

Также болевая семантика развивается у глагола *šə̂laš* ‘таять’, исходно описывающего деформацию с переходом субъекта в другое агрегатное состояние (14). В зоне боли он схож по семантике с глаголом *todaš* (12) и также описывают ноющие боли.

(14) *kid* *jal* *šə̂l-a*
рука нога ныть-NPST.3SG
‘Руки и ноги ноют’.

- Глаголы звука

Среди глаголов звука болевые ощущения могут описывать следующие: *šiäš* ‘стучать, колотить’ (15), *šužgaš* ‘шуметь, гудеть’ (16), *t’ongaš* ‘звенеть’ (17), *cožgaš* ‘шипеть’, который обозначает жжение (18), *šiškäš* ‘звенеть’ (19).

Глагол *šiäš* ‘стучать, колотить’ обозначает пульсирующие боли в голове или в области сердца:

(15) *maša-n* *vuj-ə̂štə̂* *ši-äš* *təngäl-ən*
М.-GEN голова-IN стучать-INF начать-PF.3SG
‘У Маши застучало в голове’.

Глагол *šužgaš* ‘шуметь, гудеть’ обозначает боль и тяжесть в конечностях после физического перенапряжения:

(16) *vasä-n* *jal-vlä-žə* *šužg-at*
В.-GEN нога-PL-P.3SG шуметь-NPST.3PL
‘(После недели тяжелой работы) у Васи ноги гудят’.

Глагол *t’ongaš* ‘звенеть’ обозначает сильную монотонную боль в голове или ушах:

(17) *mən’-ən* *pələš-əštə-m* *t’ong-a*
1SG-GEN ухо-IN-POSS.1SG звенеть-NPST.3SG
‘У меня звенит в ушах’.

Глагол *cožgaš,* который значит ‘шипеть (о самоваре, сырых дровах)’ схож по семантике с глаголом *jə̂laš* (1) и также обозначает обжигающие резкие боли от воздействия какого-либо едкого вещества (в данном случае, яда пчелы):

(18) *čengäl-mə* *cožg-a*
укусить-NZR жечь-NPST.3SG
‘(Ивана в лоб укусила пчела.) Укус жжет’.

Глагол *šiškäš* ‘звенеть’ так же, как и глагол *t’ongaš* (16) с аналогичным значением, обозначает сильную монотонную звенящую боль в голове или ушах:

(19) *cilä-n* *kogo-n* *šajə̂št-ə̂t*
весь-ADV большой-ADV беседовать-NPST.3PL
pələš-əštə *šišk-ä*
ухо-IN звенеть-NPST.3SG
‘Все так галдят, что в ушах звенит’.

- Глаголы движения и его каузации

Данный класс, как и класс горения, представлен только одним глаголом *šə̂pšaš* ‘тянуть’ (20). При переходе в зону боли он

начинает обозначать монотонные боли во внутренних органах (обычно в животе).

(20) *mən'-ən* *körg-əštə* *šə̂pš-eš*
я-GEN нутро-IN тянуть-NPST.3SG
'У меня в животе тянет'.

2 Семантический перенос: ребрендинг

После описания полей, которые часто служат донорами для болевых предикатов, рассмотрим подробнее сам механизм такого переноса.

Традиционно выделяется два основных типа семантических переносов – метафора и метонимия, которые основаны на отношениях сходства и смежности.

При метафорическом переносе глагол покидает донорский класс и переходит в новый класс. Об этом можно говорить как о проекции элементов структуры одной области на структуру другой. Другими словами, метафора — это переход из одного домена в другой, в процессе которого происходит переосмысление второго через первый [Lakoff, Johnson 1980].

Неконтролируемые процессы (например, горение, звучание) как аналог болевых состояний прозрачны в качестве метафор, поскольку боль по своей природе также неконтролируема.

Рассмотрим подробнее механизм метафоры на примере глагола *jə̂laš* 'гореть' Его стандартным субъектом является некий предмет, способный гореть, например, дрова:

(21) *əläkšə* *pu-n* *jə̂lə̂-mə̂* *tolkə̂-žə̂* *uke*
сырой дерево-GEN гореть-NZR толк-P.3SG нет
cožg-a *vele*
шипеть-NPST.3SG только
'Сырые дрова горят плохо, они только шипят'.

Если же мы заменим такой субъект на часть тела (22), то произойдет сдвиг значения глагола в обозначение неприятного физиологического ощущения, связанного с повышенной температурой.

(22) *tə̈də̈-n* *lepkä-žə̈* *jə̂l-a*
3SG-GEN лоб-P.3SG гореть-NPST.3SG
‘<Вася совсем болен.> У него лоб горит’.

Стоит отметить, что после переноса в зону боли у предикатов сохраняется акциональное сходство (только непредельная интерпретация) с предикатами в изначальном значении. Однако утверждение, что глаголы переходят из поля-донора в зону боли с помощью механизма метафоры, верно только для изначально стативных глаголов или неконтролируемых процессов.

Рассмотрим следующий пример:

(23) Солнце глаза режет.

Классические метафоры объединяют похожие концепты (см. [Lakoff and Johnson 1980; Kövecses 2002]. Пользуясь терминологией [Turner and Fauconnier 1995], можно сказать, что должна быть возможность соединения двух ментальных пространств (в терминологии). Другими словами, метафорический перенос требует «структурной симметрии» соответствующих им фреймов, чтобы можно было установить соответствие между слотами.

В случае же примера (23) мы не наблюдаем акционального сходства (глагол, обозначающий предельный процесс, начинает обозначать болевое состояние), а кроме того, глагол *резать* имеет разный набор участников и разную модель управления в исходной и в результирующей зонах[2].

Также нельзя считать данный перенос чистым случаем метонимии, поскольку последняя предполагает смежность исходной и производной ситуаций в пространстве и/или во времени, чего мы не наблюдаем в случае болевых предикатов. В то же время описываемый перенос имеет черты т. н. результативной метонимии, типа *Рабочие огораживают дом забором* (действие) → *Забор огораживает дом* (результат) [Кустова, Падучева 1994]: в случае глаголов типа ‘резать’

[2] В [Падучева 2004] примеры подобного типа причисляются к метафоре, но независимо от трактовки они отличаются от рассмотренных выше примеров наличием морфосинтаксических изменений.

болевая ситуация представляется как своего рода результат исходного действия – но, в отличие от канонической метонимии, это действие не происходит, а лишь служит базой сопоставления двух семантических зон. При этом происходит смена аспектуального класса лексемы (без изменения таксономических характеристик): результативное событие представляет собой действие или процесс, а собственно результат является (результирующим) состоянием.

В [Reznikova et al. 2012], [Рахилина 2010: 428-453] предлагается назвать такой перенос ребрендингом. Это семантический переход лексемы таксономический класс, далекий от исходного. Он сочетает в себе характеристики метафорического и метонимического переноса (не сводясь ни к одному из них по отдельности) и сопровождается реорганизацией свойств исходного предиката; он начинает соответствовать модели, заданной фреймом боли. При ребрендинге метонимия ответственна за аспектуальный сдвиг, а метафора добавляет лексическое сравнение с исходной ситуацией.

Поскольку, как мы уже упоминали, некоторые глаголы переходят в поле боли с помощью чистой метафоры, а некоторые – в результате серьезной семантической и морфосинтаксической перестройки, можно говорить о градуальности ребрендинга. Для перехода в поле боли разным глаголам нужно пройти разную дистанцию между исходным и целевым полями. Факторы, которыми она обусловлена, мы рассмотрим далее.

3 Модели управления болевых предикатов

В настоящем подразделе речь пойдет о моделях управления предикатов боли. В набор их аргументов входят, во-первых, часть тела, во-вторых, лицо, испытывающее боль, а в-третьих, причина возникновения боли (ср. фрейм Perception_body в модели FrameNet http://framenet.icsi.berkeley.edu/). Кроме того, могут специфицироваться тип боли или, например, конкретный участок части тела, но эти участники нерелевантны для собственно аргументной структуры.

В типологии встречаются следующие способы кодировки этих участников [Брицын и др. 2009]: часть тела может

кодироваться как Место (в горномарийском языке[3] – косвенным дополнением в инессиве), Тема (подлежащее при одноместном предикате или прямое дополнение при двуместном) или Стимул (подлежащее при двухместном глаголе); лицо может кодироваться как Экспериенцер (дативный участник), Посессор (генитивный участник) или Пациенс (прямое дополнение); причина, в свою очередь, имеет две возможности концептуализации – Стимула боли (подлежащее) или ее Источника (косвенное дополнение в лативе).

Все глаголы, переходящие в зону боли, уподобляются глаголу *karštaš* ‘болеть’ и в МУ, получая возможность непереходного употребления. Наиболее значимые синтаксические изменения при попадании в зону болевых ощущений претерпевают переходные глаголы. Происходит полная перестройка аргументной структуры исходного глагола, и позицию подлежащего – единственного аргумента при новом глаголе – занимает Часть тела. Более того, такое происходит даже с каузативными дериватами, для которых переходность является неотъемлемым свойством.

(24) *ivan* *pu-m* *šel-eš*
И. дрова-ACC колоть-NPST.3SG
‘Иван колет дрова’.

(25) *ivan-ən* *vuj-zə̑* *šel-eš*
И.-GEN голова-P.3SG колоть-NPST.3SG
‘У Ивана голова раскалывается’.

(26) *sənzä-em* *jə̑la-t-a* / *jəm-əkt-ä*
глаз-P.1SG гореть-CAUS-NPST.3SG болеть-CAUS-NPST.3SG
‘У меня глаз жжет’.

Что касается исходно непереходных глаголов, то при их переходе в зону боли в позицию подлежащего просто помещается, как правило, часть тела. Лицо, испытывающее боль, может быть выражено генитивной группой или опущено. Причина выражается косвенным дополнением или также не выражается.

[3] Здесь и далее в скобках после семантической роли того или иного участника приводится проверявшийся нами способ его кодировки в горномарийском языке.

(27) *(vas'a-n)* *vuj-žə* *(mardež-eš)* *šužg-a*
В.-GEN голова-P.3SG ветер-LAT гудеть-NPST.3SG
'(У Васи) голова (от ветра) гудит'.

Также развивается особая для зоны боли инессивная безличная конструкция, в которой употребляются и глаголы, не присоединяющие локативного аргумента в исходном значении:

(28) *mən'-ən* *päləš-əštə-m* *šišk-ä*
1sg-GEN ухо-IN-P.1SG звенеть-NPST.3SG
'У меня в ушах звенит'.
(29) *vas'a-n* *poka-štə-žə* *šər-a*
В.-GEN бок-IN-P.3SG колоть-NPST.3SG
'У Васи в боку колет'.

Итого, набор возможностей выглядит следующим образом.
Три участника ситуации боли:

- Часть тела: Nom, Acc, In
- Стимул: Nom, Lat[4], gišän (послелог со значением 'из-за')
- Экспериенцер (=Посессор части тела): Gen

Три модели управления болевых предикатов:

- Nom Acc (Gen): Стимул, Часть тела, Посессор
- Nom (Gen) (Lat): Часть тела, Посессор, Стимул
- In (Gen) (Lat): Часть тела, Посессор, Стимул

4 Акциональность болевых предикатов

Исходно болевые глаголы стативны, то есть обладают акциональной характеристикой <S, S> (в терминах [Татевосов 2010]). Вторичные болевые глаголы, напротив, изначально могут иметь другие значения, например <ES P, P>:

(30) *vas'a väc* *minut-əštə* *səkər-əm* *kačk-en*
В. 5 минута-IN хлеб-ACC есть-PF.3SG
'Вася за 5 минут съел хлеб'.

[4] Подробнее о непространственных значениях горномарийского Латива см. [Давидюк, Козлов 2016]

Однако при переходе в болевую зону они теряют свои процессные, а также предельные интерпретации, происходит процесс стативизации.

(31) **sənzä-m* *vəc* *minut-ə̂štə̂* *kačk-en*
глаз-ACC 5 минута-IN есть-PF.3SG
Ожид. значение ‘Глаза за 5 минут разъело’.

Такая перестройка акциональных свойств предиката говорит о том, что он продвинулся далеко по шкале ребрендинга. Для сравнения, глаголы, в исходном значении не имеющие предельных интерпретаций, не подвергаются столь сильным изменениям:

(32) *pört ik* *käš* *jə̂l-a*
дом 1 час гореть-NPST.3SG
‘Дом горит час’.

(33) *vas’a-n* *lepkä-žə̈* *ik* *käš* *jə̂l-a*
В.-GEN лоб-POSS.3SG 1 час гореть-NPST.3SG
‘Васин лоб час горит’.

Некоторые болевые ощущения могут восприниматься как квантованные; такие глаголы можно рассматривать как мультипликативные процессы (при наличии соответствующих семельфактивных дериватов), однако идее об утрате исходных характеристик это не противоречит, поскольку предельные интерпретации так же теряются.

(34) *petä-n* *poka-štə̂-žə̂* *sə̂r-a*
П.-GEN бок-IN-P.3SG колоть-NPST.3SG
‘У Пети колет в боку’.
(35) *petä-n* *poka-štə̂-žə̂* *sə̂r-*(al)-en*
П.-GEN бок-IN-P.3SG колоть-ATT-PF.3SG
‘У Пети кольнуло в боку’.

Заметим, что в исходном значении глагол *šə̂raš* ‘колоть’ может иметь предельную интерпретацию без семельфактива, а при переходе в зону боли это значение утрачивается.

(36) *petä* *pu-m* *sə̂r-(al)-en*
П. дерево-ACC колоть-ATT-PF.3SG
‘Петя расколол дрова’.

Что касается глагольных форм, используемых для выражения болевых ощущений, в горномарийском чаще всего мы наблюдаем либо глаголы в непрошедшем времени, либо непредельные интерпретации форм прошедшего времени. Ни результативных причастий, ни языковых единиц с предельной интерпретацией (31) при описании неприятных ощущений в этом языке не используется, что свидетельствует о том, что горномарийский относится к языкам с «дуративной стратегией» (см. [Рахилина 2010]). Это значит, что в зоне боли мы наблюдаем преимущественно формы, которые имеют непредельные интерпретации и выражают идею длительности, максимально сближая вторичные болевые предикаты со стативами.

Выводы

В данной работе на материале горномарийского языка мы рассмотрели как болевые предикаты с исходной болевой семантикой, так и процесс перехода глаголов в семантическое поле боли из других полей. При таком переходе в глаголах, которые «заимствуются», меняются модели управления, акциональность, морфология и семантика. Все исходные процессные интерпретации стираются и замещаются новыми, стативными. Даже каузативы, несмотря на их ингерентную переходность, в зоне боли могут функционировать как непереходные.

Все эти изменения, которые мы вслед за Е. В. Рахилиной называем ребрендингом, не хаотичны: происходит реорганизация единицы из поля-донора таким образом, чтобы она соответствовала характеристикам поля боли. Поэтому мы можем говорить о различной дистанции между исходным и целевым полями, которую надо пройти глаголу. Таким образом, ребрендинг может иметь разную степень. Чем меньше расстояние, тем происходит меньшее количество морфосинтаксических изменений при переходе глаголов в зону боли. К наиболее частым изменениям относятся следующие:

- потеря переходности;

- стативизация;
- появление локативной конструкции.

Непереходным глаголам, а также стативным глаголам требуется претерпеть наименьшее количество изменений для перехода в зону боли, потому что прототипически болевые предикаты непереходные и стативные, в то время как глаголам из других классов приходится менять переходность на непереходность, а также приобретать стативные интерпретации. Также болевые предикаты часто используются в локативной конструкции, поэтому при отсутствии таковой у глагола, ему необходимо сильно реорганизовать свои свойства, чтобы ее получить.

Таким образом, наиболее яркие изменения (ребрендинг) происходят с глаголами действия, которые часто являются глаголами-донорами для семантического поля боли. Однако стоит отметить, что глаголов, пришедших в поле боли из, казалось бы, далёких полей (например, разрушения, движения и его каузации), в которых глаголы не являются стативными, не меньше, чем глаголов из более близких в конструкционном и аспектуальном плане полей (таких, как звук и горение). Это говорит о том, что связь между полями боли и полями разрушения и движения действительно сильна (и довольно прозрачна – при разрушении/деформации частей тела у человека появляются неприятные ощущения), поскольку большое количество предикатов подвергаются столь значительным изменениям.

Литература

Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго. 2009.

Давидюк Т. И., Козлов Л. С. Латив в горномарийском языке // Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 24-26 ноября 2016 г.

Кустова Г. И.; Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

Рахилина Е. В., Резникова Т И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2, с. 3–31.

Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике: дисс. д.ф.н. МГУ, 2010.

Kövecses Z. (2002). Metaphor. A practical introduction. Oxford & New York: Oxford University Press.

Lakoff G., Johnson M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago.

Reznikova T., Rakhilina E., Bonch-Osmolovskaya A. (2012). Towards a typology of pain predicates. Linguistics 50-3. 421–465.

Turner M., Fauconnier G. (1995). Conceptual Integration and Formal Expression. Journal of Metaphor and Symbolic Activity, Vol. 10, No. 3, 183-204.

Резюме

Статья посвящена исследованию в области лексической типологии, а именно изучению глаголов со значением болевых ощущений в горномарийском языке. Боль мы понимаем достаточно широко – как любые неприятные физические ощущения. Поле боли представляет особый интерес для исследователей, поскольку глаголов, имеющих семантику боли в качестве исходной, крайне мало – большая часть предикатов «заимствуется» рассматриваемым семантическим полем из других полей. Такую ситуацию мы наблюдаем и в горномарийском, в котором полями-донорами выступают зона разрушения, звука, горения и другие. Наша главная задача – выявить и описать механизмы такого переноса глаголов в поле боли, рассмотреть, какие видоизменения происходят, с одной стороны, в семантике глагола, а с другой – в его аргументной структуре и акциональных свойствах. С этой целью мы подробно исследовали около 20 горномарийских глаголов, вокруг которых и сосредоточили наш анализ. В статье представлены выявленные пути преобразования рассматриваемых предикатов в ходе переноса в семантическое поле болевых ощущений.

Ключевые слова: финно-угорские языки, горномарийский язык, семантика, семантический сдвиг, лексическая типология, акциональность, аргументная структура

Daria O. Zhornik
Lomonosov MSU, Moscow
rain-walker@mail.ru
Irina A. Khomchenkova
Lomonosov MSU, Moscow
irina.khomchenkova@yandex.ru

PAIN PREDICATES IN HILL MARI LANGUAGE: SEMANTICS AND MORPHOSYNTAX

Summary

This article presents a study in lexical typology dealing with pain predicates in Hill Mari (<Finno-Ugric < Uralic). Pain predicates are those bearing the semantics of unpleasant physiological sensations. The domain of pain is not trivial, as there are few lexemes originally having the semantics of pain. Most of the predicates are borrowed from other fields. We witness the same situation in Hill Mari, where the lexemes originally referring to sound, burning and destruction shift to the pain domain. Our main task is to describe the mechanism of such transfers and to find out which changes the future pain predicates undergo in semantics and morphosyntax. To achieve this goal, we have studied 20 Hill Mari verbs. In this article, we describe the transfer paths of the lexemes researched and the changes they undergo while becoming pain predicates.

Keywords: Finno-Ugric languages, semantics, re-branding, lexical typology, actionality, argument structure.

References

Bricyn V. M., Rahilina E. V., Reznikova T. I., Javorskaja G. M. Koncept BOL" v tipologicheskom osveshhenii [The concept of pain in typological perspective]. Kiev: Vidavnichij dim Dmitra Burago. 2009.

Davidjuk T. I., Kozlov L. S. Lativ v gornomarijskom jazyke [Lative in Hill Mari language] // 13th conference on typology and grammar for scholars. Saint-Petersburg, 24-26 november 2016.

Kustova G. I.; Paducheva E. V. Slovar' kak leksicheskaja baza dannyh [The vocabulary as a lexical database] // Voprosy jazykoznanija. 1994. № 4.

Rahilina E. V. Lingvistika konstrukcij [Construction linguistics]. M.: «Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2010. 584 p.

Rahilina E. V., Reznikova T I. Frejmovyj podhod k leksicheskoj tipologii [A frame approach to linguistic typology] // Voprosy jazykoznanija. 2013. № 2, pp. 3–31.

Tatevosov S. G. Akcional'nost' v leksike i grammatike: diss. d.f.n. [Actionality in lexis and grammar] MGU, 2010.

Lakoff G., Johnson M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago.

Reznikova T., Rakhilina E., Bonch-Osmolovskaya A. (2012). Towards a typology of pain predicates. Linguistics 50-3. 421–465.

Turner M., Fauconnier G. (1995). Conceptual Integration and Formal Expression. Journal of Metaphor and Symbolic Activity, Vol. 10, No. 3, 183-204.

Н.А. Зевахина
НИУ ВШЭ, Москва
С.Ю. Пужаева
НИУ ВШЭ, Москва

Деепричастная клауза в русском: позиция и семантический субъект[1]

Постановка проблемы

Опираясь на наиболее строгую кодифицированную норму — норму, зафиксированную в академической Русской грамматике [Шведова (ред.) 1980], — каноническими предложениями, содержащими деепричастные обороты (далее деепричастные предложения), являются такие двусоставные предложения, в которых соблюдено требование односубъектности. Другими словами, «семантический субъект деепричастия должен совпадать с семантическим субъектом глагола главного предложения, а этот последний должен выполнять функцию подлежащего» [Гловинская 1996: 278]. В (1) семантическим субъектом является местоимение 1 л. ед.ч.

(1) *Проезжая мимо станции, **я** потерял шляпу*.

В более современных синтаксических терминах можно сказать, что в каноническом предложении, содержащем деепричастную клаузу, нулевое подлежащее PRO деепричастной клаузы должно контролироваться ненулевым подлежащим главной клаузы, выраженным формой именительного падежа (субъектный контроль). Однако в дальнейшем, мы не будем отказываться от термина «семантический субъект»: оно кажется нам удобным.

(2) ***PRO**$_i$ проезжая мимо станции, **я**$_i$ потерял шляпу*.

В противовес классической бинарной оппозиции «норма» — «не норма», в работе [Ицкович 1982] вводится представление о поле употреблений деепричастных оборотов с «нормативными» вариантами в центре и вариантами, претендующими на

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 16-18-02071.

нормативность в «серой зоне», ср. «переходная зона» [Гловинская 1996], «приемлемые» деепричастия [Йокояма 1983]. Разная степень недопустимости деепричастных предложений подчеркивается и в работе [Гловинская 1996].

Цель нашего исследования — в экспериментальной апробации одного из ненормативных видов деепричастного предложения, а именно такого, в котором отсутствует субъектный контроль.

Отсутствие субъектного контроля

Как уже было замечено, некоторые варианты ненормативных с точки зрения традиционной грамматики деепричастных предложений исследователями оцениваются как более допустимые. По мнению М.Я. Гловинской, «менее неправильными» оказываются предложения, в которых вместо «прямого» предиката употребляется «конверсионный», при этом семантические субъекты одинаковые, см. [Гловинская 1996: 281] и (3) вместо (1).

(3) *Подъезжая к станции,* ***у меня*** *слетела шляпа*.

Семантический субъект подобных предложений в подавляющем большинстве случаев выражен личным местоимением 1 л. ед.ч. в форме Родительного или Дательного падежа.

В подобных предложениях отсутствует субъектный контроль: PRO контролируется именной группой, занимающей позицию не-подлежащего главной клаузы, см. (4).

(4) ***PRO***$_i$ *подъезжая к станции,* ***у меня***$_i$ *слетела шляпа*.

В работе [Йокояма 1983] отмечается частотность подобных предложений. Их потенциальная приемлемость обеспечивается тем, что семантический субъект в соответствии с теорией актуального членения стоит в теме. Таким образом, О.Б. Йокояма выдвигает тезис о том, что отнесение субъекта к теме оказывается более важным фактором, чем субъектный контроль.

Немаловажным фактором становится эгоцентричность (отнесенность к сфере первого лица) таких примеров. В работах

[Гловинская 2000, Йокояма 1983, Чупашева 2010] утверждается, что случаи отсутствия субъектного контроля являются наиболее распространенными нарушениями в деепричастных предложениях.

В работе [Гловинская 2000] выделяются случаи отсутствия субъектного контроля, различающиеся тем, выражен ли семантический субъект. Так, в (4) он выражен, а в (5) нет.

(5) *Подъезжая к станции, слетела шляпа*.

Как кажется, этот пример менее удачен, чем пример (4).

Позиция деепричастной клаузы

Отсутствие субъектного контроля действительно не раз отмечалось в литературе. При этом такой фактор, как позиция деепричастной клаузы относительно главной, насколько нам известно, не обсуждался. Примечательно, что отсутствие субъектного контроля в литературе иллюстрировалось примерами, в которых деепричастная клауза находится в позиции перед главной. В этой связи возникают три вопроса: а) влияет ли позиция деепричастной клаузы на степень приемлемости предложения, и если влияет, то как именно? б) влияет ли выражение/ эллипсис семантического субъекта на степень приемлемости предложения? в) как соотносятся между собой фактор позиции и фактор (не)выраженности семантического субъекта: какой из них более важен?

Эксперимент: факторы и гипотеза

В соответствии с вопросами а)-в) мы сформулировали следующие два фактора и одну гипотезу:

Фактор 1: семантический субъект, выраженный личным местоимением 1 л. ед.ч. в форме Родительного падежа, vs. эллиптированный семантический субъект;

Фактор 2: препозиция vs. постпозиция деепричастной клаузы относительно главной.

Гипотеза: при взаимодействии Факторов 1 и 2,

(i) выраженный семантический субъект более приемлем, чем его эллипсис,

(ii) препозиция деепричастной клаузы относительно главной более приемлема, чем ее постпозиция,

(iii) Фактор 1 более значим, чем Фактор 2,

т.е. следующие предложения можно ранжировать в порядке убывания их приемлемости следующим образом: (a) > (c) > (b) > (d).

(a) *Глядя на эту картину, у меня возникли странные ассоциации.*

(b) *Глядя на эту картину, возникли странные ассоциации.*

(c) *У меня возникли странные ассоциации, глядя на эту картину.*

(d) *Возникли странные ассоциации, глядя на эту картину.*

Другими словами, ожидалось, что (a) и (c), в которых выражен семантический субъект, будут опознаваться носителями языка как более допустимые по сравнению с (b) и (d), в которых семантический субъект эллиптирован. Далее, (a) с препозитивной деепричастной клаузой будет оценено испытуемыми как менее ошибочное, чем (c) с постпозитивной деепричастной клаузой, аналогично для (b) и (d). Таким образом, ожидается нисходящая градация оценок по типам (a), (c), (b), (d) от наиболее допустимого к наименее допустимому.

Факторы 1 и 2 стали двумя независимыми переменными, имеющими два уровня. Зависимой переменной стала оценка информантами степени допустимости рассматриваемых предложений.

Дизайн и проведение эксперимента

Эксперимент был проведен в форме оффлайн опроса, в котором была реализована методика определения грамматической правильности предложения (grammaticality judgment task), см. подробнее [Федорова 2008].

Перед экспериментом было проведено небольшое корпусное исследование. Его целью было определить, деепричастия от глаголов каких семантических классов чаще встречаются в предложениях, в которых отсутствует субъектный контроль. Глаголы движения, глаголы восприятия и ментальной деятельности представляли особый интерес по двум причинам.

Во-первых, в примере из произведения А.П. Чехова «Жалобная книга», иллюстрирующем отсутствие субъектного контроля (***Подъезжая*** *к сией станцыи и* ***глядя*** *на природу в окно, у меня слетела шляпа*), употреблены деепричастия от глагола движения и глагола восприятия. Во-вторых, «опасность» деепричастий именно ментальной и перцептивной деятельности подчеркивается авторами работы [Биккулова и Онипенко 2016], посвященной проблеме нормы деепричастных клауз.

В силу ряда технических ограничений стало возможным задать запрос по поиску деепричастной клаузы длиной не более 7 словоформ с деепричастием в первой позиции в начале предложения, в главной клаузе на первом месте было задано местоимение первого лица в Родительном падеже. В НКРЯ на апрель 2016 г. встретилось 49 примеров, 33 из них в основном подкорпусе, 14 в газетном, 2 в поэтическом.

(3) — *Читая ваши романы, у меня сложилось впечатление, может быть ошибочное, что вам симпатичен не только сыщик, но и преступник.* [«Вестник США», 2003]

Поскольку в 33 примерах из 49 встретились деепричастия от глаголов восприятия и ментальной деятельности, экспериментальные стимулы также содержали деепричастия от таких глаголов.

На основе словаря современных русских глаголов [Бабенко 1999] был составлен список глаголов, от которых были образованы деепричастия. В этом словаре к глаголам ментальной деятельности относятся глаголы восприятия, понимания, познания, мышления, сравнения и сопоставления, выбора, решения, воображения и предположения, определения, проверки [Бабенко 1999: 303-348]. Экспериментальные стимулы содержали деепричастия от глаголов каждой подгруппы.

Далее были отобраны наиболее частотные глагольные лексемы ментальной деятельности с опорой на частотный словарь [Шаров и Ляшевская 2009]. Затем была проведена проверка частотности деепричастных форм от отобранных глагольных лексем, а также предположительно частотных деепричастных форм от нечастотных глагольных лексем

(например, *глядеть – глядя*) в абсолютных вхождениях по НКРЯ. В Таблице 1 представлен итоговый список деепричастий.

Таблица 1

Список деепричастий, отобранных для эксперимента

Деепричастие	**Количество абсолютных вхождений в НКРЯ**	**Деепричастие**	**Количество абсолютных вхождений в НКРЯ**
анализируя	727	понимая	7642
видя	12661	предполагая	1191
вспоминая	3 916	представляя	1988
выбирая	1249	разглядывая	1922
глядя	26141	раздумывая	1153
думая	7440	размышляя	1179
замечая	2960	рассматривая	2554
зная	17953	рассуждая	1131
изучая	1422	решая	572
испытывая	1246	слушая	5625
мечтая	650	слыша	2174
наблюдая	2868	смотря	6921
определяя	704	сознавая	1690
осматривая	865	соображая	1150
оценивая	701	сравнивая	908
ощущая	1250	читая	4024

Стимульные предложения содержали только деепричастия от глаголов НСВ в силу их более высокой частотности употребления относительно деепричастий от глаголов СВ (см., например, [Рожкова 2011]). Длина деепричастной клаузы составляла от 3 до 5 слов, последнее место занимало дополнение. Главная клауза имела 3 основные позиции (семантический субъект, предикат, подлежащее в форме Именительного падежа). Факультативным являлся слот, занимаемый определением перед подлежащим. Стимульные материалы приведены на интернет-странице https://zevakhina.github.io/experiment-position.html.

Филлерами послужили предложения с причастной клаузой в препозиции/ постпозиции по отношению к определяемому слову и (не-)эллиптированным экспериенцером (как и в стимульных предложениях, местоимение 1 л. ед.ч. Родительного падежа).

(4) *Подслушанный сегодня в школе диалог вызвал у меня неприятные эмоции.*

(5) *Призрак, увиденный когда-то, до сих пор мелькает у меня перед глазами.*

На каждое из 4 стимульных условий (см. предложения (a) – (d)) было сконструировано по 32 предложения (итого 128 предложений), которые были разделены на 4 листа. Помимо 32 стимулов, каждый лист содержал еще 32 филлера, итого 64 предложения на лист (все предложения были нормированы).

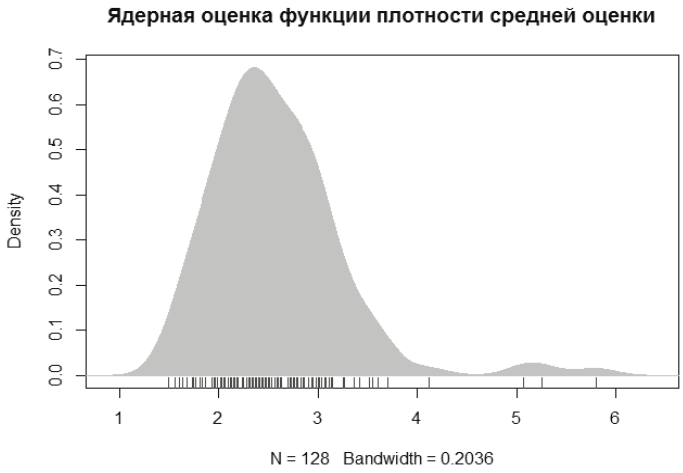
Каждый лист был предъявлен 60 испытуемым (итого в эксперименте было задействовано 240 испытуемых, 97 мужчин, 143 женщины, возрастной диапазон 17-68 лет). Испытуемые были проинструктированы оценить предложения на предмет приемлемости по семибалльной шкале.

Результаты эксперимента

Как видно из Рисунка 1, бóльшая часть оценок попала в промежуток от 2 до 3 баллов, т.е. бóльшая часть предложений была оценена носителями языка как недопустимая.

Рисунок 1

Распределение средних оценок информантов

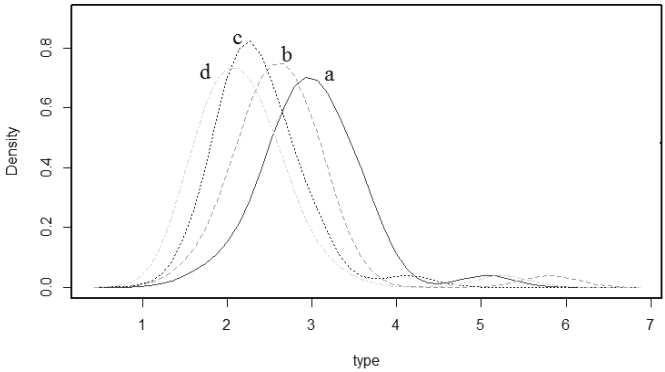


При этом только 15 человек из 240 указали, что все предложения ошибочны (все оценки = 1), среди них только 1 филолог.[2]

Из Рисунка 2 видно, что распределение средних оценок по разным типам стимульных предложений (a)-(d) различается. Так, около 70% оценок типа (a) близки к значению 3 (наиболее допустимые из недопустимых), в то время как около 70% оценок типа (d) приходится на значение 2 (наиболее недопустимые).

Рисунок 2

Распределение средних оценок по типам предложений



Для того чтобы проверить значимость различий средних оценок по типам предложений, а также подтвердить или опровергнуть Гипотезу, была построена простая линейная регрессия (linear regression).

Простая линейная регрессия, построенная для всех 4 листов таким образом, что была взята средняя оценка по 240 ответам для каждого из 32 предложений, показала, что согласно t-тестам статистически значимой становится модель соотношения (a)/(b) > (c) > (d); $F(3,28)=5.322$, $p=0.004976$, где $R^2=0.2949$. Другими словами, предложения вида (a) и (b) более приемлемы, чем

[2] При анализе полученных результатов использовались две базы данных: в одной учитывались все ответы респондентов, включая ответы респондентов со значением 1, в другой не учитывались данные, полученные от таких респондентов. Как и ожидалось, различия в результатах по двум базам данных затрагивают только среднюю оценку стимулов, в то время как статистические показатели идентичны. Далее мы будем пользоваться первой базой данных.

предложения вида (c), которые, в свою очередь, более приемлемы, чем предложения вида (d). Таким образом, гипотеза была частично подтверждена. Мы обсудим этот результат более подробно в следующем разделе.

Кроме того, чтобы выявить наличие или отсутствие корреляции между оценкой стимулов и такими экстралингвистическими факторами, как пол, возраст и образование, была построена смешанная линейная регрессия (mixed linear regression). Удалось выявить следующие корреляции: информанты старшего поколения (>31 года, 54 информанта) оказываются менее строгими в определении степени приемлемости стимульных предложений по сравнению с информантами младшего поколения (до 30 лет, 186 информантов); мужчины оказываются более лояльными в определении степени приемлемости предложений по сравнению с женщинами; наиболее строгими в определении ненормативности стимульных предложений оказались школьники,[3] а наиболее лояльными оказываются респонденты со средним профессиональным образованием.

Несмотря на то, что данные, полученные в результате построения смешанной модели корреляции, оказываются интересными, в целом модель не является статистически значимой, т.е. каждый фактор (возраст, гендер, образование) не вносит статистически значимый вклад в определение средней оценки.

Позиция деепричастной клаузы vs. (не)выраженный семантический субъект

В ходе анализа экспериментальных данных удалось установить, что фактор позиции деепричастной клаузы относительно главной клаузы (Фактор 1) оказывается более значимым для носителей языка при определении степени приемлемости предложений вида *Глядя на эту картину, у меня возникли странные ассоциации*, чем фактор (не)выраженного семантического субъекта (Фактор 2). Важно отметить, что Фактор 2 оказывается значимым для различения степени

[3] Однако данные, полученные от трех информантов, не могут рассматриваться как валидные.

приемлемости примеров, в которых деепричастная клауза представлена в постпозиции.

Наименее допустимыми для носителей языка, как и ожидалось, оказались предложения вида (d), в которых деепричастная клауза находится в постпозиции по отношению к главной клаузе, при этом семантический субъект эллиптирован. Наиболее приемлемым, как и предполагалось, стали предложения вида (a), в которых деепричастная клауза находится в препозиции по отношению к главной клаузе, семантический субъект выражен. Интересно, что оценка примеров вида (b), которые отличаются от примеров вида (a) только эллипсисом семантического субъекта, оказывается незначимо ниже, чем оценка примеров вида (a), т.е. в данном случае фактор (не)выраженного семантического субъекта не играет роли. Этот фактор оказывается важным при определении степени приемлемости предложений с постпозитивной деепричастной клаузой: предложения вида (c) с выраженным семантическим субъектом, опознаются носителями языка как более приемлемые в сравнении с предложениями вида (d), в которых семантический субъект эллиптирован.

Заключение

На основании эксперимента можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на то, что отсутствие контроля частотно в письменной и устной речи, все примеры, вынесенные на экспериментальную проверку, опознаны носителями языка как «недопустимые». Другими словами, носители могут спонтанно порождать подобные предложения, однако при фокусировании внимания на таких предложениях носители признают их ошибочными. Контраст между спонтанным порождением и неспонтанным восприятием сам по себе довольно любопытен и заслуживает особого внимания в дальнейших исследованиях.

Во-вторых, несмотря на то, что фактор позиции деепричастной клаузы относительно главной клаузы обычно не учитывается при определении (не)допустимости деепричастных предложений, именно он оказывается более важным для носителей языка при оценке приемлемости предложений,

опережая по значимости такой фактор, как наличие семантического субъекта.

Значимость такого фактора, как позиция, может быть обусловлено тем, что восприятие информации происходит во времени линейно: обработка информации начинается сразу по мере возможности (incremental processing), что показали такие эксперименты, как [Eberhard et al. 1995].[4]

В-третьих, проведенный эксперимент подтвердил гипотезу о наличии в таксисной паре отношений обусловленности: ментальные деепричастия выражают обусловливающий фактор, а значит, должны быть препозитивными, свобода перемещения возможна только для тех, которые превращаются в вводные, см. [Храковский и др. 2009].[5]

Дальнейшие перспективы исследования мы видим в следующем:

(i) насколько верны полученные выводы в отношении предложений с семантическим субъектом 3 л. ед.ч. Родительного падежа? Это бы позволило уточнить тезис О.Б. Йокоямы о роли такого важного фактора, как эгоцентричность;

(ii) насколько верны полученные выводы в отношении предложений с семантическим субъектом Дательного падежа?

(iii) в исследовании рассматривались деепричастия только от глаголов ментальной деятельности (в том числе глаголов восприятия), поэтому уместен вопрос, как ведут себя глаголы других семантических классов;

(iv) в эксперименте была использована методика определения грамматической правильности предложения (grammaticality judgment task); любопытно было бы сравнить полученные результаты с результатами, которые можно было бы получить с помощью задания на ускоренное определение грамматической правильности предложения (speeded grammaticality judgment task), которая заключается в следующем: стимул пословно появляется на экране (в один момент одно слово), после чего испытуемого спрашивают, было ли предложение грамматически правильным.

[4] Мы благодарим Н.А. Слюсарь за данное замечание.

[5] Мы благодарим О.С. Биккулову за данное замечание.

Литература

Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты // Синонимы. Антонимы. М., 1999.

Биккулова, О.С., Онипенко, Н.К. Проблема деепричастной нормы и категория субъекта. Доклад, представленный Международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (Москва, май-июнь 2016 г.).

Гловинская, М.Я. Запретные деепричастные обороты // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.

Ицкович, В.А. Очерки синтаксической нормы. М. 1982.

Йокояма, О.В. В защиту запретных деепричастий // American contributions to the IXth International congress of slavists. Vol. 1. Linguistics. Los Angeles, 1983, с. 373-381.

Рожкова, А.Ю. Причастия и деепричастия как маркеры уровня речевой компетенции говорящего. СПб., 2011 (рукопись).

Федорова, О.В. Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента. М., 2008. Т. 1. №. 5.

Храковский, В.С. (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.

Чупашева, О.М. Грамматика русского деепричастия. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 2010.

Шаров, С.А., Ляшевская, О.Н. Новый частотный словарь русской лексики. Электр. изд. 2009.

Шведова, Н.Ю. (ред.). Русская грамматика. М., 1980.

Резюме

Отсутствие субъектного контроля как одно из наиболее распространенных синтаксических нарушений в русском языке не раз отмечалось в литературе, см. [Гловинская 1996, Йокояма 1983, Чупашева 2010] и ср. классический пример *Подъезжая к станцыи… у меня слетела шляпа* (А.П. Чехов). При этом, насколько нам известно, не обсуждались следующие вопросы: 1) влияют ли на степень грамматичности этого типа предложений такие факторы, как позиция деепричастной клаузы относительно главной и (не)выраженность семантического

субъекта в главной клаузе, и 2) как эти факторы взаимодействуют между собой. Эксперимент, тестирующий предложения с деепричастиями ментальной и перцептивной деятельности, показал, что фактор позиции деепричастной клаузы относительно главной является более важным для носителей языка, чем фактор (не)выраженного семантического субъекта в главной клаузе. Более того, препозитивные деепричастные клаузы оцениваются носителями как более допустимые, чем постпозитивные, независимо от того, выражен ли в главной клаузе семантический субъект. Напротив, в случае постпозиции деепричастной клаузы становится значимым фактор (не)выраженного семантического субъекта в главной клаузе: предложение с выраженным семантическим субъектом оценивается как более приемлемое, чем предложение с эллиптированным семантическим субъектом. Одна из теоретических импликаций проведенного эксперимента состоит в том, что была подтверждена гипотеза о наличии в таксисной паре отношений обусловленности: ментальные деепричастия выражают обусловливающий фактор, а значит, должны быть препозитивными (свобода перемещения возможна только для тех, которые превращаются в вводные), см. [Храковский (ред.) 2009].

Ключевые слова: деепричастный оборот, деепричастная клауза, семантический субъект, субъектный контроль, позиция деепричастного оборота.

Natalia A. Zevakhina
National Research University Higher School of Economics, Moscow
nzevakina@hse.ru
Svetlana Yu. Puzhaeva
National Research University Higher School of Economics, Moscow
syupuzhaeva@edu.hse.ru

CONVERBIAL CLAUSE IN RUSSIAN: POSITION PLAYS A BIGGER ROLE THAN SEMANTIC SUBJECT

Summary

The lack of subject control as one of the common grammatical violations in Russian sentences with converbial clauses has been well-acknowledged, cf. [Glovinskaja 1996, Jokojama 1983, Chupasheva

2010] and a classical example *Pod''ezzhaja k stancii, u menja sletela shljapa* 'Coming to the station, my hat flied off'. To the best of our knowledge, the following question has not been discussed yet: do factors such as preposition/postposition of a converbial clause and explicitness/ ellipsis of a semantic subject in a main clause (in the example above the 1SG person) influence a degree of grammatical acceptability of a sentence with a converbial clause and without subject control? Experimentally approaching this question on the basis of converbs derived from mental and perceptual verbs and with help of the grammaticality judgment task, we show that the position factor is more important than the semantic subject factor. Moreover, prepositional converbial clauses are evaluated as more acceptable than postpositional, regardless the fact whether a semantic subject is present/ absent in a main clause. On the contrary, in case of postposition, the presence of a semantic subject is more acceptable than its absence. One of the theoretical implications of the experiment is that it supported the findings by [Hrakovskij (red). 2009]. According to that paper, mental converbs exhibit conditions within which a main clause has to be interpreted and, therefore, should be prepositional.

Keywords: converbial clause, semantic subject, subject control, position of a converbial clause.

References

Babenko, L.G. Tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie jekvivalenty [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents] // Sinonimy. Antonimy [Synonyms. Antonyms]. M., 1999.

Bikkulova, O.S., Onipenko, N.K. Problema deeprichastnoj normy i kategorija sub''ekta [The problem of converbial norm and the category of semantic subject]. Doklad, predstavlennyj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Grammaticheskie processy i sistemy v sinhronii i diahronii" [The talk given at the International scientific conference "Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony"] (Moskva, maj-ijun' 2016g.).

Chupasheva, O.M. Grammatika russkogo deeprichastija. Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni doktora filologicheskih nauk. M., 2010.

Fedorova, O.V. Osnovy jeksperimental'noj psiholingvistiki: principy organizacii jeksperimenta [The basis of experimental psycholinguistics: principles of organization of an experiment]. M., 2008. T. 1. №. 5.

Glovinskaja, M.Ja. Zapretnye deeprichastnye oboroty [Forbidden converbial clauses] // Russkij jazyk konca XX stoletija [Russian language of the XXth century]. M., 1996.

Hrakovskij, V.S. (red.). Tipologija taksisnyh konstrukcij [Typology of taxis constructions]. M.: Znak, 2009.

Ickovich, V.A. Ocherki sintaksicheskoj normy [Study on a syntactic norm]. M. 1982.

Jokojama, O.V. V zashhitu zapretnyh deeprichastij [In defence of forbidden converbs] // American contributions to the IX-th International congress of slavists. Vol. 1. Linguistics. Los Angeles, 1983, pp. 373-381.

Rozhkova, A.Ju. Prichastija i deeprichastija kak markery urovnja rechevoj kompetencii govorjashhego [Participles and converbs as markers of speaker's speech competence]. SPb., 2011 (rukopis' [unpublished]).

Sharov, S.A., Ljashevskaja, O.N. Novyj chastotnyj slovar' russkoj leksiki [New frequency dictionary of Russian lexicon]. Jelektr. izd. 2009.

Shvedova, N.Ju. (red.). Russkaja grammatika [Russian grammar]. M., 1980.

Tanenhaus, M.K., Spivey-Knowlton, M.J., Eberhard, K.M., & Sedivy, J.C. (1995). Integration of visual and linguistic information in spoken language comprehension. Science, 268 (5217), pp. 1632-1634.

К.К. Кашлева
МГОУ, Москва

Синтаксические особенности немецких научных текстов первой половины XIV в. (на материале *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur*)

0. Введение

Научный стиль занимает важную позицию в системе стилей современного немецкого языка, однако его эволюция до сих пор недостаточно изучена. Целью данного исследования является выявление и описание основных синтаксических характеристик немецких научных текстов первой половины XIV в. на примере трактатов *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur*.

По мнению Т. Рёльке, исследование немецкого научного стиля в диахроническом аспекте крайне неравномерно, а создание его полной истории представляет собой одну из важных проблем германистики [Roelcke 1999: 159]. Он настаивает на том, что принятая периодизация этапов развития немецкого литературного языка подходит для научного стиля только в ограниченной форме. Т. Рёльке предлагает выделять следующие этапы: средневековый научный стиль (*mittelalterliche Fachsprache*), который существовал в период с VIII по XIV вв.; научный стиль раннего Нового времени (*frühneuzeitliche Fachsprache*) — с XIV по XVII вв.; научный стиль Нового времени (*neuzeitliche Fachsprache*) — с XVIII вв. и далее [Ibid.: 160–161]. В основу классификации он кладет, в первую очередь, не лингвистические, а экстралингвистические факторы (развитие социума).

Научные (или натурфилософские) трактаты Средневековья представляют собой уникальный жанрово-стилистический сплав, обусловленный целью их создания и особенностями культуры того периода. Они имеют существенные отличия от современных научных работ по смысловому и по стилистическому параметрам.

Средневековые компиляторы, авторы и переводчики опирались на латино- и грекоязычную традицию — прецедентные тексты (работы античных авторов или теологические трактаты). Средневековые произведения решали

просветительские задачи. Основной целью их написания было не умножение, а сохранение и передача знаний. По своей функции они ближе к современным научно-популярным текстам, нежели к собственно научным.

Несмотря на общие принципы, которыми руководствовались средневековые авторы и компиляторы, объединение текстов VIII–XIV вв. в рамках одного этапа развития, как предлагает Т. Рёльке, на наш взгляд, неправомерно, поскольку между текстами существуют серьезные различия, как смысловые, так и стилистические.

1. Древневерхненемецкий период

Некоторые зачатки научного стиля можно отыскать уже в древневерхненемецкий период, когда стали появляться компиляции и переводы с латинского и греческого языков.

Одной из наиболее ранних работ по естествознанию на древневерхненемецком языке является «Старший Физиолог» (выполненный около 1070 г. перевод с греческого языка книги «Физиолог»). Текст посвящен описанию реальных и вымышленных зверей и метафорическому объяснению их качеств [Bergmann 2013: 367]. Среди работ того периода также стоит выделить выполненный Ноткером Немецким перевод фрагмента сочинения Марциана Капеллы «О бракосочетании Филологии и Меркурия».

Однако наибольшее количество трудов писалось на латинском языке, языке учености. В их числе, например, работы Германа из Райхенау, который прославился среди современников благодаря своим трудам в рамках квадривиума. Еще до Возрождения XII в. он стал одной из ключевых фигур в процессе передачи астрономических знаний из арабского мира в Европу [Hermann (Hermannus) the Lame].

Таким образом, в этот период не представляется возможным выделить научный стиль в качестве самостоятельного, как в силу небольшого числа древневерхненемецких научных текстов, так и из-за их специфического содержания.

2. Материал

Материалом настоящего исследования послужили тексты *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur*.

Автор *Mainauer Naturlehre* (*'Buoch von der zît'*) неизвестен. Текст сохранился только в одном списке, написанном на западноверхнеалеманнском диалекте. В. Ваккернагель датировал текст приблизительно 1300 г. [Die deutsche Literatur des Mittelalters 1985: 1175–1176]. *Mainauer Naturlehre* включает в себя переводы с латыни: в основном, это фрагменты из «Трактата о сфере» и «Об исчислении лет» Иоанна Сакробоско, из псевдоаристотелевой «Тайны тайн», а также некоторые цитаты из работы *Massa Compoti*, написанной Александром из Вильдье [Mosimann 1994: 391].

Энциклопедия Конрада фон Мегенберга *Das Buch der Natur* представляет собой перевод и компиляцию нескольких источников. Основной из них — анонимная третья редакция трактата «О природе вещей» Фомы из Кантимпре. *Das Buch der Natur* сохранилась в двух редакциях: первая редакция («редакция с прологом») и вторая редакция («редакция с посвящением»). Датировка и авторство второй редакции, в отличие от первой, являются спорными [Gottschall 2004: 4–5, 14].

В процессе исследования были проанализированы по сто предложений, полученных из каждого текста методом сплошной выборки. Разбиение текста на предложения принято в соответствии с критическими изданиями.

3. Синтаксис научного стиля

Научный стиль характеризуется не только отбором специальной лексики, но и особыми синтаксическими средствами. В современном немецком языке к ним относятся синтаксическая полнота оформления высказывания, наличие аналитических конструкций, употребление клишированных структур, преимущественно именной характер высказывания и развернутая система связующих элементов. Как отмечает Брандес М.П., этим достигается последовательность изложения [Брандес 2004: 184]. Повествовательные предложения играют важную роль в научном стиле, их доля по отношению к другим типам предложений намного выше, чем в повседневном языке. К наиболее распространенным типам придаточных относятся условные придаточные и придаточные цели, которые обладают повышенной эксплицитностью и выражают логические

последовательности. Помимо них, широко распространены относительные придаточные предложения [Roelcke 1999: 80–81].

В средневерхненемецкий период уже существовали многие синтаксические особенности современного немецкого языка, указывают Р. Бергманн, К. Мулин и Н. Руге. Это такие особенности, как расположение финитного глагола на втором месте в повествовательном предложении или на первом месте в побудительном [Bergmann, Ruge, Moulin 2011: 160]. В средневерхненемецком языке стала появляться рамочная конструкция главных и придаточных предложений, но становление этой конструкции в тот период еще не завершилось. Уже для средневерхненемецкого придаточного предложения было характерно смещение группы слов из их «нормального» положения за пределы рамочной конструкции в прагматических или стилистических целях. Однако сама граница между главным и придаточным предложением, в отличие от современного немецкого языка, не всегда была однозначной [Ibid.: 162].

4. Типы предложений

Для *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur* характерны сложноподчиненные предложения с одним или несколькими придаточными. В исследуемых работах представлены следующие типы придаточных предложений: определительное придаточное (1), дополнительное придаточное (2), придаточное времени (3), придаточное причины (4), придаточное условия (5):

(1) *der ander ganc ist der naturlich ganc* ***den die planeten hant*** *von occidente wider daz firmamente* [Die sogenannte Mainauer Naturlehre (MN) 1994: 7–8]. — ‘Другая траектория — это естественная траектория, которая есть у планет, с запада по небесной тверди’.

(2) <...> *dar an man siht,* ***ob der mensch mæzik oder unmæzik sei, vorchtig oder türstig, hazzend oder minnend, traurig oder frœleich*** [Megenberg 1861: 10]. — ‘...по этому видно, умеренный человек или нет, испуганный или испытывающий жажду, ненавидящий или влюбленный, печальный или радостный’.

(3) *iedoch schreibt man, daz Titus der kaiser in der vinster sæh,* ***wenn er wacht,*** *reht als an dem liehten tag und wurden auch seineu augen niht krenker, wenn si lang in der vinster wâren, als an andern*

leuteu geschiht [Ibid.: 9]. — ‘Однако пишут, что император Тит, когда бодрствовал, смотрел в темноту, как будто в ясный день, и его глаза не становились слабее, если они долго пробыли в темноте, как случается у других людей’.

(4) *Daz hirn ist kalter nâtûr, als Aristotiles spricht, und daz herz ist haizer nâtûr,* ***und dar umb ist daz hirn gesetzt über daz herz****, daz des herzen hitz des hirns kelten senftig* [Ibid.: 6]. — ‘Мозг — холодная сущность, как говорит Аристотель, а сердце — горячая сущность, и поэтому мозг руководит сердцем, чтобы горячность сердца успокаивала прохлада мозга’.

(5) <...> ***und wenn daz verwarlôset wirt****, sô wirt daz mensch ungehœrnde* [Ibid.: 11]. — ‘И если он [слух] потерян, то человек станет глухим’.

Разнообразие придаточных предложений наглядно демонстрирует, что к первой половине XIV в. синтаксис немецкого языка достаточно приблизился к современному состоянию. Использование сложноподчиненных предложений свидетельствует о стремлении авторов текстов выразить мысль как можно более последовательно и четко.

В трактатах насчитывается больше количество предложений, содержащих определения того или иного явления, что обусловлено целью этих работ. По этой причине самыми частотными придаточными являются определительные, что сближает стиль *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur* со стилем современных научных работ на немецком языке. Придаточные предложения в исследуемых текстах могут вводиться относительными местоимениями *der, die, daz*, а также союзами *daz*, *wie, als*:

(6) *Nû schüll wir sagen von allen den stucken und gelidern,* ***die an dem menschen sint****, und des êrsten von dem haupt* [Ibid.: 4]. — ‘Теперь следует сказать обо всех частях и членах, которые есть в человеке, и, в первую очередь, о голове’.

(7) *Daz dritte element* ***daz ist der luft der besluzit in sich die ersten zwei*** [MN 1994: 5] — ‘Третий элемент, который есть воздух, который включает в себя первые два’.

И в *Mainauer Naturlehre,* и в *Das Buch der Natur* также встречаются сложносочиненные предложения, причем в энциклопедии К. фон Мегенберга они более распространены.

Безличные и неопределенно-личные предложения обеспечивают большую объективность высказывания, заменяя субъект грамматическим подлежащим *man* или *ez*:

(8) *Dar umb sicht* ***man*** *oft, daz ein mensch sein gedæchtnüss verleust* <...> [Megenberg 1861: 5]. — ‘Поэтому часто видно, что человек потерял память’.

5. Косвенная речь

Косвенная речь реализует интертекстуальные связи. В исследуемых текстах выбор данной синтаксической конструкции вызван необходимостью сослаться на источник информации.

В *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur* косвенная речь оформляется вводными словами по формуле «субъект + глагол говорения + (союз *daz*)». Субъект как правило, подразумевает авторитетного автора или безымянный источник, на который ссылается составитель трактата. Для ввода косвенной речи используется глагол *sprechen*. Он означает сам процесс речи, ее внешнюю сторону, и употребляется по отношению к авторитетным авторам и прецедентным источникам, являясь признаком «книжного», «ученого» стиля. Союз *daz* может опускаться.

Дополнительное придаточное, которое передает содержание косвенной речи, может иметь прямой порядок слов (независимо от наличия союза *daz*):

(9) *Aristotiles spricht,* ***daz ain iegleich tier hab*** *ain hert hirnschal recht als ain iesleich paum hât hert wurz* <...> [Megenberg 1861: 5]. — ‘Аристотель говорит, что каждый зверь имеет твердый череп, как каждое дерево имеет твердый корень’.

(10) <...> *ander sternen daz mensche sprichit* ***si sin die ierrenden sternen*** [MN 1994: 6]. — ‘...другие звезды, о которых человек говорит, [что] они ложные звезды’.

Но в косвенной речи глагол может стоять и на последнем месте (как в современном немецком языке):

(11) *Aristotiles spricht, daz daz weinperl zuo der stimm nütz* ***sei,*** *wenn ez niht ze grôz noch ze klain* ***sei*** [Megenberg 1861: 17]. — ‘Аристотель говорит, что виноград полезен для настроения, когда его не слишком много и не слишком мало’.

(12) *Aristotiles spricht,* ***daz diu lung sei*** *ain wintvanch, der den luft auz und ain füert* [Ibid.: 29]. — ‘Аристотель говорит, что легкие — это мехи, которые вводят и выводят воздух’.

Можно заключить, что порядок слов в придаточных предложениях в исследуемых текстах был еще достаточно свободным и допускал варьирование, что согласуется с общими тенденциями средневерхненемцкого языка.

6. Объективная и субъективная модальность

Объективная модальность, формирующая предложение, связана с категорией времени. На синтаксическом уровне она выражается при помощи системы глагольных временных форм и наклонений.

В проанализированных трактатах индикатив представлен такими временными формами, как презенс, перфект и претерит, а конъюнктив — формой презенса.

Презенс индикатива использовался для выражения плана настоящего и повествования о вневременных фактах: *aber die planete* ***hant*** *zwene genge* [MN 1994: 7]. — «Но планеты имеют две траектории». Презенс в этом значении является основной временной формой в *Mainauer Naturlehre*. В обоих текстах презенс употребляется при цитировании умерших авторитетных авторов [Rüdig 1996]: *Aristotiles* ***spricht****, daz diu lung sei ain wintvanch, der den luft auz und ain füert* [Megenberg 1861: 29]. — ‘Аристотель говорит, что легкие — это мехи, которые вводят и выводят воздух’.

К. фон Мегенберг употребляет перфект в основном для своих вводных замечаний, выражающих личный опыт и имеющих отношение к повествованию в плане настоящего времени: *nû* ***hân*** *ich kurz* ***begriffen*** ‘теперь я кратко описал’; *ich* ***hân gesprochen*** ‘я рассказал’; *iedoch* ***hân*** *ich ainen menschen* ***gesehen*** ‘однако я видел одного человека’. Он использует перфект и для описания уже произошедших событий, результат которых важен в настоящем:

auch wann der mensch ***gearbait hât****, daz er müed ist, sô slâft er auch gern* [Ibid.: 8]. — ‘Когда человек поработал [так], что он устал, тогда он спит с удовольствием’.

С помощью претерита выражается план прошедшего времени: *Got* ***beschuof*** *den menschen an dem sehsten tag nâch andern crêatûren* [Ibid.: 3]. — ‘Бог создал человека на шестой день после других творений’.

В косвенной речи К. фон Мегенберг употребляет формы презенса конъюнктива (см. примеры (11) и (12)).

В исследуемых текстах также используется пассив и статив:

(13) *Dar umb sicht man oft, daz ein mensch sein gedæchtnüss verleust, wenne ez sêr* ***gewunt wirt*** *hinden in daz haupt, oder daz ez sein beschaidenhait verleust, wenne ez* ***gewundet wirt*** *oder hart* ***geslagen*** *vorn an daz haupt* [Ibid.: 5]. — ‘Поэтому часто видно, что человек теряет память, будучи сильно ударенным по голове сзади, или теряет рассудок, будучи раненым или сильно ударенным по голове спереди’.

(14) *Dez menschin lip* ***ist gemachet*** *vz vier elemente da von so wil ich dir sagen welhes siv sint* [MN 1994: 3]. — ‘Человеческое тело создано из четырех элементов, и я хочу рассказать, какие они’.

Страдательный залог является неотъемлемой чертой научного стиля, поскольку устраняет субъективность высказывания: акцент делается на объект.

Субъективная модальность указывает на отношение говорящего к ситуации и зачастую выражается при помощи модальных глаголов (*(be)durfen, kunnen, müezen, mügen, soln, wellen*). В этом проявляются такие черты научно-популярных текстов, как субъективность и экспрессивность (в противовес объективности собственно научных текстов): *so* ***sol*** *man sich huoten vor vnkivschekeit* [Ibid.: 18] — ‘Так следует беречься от распущенности’.

7. Выводы

Как научно-популярные тексты *Das Buch der Natur* и *Mainauer Naturlehre* одновременно объединяют в себе некоторые полярные стилистические черты: стремление к объективности и субъективно-экспрессивную окраску.

Синтаксис обоих текстов представляет собой сложную систему, предназначенную для передачи больших объемов логически связанной информации. Основными чертами можно считать использование сложноподчиненных предложений с одним или несколькими придаточными и косвенной речи для передачи информации другого автора. Страдательный залог, неопределенно-личные и безличные предложения призваны придать высказыванию большую объективность. Использование модальных глаголов, напротив, придает тексту субъективный и экспрессивный оттенок.

Синтаксис *Das Buch der Natur* более сложен по сравнению с синтаксисом *Mainauer Naturlehre*. У К. фон Мегенберга наблюдаются разнообразные типы придаточных предложений (с союзами *wenn, dar umb, só*). Используются сложносоставные союзы, например, *niht ... noch, noch ... noch.* Число таких союзов в *Mainauer Naturlehre* крайне мало. Кроме того, в *Mainauer Naturlehre* используется преимущественно только презенс индикатива, тогда как в *Das Buch der Natur* наблюдается широкое разнообразие временных форм.

Стиль исследуемых работ находится в русле общих тенденций развития немецкого языка в тот период. Выделить его в отдельный научный стиль позволяют синтаксические и лексические (широкое использование терминов) особености.

Дальнейшее исследование должно включать в себя развернутый анализ влияния латинского языка на синтаксические особенности немецкого научного стиля.

Литература

Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд. М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.

Bergmann, R., Ruge, N., Moulin C. (2011). Alt- und Mittelhochdeutsch. Arbeitsbuch zur Grammatik der älteren deutschen Sprachstufen und zur deutschen Sprachgeschichte. 8. Aufl. Göttingen: Utb; Vandenhoeck & Ruprecht.

Bergmann, R. (2013). Althochdeutsche und altsächsische Literatur. Berlin, Boston: Walter de Gruyter.

Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 5. (1985) / Hrsg. von Ruh K. et al. Berlin, New York: De Gruyter.

Die sogenannte Mainauer Naturlehre (1994) / Hrsg. von Mosimann M. Tübingen, Basel: Francke.

Gottschall, D. (2004). Konrad von Megenbergs Buch von den natürlichen Dingen: ein Dokument deutschsprachiger Albertus Magnus-Rezeption im 14. Jahrhundert. Leiden, Boston: BRILL.

Hermann (Hermannus) the Lame. Complete Dictionary of Scientific Biography // Encyclopedia.com. URL: http://www.encyclopedia.com/science/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/hermann-hermannus-lame (Дата обращения 12.03.2017).

Megenberg, K. von. (1861). Das Buch der Natur. Die erste Naturgeschichte in deutscher Sprache. Stuttgart.

Mosimann, M. (1994). Die "Mainauer Naturlehre" im Kontext der Wissenschaftsgeschichte. Tübingen, Basel: Francke.

Roelcke, T. (1999). Fachsprachen. Berlin: Erich Schmidt.

Rüdig, A. (1996). Die Entwicklung des Tempussystems vom Althochdeutschen zum Mittelhochdeutschen. URL: www.linse.uni-due.de/esel-seminararbeiten/articles/die-entwicklung-des-tempussystems-vom-althochdeutschen-zum-mittelhochdeutschen.html (Дата обращения 12.03.2017).

Резюме

В статье рассматривается синтаксис немецких научных текстов первой половины XIV в. Выявление и описание основных синтаксических характеристик производится на материале текстов *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur*, для чего были проанализированы по сто предложений, полученных из каждого текста методом сплошной выборки. Научные средневековые тексты решали просветительские задачи, что позволяет считать их научно-популярной литературой. По этой причине они объединяют в себе такие противоположные стилистические черты, как стремление к объективности и субъективно-экспрессивную окраску, что достигается за счет особых синтаксических средств. Для объективной передачи информации используются сложноподчиненные предложения, косвенная речь, страдательный залог, неопределенно-личные и безличные предложения. Субъективный и экспрессивный оттенок текстам придает употребление модальных глаголов. При этом

синтаксис *Das Buch der Natur* более сложен по сравнению с синтаксисом *Mainauer Naturlehre*.

Ключевые слова: синтаксис, историческая стилистика, история немецкого языка, научный стиль.

Ksenia K. Kashleva
Moscow Region State University, Moscow
address.for.job@gmail.com

Syntactic features of German scientific texts in the first half of the 14th century (based on *Mainauer Naturlehre* and *Das Buch der Natur*)

Summary

The article considers the syntax of German scientific texts in the first half of the 14th century. The description and analysis of main syntactic features is based on *Mainauer Naturlehre* and *Das Buch der Natur*. To achieve it, one hundred sentences from each text were taken using continuous sampling method. Medieval scientific texts had educational goals. It allows considering them as popular science texts. Due to that fact they include such opposite stylistic features as tendency to neutrality and integrity and tendency to expressiveness and subjectivity. It can be achieved with the help of special syntactic features. To present information impersonally the authors use complex and compound sentences, passive voice, and impersonal sentences. Using of modal verbs makes texts expressive and subjective. Moreover, the syntax of *Das Buch der Natur* is more complicated than the syntax of *Mainauer Naturlehre* is.

Keywords: syntax, historical stylistics, the history of the German language, scientific style.

References

Brandes M.P. Stilistika teksta. Teoreticheskij kurs: Uchebnik. 3-e izd. [Textual stylistics. Theoretical course: A textbook. 3rd ed.]. Moscow: Progress-Tradicija; INFRA-M, 2004. 416 p.

Bergmann, R., Ruge, N., Moulin C. (2011). Alt- und Mittelhochdeutsch. Arbeitsbuch zur Grammatik der älteren deutschen Sprachstufen und zur deutschen Sprachgeschichte. 8. Aufl. Göttingen: Utb; Vandenhoeck & Ruprecht.

Bergmann, R. (2013). Althochdeutsche und altsächsische Literatur. Berlin, Boston: Walter de Gruyter.

Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 5. (1985) / Hrsg. von Ruh K. et al. Berlin, New York: De Gruyter.

Die sogenannte Mainauer Naturlehre (1994) / Hrsg. von Mosimann M. Tübingen, Basel: Francke.

Gottschall, D. (2004). Konrad von Megenbergs Buch von den natürlichen Dingen: ein Dokument deutschsprachiger Albertus Magnus-Rezeption im 14. Jahrhundert. Leiden, Boston: BRILL.

Hermann (Hermannus) the Lame. Complete Dictionary of Scientific Biography // Encyclopedia.com. URL: http://www.encyclopedia.com/science/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/hermann-hermannus-lame (Retrieved 12.03. 2017)

Megenberg, K. von. (1861). Das Buch der Natur. Die erste Naturgeschichte in deutscher Sprache. Stuttgart.

Mosimann, M. (1994). Die "Mainauer Naturlehre" im Kontext der Wissenschaftsgeschichte. Tübingen, Basel: Francke.

Roelcke, T. (1999). Fachsprachen. Berlin: Erich Schmidt.

Rüdig, A. (1996). Die Entwicklung des Tempussystems vom Althochdeutschen zum Mittelhochdeutschen. URL: www.linse.uni-due.de/esel-seminararbeiten/articles/die-entwicklung-des-tempussystems-vom-althochdeutschen-zum-mittelhochdeutschen.html (Retrieved 12.03.2017).

Л.Р. Комалова
ИНИОН РАН, МГЛУ, Москва

Жанры агрессивного речевого поведения[1]

Введение

Вербализация агрессии в форме речевых жанров агрессивного типа выделяется в речевую агрессию как самостоятельную разновидность агрессивного поведения.

Речевую агрессию, скорее, следует рассматривать как комплекс приобретенных речевых навыков, нежели врожденный набор способов защиты и нападения [Комалова 2017]. В связи с этим интерес представляют так называемые речевые акты агрессивного типа (жанры и субжанры) речевого общения.

Описание исследования

В ходе исследования ставилась задача на основе изучения научной литературы определить и описать множество речевых жанров, воспринимаемых в процессе речевой коммуникации как агрессивное речевое поведение. Было проанализировано более 200 научных источников по тематике исследования. В итоге были выявлены следующие речевые жанры, относимые авторами к конфликтному типу коммуникации.

Речевой жанр **оскорбления** подробно рассматривается в работах лингвистов, проводящих судебные лингвистические экспертизы в виду того, что именно этот жанр является предметом судебных разбирательств по факту унижения чести и достоинства человека. Лингвисты-эксперты разграничивают толкование понятия «оскорбление» в юридической плоскости и с позиций его бытового понимания. И если «первое подлежит правовому регулированию, то второе – только моральному осуждению и мерам общественного воздействия» [Стернин 2010: 16].

Оскорбление рассматривается как практически однозначно воспринимаемый индикатор прямой и сильной речевой агрессии, в которой преобладает либо эмоциональность (ненамеренное защитное оскорбление: *дурак*, *подлец*), либо оценка объекта

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ), проект №14-18-01059.

оскорбления (намеренное оскорбление: *голь перекатная*) [Щербинина 2013].

На языке описания, принятом в работе [Вежбицкая 2007] речевой акт оскорбления, по-видимому, будет представлен следующим образом.

Знаю, что Х способно причинить тебе психологический ущерб.

Хочу, чтобы ты знал, что я говорю Х.

Говорю Х, чтобы причинить тебе психологический ущерб.

Сплетня выражает активную, но непрямую агрессию. «Говорящий прячется за чужое мнение, прикрывается авторитетами других лиц, заменяет прямое высказывание ссылкой на чьи-то суждения, часто неконкретные и обобщенные» (*Есть мнение… Некоторые считают, будто…*) [Щербинина 2013: 249].

В развернутом виде схематичное описание речевого жанра «сплетня» выглядит следующим образом:

Знаю, что Х способно причинить тебе психологический ущерб.

Хочу, чтобы ты знал, что я говорю Х.

Говорю Х по отношению к тебе третьему лицу (У3).

Знаю, что У3 передаст тебе, что я говорил Х.

Говорю Х для того, чтобы причинить тебе психологический ущерб.

Участником речевого акта **угрозы** выступает тот, кто высказывает угрозу, и тот, в отношении кого высказывается угроза, а также третье лицо – канал передачи информации. Условием успешности угрозы служит тот факт, что адресат угрозы не желает наступления негативных последствий, вербально обозначенных в угрозе или подразумеваемых под угрозой. Условием искренности является то, что угрожающий произносит высказывание с целью побудить адресата к совершению определенных действий [Бринев 2009]. Речевой акт угрозы можно представить следующей формулой [Бринев – эл. ресурс]:

Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое / чтобы наступило нечто плохое.

Думаю, что ты знаешь (или можешь думать), что я могу сделать тебе нечто плохое / наступит нечто плохое.

Хочу, чтобы ты знал (думал), если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.

Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.

Говорю это для того, чтобы ты не делал (сделал) X.

Более мягкой формой речевой агрессии в обыденной жизни признается **грубое / категоричное требование (приказ, директива)** и **грубый отказ** – просьба / распоряжение или отрицательный ответ на просьбу, выраженные в решительной, категоричной форме. Для того чтобы требование и отказ воспринимались агрессивно, необходимо выполнение следующих условий [Щербинина 2013]:

- наличие грубой формы, отсутствие вежливости, безапелляционность, резкая категоричность высказывания;
- наличие грубой интонации;
- отсутствие у говорящего полномочий для подобного речевого поведения;
- несоответствие статуса и возраста говорящего содержанию требования / отказа.

На стыке речевых жанров приказа и отказа располагается речевой жанр **грубого прерывания коммуникативного контакта**, который в речи вербализуется с помощью императивов.

Речевой жанр **запрета** используется также с целью демонстрации власти над партнером по коммуникации. Используя прямое выражение несогласия, категорический отказ или запрет желательных для адресата действий, адресант игнорирует его желания и навязывает свою волю. К универсальным ответным репликам несогласия относится слово «нет». В качестве ироничного отказа употребляются реплики благодарности, с помощью которых говорящий пытается выразить протест [Романова 2006: 75-77].

Враждебное замечание является вербальной реакцией отторжения, неприятия, отрицательного суждения, вербализации негативного отношения, которое выражается в категорических утверждениях, резких восклицаниях (*Не выношу тебя! Она меня просто бесит!*). От оскорбления враждебное замечание отличает бóльшая развернутость и непрямая адресация (*Соображать надо! Ты мне до пупка достаешь*) [Щербинина 2013].

Как правило, порицание реализуется в речи при помощи речевых жанров обвинения, осуждения упрека. Эти жанры отличаются друг от друга силой негативной интенции, заложенной в высказывание.

Осуждение и **обвинение** можно представить в виде следующих семантических формул [Дубровская 2014: 74-75]:

Осуждение (некто совершил плохие поступки).

Я думаю, что поступать (говорить) таким образом – плохо.

Ты поступаешь / поступил таким образом.

Следовательно, я считаю, что ты сделал плохо, и говорю тебе об этом.

Обвинение (некто совершил плохие поступки).

Ты совершил некий поступок, действие.

Совершать такие действия нельзя.

Знаю, что ты совершил эти действия, и говорю тебе об этом.

Близким к жанру осуждения является речевой жанр **неодобрения**. Это также вербальный способ выражения своего негативного отношения к собеседнику. При этом предметом критики становятся как личностные характеристики партнера по коммуникации (умственные способности, внешность, черты характера), так и особенности его поведения, отдельные слова и поступки. Среди вербальных способов выражения неодобрения можно назвать использование фраз, выражающих презрительное отношение говорящего к адресату, нивелирующие его значимость, подчеркивающие его некомпетентность и ординарность [Романова 2006: 64-65].

В речевом жанре **упрека** вербализуется прямое указание говорящим на ошибку или оплошность, совершенную партнером по коммуникации. Упрек является смягченной разновидностью обвинения и создает преимущественно взрослый образ агрессора [Щербинина 2013]. Упрек также является формой демонстрации критического отношения к собеседнику и отрицательной оценки его слов и поступков. Иногда упрек может быть сформулирован в виде иронической похвалы.

Жанр **нотации** (чтение морали) более свойственен репертуару речевой агрессии авторитетных, знающих и опытных адресантов. Приближаясь к жанру выговора / нагоняя, он во многих случаях провоцирует ответную речевую агрессию [там же].

К провоцирующим речевую агрессию жанрам относится и речевой жанр **возражения (протеста)**, который представляет собой решительное выражение несогласия. «Протест (от лат. protestari – изъявлять, открыто заявлять) – это решительное возражение против чего-либо» [Ожегов 1981: 555].

А.Ш. Гусейнов в результате контент-анализа высказываний, описывающих протестную активность, в научной литературе и словарях выделяет следующие таксономические группы качеств протеста [Гусейнов 2013: 42]:

- проявленность (явный / неявный, внутренний / открытый, молчаливый / открытый, тайный / нескрываемый протест);
- степень осознанности (безотчетный, слепой, невольный, инстинктивный, органический, стихийный, осознанный протест);
- активность, энергетическая мощь (бешеный, неудержимый, буйный, кипучий, могучий, неистовый, самозабвенный, страстный, яростный, горячий, грозный протест);
- результативность (бесплодный, бессмысленный, напрасный протест);
- психологическое содержание (желчный, твердый, дерзкий, неподдельный протест);
- ценностная основа (закономерный, пламенный, благородный, бесстрашный, отчаянный, обличительный, праведный, справедливый).

Коммуникативный саботаж сводится к игнорированию, уходу от ответа, смене темы коммуникации, прекращению общения [Андреева 2014]. Целью данного жанра является желание адресанта изменить поведение адресата в соответствии со своими интересами. Коммуникативный саботаж является выражением внутреннего (неявного) недовольства или возражения и в этом контексте может быть рассмотрен как речевой субжанр протеста.

Более мягким способом протеста выступает использование речевого жанра **возмущения**, который представляет собой эмоциональную (негативную) реакцию на поступок собеседника.

Речевой жанр **демонстрации обиды** похож на упрек и возмущение. Его своеобразие в том, что недовольство высказывается не по поводу какого-то действия, а по поводу

речевого поведения, которое считается оскорбительным [Седов 2007: 269].

Речевой жанр **проклятья** «восходит к древнейшим формулам магических заклинаний и в связи с этим может быть отнесен к фундаментальному архетипическому пласту речевого коллективного бессознательного этноса» [там же: 268]. В настоящее время этот жанр в разговорной речи встречается редко. Как правило, в высказывании он сочетается с субжанром инвективы. Значительно чаще подобный речевой акт можно встретить в политическом дискурсе [Енина 1999].

Речевой жанр **злопожелания** как и проклятья генетически восходят к черной магии, к древним ритуалам, модели которых широко использует повседневная коммуникация [там же].

По мнению К.Ф. Седова, речевой жанр **отсыла** является одним из наиболее распространенных в современной русской разговорной речи. «Усиление экспрессии субжанра отсыла чаще всего происходит путем использования обсценной лексики, путем "взлома табу". Именно поэтому нецензурные выражения "*Пошел ты на х...!*" и "*Пошел ты в п...!*" в русской коммуникативной практике воспринимаются как наиболее оскорбительные» [Седов 2007: 267].

Агрессивный потенциал **жалобы** проявляется, с одной стороны, в намерении обиженного применить карательные санкции против обидчика, а с другой стороны – в тайном обвинении в чьей-то неблаговидности. Второе реализуется в письменных доносах, которые по своей сути являются инициативной наступательной агрессией, тогда как жалоба чаще воплощает защитную агрессивную реакцию [Щербинина 2013].

Негативные эмоции зависти, ревности, комплекса собственной неполноценности реализуются в виде сочинения и распространения ложных обвинений – **клевете**. Более того, обвинения в клевете нередко становятся опосредованной формой словесного нападения [Щербинина 2013].

Речевой жанр **насмешки** построен на противоречии буквального и скрытого смыслов. Следовательно, это косвенный речевой жанр, непрямой способ выражения негативного отношения к собеседнику, чертам его характера, умственным способностям, действиям и т.п. [Седов 2007].

По мнению Н.К. Войцеховской, ирония имплицитно выражает агрессивность, возмущение и предвзятое, пренебрежительное отношение к собеседнику, а также свидетельствует о напряженности в общении [Войцеховская 2015: 21].

В состав жанра насмешки входит субжанры колкости, глумления, шутовствости, розыгрыша. Наличие стремления сказать собеседнику неприятное, оскорбить, осмеять проявляет враждебный компонент данного речевого жанра (*Ты все такая же красивая, только располнела*) [Щербинина 2013].

На сегодняшний день малоизученным явлением остается вербализация аутоагрессии, которая может реализовываться при помощи речевых жанров **самообвинения, самобичевания, насмешки над самим собой**. С одной стороны, интенцией говорящего в этом виде агрессии выступает стремление вербализовать негативные эмоции, агрессивные реакции, не причиняя вреда другим коммуникантам, направив агрессию на себя. С другой стороны, при условии, что аутоагрессия вербализуется в присутствии собеседника, говорящий может преследовать цель получить опровержение своим самообвинениям («ты ошибаешься / недооцениваешь себя», «я воспринимаю тебя иначе / другим», «это не так» и т.д.), одобрения его действий, повышения его статуса. В другом случае «самоирония может предшествовать критике со стороны собеседника: иронизируя над собой, говорящий удерживает ситуацию в своих руках, поскольку самокритика менее болезненна, чем критика» [Войцеховская 2015: 24].

Коммуникативный садизм выступает как крайняя форма речевой агрессии и проявляется в виде словесного издевательства. К вербальным приемам коммуникативного садизма можно отнести запугивание, угрозы физической расправы, оскорбления, словесные издевательства, проклятия, невербальные коммуникативные приемы (например, значимое молчание, отказ разговаривать) [Волкова 2012б]. Типичной особенностью коммуникативного садизма выступает его систематический, повторяющийся характер. В этом отношении данное явление сближается с таким современным проявлением агрессии, как троллинг (травля), который вербализуется подобным коммуникативному садизму образом.

Коммуникативная травля (троллинг) широко распространен в социальных сообществах в среде Интернета. Следует отметить, что в некоторых интернет-сообществах такое агрессивное речевое поведение носит характер нормы. Такой тип коммуникации А.А. Шмаков называет девиантной. «В процессе развертывания речевого акта в условиях девиантной коммуникации коммуникативный фокус перемещается с предмета обсуждения на характер обсуждения или личности коммуникантов, что соответствует основной стратегии девиантной коммуникации в диалогических форматах интернет-коммуникации – троллинга – провоцирование собеседника на конфликт и, как следствие, конечный разрыв / прекращение коммуникации» [Шмаков 2014: 172].

Результаты исследования

В представляемом теоретическом исследовании множество проанализированных речевых жанров вербализации агрессии условно систематизировано. Речевые жанры речевого поведения агрессивного типа применительно к неправовой сфере актуализации в обыденной жизни представляется возможным расположить на схеме, распределив в соответствии с тяготением к той или иной границе шкалы «сильное – слабое эмоционально-психологическое воздействие на адресата» и шкалы «вербализация прямой – косвенной агрессии» (рис. 1).

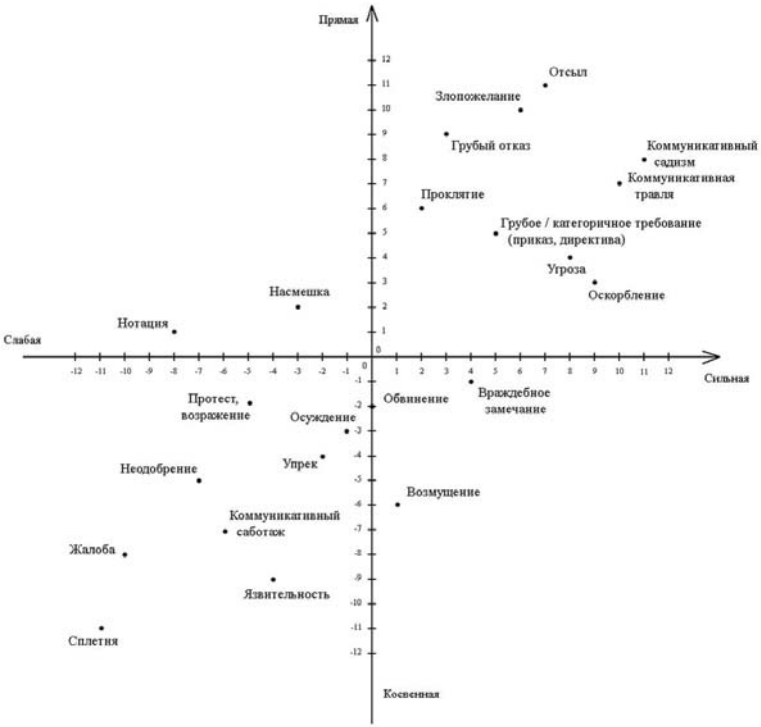


Рисунок 1. Характеристика речевых жанров агрессивного типа по перлокутивному эффекту и эксплицитности намерения

Рисунок 2. Группообразующие и периферийные речевые жанры агрессивного речевого поведения

На основе распределения по группам (рис. 1-2) можно сделать предварительный вывод о преобладании в перечне речевых жанров агрессивного речевого поведения оценочных жанров и жанров волеизъявления, а также выявленной тенденции сочетания прямых форм выражения речевой агрессии и речевых жанров с высоким перлокутивным потенциалом.

Заключение

К числу агрессивных можно с уверенностью отнести такие жанры, как оскорбление, угроза, протест, проклятие, злопожелание, грубое прерывание коммуникативного контакта, словесный отсыл, словесное возмущение, насмешка, колкость и язвительность, упрек, обвинение, вербальная демонстрация обиды, осуждение, грубое указание к действию / приказ.

На основе ряда параметров выделены группообразующие и периферийные речевые жанры агрессивного поведения. Проведенный анализ речевых жанров вербализации агрессии по признаку «перлокутивная сила» (по шкале «слабая – сильная») и

«степень экспликации коммуникативного намерения» (по шкале «прямая – косвенная») позволил расположить множество речевых жанров по осям координат и выявить преобладание подмножества оценочных речевых жанров (враждебное замечание, обвинение, осуждение, упрек, неодобрение, нотация, жалоба) и подмножества речевых жанров волеизъявления, а также тенденции к преобладанию форм открытой речевой агрессии в сочетании с речевыми жанрами с сильным перлокутивным потенциалом.

Литература

Андреева В.Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // Современные проблемы науки и образования (Электронный журнал). – Пенза: Академия естествознания, 2014. – № 1 (51). – С. 356.

Бринев К.И. Экспертиза фонограммы с потенциальными угрозами. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/index/dolg_k_i_brinev/0-78 (Дата обращения 08.02.2013г.)

Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой // Теоретические и прикладные аспекты речевой деятельности. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – Вып. № 4. – С. 43-49 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-46 (Дата обращения 07.02.2012г.)

Вежбицкая А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 68-81.

Войцеховская Н.К. Юмор и сатира в координатах диалогического дискурса XXI века // Юмор и сатира в координатах XXI века: Сб. науч. статей по материалам I Международ. науч.-практ. конф. – Варна: Център за научн. изслед. и информ. «Парадигма», 2015. – С. 19-25.

Волкова Я.А. Приемы коммуникативного садизма в деструктивном общении // Материалы конференции, 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/ja_a_volkova_priemy

_kommunikativnogo_sadizma_v_destruktivnom_obshhenii/10-1-0-284 (Дата обращения 20.01.2013г.).

Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация: монография. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – 468 с.

Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 272 с.

Енина Л.В. Современный российский лозунг как сверхтекст: дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1999. – 186 с.

Комалова Л.Р. Агрессогенный дискурс: Типология мультилингвальной вербализации агрессии: Монография. – М.: Спутник +, 2017. – 275 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. – 816 с.

Романова Е.В. Речевые ситуации с семантикой невежливости (на материале немецкого языка) // Научный Вестник Воронеж. гос. архитект.-строит. ун-та. (Серия. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования). – Воронеж: ВГАСУ, 2006. – № 6. – С. 64-78.

Седов К.Ф. Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 259-269.

Стернин И.А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. – № 1 (79), 2010. – С. 16-21.

Шмаков А.А. Специфика бытия текста в девиантной коммуникации в диалогических форматах интернет-коммуникации // Филология и человек. – Барнаул: ФГБОУ ВПО Алтай. гос. ун-т, 2014. – № 2. – С. 161-173.

Щербинина Ю.В. Речевая агрессия: Территория вражды. – М.: Форум, 2013. – 400 с.

Резюме

В статье приводится авторская классификация речевых жанров речевого поведения агрессивного типа применительно к неправовой сфере актуализации в обыденной жизни. Делается вывод о преобладании в перечне речевых жанров агрессивного речевого поведения оценочных жанров и жанров волеизъявления, а также выявленной тенденции сочетания прямых форм

выражения речевой агрессии и речевых жанров с высоким перлокутивным потенциалом.

Ключевые слова: речевой акт, агрессия, воздействующая коммуникация.

Liliya R. Komalova
Linguistics Department of RAS
"Institute of Scientific Information for Social Sciences",
Moscow State Linguistic University,
Moscow
GenuinePR@yandex.ru

SPEECH GENRES OF AGGRESSIVE VERBAL BEHAVIOR

Summary

The article describes a theoretical research on a variety of destructive semantics speech genres. It proposes the author's classification of speech genres actualization in aggressive speech behavior with respect to non-legal sphere in everyday life. The author concludes the predominance of evaluative and genres of command, as well as the trend to combine forms of direct explication of verbal aggression and verbal genres with high perlocutionary potential.

Keywords: speech act, aggression, influencing communication.

References

Andreeva V.Ju. Kommunikativnyj sabotazh v rjadu smezhnyh rechevyh javlenij (sopostavlenie s konfliktom, rechevoj agressiej, kommunikativnym davleniem) [Communicative sabotage in the list of adjacent speech genders (in comparison with conflict, speech aggression, communicative pressure)] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija (Jelektronnyj zhurnal). – Penza: Akademija estestvoznanija, 2014. – № 1 (51). – S. 356.

Brinev K.I. Jekspertiza fonogrammy s potencial'nymi ugrozami [Expertise of a record containing potential speech threats]. – Jelektronnyj resurs. – Mode of access: http://siberia-expert.com/index/dolg_k_i_brinev/0-78 (date of access 08.02.2013г.)

Brinev K.I. Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza po delam, svjazannym s ugrozoj [Forensic linguistics expertise on threats cases]

// Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevoj dejatel'nosti. – Nizhnij Novgorod: FGBOU VPO NGLU im. N.A. Dobroljubova, 2009. – Vyp. № 4. – S. 43-49. – Jelektronnyj resurs. – Mode of access: http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-46 (date of access 07.02.2012г.)

Vezhbickaja A. Rechevye zhanry (v svete teorii jelementarnyh smyslovyh edinic) [Speech genders (in light of the elementary sense items theory)] // Antologija rechevyh zhanrov. – M.: Labirint, 2007. – S.68-81.

Vojcehovskaja N.K. Jumor i satira v koordinatah dialogicheskogo diskursa XXI veka [Humor and satire in coordinates of dialogical discourse of XX century] // Jumor i satira v koordinatah XXI veka: Sb. nauch. statej po materialam I Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Varna: Centr za nauchn. izsled. i inform. «Paradigma», 2015. – S. 19-25.

Volkova Ja.A. Priemy kommunikativnogo sadizma v destruktivnom obshhenii [Methods of communicative sadism in distractive communication] // Materialy konferencii, 2012. – [Jelektronnyj resurs]. – Mode of access: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/ja_a_volkova_priemy_kommunikativnogo_sadizma_v_destruktivnom_obshhenii/10-1-0-284 (date of access 20.01.2013г.).

Gusejnov A.Sh. Protestnaja aktivnost' lichnosti: sushhnost', dinamika, transformacija [Protest activity of a person: essence, dynamics, transformation]: monografija. – Krasnodar: Jekoinvest, 2013. – 468 s.

Dubrovskaja T.V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah [Speech genders of condemnation and accusation in Russian and English linguacultures]. – Penza: Izd-vo PGU, 2014. – 272 s.

Enina L.V. Sovremennyj rossijskij lozung kak sverhtekst [Modern Russian catchword as overtext]: dis. … kand. filol. nauk. – Ekaterinburg, 1999. – 186 s.

Komalova L.R. Agressogennyj diskurs: tipologija mul'tilingval'noj verbalizacii agressii [Aggressogen discourse: typology of multilingual verbalization of aggression]: monografija. – M.: Sputnik +, 2017. – 275 s.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [Russian language dictionary]. – M.: Russkij jazyk, 1981. – 816 s.

Romanova E.V. Rechevye situacii s semantikoj nevezhlivosti (na materiale nemeckogo jazyka) [Speech situations with semantics of impoliteness (on the material of German language)] // Nauchnyj Vestnik Voronezh. gos. arhitekt.-stroit. un-ta. (Serija. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija). – Voronezh: VGASU, 2006. – № 6. – S. 64-78.

Sedov K.F. Ssora [Quarrel] // Antologija rechevyh zhanrov: povsednevnaja kommunikacija. – M.: Labirint, 2007. – S. 259-269.

Sternin I.A. O ponjatii «neprilichnaja forma vyskazyvanija» v lingvisticheskoj jekspertize [On the notion of "indicent form of expression"] // Voronezhskij advokat. – № 1 (79), 2010. – S. 16-21.

Shmakov A.A. Specifika bytija teksta v deviantnoj kommunikacii v dialogicheskih formatah internet-kommunikacii [Text being specificity in deviant communication of dialogical formats of Internet-communication] // Filologija i chelovek. – Barnaul: FGBOU VPO Altaj. gos. un-t, 2014. – № 2. – S. 161-173.

Shherbinina Ju.V. Rechevaja agressija: territorija vrazhdy [Speech aggression: territory of animosity]. – M.: Forum, 2013. – 400 s.

И.И. Коробейникова
СПбГУ, Санкт-Петербург

Методы изучения контекстной предсказуемости (на примере распространителей при фазовых глаголах в русском языке)

1. Введение

Существует несколько подходов к изучению предсказательной силы контекста. Нередко контекстная предсказуемость становится материалом исследований, проводимых на стыке нескольких наук в рамках той или иной междисциплинарной области. Так, например, в информатике и смежных с ней дисциплинах были разработаны специальные модели контекстной предсказуемости, опорой для которых стали скрытые Марковские процессы [Крутченко 2016: 11-12]. Предполагается, что данные процессы имитируют то, как носитель языка, опираясь на предшествующие единицы текста, делает прогноз относительно возможных последующих единиц.

В психолингвистических исследованиях предпочтение, как правило, отдается экспериментальной проверке. В [Риехакайнен 2016] описывается серия экспериментов, в которых испытуемым необходимо было на слух идентифицировать и записать услышанные высказывания, содержащие редуцированные словоформы в контексте и без него. Результаты эксперимента продемонстрировали наиболее успешное восприятие редуцированных фрагментов речевого сигнала при наличии контекста [Риехакайнен 2016: 92-102]. В связи с этим автор делает вывод о том, что «основными факторами, влияющими на надежность восприятия, являются величина и предсказательная сила контекста» [Риехакайнен 2016: 103].

На грамматическом уровне контекстная предсказуемость проявляется в способности той или иной грамматической формы предсказывать последующую. Исследование, которое будет описано далее, было нацелено на изучение данного вида контекстной предсказуемости. В качестве материала исследования были выбраны русские фазовые глаголы, которые допускают несколько видов распространителей. Для достижения поставленной цели был использован комплексный подход с

применением нескольких методов исследования, а именно: метода заполнения лакунарных текстов, ассоциативного эксперимента, а также анализа корпусных данных. Такой подход позволил не только детально изучить поставленную проблему, но и дать оценку использованным методам.

2. Эксперимент на заполнение лакунарных текстов и корпусный анализ

При изучении предсказательной силы контекста исследователи часто обращаются к методике заполнения лакун (лакунарных текстов, “cloze-test”), которая была предложена У. Тейлором еще в 1953 году [Taylor 1953: 415-433]. При использовании такой методики испытуемым предлагается восстановить текст, в котором заведомо опускается каждое n-ое слово. «Условием, обеспечивающим возможность восстановления “разрушенного” речевого сообщения, является его избыточность, определяющая возможность более или менее адекватного понимания как устной, так и письменной речи даже при наличии помех» [Грудева 2008: 51].

В настоящем исследовании решено было применить данный метод, поскольку пропуски в тексте дают возможность проследить, какой вариант распространителя будет предпочитаться испытуемыми. Для проведения эксперимента была составлена анкета, в которую вошли предложения с шестью предварительно отобранными фазовыми глаголами, которые отличаются друг от друга фазовым значением и видовой принадлежностью: *начинать — начать*, *продолжать — продолжить*, *заканчивать — закончить*, а также 16 филлеров (предложений не только с отдельными глаголами, но и со словами и словосочетаниями других частей речи). Выбранные для исследования фазовые глаголы, согласно корпусным данным, являются наиболее частотными представителями инхоативов, континуативов и терминативов и допускают после себя инфинитив и прямое дополнение в качестве распространителя.

Данные глаголы помещались в анкету в форме прошедшего времени мужского рода единственного числа, так как такая форма присутствует в парадигме глаголов и совершенного, и несовершенного вида. В тестовой последовательности стимулы с фазовыми глаголами всегда были отделены друг от друга

несколькими филлерами. Каждый стимул был оформлен отдельной строкой (см. Рис. 1).

14	_____ продолжал _____
15	_____ прошлом _____
16	Когда я проснулся, _____
17	_____ отец _____
18	Я _____ нарисовала.
19	_____ начал _____
20	нас

Рис. 1 Пример оформления стимулов в анкете

В эксперименте приняли участие 30 испытуемых — 15 женщин и 15 мужчин от 19 лет до 56 лет. Все испытуемые получили одинаковую инструкцию:

«*Представьте, что Вы услышали обрывки фраз на русском языке. Заполните, пожалуйста, пропуски — напишите, что, по вашему мнению, могло быть произнесено на их месте. Это может быть как одно слово, так и их последовательность. Если вы считаете, что на месте пропуска ничего не может быть произнесено, поставьте прочерк*».

Участникам эксперимента неслучайно предлагалось восполнить именно услышанный текст. Исследователь ожидал, что такая формулировка задания спровоцирует употребление испытуемыми тех стратегий, которыми они пользуются в устной коммуникации. Однако было очевидно, что только упоминание об этом не гарантирует именно такую модель поведения испытуемого в каждом отдельном случае, что и было в дальнейшем замечено в результатах эксперимента.

Поскольку часть испытуемых принимала участие в эксперименте дистанционно, время на выполнение задания не ограничивалось. В конце каждой анкеты участникам эксперимента предлагалось ответить на несколько вопросов, касающихся цели эксперимента и внесения поправок в его проведение, а также указать личные данные (пол, возраст, образование).

Необходимо отметить, что испытуемые понимали задание по-разному: одни достраивали обрывки высказывания до предложения, другие – составляли цельный текст.

Чтобы определить, на что опирались испытуемые при выборе распространителя, результаты эксперимента сопоставлялись с корпусными данными. Первоначально предполагалось проводить сравнение с устным подкорпусом Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), т.к. он содержит в себе расшифровки именно устной речи. Однако по причине небольшого объема материалов в устном подкорпусе было решено проводить сопоставление и с основным корпусом НКРЯ. Результаты анализировались с точки зрения типа распространителя, его формы и частотности употребления. Также обращалось внимание на субъект при глаголе.

Результаты эксперимента на заполнение лакун показали, что участники использовали различные виды распространителей при рассматриваемых глаголах. Случаи использования инфинитива или прямого дополнения в качестве распространителя при глаголе оказались преобладающими (см. Таблицу 1). Ответы, в которых использовалось косвенное дополнение («*Ваня начал не с того*») или распространитель вообще отсутствовал («*Быстро начал и устал*»), были единичными, поэтому такие распространители подробно не анализировались.

Таблица 1

Распределение распространителей при фазовых глаголах в ответах испытуемых

Глагол	**Инфинитив**	**Прямое дополнение**
Начинал	22 (73,3%)	6 (20%)
Начал	24 (80%)	4 (13,3%)
Продолжал	25 (83,3%)	3 (10%)
Продолжил	16 (53,3%)	11 (36,6%)
Заканчивал	11 (36,6%)	19 (63,3%)
Закончил	3 (10%)	22 (73,3%)

Стоит отметить, что для корпусных текстов контексты с отсутствием распространителя после глагола были самыми частотными. Однако в результатах проведенного эксперимента такая тенденция не наблюдается, что можно объяснить его

организацией. Предоставляемая испытуемому анкета была составлена таким образом, что предъявляемые стимулы в анкете подталкивали испытуемого к употреблению какого-либо распространителя. Поэтому при анализе результатов эксперимента в корпусных текстах рассматривались только случаи употребления фазового глагола и определенного типа распространителя, а остальные контексты не принимались во внимание.

Для глаголов *начинал*, *начал*, *продолжал* в ответах испытуемых наблюдается преобладание инфинитива. При этом распространитель в большинстве случаев следовал сразу после глагола. В основном корпусе НКРЯ также наблюдается тенденция к преобладанию инфинитива для данных глаголов. Однако для глагола *начинал* в устном подкорпусе характерно употребление инфинитива приблизительно в том же количестве, что и прямого дополнения (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Процент употребления глаголов *начинал*, *начал*, *продолжал* с инфинитивом и прямым дополнением[1] в НКРЯ

	Основной корпус		Устный подкорпус	
	Инфинитив	Прямое дополнение	Инфинитив	Прямое дополнение
Начинал	4958 (57,1%)	933(10,7%)	50 (25%)	32 (16,4%)
Начал	575 (52,1%)	62 (5,6%)	496 (47,1%)	101 (9,6%)
Продолжал	223 (31,5%)	33 (4,6%)	56 (49,1%)	21 (18,4%)

Для глагола *закончил* наблюдается явное преобладание случаев употребления прямого дополнения — 73% реакций. Это прослеживается и в текстах корпуса. При этом глагол *заканчивал*, составляющий с глаголом *закончил* одну видовую пару, тоже

[1] Для глаголов «начинал» и «продолжал» рассматривались контексты только со снятой омонимией. Такое решение было принято, так как в основном корпусе НКРЯ для данных глаголов представлено очень много контекстов.

демонстрирует тенденцию (хоть и не столь ярко выраженную) к преобладанию прямого дополнения в качестве распространителя (63,3%). Тексты НКРЯ тоже демонстрируют эту тенденцию: 53,4% случаев в устном подкорпусе и 32,95% в основном корпусе от общего числа контекстов с данными глаголами (см. Таблицу 3). Вероятно, причиной такого преобладания является наличие коллокаций с этими глаголами, которые требуют именно прямого дополнения: например, *закончить школу, академию* и т.п.

Таблица 3

Процент употребления глаголов *заканчивал* и *закончил* с инфинитивом и прямым дополнением в НКРЯ

	Основной корпус		Устный подкорпус	
	Инфинитив	Прямое дополнение	Инфинитив	Прямое дополнение
Заканчивал	2,7%	60,9%	2,6%	36,8%
Закончил	2,6%	32,95%	1,6%	53,4%

Наиболее интересным оказалось употребление распространителей при глаголе *продолжил*. Распространитель в форме инфинитива встретился в 53% реакций, а прямое дополнение — в 36,6%. При этом в форме инфинитива употреблялись возвратные глаголы (*«…осужденный по ст. 228 УК РФ продолжил заниматься наркотиками»*), переходные глаголы (*«Учитель продолжил объяснять новую тему урока»*), непереходные глаголы (*«Спортсмен продолжил бежать»*). Прямое дополнение выражалось в большинстве случаев именем существительным (*«Иван продолжил выступление, несмотря на заминку»*), местоимением (*«Проснувшись сегодня утром, после завтрака он ее продолжил»*) или именной группой (*«Петр продолжил свои уроки музыки»*).

В основном же корпусе НКРЯ и устном подкорпусе наблюдается преобладание прямого дополнения при данном глаголе в качестве распространителя (см. Таблицу 4). Причем прямое дополнение преимущественно выражено именем существительным или именной группой, которые в большинстве случаев являются отглагольными формами, как, например, в следующих случаях:

Видимо, он по-своему воспринял эти послания и продолжил критику городской администрации[2] [Сергей Николаев. Раз взрыв, два задержание (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.10.16].

По преданию, после смерти Гуня из его распоротого чрева через три года вышел сын Юй, который продолжил борьбу с катаклизмом [Виталий Калугин. Так был ли потоп? // «Зеркало мира», 2012].

Таблица 4

Процент употребления глагола *продолжил* с инфинитивом и прямым дополнением в НКРЯ

	Основной корпус		Устный подкорпус	
	Инфинитив	Прямое дополнение	Инфинитив	Прямое дополнение
Продолжил	5,5%	33,5%	5,5%	55,5%

3. Ассоциативный эксперимент

Для проверки того, насколько на контекстную предсказуемость влияют типичные ассоциативные связи, формирующиеся в ментальном лексиконе носителя русского языка, было решено обратиться к результатам ассоциативных экспериментов.

В качестве источника подобных данных был использован «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю. Н. Караулова (далее — РАС), в котором представлены результаты масштабных ассоциативных экспериментов, проведенных на носителях русского языка.

К сожалению, в этом словаре присутствуют не все формы интересующих нас фазовых глаголов. Реакции на глаголы *начинал*, *продолжал*, *заканчивал*, *закончил* в словаре не представлены, но есть реакции на формы инфинитивов этих глаголов. Для глагола же *начать* в словаре представлены все личные формы в будущем и прошедшем временах и форма инфинитива. Ни одна из форм глагола *продолжить* не представлена в РАС.

Из ассоциативного словаря отбирались только синтагматические ассоциации. При этом для стимулов в форме инфинитива при отборе реакций возникали трудности в случаях с

[2] Здесь и далее даны примеры из основного корпуса НКРЯ.

глаголами несовершенного вида в форме инфинитива в качестве реакций, так как не всегда было очевидно, какая связь между стимулом и ассоциацией возникает — синтагматическая или парадигматическая, как, например, в случае с реакцией *говорить* на стимул *продолжать*. При отборе подобные глагольные реакции рассматривались как распространители при глаголе.

Далее отдельно для каждого глагола было зафиксировано количество ответов в форме инфинитива и в форме прямого дополнения. В большинстве случаев с рассматриваемыми формами глагола *начать* и с глаголом *начинать* наблюдается тенденция к преобладанию ассоциаций в форме инфинитива над прямым дополнением. Исключение, пожалуй, составляет только начальная форма глагола *начать*, при которой оба вида распространителей выбирались с одинаковой частотностью (7,6% реакций в форме инфинитива и 7,4% в форме прямого дополнения). В основном корпусе НКРЯ со снятой омонимией для неопределенной формы глагола *начать* зафиксировано 67 контекстов с распространителем форме инфинитива и 89 контекстов с прямым дополнением. По-видимому, форма инфинитива фазового глагола способствует более частому выбору прямого дополнения, а не инфинитива в качестве распространителя.

Большинство синтагматических ассоциаций на глаголы *заканчивать* и *закончить*, полученные из ассоциативного словаря, — это существительные в винительном падеже, т.е. прямые дополнения (29,7% и 26,2% соответственно). Выбор этого распространителя при данных глаголах наблюдался также в проведенном эксперименте и в текстах НКРЯ.

Реакции для глагола *продолжать* не демонстрируют преобладания какого-либо типа распространителя. Инфинитив и прямое дополнение предлагались испытуемыми в качестве ассоциаций на глагол с равной частотой (12,2% реакций в форме инфинитива и 12,6% в форме прямого дополнения). Однако в нашем эксперименте испытуемые в 83,3% случаев предпочитали использовать инфинитив в качестве распространителя.

Таким образом, при восприятии инхоативных глаголов наиболее ожидаемой формой распространителя является инфинитив. Это подтверждается корпусными данными, анализом реакций из ассоциативного словаря и результатами проведенного

эксперимента с применением методики лакунарных текстов. Для терминативных глаголов наиболее частотной формой распространителя является прямое дополнение. Результаты, полученные для континуативных глаголов, требуют дальнейшего более детального анализа.

4. Оценка использованных методов

В ходе исследования было замечено, что ни одна из методик в полной мере не позволяет проверить нашу гипотезу. Возникали определенные трудности с применением каждого метода исследования, поэтому для успешного проведения данного исследования и получения исчерпывающих результатов необходимо было использовать комбинацию различных методов.

Так, например, при работе с Национальным корпусом русского языка возникли трудности при отборе и подсчете исследуемых употреблений фазового глагола и распространителя. Это связано с тем, что большая часть текстов основного корпуса и устного подкорпуса НКРЯ — это тексты с неснятой грамматической омонимией. В связи с этим исследователю приходится вручную перепроверять несколько тысяч примеров, выдаваемых по запросу, что, конечно, усложняет и замедляет исследование. Кроме того, устный подкорпус, содержащий расшифровки устной речи и представляющий наибольший интерес для подобного исследования, имеет недостаточный объем для того, чтобы делать прогноз относительно употребления фазовых глаголов и их распространителей в устной речи.

При работе с ассоциативным словарем возникли трудности с установлением того, какая именно ассоциация дается испытуемыми на стимул, выраженный инфинитивом, в тех случаях, когда реакция испытуемого выражалась глаголами несовершенного вида в форме инфинитива – синтагматическая или парадигматическая. Кроме того, в рамках данного исследования не все изучаемые формы глаголов (стимулы) были представлены в словаре, что говорит о недостаточном объеме словаря для исследований такого рода.

Выбранная для эксперимента методика лакунарных текстов тоже не лишена недостатков. В составленной анкете фазовые глаголы помещались в середину строки. Такое оформление могло

искусственно вынуждать испытуемого дополнять высказывание с фазовым глаголом с обеих сторон. Это исключало возможность тех случаев, когда испытуемый составлял высказывания с фазовым глаголом без распространителя вообще. Однако в инструкции было указано, что испытуемый вправе поставить прочерк, если он считает, что на месте пропуска ничего не должно быть, и некоторые испытуемые пользовались данной стратегией в случаях с филлерами. Помимо этого, предъявление задания в письменной форме могло повлиять на выбор испытуемыми тех стратегий, которыми они пользуются в письменной речи.

Несмотря на те недостатки и трудности, которые возникли в ходе исследования, комбинация нескольких методов не только позволила минимизировать ошибки при интерпретации результатов, но и приблизится к наиболее полному и всеобъемлющему рассмотрению изучаемой проблемы.

Литература

Грудева Е. В. Cloze tests как средство изучения избыточности текста // Вестник Челябинского государственного университета: Научный журнал. Вып. 21. Филология. Искусствоведение. 2008. № 16 (117). С. 51–58.

Крутченко О. В. Зависимость реализации процедур контекстной предсказуемости от жанровых и стилевых характеристик текста. Дипломная работа. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. 66 с.

Национальный корпус русского языка. 2003–2017. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 16.05.2016).

Риехакайнен Е. И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность: монография. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. 270 с.

Русский ассоциативный словарь: т. 1 / под общ. ред. Ю. Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002. URL: http://tesaurus.ru/dict/dict.php (дата обращения: 16.05.2016).

Wilson L. Taylor. “Cloze Procedure”: a new tool for measuring readability. Journalism Quarterly. 1953. P. 415–433.

Резюме

В статье обсуждаются методы, применяемые при изучении

предсказательной силы контекста. На примере исследования, которое было проведено на материале фазовых глаголов русского языка, в работе проиллюстрировано применение трех методов: эксперимента на заполнение фраз с лакунами, ассоциативного эксперимента (на основе данных «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова) и корпусного анализа (на материале Национального корпуса русского языка). Были рассмотрены распространители при 6 глаголах: *начинать — начать, заканчивать — закончить, продолжать — продолжить*. Применение комплексного подхода позволило подтвердить гипотезу о том, что в процессе восприятия носитель языка делает прогноз относительно грамматических форм последующих единиц. Наиболее ожидаемыми формами распространителей при инхоативных и терминативных фазовых глаголах являются инфинитив и прямое дополнение соответственно. Данные для континуативных фазовых глаголов требуют дальнейшего, более детального анализа, поскольку для глагола *продолжать* наблюдается тенденция к преобладанию инфинитива в качестве распространителя, а для глагола несовершенного вида не удалось обнаружить явного превосходства одного типа распространителя над другим. В конце статьи дается оценка эффективности использованных в исследовании методов и высказываются предположения о приемлемости данных методов для исследований такого рода.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, корпусный анализ, метод лакунарных текстов, контекстная предсказуемость, фазовые глаголы.

Irina I. Korobeynikova
St. Petersburg State University
Korobeinikova.ir@mail.ru

HOW TO STUDY CONTEXTUAL PREDICTABILITY: EVIDENCE FROM A RESEARCH ON RUSSIAN PHASAL VERBS

Summary

The article focuses on several methods applied to study contextual predictability. We conducted a cloze test experiment in

order to learn whether Russian speakers have any expectations about the words that are used after Russian phasal verbs. The results of a corpus-based analysis and an associative experiment were examined to check whether these expectations are based on the frequency of usage and typical associations. Infinitives and direct objects are the most expected words after inchoative and terminative verbs consequently. The data received for continuative verbs require further research. At the end of the article, the effectiveness of methods applied is evaluated and discussed.

Keywords: associative experiment, corpus-based analyses, cloze-test experiment, contextual predictability, phasal verbs.

References

Grudeva E. V. Cloze tests kak sredstvo izuchenija izbytochnosti teksta [Cloze tests as means for studying text redundancy]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Nauchnyj zhurnal* [Herald of Cheljabinsk University scientific journal], 2008, vol. 21. Philology. Art, № 16 (117), pp. 51–58.

Krutchenko O. V. Zavisimost' realizacii procedur kontekstnoj predskazuemosti ot zhanrovyh i stilevyh harakteristik teksta [Dependence of contextual predictability procedures from the genre and style of the text]. Diplomnaja rabota [BA Thesis]. SPb: St. Petersburg State University, 2016. 66 p.

Russian National Corpus. 2003-2017. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (data obrashcheniya: 16.05.2016).

Riekhakajnen E.I. Vospriyatie russkoj ustnoj rechi: kontekst + chastotnost' [The recognition of Russian speech: context + frequency]. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2016. 270 p.

Russkij associativnyj slovar' [Russian associative dictionary] / Pod red. Yu.N. Karaulova. M.: AST-Astrel', 2002. [Elektronnyj resurs] URL: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php (data obrashcheniya: 29.03.2017).

Taylor, W. L. “Cloze Procedure”: a new tool for measuring readability. *Journalism Quarterly.* 1953, pp. 415–433.

Е.В. Коровина
ИЯз РАН, Москва

К вопросу о этимостатистике

Метод корневой глоттохронологии или этимостатистики был описан С.А. Старостиным в работе [Старостин 1989]. В ней он сформулировал основные постулаты этого метода и протестировал на ряде индоевропейских языков. Суть корневой глоттохронологии состоит в том, что из произвольного текста на некотором языке отбирается некоторое последовательно идущее количество не совпадающих и не заимствованных корней, например, 100, после чего для каждого корня по этимологическим словарям ищутся его когнаты в других языках, затем для каждой пары языков считают число общих корней. Таким образом, достигается возможность неоднократного вычисления % общей лексики между парой языков. В работе Старостина описывается два варианта этой процедуры: первый, когда список формируется непосредственно из текста и второй, когда в качестве исходного списка берется список Сводеша на одном из языков и затем к нему начинают подбираться родственные слова из других языков. Эта методология, несмотря на свое изящество и то, что она является едва ли не самой существенной модификацией глоттохронологии со времен ее появления, большого распространения корневая глоттохронология до сих пор не получила. Основными постулатами корневой глоттохронологии являются следующие:

«1. В каждом языке имеется определенное число исконных, т.е. не заимствованных на период независимого существования языка, корневых морфем…

2. Такие корневые морфемы характеризуются различной частотностью, т.е. вероятностью встретиться в произвольном языковом тексте.

3. Частотность некоторой корневой морфемы в данном языке в данный момент времени t есть стабильная величина, не зависящая (или мало зависящая) от характера выбираемого текста.

4. Все корневые морфемы обладают свойством «старения» т.е. постепенного снижения частотности до нуля (после чего

корень считается исчезнувшим из языка). При этом, однако, скорость выпадения различных корней не одинакова (как и слова, корни делятся на более и менее устойчивые).

5. Корневой состав языка распадается с равномерной скоростью (т.е. из определенного набора корней, характеризующихся заданной частотностью, за промежуток Δt выпадает фиксированное количество корней).» [Арапов, Херц 1974].

То есть исходя из данных постулатов – способность слова сохраниться в том или ином языке связана с его языковой частотностью. При этом это очевидно не учитывает случаи табуизации, когда слово на какое-то время или даже навсегда исключается из обихода по причине внешних обстоятельств, например, гибели вождя, а не по причине своей низкой частотности. Также, как отмечал и сам С.А. Старостин вызывает сомнения и третий постулат этимостатистики, поскольку легко убедиться в том, что частота слов и корней, за исключением служебных, в разных текстах одного времени может значительно отличаться друг от друга. Причем, если в языках флективного, агглютинативного и инкорпорирующего строя можно говорить о том, что тот или иной корень отличается большей или меньшей продуктивностью, и эта продуктивность как-то сглаживает жанровую специфику, то в языках изолирующего строя или языках с частицами вроде полинезийских о такой компенсации не может идти речи. Гораздо более важным представляется следующий факт, в тексте помимо ключевых слов, которые имеют существенно отличную от языковой текстовую частотность существует большое количество слов не ключевых, чья частотность близка в данном тексте к норме. Аналогично, если расположить слова текста по убыванию их частот – эти частоты окажутся лежащими на графике функции, по форме напоминающей гиперболу (закон Ципфа) т.е. вне зависимости от того, какое это слово в любом тексте есть сверхчастотные и низкочастотные слова.

Другие возможные претензии к этимостатистике обозначены в диссертации [Саенко 2015]. Во-первых, автор предполагает, что про этимостатистика неприменима к таксонам небольшой глубины, что, как представляется, как минимум нуждается в проверке, поскольку сам по себе высокий процент между

польским и русским может говорить лишь о том, что здесь имеет место другая константа или немного иная расчетная формула, а не о принципиальной неработоспособности метода. Вторая претензия, касающаяся того, что делать, если корень фактически вышел из активного оборота, но сохраняется в паремиях или в диалектах, значительно существеннее, ее своеобразным аналогом в классической глоттохронологии является ситуация, когда замена слова происходит на наших глазах. Степень документации, как кажется, в равной мере влияет и на данные классической и на данные корневой глоттохронологии, поскольку в малодокументированном языке шанс допустить ошибку при заполнении стословника выше, чем в языке с богатой лексикографической традицией. Проблемы, три, четыре и пять, касающиеся непосредственно того, что считать родственными словами, считать ли таковым переразложения, исторически родственные слова, вроде *цена – каяться* и что делать, если у слова две равноправных этимологии в не меньшей степени характерен и для глоттохронологии классической и там вполне успешно решаем при помощи разнообразных соглашений. Также важно отметить, что при этимостатистической работе по определению берутся незаимствованные корни, поэтому замечание о том, что слова списка Сводеша как-то специально устойчивы к заимствованиям представляется избыточным (что часто неверно для конкретных слов в конкретных группах и кроме того не отменяет того факта, что несводешевские слова могут быть не менее к ним устойчивы). В языках с малоразработанной (а иногда и не малоразработанной) этимологией можно точно также «проглядеть» заимствования, особенно между языками одной группы и в стословном списке. Однако замечание о «сырости» метода следует признать абсолютно справедливым.

Тем не менее, к важным достоинствам этимостатистики помимо того, что ее можно неоднократно применять к одной и той же паре языков и соответственно получать данные о среднем, отклонении и других статистических величинах, относится то, что в классической глоттохронологии мы имеем дело с двумя процессами, накладывающимися друг на друга: выпадением корней (или лексем) из языка и изменением значения или статусности при сохранных корнях. Например, русское слово

‘*око’* плохой кандидат для заполнения русской стословной позиции глаз, однако бесспорный родственник немецкому Auge. По проведении же этимостатистики совершенно не важно, насколько соответствуют друг другу переводы и социолингвистическая характеристика этих слов и соответственно речь идет лишь об одном процессе – вытеснение корней, что как представляется несколько упрощает модель.

Для проверки этимостатистики С.А. Старостин, как уже было отмечено, были использованы данные индоевропейских языков. Полученные результаты суммированы в Таблице 1.

Таблица 1

	польский	литовский	немецкий	французский	русский	др.-индийский	латинский	др.-греческий
русский	93; 98; 96; 97	72; 77; 76; 70; 76; 74	55; 55; 58; 51.5	51.5; 52; 50; 50	X			
французский				X	50			
немецкий			X		55			
латинский		53	55		50	71	X	72
др.-греческий		53	54		52	69	67	X
др.-индийский		53	57		54	X	64	77

Из этой таблицы автор делает вывод о том, что возраст и специфика текста практически не влияет на результат статистического анализа.

Вторым способом этимостатистики, предложенным в работе С.А. Старостина, является следующий: берется стословный список для определенного языка, после чего из него исключаются повторяющиеся и заимствованные корни и для оставшихся

корней проверяется наличие в сопоставляемых языках. Этот метод был проверен на 4 парах языков. В каждом из случаев результат оказался практически идентичен результату для текстовой этимостатистики. Что, по мнению Старостина, связано с тем, что «распределение индивидуальных частотных характеристик корней в списке Сводеша совпадает с их обычным распределением в тексте».

Таблица 2

	Польский	Литовский	Немецкий	Французский
Русский	95,8%	72,1%	53,2%	52,6%

Из этого С.А. Старостин делает следующие выводы:

«1. «Устойчивость» корней не зависит от «устойчивости» слов, производных от них... (это хорошо демонстрируется на разобранном выше примере со списком Сводеша: слова, входящие в него, заведомо «устойчивее», чем большинство слов в произвольном тексте, а «устойчивость» корней оказывается такой же)

2. При отсутствии текстов … 100-словный список М. Сводеша может быть использован в качестве текста для корневой глоттохронологии

3. Математический аппарат, разработанный для классической глоттохронологии, может быть перенесен и на корневую.»

В соответствии с последним утверждением была установлена следующая расчетная формула:

$$t = \sqrt{\frac{\ln\left(\frac{N(t)}{N_0}\right)}{-\lambda N(t)}}$$, при λ = 0.035

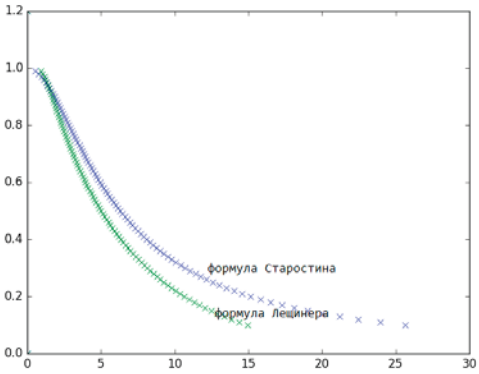
Или по предположению Д. Лещинера:

$$t = \frac{1 - \ln(N(t))}{1 - \ln(1 - N(t))} * T$$, где T = 5

Таблица 3

	пол.	лит.	нем.	фр.
t по классической глоттохронологии	1,3	3,1	4,7	4,7
t по корневой глоттохронологии (классическая формула) (данные из работы [Старостин 1989][1])	1,2	3,2	4,9	5,1
t по корневой глоттохронологии (классическая формула) (по % корневой глоттохронологии на списке Сводеша из работы [Старостин 1989])	1,16	3,69	5,97	6,05
t по корневой глоттохронологии (формула Д. Лещинера) (по % корневой глоттохронологии на списке Сводеша из работы [Старостин 1989])	1,6	3,20	4,9	5
t по корневой глоттохронологии (формула Д. Лещинера с заменой N(t) на $N(t)/N_0$) (по % корневой глоттохронологии на списке Сводеша из работы [Старостин 1989])	1,25	2,9	4,6	4,7

В общем виде графики обоих предложенных функций представлены на рисунке (синим – формула Старостина, зеленым – формула Лещинера), видно, что формула Лещинера дает более древние даты для близкородственных языков (до 94% сходства), а после дает более молодые даты по сравнению с формулой Старостина.



[1] К сожалению, в работе не указано, на материале, какого текста или списка, производился подсчет.

Абсолютно очевидно, что корневая глоттохронология нуждается в дополнительной калибровке и проверке своей валидности. Поскольку согласно результатам С.А. Старостина вместо текста может быть использован 100-словный список Сводеша представляется возможным осуществить проверку на языках, для которых имеются как результаты классической лексикостатистики, так и относительно полная этимологическая база данных. В качестве примера группы, удовлетворяющей обеим, условиям были взяты тюркские языки[2]. При этом для целей тестирования были отобраны 7 языков древне-тюркский (ATU), узбекский, уйгурский, алтайский, чувашский, тувинский и каракалпакский). Этот выбор обусловлен значительной неоднородностью тюркской этимологической базы данных, в которой часть языков представлена довольно слабо, в связи с чем, например, 85% долганских слов в этимологическом словаре имеют туркменские рефлексы, в то время как лишь 28,5% туркменских слов имеют долганские (для сравнения в близкородственном долганскому якутском языке, где в базе имеется в два раза больше лексических данных, соотношение с туркменским соответственно 74% и 52%). Данные же языки демонстрируют высокую степень устойчивости в этом отношении и разница между парами «язык словаря 1»-«язык этимологии 2» и «язык словаря 2»-«язык этимологии 1» не превышает 10%.

Таблица 4

Данные классической глоттохронологии для 7 языков.

LANGUAGE	ATU	UZB	UIG	ALT	TUV	CHV	KLP
ATU		0,84	0,83	0,8	0,73	0,7	0,83
UZB	0,84		0,95	0,89	0,79	0,79	0,98
UIG	0,83	0,95		0,95	0,79	0,72	0,96
ALT	0,8	0,89	0,95		0,84	0,68	0,92
TUV	0,73	0,79	0,79	0,84		0,64	0,82
CHV	0,7	0,79	0,72	0,68	0,64		0,77
KLP	0,83	0,98	0,96	0,92	0,82	0,77	

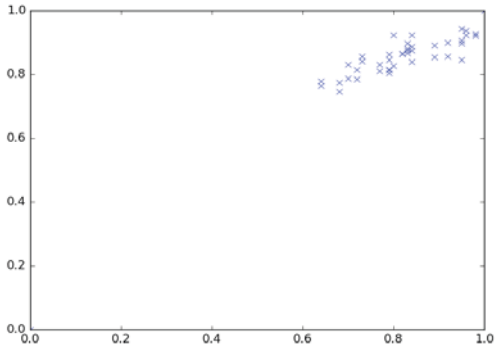
[2] Стословные списки и этимологическая база данных предоставлены в распоряжение автора А.В. Дыбо 20.07.2016.

Таблица 5

Данные корневой глоттохронологии
на основе списков Сводеша.

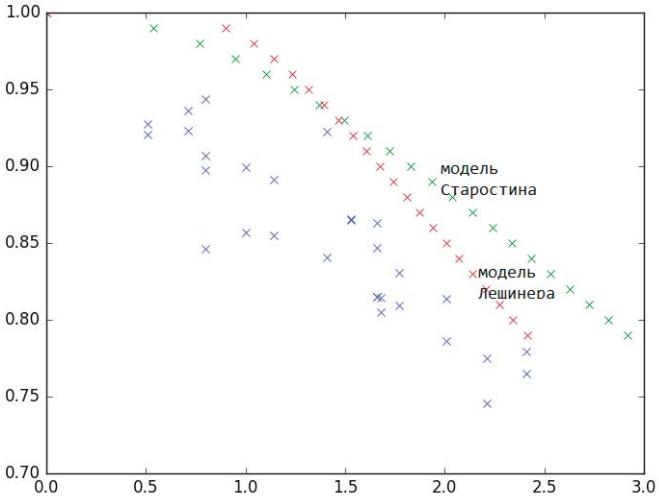
LANGUAGE	ATU	UZB	UIG	ALT	CHV	TUV	KLP
ATU		0,89	0,90	0,92	0,83	0,86	0,88
UZB	0,87		0,90	0,89	0,81	0,82	0,92
UIG	0,87	0,94		0,91	0,81	0,82	0,94
ALT	0,83	0,85	0,85		0,75	0,84	0,86
CHV	0,79	0,81	0,79	0,78		0,76	0,81
TUV	0,84	0,85	0,86	0,92	0,80		0,87
KLP	0,87	0,93	0,92	0,90	0,83	0,87	

Коэффициент корреляции между этими двумя массивами составляет 83% т.е. имеет значительная положительная связь между этими рядами данных. Причем, важно отметить, что при большом % сходства при классических подсчетах, этимостатистический % оказывается ниже классического. Это отражено на рисунке, по горизонтали % согласно классической лексикостатистике, а по вертикали - % по корневой:



Далее из списка рассматриваемых языков был исключен древнетюркский язык, поскольку глоттохронология для языков, существующих не синхронно, представляет собой отдельную задачу. После этого для каждой пары оставшихся языков было посчитано время, когда согласно классической глоттохронологии они были одним языком, после чего эти данные были соотнесены с данными о проценте по корневой лексикостатистике. Результат отражен на рисунке (синим выделены исходные данные, зеленым – предсказание по модели Старостина, красным – по модели –

Лещинера; по вертикали - процент этимостатистических совпадений, по горизонтали – время в тысячелетиях):



Очевидно, что результаты корневой глоттохронологии в данном случае довольно сильно отличаются от результатов предсказываемых как моделью Старостина, так и моделью Лещинера, хотя последняя функция и ближе к наблюдаемому результату. Как представляется, требуется проведение дополнительных исследований и привлечения большего количества данных (желательно относящихся к большему временному диапазону) для определения функции, описывающей результаты этимостатистических исследований.

Литература

Арапов М.В., Херц М.М. Математические методы в исторической лингвистике. М, 1974.

Саенко М.Н. Общие инновации в базисной лексике как аргумент в дискуссии о балто-славянском единстве. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук, М, 2015.

Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика. // Впервые опубликовано в: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., Наука, 1989,

стр. 3-39. Перепечатано в: Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., Языки славянских культур, 2007, стр. 407-447.

Резюме

В статье рассматривается результат применения этимостатистики (корневой глоттохронологии) к тюркским языкам. Демонстрируется, что данные этих языков скорее соответствуют модели Д.Р. Лещинера, а не С.А. Старостина.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, этимостатистика, тюркские языки.

Eugenia V. Korovina
Institute of linguistics, RAS, Moscow
varna0@gmail.com

To the question about etymostatistics

Summary

The article considers the result of applying etymostatistics (root glottochronology) to Turkic languages. Here will be demonstrated these data correspond more with the model of D. Leshchiner and not with S. Starostin.

Keywords: comparative linguistics, etymostatistics, Turkic languages.

References

Arapov M.V., Herts M.M. Matematicheskie metody v istoricheskoj lingvistike. M, 1974.

Saenko M.N. Obshchie innovacii v bazisnoj leksike kak argument v diskussii o balto-slavyanskom edinstve. Diss. na soisk. uch. st. kand. filol. nauk, M, 2015.

Starostin S.A. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika. // Vpervye opublikovano v: Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevnejshaya istoriya Vostoka. M., Nauka, 1989, str. 3-39. Perepechatano v: Starostin S. A. Trudy po yazykoznaniyu. M., Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007, str. 407-447.

М.А. Косогорова
ИЯз РАН, ИСАА МГУ, Москва

Императивные конструкции в гвинейском языке пулар[1]

Диалектная ситуация в языке пулар-фульфульде (язык фула) является довольно редкой с точки зрения расположения и связи диалектов между собой. Ареал языка охватывает весьма обширную территорию от Сенегала до Сомали и ограничен Сахарой (приблизительно 17 параллель) с севера и зоной распространения мухи цеце (примерно 8 параллель) с юга. Традиционно основным занятием носителей языка являлось отгонное скотоводство, что обусловило дисперсное расселение групп фульбе по ареалу и, соответственно, возникновение нескольких крупных и более десятка мелких диалектов, которые хотя и являются, в общем, взаимопонимаемыми, имеют, тем не менее, ряд существенных различий, связанных с контактными явлениями и историческими событиями.

Идиом, о котором пойдёт речь далее, имеет самоназвание пулар фута-джаллона, расположен, в основном, на территории современной Гвинеи и считается одним из крупнейших диалектов пулар-фульфульде – по данным [Diallo 2000], в Гвинее насчитывается около 7.5 миллионов носителей (включая билингвов). В регионе распространения идиома очень сильно влияние языков других семей, в частности манде, а расположение горных массивов исторически делало пулар менее доступным для контакта с другими диалектами фульбе. Также А. Джалло, составитель наиболее современной грамматики идиома, отмечает, что после образования независимого государства Гвинеи в 1958 году связи гвинейцев с жителями соседних стран были ограничены, что повлекло за собой эндогенный путь развития идиома [Diallo 2000: 2]. Эти особенности развития обусловили ряд специфических черт идиома по сравнению с пандиалектной ситуацией языка пулар-фульфульде, как в области лексики, так и в области морфологии и синтаксиса. Исследователи отмечают в числе таких черт утрату согласования подлежащего и сказуемого по числу, которое в других диалектах

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 17-78-20071 «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ».

реализуется путём выбора соответствующей ступени чередования начального корневого согласного глагола [Коваль, Зубко 1986], а также ряд других особенностей, в том числе наличие двух функционально и продуктивно равноправных инфинитивных форм (подробнее см. [Зубко 1986] и [Косогорова 2013]). Поскольку отличия гвинейского пулар от пандиалектной системы, в той или иной степени, присутствуют во всех областях морфологии и синтаксиса, кажется разумным предполагать, что набор и реализация императивных конструкций в этом идиоме также будут иметь ряд отличий.

Для анализа императивных конструкций в гвинейском пулар были использованы следующие источники: корпус языка пулар (http://corpuspulaar.somee.com), а также экспедиционные данные автора, не успевшие войти в корпус.

Традиционные грамматики языка пулар-фульфульде [Arnott 1970], [Labouret 1952] и др. выделяют две основные императивные конструкции, а именно синтетический императив и прохибитив. В работе [Diallo 2000] также выделяется оптатив. В работе [Коваль, Зубко 1986] в дополнение к этим конструкциям выделяется дебитив.

1. Синтетический императив в пулар фута-джаллона образуется типичным для языков мира [Храковский 1992] образом <глагольный корень+(показатель)>. Показатели в языке различаются по трём залогам, в активном залоге нередок нулевой показатель, состоящий в отношениях дополнительной фонетической дистрибуции с ненулевым. Помимо традиционных императивов 2 лица единственного (см. 1a) и множественного (см. 1b) числа, пулар фута-джаллона, как и другие диалекты, имеет форму совместного лица (см. 1c). Для образования этой формы используется усечённая энклитическая форма инклюзивного субъектного местоимения.

(1a)

yah-	*u*	*yêtt-*	*u*	*ton*	*kaafa*
идти-	Act.Imp.Sg	брать-	Act.Imp.Sg	там	сабля.sgKA

‘Иди возьми там меч’

(b)

leel-	*ee*	*ɗaan-*	*ee*	*seeɗa*
ложиться-	Act.Imp.Pl	спать-	Md.Imp.Pl	немного

‘Прилягте, поспите немного’

(c)
yah- *en* *sinima*
идти- Act.Imp.1Sg.Incl кино.SgO
‘Пойдём в кино’

Стандартные формы императива повсеместно используются в идиоме. Однако, наряду с ними, в гвинейском пулар существует также альтернативная императивная форма 2 лица множественного числа, где на число указывает лишь местоимение, а глагольная форма омонимична сингулярной (см. пример 2). Она встречается нечасто, но достаточно, чтобы постулировать отклонение от пандиалектного канона.

(2)
on *add-* *u* *diyan* *hannde*
2Pl приносить- Act.Imp вода.SgDAN сегодня
‘Принесите сегодня воды’
on *daar-* *oo* *ɗoo*
2Pl стоять- Md.Imp тут
‘Стойте здесь’

В качестве гипотезы такого поведения можно указать стремление диалекта к минимальной вариативности глагольных форм (ср. отсутствие начальных чередований в глаголах) и, соответственно, перенос большего грамматического веса на субъект.

2. Прохибитивные формы также повсеместно встречаются в пулар-фульфульде, выражая отрицание императива. В отличие от синтетического императива, в гвинейском пулар прохибитив выражается аналитической конструкцией с помощью прохибитивной частицы *wotaa* и глагольной формы, омонимичной императиву единственного числа соответствующего залога. Хотя такая ситуация не является типологической редкостью, но отметим тем не менее, что отрицательная форма императива является общей по функции для утвердительных форм синтетического императива, оптатива и дебитива. И поскольку оптатив и дебитив оба требуют подлежащего (об этом см. ниже), то прохибитивая конструкция также требует обязательного наличия подлежащего (см. пример

3). Прохибитив в пулар фута-джаллона практически не отличается от общефульского канона (в разных диалектах пулар-фульфульде возможны инварианты частицы, но в целом картина однозначна) и используется также в косвенных конструкциях.

(3)
neene *inni* *wotaa* *a* *yalt-*
мать.SgO говорить.Act.Pfv.w чтобы.не* 2Sg выходить-
u *ka* *yaasi*
Act.Imp*{*Neg} Prep наружу
‘Мать говорит, чтобы ты не выходил на улицу’

3. Оптативные формы упоминаются в грамматиках диалектов западной зоны и пандиалектных описаниях. Это формы желательно-побудительного наклонения, выражающие меньшую степень обязательности, чем собственно императив, хотя если речь идёт о третьем лице, где собственно императив невозможен, то степень обязательности не играет роли в выборе форм. Такая конструкция в гвинейском пулар образуется аналитически с помощью частицы *yo* (в других идиомах возможны варианты, в том числе *ko*) и глагольной формы, омонимичной императиву единственного числа. Оптатив также замещает императив в косвенных конструкциях (см. пример 4). Отрицание оптатива, как уже было описано, производится с помощью прохибитивной конструкции.

(4)
debbo *inni* *yo* *ngii*
женщина.sgO говорить.Act.Pfv.w Part* 3.SgNGII
ronnd- *u* *mo*
нагружать.на.голову- Act*{*Opt} DO.3.SgO
‘Женщина сказала, чтобы он [джинн] поставил ей груз на голову’

4. Дебитив – более редкая форма желательно-повелительного наклонения, редко упоминаемая в описаниях языка, которая выражает долженствование с невысокой степенью обязательности (‘тебе, по идее, надо бы уже уходить’). В гвинейском пулар такая форма образуется аналитически с

помощью частицы *maa* и глагольной формы, омонимичной слабому перфективному виду (см. пример 5).

(5)

maa	*o*	*yahid-*	*a*	*ka*	*doftooru*	*e*
Part*	3Sg.O	идти.Soc	Act*{*Deb}	Prep	врач.SgO	Conj
ndee		*nawnaare*				
Dem.SgNDE		болезнь.SgNDE				

‘С этой болезнью ему бы лучше пойти к доктору’

Дебитив — конструкция, встречающаяся в крайне незначительном количестве контекстов, и её узус практически не описан, и всё же очевидно, что её форма в гвинейском пулар существенно отличается от других крупных диалектов. В пулар используется глагольная форма, омонимичная слабому перфективному виду, как продемонстрировано выше, в то время как в других диалектах, где представлен дебитив, требуется употребление глагольной формы, омонимичной императиву единственного числа (как продемонстрировано в примере 6). Использование формы, омонимичной императиву, представляется логичным с точки зрения системы императивов: так все три формы императива объединены с помощью общего набора глагольных аффиксов, и лишь разные частицы (или их отсутствие) указывают на степени обязательности. В то же время путь, по которому, в отличие от всех других диалектов, пошёл гвинейский пулар, легко объясним с точки зрения аспектологии: форма слабого потенциалиса (этим названием в русскоязычной традиции фуланистики называется имперфектив) подчёркивает практически полное отсутствие желательного значения в дебитивной форме, в отличие от оптатива и тем более императива.

(6)

maa	*o*	*yarn-*	*u*	*de*
Part*	3Sg.O	поить-	Act*{*Deb}	DO.3.PlꞌDE

‘Пусть он их [стадо] напоит’ (пример из диалекта фута-торо, сенегальского пулаар)

Таким образом, схема императивных конструкций в гвинейском пулар в целом совпадает с пандиалектной картиной. Однако из-за большей обособленности, нежели другие диалекты даже той же западной диалектной зоны, пулар имеет ряд особенностей в части реализации таких конструкций. Стандартный императив иногда использует нестандартный способ образования 2 лица множественного числа, но наибольший акцент необходимо ещё раз сделать на переосмыслении в диалекте формы дебитива в сторону уменьшения императивного значения и вызванную этим замену глагольной формы в аналитической конструкции с омонимичной императиву на омонимичную потенциалису.

Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лица;
Act – активный залог;
Conj – союз;
Deb – дебитив;
Dem – демонстратив;
DO – прямообъектное местоимение;
Imp – императив;
Md – медиальный залог;
Neg – отрицание;
Opt – оптатив;
Part – частица;
Pfv – перфектив;
Pl – множественное число;
PlƊE – плюральный именной класс;
Prep – предлог;
Sg – единственное число;
SgKA, SgNDE, SgO, SgƊAN – сингулярные именные классы;
w – слабый вид.

Литература

Зубко Г.В. Две инфинитивные формы в языке фула // В научном поиске. Учен. Зап. МГИМО. М.: 1968.

Зубко Г.В. Характеристика глагольного действия в языке фула // Africana. Этнография, история, языки народов Африки. Африканский этнографический сборник VIII. Труды Ин-та

этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XCVI . Под. ред. Д.А. Ольдерогге. Л:. Наука, 1971. Сс. 241-263.

Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула. М.: Наука, 1986.

Коваль А.И., Нялибули Б.А. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Ин-т Языкознания РАН, Ин-т Русского Языка РАН, 1997.

Косогорова М.А. Две инфинитивные формы в языке пулар: функциональные различия // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, 2013. С. 199-209.

Храковский В.С. Типология императивных конструкций. М.: Наука, 1992.

Arnott D. W. The nominal and verbal system of Fula. Oxford: Clarendon, 1970.

Diallo A. Grammaire descriptive du pular du Fuuta Jaloo (Guinée). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

Labouret H. La langue des peuls ou foulbé. Dakar: IFAN, 1952.

Резюме

Статья посвящена особенностям императивных конструкций в гвинейском диалекте языка пулар-фульфульде. Форма и функции императивных конструкций в этом диалекте могут иметь различия относительно общефульского канона, поскольку диалект пулар фута-джаллона по историческим и, в частности, контактным причинам типологически выделяется из более чем двадцати взаимопонимаемых диалектов пулар-фульфульде. В статье на материале данных корпуса, а также экспедиционных данных рассматривается весь спектр императивных конструкций и их форма и функции сравниваются с данными из других диалектных грамматик.

Основным типом императива во всех диалектах пулар-фульфульде является синтетическая форма императива; пулар фута-джаллона не является исключением. Также в диалекте, как и в общефульском каноне, представлены формы прохибитива. Поскольку фута-джаллон принадлежит к западной группе диалектов, в нём также отмечается употребление оптатива (желательно-побудительной формы), а также дебитивных форм.

В числе выявленных различий необходимо также отметить

наличие в гвинейском пулар альтернативной императивной формы 2 лица множественного числа, где на число указывает лишь местоимение, а глагольная форма омонимична сингулярной. Также необходимо отметить произошедшее переосмысление дебитивной формы в диалекте в сторону уменьшения императивного значения и вызванную этим замену глагольной формы в аналитической конструкции с омонимичной императиву на омонимичную потенциалису.

Ключевые слова: язык фула, пулар, императив, диалектология, морфология, глагольный аналитизм.

Maria A. Kosogorova
Institute of Asian and African Studies, Moscow State University,
Institute of Linguistics, RAS, Moscow
maria.kosogorova@gmail.com

Imperative constructions in Guinean Pular

Summary

The article is focused on the imperative constructions in Guinean Pular – a dialect of Pular-Fulfulde (Fula). The forms and functions of imperative constructions in this dialect can differ from the Pan-Fula standard, because this dialect has some special historical and contact features that on the whole make it different from the other 20 or so dialects of Fula. Using the corpus and fieldwork data we try to describe the set of imperative constructions and compare their form and function to the data from other dialects.

The main type of imperative in all dialects of Fula is a synthetic imperative verbal form. Pular is no exception here. Prohibitive forms are also frequent in the dialect just as in the whole language. Being a western dialect, Pular also uses optative (desiderative) and debitive forms, which are traditional for that dialect cluster.

The significant differences in the imperative forms in Pular and in the Pan-Fula system are as follows. Firstly, an existence of an alternative 2Pl imperative form, which includes a personal pronoun and uses a verbal form homonymous to a singular imperative is specific for the dialect and has not been encountered in any other dialect. Also, even more importantly, the debitive form is reconsidered in Pular: the imperative meaning is lessened and therefore the verbal

form used in the construction is switched from an imperative to a potential (imperfective) one.

Keywords: Fula, imperative, dialectology, morphology, verbal analytical constructions.

References

Arnott D. W. The nominal and verbal system of Fula. Oxford: Clarendon, 1970.

Diallo A. Grammaire descriptive du pular du Fuuta Jaloo (Guinée). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

Hrakovskij V.S. Tipologija imperativnyh konstrukcij. [The typology of imperative constructions] Moscow: Nauka, 1992.

Kosogorova M.A. Dve infinitivnye formy v jazyke pular: funkcional'nye razlichija [Two infinitive forms in Pular: functional solution] // Problemy jazyka: Sbornik nauchnyh statej po materialam Vtoroj konferencii-shkoly «Problemy jazyka: vzgljad molodyh uchenyh». [Language problems: young scholars' view. Proceedings of the second young scholars' conference.] Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2013. S. 199-209.

Koval' A.I., Zubko G.V. Jazyk fula. [Fula] M.: Nauka, 1986.

Koval' A.I., Njalibuli B.A. Glagol fula v tipologicheskom osveshhenii. [A Typology review of a Fula verb] Moscow: In-t Jazykoznanija RAN, In-t Russkogo Jazyka RAN, 1997.

Labouret H. La langue des peuls ou foulbé. Dakar: IFAN, 1952.

Zubko G.V. Dve infinitivnye formy v jazyke fula [Two infinitive forma in Fula] // V nauchnom poiske. [Scientific search] Uchen. Zap. MGIMO. Moscow: 1968.

Zubko G.V. Harakteristika glagol'nogo dejstvija v jazyke fula [The characteristics of a Fula verbal action] // Africana. Jetnografija, istorija, jazyki narodov Afriki. Afrikanskij jetnograficheskij sbornik VIII. [African ethnography collection] Trudy In-ta jetnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja. Novaja serija, t. XSVI . Pod. red. D.A. Ol'derogge. Leningrad: Nauka, 1971. Ss. 241-263.

С.В. Краснощекова
СПбГУ, Санкт-Петербург

Отрицательные местоименные лексемы в речи русскоязычного ребенка[1]

1. Введение

Отрицательные местоимения наряду с вопросительными, неопределенными, определительными входят в большой класс кванторных местоимений. Кванторные местоимения противопоставляются дейктическим (личные, притяжательные, возвратные и др.) и по своей семантике не несут связи с дейксисом. В то время как освоение дейктических местоимений ребенком исследуется в последнее время достаточно активно (например, [Доброва 2003] — личные местоимения; [Аврутин 2002] — анафора), онтогенез кванторных местоимений, особенно на материале русского языка, практически не рассматривается. Существует несколько работ, где затрагивается проблема освоения кванторных местоимений, однако они не дают полной картины: так, в [Головенкина 1996] кратко описываются некоторые особенности использования детьми местоимения *какой* в вопросительном и неопределенном значении; в [Казаковская, Цейтлин 2000] анализируются вопросительные местоимения в речи взрослого.

Данное исследование представляет собой попытку создать предварительное, базовое описание того, как русские отрицательные местоимения осваиваются детьми и функционируют в их речи. Объектом исследования были не только непосредственно местоимения, но и семантически близкие им наречия. Мы вслед за [Сидоренко 1989: 22; Timberlake 2004: 256] считаем, что при анализе, учитывающем семантические характеристики определенного разряда местоименных лексем, нецелесообразно разделять собственно местоимения и наречия. Так, при анализе дейктического/анафорического поведения указательных лексем местоимения типа *этот* и наречия типа *здесь* рационально

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

рассматривать в связке. Таким же образом мы объединяем в одну группу лексемы типа *никакой* и *никак*. Здесь и далее мы называем данную группу отрицательными местоименными лексемами. Таким образом, в поле рассмотрения в данном исследовании попадают следующие отрицательные местоименные лексемы: *никто*, *ничто*, *никакой*, *нигде* (*никуда*, *ниоткуда*), *никогда*, *никак*.

2. Отрицание в детской речи

Известно, что русскоязычный ребенок постепенно осваивает средства выражения отрицания. Освоение начинается с невербальных языковых средств, жестов, которые возникают еще до года. Затем, в возрасте 1,0–1,5[2], появляются протослова, голофразы с отрицательным значением, индивидуальные для каждого ребенка (*а-а*, *у-у*, *ни-ни-ни* и т.п.). За ними следуют собственно отрицательные лексемы: *нет* и *нету*; частица *не* с полнозначными словами (постпозитивное употребление: *Р не* сменяется препозитивным: *не Р*). Процесс освоения отрицательных средств заканчивается периферийными средствами, выражающими значение отрицания описательно (*мама, успокойся* = «мама, [не делай]»). Отрицательные местоимения и наречия располагаются ближе к концу ряда, возникая сравнительно поздно (обычно после препозитивного *не*, но раньше описательных средств) и используясь сравнительно редко [Мурашова, Семушина 2007: 145–159]. Отрицательные местоимения и наречия занимают нецентральное положение и по отношению к другим местоименным лексемам (личным, указательным и др.): в нашем материале было обнаружено 257 контекстов с отрицательными местоименными лексемами; для сравнения, число контекстов с личными местоимениями в том же материале составляет около 5000.

Базовыми семантическими типами отрицания, которые осваиваются до 3 лет, являются отказ, отсутствие объекта, запрет на действие, опровержение высказывания собеседника или положения дел. К менее частотным типам, которые также осваиваются рано, относятся неумение сделать что-то, нежелательность действия, возражение собеседнику, упрек, протест [Там же: 140–144]. Для отрицательных местоимений в

[2] Здесь и далее возраст ребенка дается в формате «год; месяц; (день)».

речи детей наиболее актуальны значения опровержения и неумения.

3. Материал

В качестве материала были использованы расшифровки аудио- и видеозаписей речи четырех детей (трех мальчиков и одной девочки), предоставленные Фондом данных детской речи ИЛИ РАН. Записи охватывают возраст от 1,5 до 4 лет. Использовались только расшифровки в формате CHILDES с морфологической разметкой, что позволило автоматически извлечь все контексты с интересующими нас местоименными лексемами. Всего было получено 257 контекстов. Распределение местоименных лексем по возрасту представлено в таблице 1. Для удобства анализа и представления данных было выделено три возрастных периода: до 2 лет; от 2 до 3 лет и от 3 до 4 лет.

Таблица 1

Общее количество отрицательных местоименных лексем

тип / возраст	1–2	2–3	3–4	Всего
наречия		13	18	31
никак	51	52	31	134
никакой		2	6	8
никто		13	22	35
ничто		22	27	49
Всего	51	102	104	257

К возрасту до 2 лет относится только 51 контекст с наречием *никак*; а к периодам от 2 до 3 и от 3 до 4 лет — примерно по 100 контекстов. Наиболее распространенной лексемой является *никак*, наименее распространенной — *никакой*. С возрастом частотность всех лексем, кроме *никак*, повышается; частотность *никак* снижается.

4. Возраст детей

Появление большинства отрицательных местоименных лексем происходит в первой половине третьего года жизни (в нашем материале — в возрасте от 25 до 29 месяцев, или от 2,1 до 2,4). Обычно отрицательные лексемы начинают использоваться относительно регулярно на этапе «местоименного взрыва» — так

мы называем период, в который число местоименных словоупотреблений в речи резко возрастает. Все местоимения по возрасту появления можно разделить на три группы: «ранние» (возникают до местоименного взрыва), «поздние» (возникают в конце или после местоименного взрыва) и местоимения непосредственно «этапа местоименного взрыва»). Отрицательные местоименные лексемы относятся к третьей группе наряду, например, с указательным *такой*.

К моменту появления отрицательных местоименных лексем все дети уже владеют базовыми средствами отрицания (*не* + *Р*, *нет*). Кроме того, освоены ранние дейктические местоимения (*этот, там*, *я*, *мой*) и вопросительные местоименные лексемы.

Особняком стоит лексема *никак*. У двух детей в нашем материале она появляется на 4–6 месяцев раньше других отрицательных местоименных лексем и на протяжении всего анализируемого возрастного отрезка используется чаще других (см. табл. 1). Это связано с тем, что *никак* не имеет для ребенка раннего возраста местоименно-отрицательного компонента и используется в значении «не могу, не получается» (1–6)

(1) (двигает табуретку) ***Никак!*** (Филипп, 1,6);

(2) Мама: *Скажи «грудь».* — Р: ***Никак!*** (Филипп, 1,7);

(3) Мама: *Давай попробуем еще раз, сумочке ручку приделаем.* — Р: ***Никак!*** (Филипп, 1,7);

(4) *Открыть кофточку* ***никак.*** (Лиза 2,1,5);

(5) *Мама, Витя* ***никак*** *[аникак]!* (Витя, 2,1,28);

(6) Мама: *Видишь, не видно ничего, мало краски взяли, надо побольше.* — Р: ***Никак*** (Витя, 2,6,17).

В примерах (2, 3, 6) ребенок использует *никак* для ответа на предложение или просьбу взрослого совершить действие, констатируя, что неспособен выполнить то, что предлагает взрослый. В примерах (1, 4, 5) *никак* возникает без запроса со стороны взрослого: ребенок привлекает внимание собеседника, заявляя, что у него что-то не получается.

Сокращение количества словоупотреблений *никак* после 3 лет обусловлено следующим: *никак* широко используется только до тех пор, пока ребенок не начинает активно употреблять сочетания типа *не могу*.

5. Конструкции с отрицательными местоименными лексемами

Отрицательные местоименные лексемы используются детьми в трех основных конструкциях: изолированно/без глагола; при глаголе с двойным отрицанием; при ответе на «рифмованный» вопрос (*Кто…? — Никто*; *Что…? — Ничего*); кроме того, существует промежуточный тип, содержащий одновременно ответ на рифмованный вопрос и двойное отрицание при глаголе. В таблице 2 представлено распределение конструкций по возрасту; приводятся проценты от общего числа контекстов (257).

Таблица 2

Конструкции с отрицательными местоименными лексемами (%)

Конструкция / возраст	1–2	2–3	3–4	Всего
вопрос	0	7	10	17
с глаголом	1	18	17	35
глагол + ответ	0	1	3	4
без глагола	19	14	10	43
Всего	20	40	40	100

С возрастом увеличивается количество всех конструкций, кроме конструкции с изолированной местоименной лексемой (без глагола). Хотя в целом данная конструкция является наиболее распространенной, уже после 2 лет активнее всего начинает использоваться конструкция с двойным отрицанием. Наименее частотной является конструкция «рифмованный ответ и двойное отрицание».

Не у всех четырех детей представлены все конструкции. Так, в материале Вити отсутствуют любые рифмованные ответы; в материале Лизы — рифмованные ответы в сочетании с двойным отрицанием. Кроме того, дети демонстрируют разное соотношение конструкций: в речи Филиппа превалирует изолированное употребление отрицательных лексем (71%); в речи Вани наблюдается более сбалансированное распределение трех основных конструкций (24% — изолированное употребление; 38% — двойное отрицание; 30% — рифмованный

ответ). Это свидетельствует о наличии индивидуальных стратегий освоения отрицательных местоименных лексем.

Рассмотрим подробнее каждую конструкцию.

5.1. Изолированное употребление. Конструкция является самой распространенной в нашем материале и первой по возрасту появления. Распространенность достигается в первую очередь за счет использования в ней лексемы *никак*, в том числе в значении «не могу». Контексты с *никак* занимают 87% от всех контекстов с изолированным употреблением местоименного слова. Прочие лексемы в данной конструкции встречаются только у одного ребенка из четырех — Вани: *никогда* (7), *никто* (8), *никакой* (9) и др.

(7) *«Ребята, давайте жить дружно… —* ***Никогда****!»* (Ваня, 3,5,27);

(8) *Эта — десять рублей… Эта тоже… <…> А эта —* ***никакая*** (Ваня, 3,2,21);

(9) *Достань тогда петуха… дрозда, кота… а больше* ***никого.*** (Ваня, 3,0,2).

Пример (7) представляет собой цитату из мультфильма, изолированное *никогда* присутствует в цитируемом источнике. В примере (8) *никакая* имеет дополнительное значение «пустая», «без характеристик». В примере (9) изолированное *никого* допускает продолжение с двойным отрицанием (*а больше никого* [*не везем*]) и не противоречит правилам русского языка.

5.2. Двойное отрицание. В целом данная конструкция используется сравнительно часто (35%), однако начинает широко использоваться позже прочих, в возрасте 2,8–3,0. Чем старше становится ребенок, тем больше в его речи подобных конструкций: очевидно, что с развитием синтаксического компонента индивидуальной языковой системы повышается как длина, так и синтаксическая сложность высказываний. Конструкции начинают активно использоваться уже после местоименного взрыва, на этапе поздних местоимений. Сравнение с дейктическими местоимениями позволяет заметить, что уже после 3 лет местоименная система ребенка максимально приближается к «взрослому» состоянию.

В конструкции зафиксированы все анализируемые лексемы: наречия места (10) и времени (11), *никак* (12), изменяемые местоимения *никто* (13) и *никакой* (14) в разных формах, а также *ничто* только в форме Р./В.п. *ничего* (15):

(10) *Вот, поместилась, она* ***не*** *упадет* ***никуда*** (Филипп, 2,8);
(11) *А-а, я* ***никогда*** *у них, наверное,* ***не*** *был* (Ваня, 3,3,2);
(12) *А-а, что-то мне голову* ***никак не*** **вылезть* [= *вытащить*] (Витя, 4,0,6);
(13) ***Никогда*** *я* ***не*** *даю* ***никому*** *мышку* (Ваня, 3,4,21);
(14) *Дядьки* ***никакого*** [*акава*] ***нет*** (Лиза, 2,1,5);
(15) ***Ничего не*** *получит.* (Витя, 3,6,25).

Высказывание в (14) принадлежит ребенку более раннего возраста, чем остальные; тем не менее, несмотря на то, что конструкция возникает у некоторых детей сравнительно рано, она начинает активно использоваться всеми детьми ближе к 3 годам. Следует также заметить, что в (14) в роли второго отрицания выступает неглагольное *нет*, что коррелирирует с приведенным выше фактом: конструкции с *нет* осваиваются раньше, чем с *не*.

5.3. Рифмованные ответы. «Все дети на ранних этапах онтогенеза рифмуют слова» [Аввакумова 2009: 207]: известно, что дети раннего возраста склонны к рифме. Так, еще К. И. Чуковский упоминал рифмованные повторы, которые дети используют «для экономии сил» [Чуковский 2005: 169, 171]; некоторые дети вставляют в свои реплики несуществующие рифмованные слова [Воейкова 2011: 19]; «рифмованные» окончания диминутивов помогают освоить именное склонение [Там же: 186].

Под «рифмованными» ответами мы понимаем сочетания типа *Кто? — Никто*; *Где? — Нигде*. В рифмованные местоименные ряды входят не только вопросительные и отрицательные, но и указательные и неопределенные лексемы: ср. *когда — никогда — тогда — когда-то*; *куда — никуда — туда — куда-то*; *какой — никакой — такой — какой-то*. Изложенные выше факты позволили нам предположить, что отрицательные местоимения осваиваются на основе «рифмованных» вопросительных / в связке с другими

«рифмованными» местоимениями. Тем не менее, гипотеза не нашла подтверждения на нашем материале. Несколько конструкций с рифмованными ответами зафиксировано только у двух детей из четырех (Вани и Филиппа); еще у одного ребенка (Лизы) обнаружен один пример. Конструкция не является ни самой частотной (17%), ни первой по возрасту появления, хотя и возникает раньше, чем предыдущая (2,4–2,5). Кроме того, существует два подтипа конструкции: а) строгая рифма (16, 17) и б) вопрос в И.п. — ответ в правильном Р.п. (18, 19).

(16) Мама: *Ведь она **какая?*** — Р: ***Никакая*** (Лиза, 3,6,2);

(17) Бабушка: *А **чем** ты стукнулся?* — Р: ***Ничем*** (Ваня, 3,3,2);

(18) Мама: ***Кто** там с тобой в машине едет, посмотри.* — Р: ***Никого*** (Филипп, 2,5);

(19) Бабушка: ***Что** ты на этой тележке будешь возить?* — Р: ***Ничего*** (Ваня, 2,7,2).

Примеры типа (18, 19) доказывают, что ребенок с самого начала использует отрицательные лексемы осознанно, а не автоматически употребляет при ответе формально подходящую последовательность звуков, то есть рифмованные вопросы-ответы не оказывают значимого влияния на формирование системы отрицательных местоименных лексем.

5.4. Ошибки. Количество ошибок крайне невелико, что в целом характерно для местоимений в детской речи. Отсутствие формообразовательных ошибок обусловлено, во-первых, тем, что местоимения обычно возникают на том этапе, когда базовая падежная парадигма уже освоена; во-вторых, тем, что ребенок осваивает отдельные формы местоимений целиком, гештальтно. Небольшое число синтаксических и семантических ошибок, предположительно, может быть связано с гештальтным запоминанием отдельных конструкций и фраз.

При том, что ошибки в нашем материале практически отсутствуют, абсолютное большинство неграмматичных примеров относятся к случаям использования одиночного отрицания вместо двойного. Всего обнаружено 14 таких контекстов (20), причем в 12 случаях употребляется *никак*, которое ребенок может воспринимать как универсальный

отрицательный оператор (21). Еще в одном случае ребенок использует отрицательное местоимение вместо рифмованного относительного (22).

(20) *Я* ***никогда*** **собирал петушка* (Ваня, 2,8,1);
(21) *Дать* ***никак*** (Филипп, 1,6)
(22) *Я не помню,* ****никогда*** *это я мазал* (Ваня, 3,2,7).

Никогда вместо *когда* в (22) также может быть обусловлено эффектом прайминга из-за присутствия в левом контексте отрицательного глагола.

6. Стратегии детей

Материал позволяет предположить наличие нескольких стратегий освоения отрицательных местоименных лексем. Рассмотрим подробнее профили трех детей — Вани, Вити и Филиппа; в материале Лизы обнаружено всего 15 интересующих нас словоупотреблений, что не дает возможности делать выводы о ее стратегии.

6.1. Ваня. Известно, что «в речи Вани Я. в возрасте около двух лет отрицания (*э-а*, *уу* и т.д.) составляют четверть его высказываний (а утверждения "в чистом виде" — слово *да* — около 15%). С накоплением словаря относительное количество отрицаний сокращается» [Мурашова, Семушина 2007: 140]. Ваня начинает использовать отрицательные местоименные лексемы сравнительно поздно (в 2,3). Освоение начинается с лексемы *ничто* (форма *ничего*):

(23) Бабушка: *А еще что ты любишь, помимо супа?* — Р: ***Ничего*** (2,3,19);
(24) *Тут нет* ***ничего*** **[*нитиё*]** (2,6,7).

Лексема *никак* не занимает особого положения в речи. Освоение конструкций начинается с «рифмованного» ответа на вопрос взрослого, что связано с «обучающей», «помогающей» стратегией основного взрослого собеседника — бабушки Вани. Местоименный лексикон Вани разнообразен: ребенок одинаково активно использует местоимения разных типов (*никак*, *никто*,

никто, наречия), что коррелирует с разнообразием его полнозначного лексикона.

6.2. Витя. Предварительных сведений о том, как Витя использует местоимения или отрицание, у нас нет. Освоение отрицательных местоименных лексем начинается с лексемы *никак* в значении «не могу, не получается» (25). Конструкция с двойным отрицанием также осваивается на основе *никак* (26).

(25) Мама: *Закрыл?* — Р: ***Никак*** (2,1,28);
(26) **Папа не унести **никак*** (2,3,21).

В материале Вити полностью отсутствуют «рифмованные» ответы на вопросы взрослых, а также практически отсутствуют местоименные наречия места и времени (зафиксировано только *никуда*), что свидетельствует о небольшом разнообразии его лексикона.

6.3. Филипп. Известно, что Филипп «склонен к рифмованным повторам» [Воейкова 2011: 59], тем не менее, в его речи рифмованные ответы не так частотны, как у Вани (всего 5 примеров). Отрицательные местоименные лексемы возникают крайне рано (в 1,5). Освоение, как и в предыдущем случае, начинается с лексемы *никак* в значении «не могу, не получается» (27); точно так же на основе *никак* осваивается конструкция с двойным отрицанием (28). То же справедливо для конструкции с рифмованным ответом (29).

(27) *Открой* ***никак*** (1,6);
(28) Мама: *Как Филя открывает ее?* — Р: ***Никак*** (2,7);
(29) ***Не** дать **никак*** (1,8).

До 2 лет из отрицательных лексем в речи Филиппа функционирует только *никак*; в дальнейшем его лексикон также не отличается разнообразием. Стратегия Филиппа в целом напоминает стратегию Вити и отличается от нее наличием рифмованных ответов.

7. Выводы

Отрицательные местоименные лексемы относятся к низкочастотным местоимениям этапа «местоименного взрыва».

Дети демонстрируют разные стратегии освоения отрицательных лексем. Существует стратегия, при которой семантические и синтаксические принципы употребления отрицательных лексем осваиваются на базе лексемы *никак*, при том что *никак* возникает рано в неместоименном значении. Существует стратегия, при которой отрицательные лексемы осваиваются на основе рифмованных вопросов-ответов. Можно предположить, что такая стратегия а) коррелирует с разнообразием местоименного лексикона и б) связана со стратегией основного взрослого собеседника. Существуют дети, практически не употребляющие отрицательных местоимений по крайней мере до 4 лет, при том что а) ошибок практически нет и б) все дейктические местоимения осваиваются нормативно.

Чем старше становится ребенок, тем больше в его речи конструкций с двойным отрицанием и тем больше разрыв между ними и конструкциями с изолированным местоимением. Дети допускают крайне мало ошибок при формировании конструкций с двойным отрицанием, что может быть связано с относительно поздним освоением отрицательных лексем.

Литература

Аввакумова Е.А. Фонетические особенности детского словесного творчества // Проблемы онтолингвистики — 2009: материалы международной конференции. СПб.: Златоуст, 2009. С. 207–211.

Аврутин С. Усвоение языка // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 261–276.

Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011. 328 с.

Головенкина Л.Х. Местоимения в речи детей // Проблемы детской речи — 1996: материалы межвузовской конференции. СПб.: Образование, 1996. С. 30–31.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 492 с.

Казаковская В.В., Цейтлин С.Н. Локативные вопросы в диалоге «мать — ребенок» и их роль в синтаксическом развитии ребенка // Материалы XVIII межвузовской научно-методической

конференции преподавателей и аспирантов. Секция общего языкознания. Вып. 17. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 43–49.

Мурашова О.В., Семушина В.А. Отрицание в детской речи // Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 138–160.

Сидоренко Е.Н. Семантические разряды местоимений современного русского языка // Русские местоимения: Семантика и грамматика. Владимир: ВГПИ им. П. И. Лебедева-Полянского, 1989. С. 18–26.

Чуковский К.И. От двух до пяти. М.: Университет, 2005. 400 с.

Timberlake, A. (2004). A reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press.

Резюме

Задачей статьи было проследить освоение и использование отрицательных местоимений и наречий в речи 4 русскоязычных детей. Использованный материал включает записи речи детей, охватывающие возраст от 1,5 до 4 лет. Всего из материала методом сплошной выборки было извлечено 257 контекстов с анализируемыми лексемами. Анализ материала позволил получить следующие результаты. Появление большинства отрицательных местоименных лексем происходит в первой половине третьего года жизни. К этому моменту все дети уже владеют как базовыми средствами отрицания (*не* + *Р*, *нет*), так и наиболее частотными дейктическими и кванторными местоимениями. Наречие *никак*, которое не имеет для ребенка раннего возраста местоименно-отрицательного компонента и используется в значении «не могу, не получается», у 2 детей возникает на 4–6 месяцев раньше других отрицательных местоименных лексем и широко используется, пока ребенок не начинает употреблять сочетания типа *не могу*. Отрицательные местоименные лексемы используются детьми в трех основных конструкциях: изолированно/без глагола; при глаголе с двойным отрицанием; при ответе на «рифмованный» вопрос (*Кто…? — Никто*; *Что…? — Ничего*). Практически отсутствуют ошибки при конструировании двойного отрицания: в нашем материале обнаружено 14 случаев одиночного отрицания (**Я никогда собирал петушка*), причем в 12 случаях из 14 употребляется

никак, которое ребенок может воспринимать как универсальный отрицательный оператор (**Дать никак*). Разные дети используют разные стратегии освоения отрицательных лексем.

Ключевые слова: детская речь, местоимения, отрицание, освоение языка, русский язык.

Sofia V. Krasnoshchekova
St. Petersburg Polytechnic University
ndhito@mail.ru

NEGATIVE PRONOMINAL LEXEMES IN THE SPEECH OF RUSSIAN-SPEAKING CHILDREN

Summary

The goal of the paper is to analyze acquisition of Russian negative pronouns and adverbs and their behaviour in the speech of four Russian-speaking children. The data consists of four children's speech recordings that envelop the age from 1,5 till 4 years. The data allowed extracting 257 contexts with the analyzed lexemes overall. The results are as following. Most negative pronominal lexemes appear in the first half of the third year of life. Most children have already acquired both basic lexical means of negation and frequent deictic and quantifier pronouns. The only exception is the adverb *nikak* 'in no manner', which doesn't bear pronominal meaning in the speech of children of young age and is used to replace phrases like "I cannot". Two children in our data have it appearing 4–6 months earlier that other negative pronominal lexemes and use it frequently, until children start using "I cannot" widely. Negative pronominal lexemes are used in three main constructions: separately, with double verbal negation and in the "rhymed" answers ("Where? — Nowhere"). Children almost never make mistakes in the double negation: our data provided only 14 contexts featuring single negation instead of double, but 12 of them included *nikak* that is possibly used by children as a universal negative operator. Different children take different strategies of negative pronominal lexemes acquisition.

Keywords: children's speech, first language acquisition, negation, pronouns, Russian language.

References

Avvakumova E.A. Foneticheskie osobennosti detskogo slovesnogo tvorchestva [Phonetical features of children's creativity]. *Problemy ontolingvistiki — 2009: Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Problems of Ontolinguistics — 2009: Materials of the International Conference]. St. Petersburg: Zlatoust, 2009, pp. 207–211.

Avrutin S. Usvoenie jazyka [Acquisition of language]. *Sovremennaja amerikanskaja lingvistika: fundamental'nye napravlenija*. [Contemporary American Linguistics: Fundamental Trends] Moscow: Jeditorial URSS, 2002, pp. 261–276.

Voejkova M.D. Rannie jetapy usvoenija det'mi imennoj morfologii russkogo jazyka [Early stages of children's acquisition of Russian nominal morphology]. Moscow: Znak, 2011. 328 p.

Golovenkina L.H. Mestoimenija v rechi detej [Pronouns in the speech of children]. *Problemy detskoj rechi — 1996: Materialy mezhvuzovskoj konferencii* [Problems of Children's Speech — 1996: Materials of the Interuniversity Conference]. St. Petersburg: Obrazovanie, 1996, pp. 30–31.

Dobrova G.R. Ontogenez personal'nogo dejksisa (lichnye mestoimenija i terminy rodstva) [Acquisition of personal deixis (personal pronouns and kinship terms]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Edit., 2003. 492 p.

Kazakovskaja V.V., Cejtlin S.N. Lokativnye voprosy v dialoge «mat' — rebenok» i ih rol' v sintaksicheskom razvitii rebenka [Locative questions in the mother — child dialogue and their role in the child's syntactic development]. *Materialy XVIII mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoj konferencii prepodavatelej i aspirantov. Sekcija obshhego jazykoznanija*. [Materials of the XVIII Interuniversity Science-Methodological Conference of Teachers and PhD Students. General Linguistics Section], no. 17. St. Petersburg: SPbSU, 2000, pp. 43–49.

Murashova O.V., Semushina V.A. Otricanie v detskoj rechi [Negation in the children's speech]. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [Semantic Categories in the Children's Speech]. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2007, pp. 138–160.

Sidorenko E. N. Semanticheskie razrjady mestoimenij sovremennogo russkogo jazyka [Semantic pronominal classes of contemporary Russian]. *Russkie mestoimenija: Semantika i*

grammatika [Russian Pronouns: Semantics and Pragmatics]. Vladimir: Lebedev-Poljanskij VSPI, 1989, pp. 18–26.

Chukovskij K.I. Ot dvuh do pjati [From two till five]. M.: Universitet, 2005. 400 p.

А.С. Крылова
ИВ РАН, Москва

Количественные числительные языка куллуи[1]

Введение

Куллуи – один из идиомов химачальской группы пахари индоарийской ветви индоевропейской семьи языков. Материалы получены в ходе лингвистической экспедиции в д. Наггар индийского штата Химачал-Прадеш в 2016 году.

Для новых индоарийских языков (например, хинди, пенджаби и др.) характерна следующая система количественных числительных: все числительные до ста являются самостоятельными лексическими единицами, происходящими из древнеиндийской системы, организованной по десятеричному принципу, при этом числа после 10, оканчивающиеся на 9, обозначаются словами, производными от названия следующего числа. Эту систему в работах по индоарийским языкам принято называть десятеричной, хотя она сильно отличается от десятеричных систем европейских языков (русский, английский) невозможностью построения по единой модели числительных от двадцати до ста.

Двадцатеричная система характерна для всех дардских языков, кроме кашмири, а также для языка бурушаски, в связи с чем Д.И. Эдельман объясняет её появление в индоиранских языках влиянием субстрата. Также двадцатеричная система счёта встречается в индоарийских языках Северного Индостана, преимущественно в сельских диалектах (так в пунчхи, диалекте лахнда, *das te do wiha* (букв. ‘десять и два двадцать’) обозначает ‘50’ [Эдельман 1993: 34]. Однако в грамматических описаниях крупных индоарийских языков она обычно не упоминается.

Более подробно обобщённое описание двадцатеричных систем в индоарийских языках дано у Г.А. Зографа:

«В диалектных подсистемах всего района распространения НИА языков функционирует двадцатеричная система счисления. При этой системе в обычных для повседневных бытовых нужд

[1] Работа выполнена частично при поддержке РФФИ, проект № 16-34-01040, «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи», 2016-2018 гг. (рук. Е.М. Шуванникова).

сельского населения пределах счёта (до 200) обходятся набором числительных первого десятка в сочетании с числительным 20 (регулярное *bīs* и его эквиваленты из общих систем в этом случае часто заменяются словом *koṛi* ‘два десятка’ по формуле n*20±m или ±m+n*20 (где m и n – числа первого десятка), например в бходжпури *tīnĭ bīs ā pã̰c* – 65 (букв. ‘три [раза по] двадцать и четыре’ [Tiwari 118]; в авадхи *dui bīsī au cārĭ* – 44 (букв. ‘два [раза по] двадцать и четыре’), *ek kam bīs* – 19 (букв. ‘без одного двадцать’) [Saksena 152]; в разговорном панджаби: *cheã̃ utte che vīhã̃* – 126 (букв. ‘шесть сверх шести [раз по] двадцать’); *cheã̃ ghaṭṭ che vīhã̃* – 114 (букв. ‘без шести шесть [раз по] двадцать’) [Cummings and Bailey 47]» [Зограф 1976: 206].

Описание количественных числительных языка куллуи в научной литературе

Система числительных языка куллуи до сих пор не была описана полностью. Попытка описания десятеричной системы куллуи к настоящему времени сделана лишь в работе [Sharma 2014: 103-106], однако недостатки транскрипции и обилие опечаток сильно снижают ценность этого богатого материала. В грамматическом очерке [Ranganatha 1981: 95-96] даны числительные от 1 до 20, а также приблизительно задана модель построения числительных по двадцатеричной системе. Также Ранганатха приводит числительное «сто» в десятеричном и двадцатеричном вариантах и дробные числительные:

yek ‘1’, *duy* ‘2’, *tra* ‘3’, *ca:r* ‘4’, *pɔnj* ‘5’, *chɔ:* ‘6’, *sɔttə* ‘7’, *ɔṭṭhə* ‘8’, *nɔw* ‘9’, *dəs* ‘10’, *gya:ra* ‘11’, *ba:ra* ‘12’, *te:ra* ‘13’, *cɔwda* ‘14’ *pandra* ‘15’, *soḷa* ‘16’, *sta:ra* ‘17’, *ṭha:ra* ‘18’, *unni~əṇi* ‘19’, *bi:h* ‘20’;

yek bi:ya yek ‘21’, *yek bi:ya duy* ‘22’;

šow ‘100’, *pɔnj biyã̃* ‘100’;

В книге [Thakur, 1975: 266-267] также утверждается наличие только двадцатеричной системы, однако её построение выглядит скорее гибридным, чем чисто двадцатеричным:

ek ‘1’, *dūī* ‘2’, *trāī* ‘3’, *tsār* ‘4’, *põdz* ‘5’, *tshɔh* ‘6’, *sɔt* ‘7’, *ɔṭh* ‘8’, *nɔ/nɔū* ‘9’, *das/dɔs* ‘10’, ‘11-17’ – аналогично хинди, но с

падением начального гласного и ослаблением конечного согласного, *ṭhaːrā* ‘18’, *nĩ̃h* ‘19’;

bīh ‘20’; *tīh* ‘30’ *tsāḷī* ‘40’, *pãdzāh* ‘50’, *śɔṭh/śaṭh* ‘60’, *sɔtar/satar* ‘70’, *ɔśī/aśī* ‘80’, *nɔbe / nabe* ‘90’, *śɔu* ‘100’;

bīhā-ek ‘21’, *bīhā-dūī* ‘22’, *bīhā-trāī* ‘23’, *bīhā-das* ‘30’, *bīhā-gyārā* ‘31’, *tsaḷīā-ek* ‘41’, *śɔṭhīā-ek* ‘61’, *ɔśīā-ek* ‘81’;

Мы видим, что оба описания не дают возможности с уверенностью построить все числительные от 1 до 100. Тем не менее, бросаются в глаза явные различия между ними:

1) У Ранганатхи числительные третьего десятка состоят из трёх слов, первое из которых – число двадцаток, равное единице. У Тхакура число двадцаток не указывается.

2) У Тхакура перечислены все слова для чисел, кратных 10, унаследованные из десятеричной системы. У Ранганатхи они отсутствуют, за исключением слова *šow* ‘100’.

3) У Ранганатхи мы видим двадцатеричный составной способ образования числительных, кратных 20, на примере числительного *pɔnj biyã* ‘100’. Тхакур не даёт подобного способа образования.

4) Можно предположить, что система Ранганатхи требует образования некруглых числительных от образованных по двадцатеричному принципу составных числительных, кратных 20. В то же время у Тхакура они образуются от образованных по десятеричному принципу синхронно нечленимых числительных, кратных 20.

Очевидно, что помимо транскрипционных и фонетических отличий описанные системы значительно отличаются одна от другой, но также обе они совершенно не похожи на системы, которые описаны Г.А. Зографом. Для установления истины требуется дополнить картину полевыми данными.

Количественные числительные языка куллуи по нашим полевым данным

По наблюдениям, полученным нами в ходе полевой экспедиции в д. Наггар в 2016 году, в речи носителей языка куллуи параллельно употребляются несколько систем количественных числительных, и не все из них можно отнести именно к языку куллуи. Так, в торговле по отношению к деньгам

нередко употребляются числительные английского языка или хинди. Можно заметить, что сами носители куллуи не всегда осознают, на каком языке они считают, и в ответ на прямой вопрос числительные хинди они могут относить к куллуи, а английские числительные – к хинди. Во многом это связано с распространённым в Индии полилингвизмом, однако и полилингвизм в системах счёта, по-видимому, имеет свою специфику сфер употребления и способов образования числительных.

Однако и собственно числительные куллуи, как выяснилось, также образуют две системы. Одна из них, считающаяся более современной, напоминает систему числительных пенджаби или хинди, характерную для индоарийских языков в целом, унаследованную из десятеричной древнеиндийской. Судя по фонетике, система выглядит в целом исконной – сохранение кластера **tr* (*tra* ‘3’ из др.-инд. *tráyaḥ, trɛi* ‘13’ из др.-инд. *tráyōdaśa*), различие двух сибилянтов (*ʃɔu* ‘100’ из *śatá*, *sāt* ‘7’ из *saptá*), хотя возможны отдельные заимствования. Из «крупных» языков она наиболее сходна с пенджаби.

Таблица 1

Количественные числительные куллуи.
Десятеричная система

ek(ə) ‘1’	*dui* ‘2’	*traa, tra:i* ‘3’	*tsa:r(ə)* ‘4’	*pɔnts, pɔndzə* ‘5’	*tsʰo* ‘6’	*sottə* ‘7’	*ɔʈʈʰə* ‘8’	*nɔu* ‘9’	*dəs(ə)* ‘10’
gja:ra ‘11’	*ba:ra* ‘12’	*tera* ‘13’	*tʃɔuda* ‘14’	*pəndra* ‘15’	*so:ɭa* ‘16’	*sta:ra* ‘17’	*ʈʰa:ra* ‘18’	*unɳi* ‘19’	*bi* ‘20’
ikki ‘21’	*ba:i* ‘22’	*trɛi* ‘23’	*tʃɔubi* ‘24’	*pətʃtʃi* ‘25’	*tʃəbbi* ‘26’	*sta:i* ‘27’	*ʈʰa:i* ‘28’	*unətti* ‘29’	*ti* ‘30’
katti ‘31’	*batti* ‘32’	*tɛtti* ‘33’	*tʃɔuti, tʃɔunti* ‘34’	*pɛĩti* 35’	*tʃʰətti* ‘36’	*sɛĩti* ‘37’	*ʈʰətti* ‘38’	*unta:ɭi* ‘39’	*tsa:ɭi* ‘40’
ikta:ɭi ‘41’	*bəta:ɭi* ‘42’	*tərta:ɭi* ‘43’	*tʃuta:ɭi, tʃurta:ɭi* ‘44’	*pə̃dʒta:ɭi, pɛĩta:ɭi* ‘45’	*tʃəta:ɭi* ‘46’	*sə̃ta:ɭi* ‘47’	*ɽəta:ɭi, əɽta:ɭi* ‘48’	*(u)nundʒa* ‘49’	*pədʒa* ‘50’
kundʒa ‘51’	*bundʒa* ‘52’	*triundʒa* ‘53’	*tʃərundʒa* ‘54’	*pətʃundʒa, pədʒundʒa* ‘55’	*tʃʰapundʒa, tʃʰundʒa* ‘56’	*stundʒa* ‘57’	*ʈʰundʒa* ‘58’	*uɳaaɽ* ‘59’	*ʃɔɽ* ‘60’
kaaɽ ‘61’	*baaɽ* ‘62’	*trɛɛt* ‘63’	*tʃɔɔɽ* ‘64’	*pɛɛ̃ɽ* ‘65’	*tʃʰaaɽ* ‘66’	*staaɽ* ‘67’	*ʈʰaaɽ* ‘68’	*uɳattər* ‘69’	*səttər* ‘70’
kəttər ‘71’	*battar* ‘72’	*tjəttər* ‘73’	*tʃuattər* ‘74’	*pətʃattər, pədʒattər* ‘75’	*tʃʰəttər* ‘76’	*stəttər* ‘77’	*ʈʰəttər* ‘78’	*unassi* ‘79’	*aʃi* ‘80’
(i)ka:ssi ‘81’	*ba:ssi* ‘82’	*tra:si, trɛsi* ‘83’	*tʃɔra:si* ‘84’	*pədʒa:si* ‘85’	*tʃʰa:si* ‘86’	*sta:si* ‘87’	*ʈʰa:si* ‘88’	*(u)ŋa:nuɛ* ‘89’	*ŋabbɛ* ‘90’
ka:nuɛ ‘91’	*ba:ŋuɛ* ‘92’	*tria:ŋuɛ* ‘93’	*tʃəra:ŋuɛ* ‘94’	*pədʒa:nuɛ* ‘95’	*tʃa:nuɛ* ‘96’	*sta:nuɛ* ‘97’	*ʈʰa:nuɛ* ‘98’	*nɔɽi:nuɛ* ‘99’	*ʃɔu* ‘100’

Одновременно в куллуи представлена и другая система, которую носители считают устаревшей и просторечной, построенная по двадцатеричному принципу. Однако надо сказать, что нам не удалось получить её от информанта, который бы её активно использовал. Двадцатеричная система, вероятно, выходит или вышла из употребления, и даже носительница языка, от которой мы её получили почти полностью, сама считала так, по её словам, впервые в жизни. В этой системе числа, делящиеся на двадцать, обозначаются составными числительными вида «x *biə*», и этот принцип распространяется в том числе на сотни. Прочие числительные образуются по модели «x *biə* y».

Таблица 2

Количественные числительные куллуи. Двадцатеричная система
Знаком * обозначены восстановленные нами числительные, пропущенные при счёте

ek(ə) ‘1’	*dui* ‘2’	*traa, traːi* ‘3’	*tsaːr(ə)* ‘4’	*pənts, pəndzə* ‘5’	*tsʰo* ‘6’	*sottə* ‘7’	*ɔʈʈʰə* ‘8’	*nɔu* ‘9’	*dəs(ə)* ‘10’
gjaːra ‘11’	*baːra* ‘12’	*tera* ‘13’	*tʃɔuda* ‘14’	*pəndra* ‘15’	*soːʃa* ‘16’	*staːra* ‘17’	*ʃʰaːra* ‘18’	*uɳɳi* ‘19’	*bi* ‘20’
biə ekə ‘21’	*biə dui* ‘22’	*biə traːi* ‘23’	*biə tsaːr* ‘24’	*biə pəndz* ‘25’	*biə tsʰo* ‘26’	*biə sottə* ‘27’	*biə ɔʈʈʰə* ‘28’	*biə nɔː* ‘29’	*biə dəsə* ‘30’
biə gjaːra ‘31’	*biə baːra* ‘32’	*biə tera* ‘33’	*biə tʃɔuda* ‘34’	*biə pəndra* ‘35’	*biə soːʃa* ‘36’	*biə staːra* ‘37’	*biə ʈʰaːra* ‘38’	*biə uɳɳi* ‘39’	*dui bi* ‘40’
dui biə ekə ‘41’	*dui biə dui* ‘42’	*dui biə traːi* ‘43’	*dui biə tsaːrə* ‘44’	*dui biə pəndz* ‘45’	*dui biə tsʰo* ‘46’	*dui biə sottə* ‘47’	*dui biə ɔʈʈʰə* ‘48’	*dui biə nɔu* ‘49’	*dui biə dəsə* ‘50’
dui biə gjaːra ‘51’	*dui biə baːra* ‘52’	*dui biə tera* ‘53’	*dui biə tʃɔuda* ‘54’	*dui biə pəndra* ‘55’	*dui biə soːʃa* ‘56’	*dui biə staːra* ‘57’	*dui biə ʃʰaːra* ‘58’	*dui biə uɳɳi* ‘59’	*traːi biə* ‘60’
traːi biə ekə ‘61’	*traːi biə dui* ‘62’	**traːi biə traːi* ‘63’	*traːi biə tsaːr* ‘64’	*traːi biə pəndzə* ‘65’	*traːi biə tsʰo* ‘66’	*traːi biə sottə* ‘67’	*traːi biə ɔʈʈʰə* ‘68’	*traːi biə nɔː* ‘69’	*traːi biə dəsə* ‘70’
traːi biə gjaːra ‘71’	*traːi biə baːra* ‘72’	*traːi biə tera* ‘73’	*traːi biə tʃɔuda* ‘74’	*traːi biə pəndra* ‘75’	*traːi biə soːʃa* ‘76’	*traːi biə staːra* ‘77’	*traːi biə ʃʰaːra* ‘78’	*traːi biə uɳɳi* ‘79’	*tsaːr biə* ‘80’
tsaːr biə ekə ‘81’	*tsaːr biə dui* ‘82’	*tsaːr biə traːi* ‘83’	**tsaːr biə tsaːr* ‘84’	*tsaːr biə pəndzə* ‘85’	*tsaːr biə tsʰo* ‘86’	*tsaːr biə sottə* ‘87’	*tsaːr biə ɔʈʈʰə* ‘88’	*tsaːr biə nɔu* ‘89’	*tsaːr biə dəsə* ‘90’
tsaːr biə gjaːra ‘91’	*tsaːr biə baːra* ‘92’	*tsaːr biə tera* ‘93’	*tsaːr biə tʃɔuda* ‘94’	*tsaːr biə pəndra* ‘95’	*tsaːr biə soːʃa* ‘96’	*tsaːr biə staːra* ‘97’	*tsaːr biə ʃʰaːra* ‘98’	*tsaːr biə uɳɳi* ‘99’	*pəndz bi* ‘100’

Аналогично образуются числительные *tsʰo biə* ‘120’, *sott biə* ‘140’, *ɔʈʈʰ biə* ‘160’.

Выводы

В языке куллуи праллельно существуют десятеричная и двадцатеричная системы числительных. Однако описания двадцатеричной системы в двух грамматических очерках, результаты наших полевых исследований, а также примеры типологически близких систем в литературе настолько расходятся между собой, что расхождения требуют объяснений. Возможны две гипотезы: или речь идёт о нескольких двадцатеричных системах счёта, различающихся, например, по территориальному принципу, или мы наблюдаем разложение и вытеснение двадцатеричной системы десятеричной, в результате которого все эти варианты образуются в идиолектах отдельных носителей.

Литература

Зограф Г. А. Новые индоарийские языки // Языки Азии и Африки. 1976. С. 148-271.

Эдельман Д. И. Генетическое и ареальное в системах числительных (на материале арийских языков) // Изв. РАН Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. С. 32-42.

Ranganatha M.R., 1980. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India. 1971. Language monograph No.7. New Delhi.

ठाकूर म. र. 1975. पहाड़ी भाषा कुलुई के विशेष संदर्भ में. दिल्ली. [Тхакур М.Р. Язык пахари с приложением описания куллуи. Дели, 1975].

शर्मा द. ‘सारस्वत’. कुलूती-हिंदी व्याकरण. एक तुलनात्मक अध्ययन. नई दिल्ली, 2014. [Шарма, Д. (Сарасват). Грамматика кулути-хинди, сопоставительное исследование. Нью-Дели, 2014].

Резюме

Статья посвящена количественным числительным языка куллуи (химачальская группа пахари). В новых индоарийских языках зачастую представлены как десятеричная, так и двадцатеричная системы числительных. В десятеричных

системах числительные до ста являются самостоятельными лексическими единицами, восходящими к древнеиндийской десятеричной системе. При этом числа после 10, оканчивающиеся на 9, обозначаются словами, производными от названия следующего числа. Двадцатеричные системы, используемые в сельских диалектах, включают в себя простые числительные от 1 до 10 в сочетании с числительным 20, а составные числительные образуются по модели n*20±m или ±m+n*20 (где m и n – числа первого десятка). Двадцатеричные системы, предположительно, имеют субстратную основу. Имеющиеся грамматические описания куллуи подтверждают лишь одну из систем. При этом в разных описаниях система числительных выглядит по-разному. Полевые исследования автора дают как представление о десятеричной системе куллуи, так и двадцатеричную, отличную от предшествующих описаний. Возможны две гипотезы – либо в куллуи несколько двадцатеричных систем, либо двадцатеричная система куллуи в процессе разложения и вытеснения её десятеричной стала сильно различаться в отдельных идиолектах.

Ключевые слова: языки пахари, индоарийские языки, куллуи, числительные.

Anastasia S. Krylova
Institute of oriental studies, RAS, Moscow
krylova_anastasi@bk.ru

Cardinal numerals of Kullui language

Summary

The main topic of the article is the cardinal numerals of Kullui (Himachali Pahari) language. New Indo-Aryan languages typically have both decimal and vigesimal systems of numerals. In decimal systems, numerals from 1 to 100 are independent lexemes originating from the Ancient Indian decimal system. Numbers greater than 10, ending with 9, are denoted with a word derivated from the next numeral. Vigesimal system used in village dialects includes non-derivative cardinals from 1 to 10 and 20, and other cardinals are derived using following models: n*20±m or ±m+n*20 (m and n are numbers from 1 to 10). Vigesimal systems are supposed to be

substrate-based. Grammars of Kullui language confirm one of both systems only. Therefore, systems of cardinals are different in various grammatical descriptions. Author's field research presents both a full picture of the decimal system of Kullui cardinals and its vigesimal system, different from previous descriptions. Two hypotheses are possible: either Kullui has more than one vigesimal cardinal systems or the vigesimal system of Kullui in the process of disintegration and its replacement by the decimal one has developed a lot of varieties in different idiolects.

Keywords: Pahari languages, Indo-Aryan lanuguages, Kullui, numerals

References

Zograf G. A. Novye indoarijskie jazyki [New Indo-Aryan languages]. Jazyki Azii i Afriki [Languages of Asia and Africa]. 1976. pp. 148-271.

Edelman, D. I. Geneticheskoe i areal'noe v sistemah chislitel'nyh (na materiale arijskih jazykov) [Genealogical and areal elements in numerals systems (based on data of Indo-Aryan languages)]. Izv. RAN Serija literatury i jazyka [News of Russian Academy of Sciences. Language and literature series]. vol.52. 1993. pp. 32-42.

Ranganatha M.R., 1980. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India. 1971. Language monograph No.7. New Delhi.

Sharma D. (Saaraswat) 2014. Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan. New Delhi: Lekhni, 310 p.

Thakur M.R. 1975. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Delhi: Sanmarg Prakashan, 328 p.

С.Ю. Куликов
ООО «2Толк», Москва

Факторы выбора грамматического рода у акронимов в текстах русскоязычных онлайн-СМИ (к методике корпусного исследования)

Задача автоматического определения грамматических характеристик слов по их форме относится к наиболее важным для компьютерной лингвистики [Бочаров, Митренина 2016]. Основные аспекты этой задачи для русского литературного языка были успешно решены к середине 1960–х гг. [Белоногов, Родионова 1965, Зализняк 1967]. Грамматический род является одной из важнейших категорий для автоматического анализа русскоязычных текстов, т.к. он используется при синтаксическом анализе текста, разрешении анафорических и кореферентных отношений, порождении семантических представлений текста и др. Традиционным способом представления грамматического рода в системах автоматического анализа текстов являются машинный словарь и/или список квазиокончаний.

Одной из нерешенных проблем остается автоматическое определение грамматического рода у акронимов (или, в другой терминологии, инициальных аббревиатур). Наметившаяся ещё в начале XX века тенденция к компактному представлению явлений внеязыковой действительности привела к активному использованию сокращений, наиболее неустойчивыми из которых можно признать акронимы.[1] Нормативные справочники русского языка, например, [Русская грамматика 1980: 255–256] и портал «Грамота.РУ», отмечают колебания в роде для целого ряда акронимов. Тексты Рунета подтверждают массовость этого явления. В условиях неустойчивости принадлежности акронима к определенному роду становится невозможным решение данной проблемы при помощи машинного словаря или списка квазиокончаний. Кроме того, дополнительную сложность в определении рода при помощи рекомендаций в перечисленных нормативных источниках составляет апелляция к фонетической структуре акронима и/или его словообразовательной модели.

[1] К признакам языковой неустойчивости акронимов мы относим колебания в ударениях, произношении, изменяемости/неизменяемости, роде и числе.

Таким образом, подобные рекомендации также не могут быть применены при определении характеристики рода, т.к. использование фонетической или словообразовательной информации в промышленных системах автоматического анализа текста в настоящее время невозможно.[2]

Возможным выходом из сложившейся ситуации является определение иных, более формализуемых факторов, определяющих выбор того или иного рода акронима. Наиболее адекватным инструментом для поиска таких факторов является корпус текстов. Ключевым преимуществом корпуса в данном случае является невозможность использования других лингвистических методов, а именно из-за: а) невозможности интроспекции, т.к. у конкретного носителя языка вариативности в грамматическом роде акронимов не наблюдается [ср. Уфимцева 1979], б) неравномерной географической распределенности, что затрудняет психолингвистический эксперимент. Как и при любом корпусном исследовании возникает вопрос — какой именно корпус использовать. Большинство существующих корпусов русского языка (НКРЯ[3], ГИКРЯ[4], ruTenTen[5], Aranea[6]) ориентированы на лексико-грамматические исследования, и поэтому могут только подтвердить сам факт наличия колебаний в роде акронимов. В нашей ситуации требуется представительный по объему **полнотекстовый** корпус Интернет-СМИ, совмещающий в себе дискурсивную (прежде всего, кореферентную) и грамматическую разметки. Выбор именно Интернет-СМИ обусловлен их географической привязкой (что способствует изучению социолингвистических факторов) и отсутствием качественной редакторской правки, которая могла бы исказить реальные языковые данные. Необходимость учета

[2] Учету словообразовательной информации препятствует множественность вариантов расшифровок акронимов, а попытки включить в грамматические описания информацию об ударениях оказались успешными только для синтеза отдельных словоформ.

[3] http://ruscorpora.ru/

[4] http://webcorpora.ru/

[5] https://www.sketchengine.co.uk/rutenten-corpus/

[6] http://sketch.juls.savba.sk/aranea_about/_russicum.html. Прочие корпусы, например, Корпус рассказов о сновидениях (http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=00dreams), ориентированы на иные лингвистические задачи, не пересекающиеся с рассматриваемой.

именно дискурса, в рамках которого функционирует акроним, позволит вскрыть такие механизмы текстопорождения, которые влияют на выбор той или иной категории грамматического рода.

В настоящее время для русского языка корпусов текстов, соответствующих обозначенным требованиям, нет. Поэтому возникает необходимость его создания. В ходе анализа возможных подходов к созданию требуемого корпуса мы остановились на схеме проведения инженерно-лингвистического исследования Р.Г. Пиотровского «теория → эксперимент → реализация» [Пиотровский 1978: 12]. В нашем случае задача состоит из четырех этапов:

1) отбор лексики и характерных текстов,

2) выбор инструмента разметки и настройка его параметров,

3) разметка первичного корпуса и корректировка параметров разметки (рассматриваемый этап),

4) анализ значимости факторов и разметка представительного массива.

На первом этапе было отобрано 40 текстов, содержащих 4 акронима с колебаниями по роду — *МВД*, *МИД*, *ООН*, *ЦСКА*. Выбор акронимов обусловлен по следующим соображениям: 1) принадлежность к различным фонетическим группам акронимов, 2) и различными родами заглавных слов их расшифровок, 3) разные грамматические рода заглавных слов в расшифровке, 4) различные виды дискурса, в которых функционируют данные акронимы.

В качестве инструмента разметки был выбран разметчик MAE[7] [Stubbs 2011]. MAE уже применялся для различных областей разметки, таких как грамматика, NER[8], прагматика и дискурс. К плюсам данного инструмента можно отнести легкую настройку, поддержку формата UNICODE, что важно для русского языка, представление разметки в формате stand-off annotation (что снимает проблему авторского права), возможность одновременной поддержки разных режимов разметки, таких как разметка объектов[9] и разметка отношений между данными объектами. Основными недостатками MAE следует признать

[7] Акроним — Multi-purpose Annotation Environment.

[8] разметка именованных сущностей

[9] В данном случае под объектами понимаются единицы корпуса, в нашем случае словоформы.

низкую скорость разметки (что связано с особенностями обращения к внутренней базе данных при сохранении изменений) и поддержку небольшого количества объектов в документе. Последний пункт в нашем случае не является важным, т.к. мы рассматриваем только один объект на один документ.

В ходе анализа предварительного массива текстов для разметки мы определили две группы факторов, влияющих на выбор грамматического рода у акронимов — идентифицирующие и детерминирующие. Первые предназначены для возможности формального определения проблемных случаев, а вторые описывают непосредственные факторы порождения той или иной формы. В результате анализа случаев была выработана схема разметки акронимов и факторов, влияющих на выбор категории рода.[10] В первую очередь размечается акроним, обязательно размечаемым атрибутом которого является грамматический род. Идентифицирующие маркеры включают атрибутивный маркер, предикат, анафор, указатель типа и расшифровку. К детерминирующим маркерам мы отнесли препозицию или постпозицию определяющего слова. Также в качестве такого маркера может выступать элемент той же именной группы. При отсутствии формально выраженного маркера ставится значение «пресуппозиция», при этом ставится связь от акронима к самому акрониму. Дополнительным параметром является расстояние между акронимом и детерминирующим маркером, что потенциально может помочь при определении детерминирующего маркера в случае, когда имеется несколько потенциальных детерминирующих маркеров с различными характеристиками рода.[11]

В примерах (1)-(3) представлены случаи колебания рода для акронима *«ЦСКА»*. Так, во всех приводимых примерах идентифицирующим маркером является прилагательное, а детерминирующими факторами — слова *клуб* (в постпозиции), *команда* (в препозиции) и невыраженное в тексте *общество* (случай, получающий в разметке значение «пресуппозиция»):

[10] DTD-файл в формате MAE, предназначенный для разметки, доступен по адресу: https://sourceforge.net/projects/wnlp-project/files/Acronym_gender/

[11] Данный параметр может быть полезен для задач машинного обучения.

(1) Московский ЦСКА объявил о расторжении контракта с латвийским полузащитником Александром Цауней по обоюдному согласию сторон, сообщает НСН.

«Мы благодарим Александра за все, что он сделал для ЦСКА, и желаем ему успехов», — гласит заявление на официальном сайте клуба.

(2) Вообще женских ветеранских команд по баскетболу в России всего две - новосибирская "Динамо" и московская ЦСКА.

(3) Московское ЦСКА встречалось в матче шестого тура на групповом этапе турнира с лондонским «Тоттенхэмом».

В результате проведенного исследования была выработана схема разметки, а также получены следующие предварительные данные:

1) Для каждого из проанализированных акронимов есть «род-аутсайдер» (например, для слова *МИД* таким родом будет женский).

2) В подавляющем большинстве употреблений род у акронимов не выражен. К таким случаям относятся, прежде всего, генитивные конструкции, например, *глава МВД*.

3) Нестандартное употребление характерно для языковой периферии русскоязычного ареала (Украина, Беларусь, Киргизия), например, *отечественный МВД* (пример из Киргизии), *Украинская МВД* (Украина).

В дальнейшем мы планируем расширить анализируемую выборку как в части добавления новых акронимов, так и в части увеличения количества примеров. Значительный процент отклонений от статистической нормы на периферии русскоязычного ареала диктует необходимость добавить социолингвистические признаки. К ним следует отнести регион публикации, информацию об авторе и дату публикации. По мере увеличения объема размеченного корпуса мы планируем выявить относительную частотность детерминирующих маркеров для каждой из групп акронимов.

Литература

Белоногов, Г.Г., Родионова, А.К. Морфологический словарь для автоматического анализа военных текстов. // Сборник научных трудов №59. М., 1965.

Бочаров, В.В., Митренина, О.В. Компьютерная морфология. // Прикладная и компьютерная лингвистика. М., 2016.

Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Пиотровский, Р.Г. Инженерная лингвистика: теория — эксперимент — реализация. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37, №1. С. 10—19.

Русская грамматика.Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

Уфимцева, Н.В. Психолингвистические характеристики функционирования категории падежа существительного в русском языке // Психолингвистические проблемы грамматики. М., 1979.

Портал «Грамота.РУ» [Интернет-ресурс] Режим доступа: http://gramota.ru/ Дата доступа: 31.03.2017.

Stubbs, A. MAE and MAI: Lightweight Annotation and Adjudication Tools". // Proceedings of the Linguistic Annotation Workshop V, Association of Computational Linguistics, Portland, Oregon, July 23-24, 2011.

Резюме

В статье рассматривается проблема определения факторов, которые влияют на выбор грамматического рода у акронимов. Описываются причины невозможности использования существующих русскоязычных корпусных ресурсов для решения данной задачи. Предложен формат разметки возможных факторов выбора грамматического рода и намечены пути дальнейшего исследования.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, дискурсивный анализ, грамматический род, акронимы.

Sergei Yu. Kulikov
2Talk, Moscow
s.kulikov@2talk.ru

Factors of acronym gender choice in russian internet newswire texts (towards a method of a corpus-assisted study)

Summary

The article deals with the identification of factors that determine gender choice of Russian acronyms. The reasons against using

existing Russian language corpora for this task are given. We also present an annotation scheme for such factors and outline the basic aspects of future research of the matter.

Keywords: corpus linguistics, discourse analysis, gender of acronyms.

References

Belonogov, G.G., Rodionova, A.K. Morfologicheskiy slovar' dlya avtomaticheskogo analiza voennykh tekstov [Morphological dictionary for automatic analysis of military texts]. // Sbornik nauchnykh trudov. [Selected papers. Vol. 59]. Moskva [Moscow], 1965.

Bocharov, V.V., Mitrenina, O.V. Komp'yuternaya morfologiya. // Prikladnaya i Komp'yuternaya lingvistika. [Computational morphology. in Applied and computational linguistics] Moskva [Moscow], 2016.

Zaliznyak, A.A. Russkoye imennoye slovoizmenenie [Russian nominal relational morphology] Moskva [Moscow], 1967.

Piotrowskiy, R.G. Ingenernaya lingvistika: teoria — eksperiment — realizatsiya. [Language engineering: theory — experiment — realization] // Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seria literatury i yazyka. [News of the Soviet Academy of Sciences. Series of literature and language]. 1978. Vol. 37, №1. Pp. 10—19.

Russkaya grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word-formation. Morphology] Moskva [Moscow], 1980.

Ufimtseva, N.V. Psikholingvisticheskie kharakteristiki funktsionirovaniya kategorii padezha sutshestvitel'nogo v russkom yazyke [Psycholinguistics characteristics of category of case functioning in Russian] // Psikholingvisticheskie problemy grammatiki [Psycholinguistic issues in grammar]. Moskva [Moscow], 1979.

Portal "Gramota.ru" [Webportal "Gramota.ru"] Internet resurs [Internet resource]. Data dostupa [Last accessed on]: 31.03.2017.

Ло Мэн
МГЛУ, Москва

Воспроизведение процесса умозаключения при переводе комического с русского на китайский язык в аспекте теории релевантности (на примере китайско-русских переводов)

Комическое – это категория эстетики, означающая смешное [11]. За задачу по исследованию комического, как отметил французский философ Анри Бергсон, принимались величайшие мыслители уже с Аристотеля [10]. Кроме того, следует отметить, изучение комического также всегда находится в центре внимания переводчиков и переводоведов, так как комический эффект не только довольно часто встречается в различных литературных текстах, но и нередко представляет собой серьезную трудность для переводчиков.

Какие языковые механизмы отвечают за комический эффект? Ответ на этот вопрос дан многими европейскими исследователями. Большинство из них выделяет две группы подходов к изучению комического: теория превосходства и теория несоответствия. Согласно теории превосходства, комический эффект производится в превосходстве субъекта комического над объектом. Как пишет английский философ Томас Гоббс, которого обычно считают основателем этой теории, «внезапная слава есть страсть, производящая те гримасы, которые называются смехом. Она вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвышаются в собственных глазах» [2, с. 75]. А по мнению сторонников теории несоответствия, комический эффект появляется в результате несоответствия ожидаемого реальному, как отметил И. Кант, «Смех есть аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто. Именно это превращение, которое для рассудка явно и радостно, все же косвенно вызывает на мгновение живую радость» [3, с. 21]. Артур Шопенгауэр также добавлял, что «смех всегда возникает не из чего иного, как из неожиданного сознания несовпадения между известным понятием и реальными объектами, которые в

каком-либо отношении мыслились в этом понятии, и сам он служит лишь выражением такого несовпадения» [Ibid. с. 40]. Например:

Вопрос: Как узнать, кто у вас на руках: кот или кошка?
Ответ: Бросьте животное на землю и посмотрите: если побежал – значит, кот, а если побежала – значит, кошка.

Исходя из вышесказанного, в ответе, который приводится в этом примере, нам легко почувствовать комический эффект либо через проявляющееся превосходство в результате сравнения себя с отвечающим, либо путем сознания несоответствия ожидаемого ответа реальному. Носители русского языка даже могут заметить, что эффект превосходства и несоответствия в ответе создан именно с помощью грамматической категории рода и согласной с ней словоформы глагола. Однако, переводя этот анекдот на китайский язык – язык, в котором отсутствуют категории рода и словоизменения, – переводчик с большим трудом нашел бы подходящий вариант и, наверное, сделал бы дословный перевод с замечанием, например:

Ответ: Бросьте животное на землю и посмотрите: если ***побежал*** *– значит, кот, а если* ***побежала*** *– значит, кошка.*
答：把猫放地上，然后看，如果它**跑（注：阳性形式）**走了，那就是公猫，而如果它**跑（注：阴性形式）**走了，那就是母猫。
（译者注：俄语中动词有阳性、阴性和中性形式，一般雄性动物用阳性形式，雌性动物用阴性形式。这里的回答者做了没有意义的回答，还是没有说明怎么知道猫的性别，这很滑稽。）
досл. Бросьте мао (кот/кошка) на землю, а затем посмотри, если оно ***побежать (прим.: мужской род)****, тогда мао-кот, а если оно* ***побежать (прим.: женский род)****, тогда мао-кошка.*
(прим.: в русском языке глаголы имеют мужскую, женскую и среднюю форму, обычно для животного мужского пола употребляется мужской род, а для женского – женский род. Здесь отвечающий дал бессмысленный ответ, не указав, как узнать пол у «мао», и это смешно).

У нас есть основание считать, что, прочитав текст такого перевода, китайские читатели не смогли бы почувствовать почти

никакого комического эффекта, несмотря на то, что в переводе прямо указывается причина, которая показывает несоответствие персонажа ожидаемой степени разумности и вызывает чувство превосходства у читателя, а также показан результат этого осознания.

В этой ситуации, как можно заметить, сама идея прямой передачи результатов осознанного превосходства и несоответствия оказывает мало помощи переводчикам, особенно тем, кто занимается переводом с русского языка на язык, в котором вообще нет соответствующих грамматических категорий, словоизменения и другие языковых характеристик русского языка. Совершенно очевидно, что для чувства комического часто более важен не просто демонстрируемый результат превосходства и несоответствия, о которых справедливо говорили выдающиеся философы Т. Гоббс, И. Кант и А. Шопенгауэр, но в первую очередь именно процесс умозаключения (или инференции), в котором читатели (или слушатели) сами находят превосходство и несоответствие. В результате какого же умозаключения читатели сознают превосходство и несоответствие в контексте? Как переводчик может передать комический эффект в переводе с помощью воспроизведения процесса умозаключения? Возможно, на эти вопросы можно найти единый ответ с точки зрения теории релевантности, созданной учеными-психологами Дейрдре Уилсон и Дэном Спербером как теория когнитивной прагматики.

Для логического рассуждения по этому вопросу сначала стоит разобраться, что такое релевантность и как теория релевантности может объяснить перевод комического. Согласно данной теории, релевантность определяется как характер вводимых данных в когнитивный процесс у индивида [5, P. 6]. В любой конкретный момент вводимые данные означают новую информацию и представляют собой множество новых допущений (assumptions), извлеченных из когнитивного контекста индивида. В них входят как внешние стимулы, которые могут быть осознаны, так и внутренние репрезентации, которые могут быть запасены, отозваны или использованы как посылки при умозаключении. По теории релевантности, вводимые данные являются релевантными для индивида только тогда, когда они имеют связь с подходящими контекстуальными допущениями

(т.е. старая информация). Сочетая вводимые данные (новая информация) с контекстуальными допущениями (старая информация), индивид может вывести ряд позитивных когнитивных эффектов, в том числе, таких, например, как истинная контекстуальная импликация, усиление или исправление допущений, уже имеющихся в создании индивида. Иными словами, именно такой эффект расширения и увеличения информации на основании обработки вводимых данных и есть **релевантность**.

В основе теории релевантности лежат два общих рассуждения, соответственно относящихся к роли релевантности в когниции и коммуникации:

Когнитивный принцип релевантности: «Человеческое познание стремится приспособиться к максимизации релевантности».

Коммуникативный принцип релевантности: «Каждый остенсивный стимул передает презумпцию своей собственной оптимальной релевантности» [4, p. 260] (здесь слово остенсивный означает «нарочито, намеренно, выставляемый напоказ»)

На основе этих принципов, речевая коммуникация по теории релевантности рассматривается как остенсивно-инференционная коммуникация, которая означает две стороны коммуникативной деятельности.

Со стороны адресанта функционирует коммуникативный принцип релевантности и здесь коммуникация является остенсивной. Это объясняется тем, что в коммуникации говорящий своими высказываниями и другими сигналами производит остенсивный стимул, чтобы сообщить слушающему какую-либо информацию. Сообщая данную информацию, по теории релевантности, говорящий не только передает цель или намерение, для которого эта информация сообщается, но и намерение того, что он хочет сообщить слушающему какую-либо информацию с какой-либо конкретной или неясной целью.

Со стороны адресата функционирует когнитивный принцип релевантности и здесь коммуникация является инференционной. Причина в том, когда слушающий воспринимает от говорящего высказывания и сигналы в качестве остенсивного стимула, он машинально декодирует данные высказывания и сразу начинает искать их релевантность с помощью инференции

(умозаключения), считая данные высказывания обязательно релевантными для себя (согласно автоматически переданной презумпции оптимальной релевантности). Согласно теории релевантности, сразу после декодирования высказываний говорящего слушающий сначала получает лишь семантически неполную логическую форму. Затем слушающий расширяет логическую форму до семантически полной пропозиции с помощью умозаключения и релевантных допущений, извлеченных из когнитивного контекста в данный момент. Через семантически полную пропозициию слушающий получает буквальные или эксплицитно выраженные значения высказываний. Такое значение, по теории релевантности, называется экспликатурой и описывается так:

Экспликатура – пропозиция, переданная в высказывании, является экспликатурой только тогда, когда она является расширением логической формы, кодированной высказыванием [4, p. 182].

После понимания экспликатуры, в сознании слушающего продолжается умозаключение в поиске релевантности, и это приносит еще и другие релевантные допущения. Они не являются прямым расширением логической формы с буквальными кодами высказываний, но более или менее связаны с экспликатурами и также релевантны для слушающего в данный момент. Авторы теории релевантности называют их импликатурами и определяют так:

Импликатура – это пропозиция, которая не эксплицитно передана в высказывании. [4, p. 182].

Таким образом, чтобы показать процесс сознания комического эффекта, мы можем пранализировать предыдущий пример с точки зрения теории релевантности.

Прочитав оригинал в примере № 1, носители русского языка сначала бы декодировали текст, расширили бы логические формы и получили бы такую экспликатуру: «А задал Б вопрос о том, как узнать, кто у Б на руках: кот или кошка. И Б ответил, что можно бросать животное на землю и посмотреть: если побежал – значит, он кот, а если побежала – значит, она кошка». Затем на основе этой экспликатуры читатели извлекли бы из когнитивного контекста набор ряда других соответствующих допущений, в который могут быть внесены:

a. Словоформы «побежал» и «побежала» – это формы мужского рода и женского рода глагола «побежать» в прошедшем времени, которые только согласованно указывают уже известный пол животного (энциклопедическое знание в памяти).

b. Если словоформы только согласованно указывают уже известный пол животного, то с употреблением обеих этих словоформ для одного животного не указывается его пол (энциклопедическое знание в памяти).

c. Б в ответе на вопрос А употреблял словоформы «побежал» и «побежала» (допущение из контекста).

d. Если в строго официальном разговоре при ответе на вопрос о поле животного отвечающий не указал его пол, то он сказал неправду, бессмыслицу или пошутил (энциклопедическое знание в памяти).

e. Если человек в строго официальном разговоре говорит бессмыслицу или неуместно шутит, то он, скорее всего, глуп, и его ответы не соответствуют тому, чего ожидают от разумного человека (энциклопедическое знание в памяти).

Объединяя эти допущения в процессе обработки, читатели-носители русского языка могут проводить следующие раунды умозаключения:

P1: b (большая посылка) + a (малая посылка) => f (вывод)

f. С одновременным употреблением словоформ «побежал» и «побежала» для одного животного не указывается его пол.

P2: f (большая посылка) + c (малая посылка) => g (вывод)

g. Б в строго официальном разговоре не указал пол животного при ответе на вопрос, уточняющий пол животного.

P3: d (большая посылка) + g (малая посылка) => h (вывод)

h. Б высказал неправду, бессмыслицу или неуместно пошутил в ответе на вопрос А.

P4: e (большая посылка) + h (малая посылка) => i (вывод)

i. Б очевидно глуп, и его действие не соответствуют тому, чего ожидают от разумного человека.

Таким образом, читатель в результате умозаключения почувствовал бы комическое, осознав несоответствие и свое превосходство над «неумным» человеком Б. Следует подчеркнуть, комический эффект перед читателями здесь появился не через прямое высказывание окончательного

релевантного допущения i, не через непосредственный показ превосходства и несоответствия, а именно через процесс умозаключения, который вели сами читатели, иначе говоря, путем образа построения релевантности.

Исходя из вышесказанного, при переводе комического эффекта переводчик должен не только передать окончательные релевантные допущения, но и, что более важно, должен создать ключевые допущения, максимально воспроизводящие процесс умозаключения читателей исходного языка. Каковы пути решения этой задачи? Надо отметить, процесс умозаключения не только служит целью, но и предоставляет переводчику путеводную нить для поиска способов перевода. В данном примере в процессе умозаключения нам нетрудно заметить, что ключевое допущение для проведения умозаключения связано именно со спецификой русского языка, точнее, с грамматической категорией рода и спряжением глагола, которые позволяют отразить пол субъекта действия. Поэтому, чтобы передать такой комический эффект при переводе на китайский язык, в котором нет соответствующих грамматических категорий, переводчику нужно найти аналогичные специфические языковые средства для умозаключения пола субъекта. Именно такой ход мысли, мы считаем, дает переводчику подходящее направление или инструкцию к выбору вариантов перевода для воспроизведения процесса умозаключения в данной ситуации. Например, к примеру № 1 можно было бы добавить второй вариант перевода.

Вопрос: Как узнать, кто у вас на руках: кот или кошка?

Ответ: Бросьте животное на землю и посмотрите: если ***побежал*** *– значит, кот, а если* ***побежала*** *– значит, кошка.*

答：把猫放地上，听它怎么叫：要是它叫“<u>借</u>”，那就是公猫，而要是叫“<u>媌</u>”，那就是母猫。

*досл. Бросьте животное на землю и послушайте, как кричит: если «**мяу**» – значит, кот, а если «**мяу**» – тогда кошка.*

С помощью основной части иероглифа, обозначающего звукоподражательное слово «喵» (мяу), и графем «亻» и «女», которые напоминают китайским читателям иероглифы, обозначающие местоимения «他» (он) и «她» (она), поскольку в них также фигурируют эти графемы, перевод № 2 в этом примере

в определенной степени воспроизвел процесс релевантного умозаключения русских читателей и, таким образом, отчасти передал релевантный комический эффект в оригинале.

Следует подчеркнуть, что способ воспроизведения умозаключения в переводе не принадлежит к числу простых лексических трансформаций, таких, как лексическое добавление, удаление и др., а нередко оказывается креативной трансформацией с помощью всевозможных средств переводящего языка. Например, в примере № 1 воспроизведению процесса умозаключения помогли иероглифы китайского языка.

Рассмотрим другие примеры, в которых показаны возможные способы перевода, помогающие воспроизвести процесс умозаключения в сознании читателей-носителей китайского языка.

*И Полесов начал действовать. Он делал регулярные визиты всем членам тайного общества «**Меча и орала**»... Следствием его недомолвок было то, что город наполнили слухи о приезде с **Меча и Урала** подпольной организации* [12].

波列索夫真就开始了行动。他按期走访“**剑与犁**”(*досл. Меч и орало*)秘密联合会的全体成员。……他半吞半吐，欲言又止，结果闹得满城风雨，到处都在传说**打外地来了一个什么“贱卖梨”的地下组织**。[7, 274-275页] ***(досл. везде ходили слухи о приезде из другого места какой-то подпольной организации, называющейся «Дешево продавать груши»)***

В оригинале в примере № 2 комический эффект появляется через релевантность на фонетическом уровне, поскольку произношение названия общества «Меча и орала» похоже на произношение названия «Меча и Урала». Это также ключевое релевантное допущение для завершения умозаключения, приносящего осознание несоответствия ожидаемого реальному. Поэтому в переводе переводчик передал комический эффект аналогичным релевантным допущением, в котором словосочетания «剑与犁» (цзянь юй ли «меч и орало») и «贱卖梨» (цзянь май ли «дешево продавать груши») похожи друг на друга по произношению, но разнятся по смыслу. В данном примере переводчик создал основу для воспроизведения

умозаключения в сознании китайских читателей с помощью использования омофонов.

Знакомый ветеринарный фельдшер, товарищ ***Птицын****, давеча осматривал меня и даже, знаете, испугался. Задрожал* [9].

我的老熟人**普济禽**(*досл. перевод фамилии: Везде помогать птицам*)同志是个兽医，前不久他给我做了一次检查。他大吃一惊，吓得哆嗦起来来。

В переводе примере № 3 обыгрывается фамилия фельдшера Птицына. В оригинале комическое производится релевантностью, принесенной фамилией ветеринара «Птицын» и слово «птица». Поэтому в переводе переводчик создал релевантность слова «禽» (птицы) со словом «兽医» (ветеринар) в передаче комического эффекта.

Иногда комические эффекты встречаются на уровне словосочетаний, значение которых не равняется сумме значений их компонентов [1, с. 180]. Например:

Нельзя было назвать его ***некурящим****: иногда он* ***курил фимиам*** *своему начальнику* [8].

不能说他是**无烟人士**：他有时给上司**进香火**。

досл. Нельзя было назвать его ***человеком без дыма****: он иногда* ***подносил фимиамы и свечки*** *начальнику.*

В примере № 4 умозаключение читателей основывается главным образом на паре релевантности: 1) релевантность слова «некурящим» со словосочетанием «курить фимиам»; 2) релевантность словосочетания «курить фимиам» с его семантикой «неумеренное восхваление». Чтобы сохранить комический эффект в переводе, переводчик нашел в китайском языке и создал в переводе аналогичную пару релевантности: 1) релевантность слова «烟» (дым) со словом «香火» (*фимиамы и свечки*); 2) релевантность выражения «进香火» с его прагматическим значением «подносить дань».

Следует отметить, с точки зрения теории релевантности попытки воспроизведения процесса умозаключения также не

всегда бывают удачными. Совершенно очевидно, что задача усложняется для переводчиков, если в оригинале скрыто слишком много ключевых допущений и слоев релевантности для умозаключения. В такой ситуации переводчик, возможно, не найдет в переводящем языке достаточных аналогичных допущений и слоев релевантности. Кроме того, бывают случаи, когда аналогичные допущения и слои релевантности в переводящем языке найдены, но они противоречивы или мешают реализации другой более важной релевантности. В этих ситуациях непереводимость почти непреодолима. Чаще всего непреодолимые непереводимые факторы встречаются на уровне целого текста, где содержания больше по сравнению с другими языковыми уровнями. Большинство специалистов в области переводоведения считают, что о непереводимости стоит говорить только на уровне целых текстов [6, p. 62].

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть: теория релевантности способна объяснить, почему и как читатели ощущают эффект комического от оригинального текста. В рамках теории релевантности при переводе комического переводчик должен, в первую очередь, воспроизводить ключевые для умозаключения допущения и образ строения релевантности.

Литература

1. Бархударов Л.С. *Язык и перевод*. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1975. – 180 с.

2. Томас Гоббс. *Левиафан*. – Москва: Мысль, 2001. – 75 с.

3. Цит. по: Рюмина М.Т. *Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность* – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 21 с.

4. Sperber. D & D. Wilson. *Relevance: Communication and Cognition.* – Oxford: Blackwell, 1995. – 182 p.

5. Sperber. D & D. Wilson. *Meaning and relevance.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 6 p.

6. Бузаджи, Д.М., Ковальчук А.В. *Сущность, причины и виды непереводимости.* // Мосты N1(49) , 2016. – М.: Р.Валент, 2016. - с.62

8. **徐昌翰**译，***十二把椅子***，[苏]**伊·伊利夫、叶·彼得**罗夫著 沈阳：春风文艺出版社, 1985, 274-275页

9. Кроткий Э. *Отрывки из ненаписанного* [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://lib.ru/ANEKDOTY/KROTKIJ/nenapisannoe.txt (дата обращения: 20.12.2016)

10. Зощенко М. *Лимонад* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ostrovok.de/old/classics/zoshchenko/story011.htm (дата обращения: 20.12.2016)

11. Анри Бергсон. *Смех* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/er/gson_smeh.htm (дата обращения: 20.12.2016)

12. *Современный энциклопедический словарь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://encyclopediadic.slovaronline.com/K/KO/29279-KOMICHESKOE (дата обращения: 20.12.2016)

13. Ильф И., Петров Е. *Двенадцать стульев* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/ilf_ilya/dvenadcat_stulev-read-19.html (дата обращения: 20.12.2016)

Резюме

Статья посвящена изучению возможности передать комические эффекты в переводе по принципу воспроизведения процесса умозаключения в свете теории релевантности. С точки зрения данной теории в статье анализируется процесс понимания читателями комического эффекта, показано, как теория релевантности и принцип воспроизведения процесса умозаключения могут инструктировать переводчиков в выборе способов перевода на примере переводов с русского языка на китайский.

Ключевые слова: комический эффект, перевод комического, процесс умозаключения, теория релевантности.

Luo Meng
MSLU, Moscow
luom999@mail.ru

Reproduction of the inference process in the translation of comics from Russian into Chinese in the aspect of relevance theory (on the Example of Russian-Chinese Translations)

The article is devoted to the study of the possibility of conveying comic effects in translation by the principle of reproducing the inference process in the light of the relevance theory. From the standpoint of this theory, the article analyzes the process of readers' understanding of comic effects. And on the example of translations from Russian into Chinese, it shows that how the relevance theory and the principle of reproducing the inference process can instruct translators in choosing translation methods.

Keywords: comic effect, translation of the comic, process of inference, relevance theory.

References

1. Barkhudarov, L. S. *Language and Translation*. – Moscow: International Relations Publishing House, 1975. – 180 p.

2. Thomas Hobbes. *Leviathan.* – Moscow: Think Publishing House, 2001. – 75 p.

3. Ryumina M.T. *Aesthetics of laughter. Laughter as virtual reality*. – Moscow: Editorial URSS Publishers, 2003. – 21 p.

4. Sperber. D & D. Wilson. *Relevance: Communication and Cognition.* – Oxford: Blackwell, 1995. – 182 p.

5. Sperber. D & D. Wilson. *Meaning and relevance*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 6 p.

6. Buzadzhi, D.M., Kovalchuk A.V. *Essence, Reasons and Types of untranslatability*. // Bridges N1(49), 2016. – Moscow: R.Valent Publishing House, 2016. – 62 p.

7. Ilf I., Petrov E. *The Twelve Chairs*. – Shenyang: Chunfeng Literature and Art Publishing House, Translated edition by Xu Changhan, 1985, p. 274-275

8. Krotky E. *Fragments from unwritten* [Electronic resource]. – Website: http://lib.ru/ANEKDOTY/KROTKIJ/nenapisannoe.txt

9. Zoshchenko M. *Lemonade* [Electronic resource]. – Website: http://ostrovok.de/old/classics/zoshchenko/story011.htm

10. Henri Bergson. *Laughter* [Electronic resource]. – Website: http://krotov.info/library/02_b/er/gson_smeh.htm

11. *Modern encyclopedic dictionary* [Electronic resource]. – Website: http://encyclopediadic.slovaronline.com/K/KO/29279-KOMICHESKOE

12. Ilf I., Petrov E. *The Twelve Chairs* [Electronic resource]. – Website: http://thelib.ru/books/ilf_ilya/dvenadcat_stulev-read-19.html

Н.В. Макеева
ИЯз РАН, Москва

Конструкции будущего времени в языках дан[1]

1. Общие сведения о языках дан

В работе будут рассмотрены конструкции будущего времени в близкородственных идиомах диалектного континуума, или макроязыка, дан: кла-дан, дан-гуэта и дан-бло. Макроязык дан входит в южную группу юго-восточной ветви семьи манде. Наиболее близкими к нему являются языки гоо, мано и тура. Дан распространён на территории трёх стран: Кот-д'Ивуара, Либерии и Гвинеи и является наиболее многочисленным по числу носителей среди южных манде. Только на территории Кот-д'Ивуара число говорящих на дан составило, по оценке 2012 г., 1 300 000 человек. Всего в Кот-д'Ивуаре выделяют до 40 диалектов, группируемых в три зоны:

— западную («западный якуба»): уаа (*Wȁȁ*), ка (*Kā*), бло (*Blō*; взят за основу западной письменной нормы), доо (*Ɗóô*), йизуэ (*Yízūʌ̂*), глуе (*Glúʌ̂*), уиан (*Wḭ̄ʌ̰̂*), ваин (*Vȁ̰ḭ́*), лоо (*Lɔ̀ɔ̂*), уосэ (*Wàɔsɛ̂*);

— восточную («восточный якуба»): гуэта (*Gwɛ̋ɛ̏tàà*; взят за основу восточной письменной нормы), бееплы (*Béɛ̏*), биа (*Bɛ̄ɛ̄*), гама (*Gáŋ́bȁ*), гаан (*Gȁ̰ȁ̰*), гбапен (*Gbápʌ̀*), глан (*Glɑ̋́*), гуаан (*Gwɑ̰̄ɑ̰̄ŋ̄*), гблее (*Gblʌ̀ʌ̀*), каа (*Kāȁ*), тее (*Tɛ̀ɛ̀*), саан (*Sɑ́ȁ̰*), слэнг (*Slʌ́ŋ̏*), соон (*Sɔ́ɔ̰̀*), йии (*Yíì*), йеа (*Yɛ́ȁ*), ньен (*Yɔ́ɔ̰̀*);

— северную: кла-дан (*Klàɑ̋́*).

Переходным между западной и восточной группами является диалект блонг (*Blɔ̋́ŋ̏*). [Выдрин 2017: 470]

Согласно данным глоттохронологии, время расхождения кла-дан с ветвью, представленной дан-гуэта и дан-бло, составляет более двенадцати веков [Vydrine 2009], что позволяет считать кла-дан отдельным языком. В этой связи следует также отметить, что носители всех ивуарийских диалектов дан считают себя частью единой общности дан-якуба, носители же кла-дан причисляют себя к дан, но не к якуба.

Дан-бло и дан-гуэта также имеют тенденцию к превращению в отдельные языки. Время их расхождения тоже оказывается

[1] Работа выполнена в рамках проекта по гранту РНФ № 17-78-20071.

велико – чуть менее десяти веков [Vydrine 2009], что и подтверждают результаты проведённых в 1960-х гг. исследований по взаимопонимаемости этих идиомов, показавшие, что «взаимопонимание между географически удалёнными друг от друга диалектами затруднено» [Выдрин 2017: 470].

В глагольном предложении дан порядок слов следующий: «(Подлежащее) — МПП (местоимённый предикативный показатель) — прямое дополнение — сказуемое — косвенное дополнение/обстоятельство» при переходном глаголе (1) и «(Подлежащее) — МПП — сказуемое — косвенное дополнение/обстоятельство» при непереходном глаголе (2). Приведём примеры из языка кла-дан[2]:

(1) *Ɓɔ̀ɔ̏ ɓḭ̏ lṵ̏ wà bɯ̋ kpɛ́sɛ̏ sɛ̋ ká.*
охота человек\REF PL 3PL.PRF лес портить огонь с
‘Охотники испортили лес поджогами’ (букв. ‘огнём’).
(2) *Lɪ̀ɑ̀ŋ̏ lṵ̏ wɔ̏ lṵ̏ sa̰ŋ́wɔ̏ lṵ̏ ká.*
гость PL 3PL.EXI приходить\NTR новость PL с
‘Гости приносят новости’.

В любом из типов глагольной конструкции — переходной (3) и непереходной (4) — подлежащее может отсутствовать:

(3) *Yà à kpɛ̋ŋ̋ flɔ̏ɔ̏.*
3SG.PRF 3SG.REFL щека надувать
‘Он надул свои щёки’.
(4) *Yà flɔ̏ɔ̏ ŋ̀ ɓà̰.*
3SG.PRF дуться 1SG.NSBJ на
‘Он надулся на меня’.

Категории вида, времени, модальности и полярности являются категориями предложения, эти значения выражаются целой клаузой, где в плане выражения задействуются или могут быть задействованы: 1) серия МПП, 2) вспомогательный глагол, 3) форма смыслового глагола. Под формой смыслового глагола имеются в виду: 1) форма, образованная от лексической

[2] За исключением специально оговоренных случаев, здесь и далее примеры из языка кла-дан относятся к диалекту зузуплё.

посредством тональных чередований или аффиксов, 2) финитная/нефинитная форма. Наиболее адекватным представляется описывать эту систему в терминах конструкций, сочетающих в себе названные средства.

2. Конструкции будущего времени в кла-дан

В языке кла-дан сфера будущего времени обслуживается двумя конструкциями, семантические различия между которыми не обнаружены. Конструкция будущего времени-1 строится по схеме «экзистенциальный МПП + глагол с ультранизким тональным контуром + *-lą̏*», конструкция будущего времени-2 строится по схеме «проспективный МПП + глагол с лексическим тональным контуром». Обе конструкции покрывают широкий спектр футуральных значений, выражая:

• предиктив:

(FTRQ[3] 101)

[A: У меня болит голова. B: Возьми это лекарство.]

(5а) *Yȅ* *ɤ̀ɓȁ* *yúá* *yɛ̰̏-lą̏.*
3SG.EXI 2SG.POSS болезнь заканчивать\NTR-FUT

(5б) *Yèé* *ɤ̀ɓȁ* *yúá* *yɛ̰̀.*
3SG.PROSP 2SG.POSS болезнь заканчивать

‘Оно тебе поможет’ (букв. ‘оно закончит твою болезнь’). проспектив:

(FTRQ 44) [Мой брат устал.]

(6а) *yȅ* *yì-zʌ̀-lą̏* *píéȅ* *yɛ̰́ɛ̰̏pìɛ̰̀ɛ̰́*
3SG.EXI сон-бить\NTR-FUT рано вечер

(6б) *Yèé* *yì* *zʌ̀* *píéȅ* *yɛ̰́ɛ̰̏pìɛ̰̀ɛ̰́*
3SG.PROSP сон бить рано вечер

‘Он заснёт рано (сегодня) вечером’.

[3] При работе с информантом использовались анкеты TMAQ (“The TMA Questionnaire” [Dahl 1985]) и FTRQ (“Typological questionnaire: the expression of future time reference” [Dahl, de Groot, Tommola 1992]). Предложению иногда предшествует контекст, данный в квадратных скобках. Q (Спрашивающий) – участник речевого акта, задающий вопрос другому участнику; R (Отвечающий) – участник речевого акта, отвечающий на вопрос другого участника.

• интенционалис:
(FTRQ 54) [Q: Твой брат намеревается остаться здесь? R:] (Нет,)

(7а)	*Yȅ*	*kɔ́*	*sɯ̏-lą̏*	*Bííyȁ*	*kùɛ̀ɛ́*	*zɯ́.*
	3SG.EX	дом	брать\NTR-FUT	Абиджан	в.году	будущий

(7б)	*Yèé*	*kɔ́*	*sɯ́*	*Bííyȁ*	*kùɛ̀ɛ́*	*zɯ́.*
	3SG.PROSP	дом	брать	Абиджан	в.году	будущий

‘В следующем году он будет жить в Абиджане’.

• будущее расписания, или “time-table future” по [Dahl et al. 1992] (заранее установленное будущее; будущее, предусмотренное графиком [Dahl et al. 1992: 31]):
(FTRQ 90)

(8а)	*trɛ̀ŋ́*	*yȅ*	*lȍ-lą̏*	*ɓȉ̯dìì*	*ká*
	поезд	3SG.EXI	отправляться\NTR-FUT	полдень	с

(8б)	*trɛ̀ŋ́*	*yèé*	*ló*	*ɓȉ̯dìì*	*ká*
	поезд	3SG.PROSP	отправляться	полдень	с

‘(По расписанию) поезд отправляется в полдень’.

На данный момент не удалось найти различий в семантике и дистрибуции двух данных конструкций.

3. Конструкции будущего времени в дан-гуэта

В дан-гуэта зона будущего времени также обслуживается двумя конструкциями, но, в отличие от конструкций кла-дан, они имеют различные наборы значений. Проспективная конструкция строится по схеме «проспективный МПП + глагол с лексическим тональным контуром» и выражает предиктив (9), интенционалис (10) и проспектив (11):

(9)	*Gbɛ̰̂*	*zɒ̰̏̏dɛ̄*	*sɛ̰̄ɛ̄́dʌ̰́*	*ő́ő́*	*gbɛ̰̂*	*zɒ̰̏̏dɛ̄*
	собака	красный	маленький	любой	собака	красный

sɛ̰̄ɛ̄́dʌ̰́	*yà*	*dṵ̄,*	*ɓą̄ą̄*	*ȁ*
маленький	3SG.PRF	приходить	1SG.PROSP	3SG.NSBJ

kʌ̄.
делать
‘Какая бы маленькая рыжая собака ни пришла, я её прогоню’.

(10) *Wōō* *bìȁŋ̏* *sɯ́* *kɤ̄* *wȍ* *bìȁŋ̏-gā*
3PL.PROSP бег брать чтобы 3PL.CNJ бег-кость
dɔ̄.
знать
‘Они собираются бежать, чтобы выяснить, кто из них лучший бегун’. [Выдрин 2017: 498]

(11) *Ȁ* *bɛ̰̄* *fɔ́ŋ̏fɔ̀ŋ̏-sɯ̀-dṵ̏* *wà* *pʌ̄* *bɤ̏*
3SG.NSBJ человек лёгкий-SLA-PL 3PL.PRF вещь есть

yɤ̏ *kʌ̀* *dɛ̀* *pʌ́* *ɤ́* *yɛ̏*
3SG.EXI делать\NTR что вещь\REL REL отверстие

yɤ̄ɤ̄ *kɑ̰̃* *ȁdṵ̏* *wlɤ̀ɤ̀* *dɤ́.*
3SG.PROSP резать 3PL.NSBJ под как
‘Когда эти никчемные люди едят, то земля как будто вот-вот разверзнется под ними’.

Конструкция выражает также и модальные значения, например, долженствование:

(12) *Zɪ̰ɑ̰ɑ̰* *gblɛ̰̀ɛ̰̀gblɛ̰̃dɛ̀* *bā* *yɤ́,* *bɑ̰ɑ̰̄ŋ̄*
дорога длинный~SUPERINT ART здесь 1SG.CNTR

dō *bɑ̰ɑ̰* *ȁ* *sɯ́* *ɛ̏ɛ̏?*
один 1SG.PROSP 3SG.NSBJ брать Q
‘Должен ли я пускаться один в этот очень длинный путь?’

Конструкция будущего времени строится по схеме «экзистенциальный МПП + *dȍ* ~ *dɤ̏* + инфинитив смыслового глагола» и выражает следующие значения: предиктив (13), «запрограммированное будущее», а также модальные значения, такие как долженствование (14) и пробабилитив (15).

(13) *Ɓá* *dṵ̄* *yī* *ɤ́’* *ká,* *ɯ̄*
2SG.PRF приходить день REL>3SG.NSBJ с 2SG.EXI

dȍ *wɯ̄* *bɤ̏’.*
идти\NTR мясо есть-INF
‘В тот день, когда ты придёшь, ты поешь мяса’.

(14) *Gbə̀tə̏ yɤ̏ dɤ̏ bèdɛ̋ sú-’, kɛ́ɛ́*
Гбато 3SG.EXI идти\NTR лекарство брать-INF но

yáá wɛ̋ ə̀ ɓə̀.
3SG.NEG.IPFV звучать 3SG.NSBJ на
‘Гбато должен принимать лекарство, но не хочет’. [Выдрин 2017: 500]

(15) *Wʌ́ʌ̀gā yɤ̏ də̏ kʌ̄-’-’ gɔ̋*
деньги 3SG.EXI идти\NTR быть-INF>3SG.NSBJ POSS

yʌ́ʌ̏ gú.
карман в
‘Наверное, у него в кармане есть деньги (догадка, не основанная ни на каких фактах или признаках)’. [Выдрин 2017: 500]

4. Конструкции будущего времени в дан-бло

В языке дан-бло зона будущего обслуживается преимущественно двумя конструкциями. Конструкция будущего времени строится по схеме «экзистенциальный МПП + *dɤ̏* + инфинитив смыслового глагола» и выражает предиктив (16) и интенционалис (17):

(TMAQ 81) [Q: Что произойдёт, если я съем этот гриб? R:]
(16) *lɪ̄ɪ̄ dɤ̏ gā.*
2SG.EXI идти\NTR умирать\INF
‘Ты умрёшь’. [Эрман 2002: 160]
(FTRQ 57) [Q: Какие планы у твоего брата на вечер? R:]
(17) *Yɤ̏ dɤ̏ sʌ́ʌ́dɛ̄ dō bɛ̀ɛ̀ɛ̀.*
3SG.EXI идти\NTR письмо один писать\INF
‘Он будет писать письмо’. [Эрман 2002: 160]

Проспективная конструкция строится по схеме «экзистенциальный МПП + *dɤ̌ʌ̏/dɔ́ʌ̏* + глагол с лексическим тональным контуром», где форма *dɤ̌ʌ̏/dɔ́ʌ̏* является результатом слияния вспомогательного глагола *dɔ́* ‘идти, уходить’ с показателем прогрессива *-də̀*:

(18) *lɪ̄ɪ̄ dɤ̌ʌ̏ yī-zʌ̄.*
2SG.EXI идти.PROG сон-убивать

‘Да ты сейчас заснёшь!’ (глядя на человека, у которого слипаются глаза) [Эрман 2002: 161]

В зону будущего заходит также прогрессивная конструкция с показателем -*dą̏*. Она строится по схеме «экзистенциальный МПП + глагол с лексическим тональным контуром + -*dą̏*» и выражает, в первую очередь, прогрессивное значение:

(19) *Lą̄* *yɤ̏* *dó-dą̏*
солнце 3SG.EXI уходить-PROG
‘Солнце сейчас заходит’. [Эрман 2012: 649]

В дан-бло имеется ещё две конструкции прогрессива, но, в отличие от них, конструкция с показателем -*dą̏* маркирует преимущественно начальную фазу процесса; в особенности инхоативное значение конструкции проявляется при стативных глаголах:

(20) [Ты слышишь, как поют люди? Послушай!]
(а) *Ìì,* *ā* *bą̄-dą̏.*
да 1SG.EXI>3SG.NSBJ слышать-PROG
‘Да, (теперь) я слышу’.
(б) *Ìì,* *ā* *bą̄-dìà.*
да 1SG.EXI>3SG.NSBJ слышать-PROG

(в) *Ìì,* *ā* *bą̄* *sùì* *gúí.*
да 1SG.EXI>3SG.NSBJ слышать NOM в
‘Да, я их слышу (уже в течение некоторого времени)’. [Эрман 2012: 651]

Кроме того, с глаголами движения *dṵ̄* ‘приходить’ и *dó* ‘идти, уходить’ конструкция с показателем -*dą̏* может выражать интенциональное значение (при наличии соответствующих темпоральных обстоятельств или контекста):

(21) *Ɓą̄* *dɛ̏kpɔ̀ɔ̀yì* *ką̏ą̏tà* *ɤ́* *dɛ̰̀* *kā*
1SG.POSS день последний 3SG.JNT вот 2PL.AUT

gɔ̄ *plɤ̀ɤ́,* *dìā* *kɤ̄* *ā* *dǒ-dą̀*
POSS деревня завтра CNJ 1SG.EXI идти-PROG

yī *plɤ̀ɤ́.*
1PL.EXCL.POSS деревня
‘Это мой последний день в вашей деревне, завтра я пойду в свою деревню’. [Эрман 2012: 652]

Употребление конструкции с показателем *-dą̀* невозможно, если момент начала процесса находится в прошлом (например: «Она подметает уже два часа»), *-dą̀* не сочетается с показателем рестроспективного сдвига [Эрман 2012]. В [Выдрин 2012] отмечается также наличие у этой конструкции значения прогрессива в будущем.

5. Конструкции будущего времени в языках дан в диахронической перспективе

Представим в форме таблицы конструкции будущего времени, реконструируемые для пра-дан, и их рефлексы в трёх языках дан: кла-дан, дан-гуэта и дан-бло.

Таблица 1

Конструкции будущего времени в языках дан в диахронической перспективе

пра-дан	кла-дан	дан-гуэта	дан-бло
*EXI – (O) – V-*dą̀* (прогрессив)	EXI– (O) – V(\NTR)-*lą̀*	---	EXI – (O) – V-*dą̀*
*EXI *dǒ* \NTR – (O) – V\INF (будущее)	---	EXI *dǒ* \NTR – (O) – V\INF	EXI *dɤ̄* – (O) – V\INF
*PROSP – (O) – V (проспектив)	PROSP – (O) – V	PROSP – (O) – V	---
			EXI *dɤ̄ʌ̀/dǒʌ̀* – (O) – V

Конструкция с показателем *-dą̀* реконструируется для уровня пра-дан: *EXI – (O) V-*dą̀*. [Выдрин 2012: 617] Эта конструкция восходит, по-видимому, к конструкции с нефинитной формой глагола, а показатель *-lą̀* к существительному пра-южного манде**dą̀* ‘место’ [Выдрин 2012: 617], сохранившемуся также в гуро и яурэ, где оно грамматикализовалось в суффикс имени

действия [Выдрин 2012: 628]. Эта конструкция сохранилась в дан-бло, где она конкурирует с двумя другими близкими по значению конструкциями прогрессива. В дан-гуэта, по-видимому, её рефлексом является конструкция зависимого прогрессива, строящаяся по схеме: «сопряжённый МПП + глагол с лексическим тональным контуром + *-dą̰ą̰/-ŋ̰*. [Выдрин 2012: 617] В кла-дан рефлексом данной конструкции является, по-видимому, конструкция будущего времени-1; в пользу возможности развития её семантики в этом направлении говорит наличие вторичных футуральных значений у прогрессивной конструкции с показателем *-dą̰* в дан-бло. Очевидно, данная конструкция в кла-дан была вытеснена из зоны прогрессива новообразованной имперфективной конструкцией с инфинитивом на *-ká*. [Выдрин 2012: 618]

Единственное обстоятельство, которое, по мнению В. Ф. Выдрина, вызывает сомнения по поводу происхождения конструкции будущего времени-1 в кла-дан, – мена лексического тонального контура глагола на ультранизкий. [Выдрин 2012: 618] Здесь, впрочем, имеются диалектные различия. Если в диалекте зузуплё глагол в этой конструкции употребляется с ультранизким тональным контуром, то в диалекте санта глагол выступает с лексическим тональным контуром:

(22) *Kɻ́ą́ą̰̀ yə̀ kʌ̀-lą̰̀ ɤ̀ pə̋.*
правда 3SG.EXI становиться-FUT 2SG.NSBJ в
‘Ты будешь прав’.

Проспективная конструкция также реконструируется для пра-дан: *PROSP – (O) – V, но её рефлекс отсутствует в дан-бло, где она, по-видимому, была вытеснена новой перифрастической проспективной конструкцией со вспомогательным глаголом *dǒ* ‘идти, уходить’ в форме прогрессива. [Выдрин 2012: 618] В дан-гуэта и кла-дан проспективная конструкция, напротив, расширила свою семантику: в дан-гуэта, помимо проспектива, она выражает также интенционалис и предиктив, а в кла-дан её семантика распространилась на всю зону будущего времени, в результате чего она оказалась в отношениях конкуренции с конструкцией с показателем *-lą̰̀*.

Реконструируется для уровня пра-дан и конструкция будущего времени со вспомогательным глаголом *dǒ* ‘идти, уходить’: *EXI *dǒ* \NTR – (O) – V\INF. Её рефлексы существуют в дан-гуэта и дан-бло, а в кла-дан она исчезла, не выдержав, по-видимому, конкуренции с двумя другими конструкциями – конструкцией будущего времени-1 и конструкцией будущего времени-2, развивших футуральную семантику из прогрессива и проспектива соответственно. [Выдрин 2012: 618]

Сокращения

ART – артикль
AUT – автономная серия местоимений
CNJ – союз
CNTR – контрастивная серия местоимений
COP – копула
EXI – экзистенциальная серия МПП
EXCL – эксклюзивное местоимение или МПП
FUT – будущее время
INF – показатель инфинитива
NTR – мена лексического тонального контура глагола в нейтральновидовой конструкции
PL – множественное число, показатель множественного числа
POSS – посессивная серия местоимений, показатель посессивной связи
PRF – перфектная серия МПП
PROG – прогрессив
PROSP – проспективная серия МПП
REF – замена лексического тона существительного ультра-низким, показатель референциального сдвига
REFL – рефлексивное местоимение
REL – показатель релятивизации
SG – единственное число
SLA – фокализатор прилагательных
SUPERINT – суперинтенсивный дериват прилагательного
Q – показатель вопроса

Литература

Выдрин В.Ф. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // Казанский Н. Н. (ред.). Acta

Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, Ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 566-647.

Выдрин В.Ф. Дан язык // В.Ф. Выдрин, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Е.Б. Маркус (ред.). Языки мира. Языки манде. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 469-583.

Эрман А.В. Субъектные местоимения в дан-блово и модально-аспектно-темпоральные значения. // Выдрин В. Ф., Желтов А. Ю. (ред.). Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова). СПб.: Европейский Дом , 2002. С . 154-182.

Эрман А.В. Прогрессив в дан-бло // Казанский Н. Н. (ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 8, Ч. 2. СПб.: Наука, 2012. С. 648-661.

Dahl, Ö. (1985) Tense and aspect systems. Oxford – New York.

Dahl, Ö., de Groot, Tommola H. (1992) Future Time Reference in European Languages. 1. EUROTIP Working Papers 6(2). Stockholm.

Vydrine, V. (2009) On the problem of the Proto-Mande homeland // Вопросы языкового родства – Journal of Language Relationship 1. P. 107-142.

Резюме

В работе рассматриваются конструкции будущего времени в трёх идиомах дан (< южные манде < манде < нигер-конго): кла-дан, дан-гуэта и дан-бло. В языке кла-дан существуют две синонимичные конструкции будущего времени. Конструкция будущего времени-1 строится по схеме «экзистенциальный местоименный предикативный показатель + глагол с ультранизким тональным контуром + -*lą̀*», конструкция будущего времени-2 строится по схеме «проспективный местоименный предикативный показатель + глагол с лексическим тональным контуром». Обе конструкции покрывают широкий спектр футуральных значений, выражая: предиктив, проспектив, интенционалис, будущее расписания.

Обе конструкции реконструируются для уровня пра-дан. Конструкция с показателем -*lą̀* сохранилась также в языке дан-бло, где выражает в первую очередь прогрессивное значение, а также инхоатив и интенционалис. Наличие вторичных

футуральных значений у прогрессивной конструкции в дан-бло говорит в пользу возможности развития семантики соответствующей конструкции в кла-дан в направлении плана будущего времени. По-видимому, данная конструкция в кла-дан была вытеснена из зоны прогрессива новообразованной имперфективной конструкцией с инфинитивом на *-ká*.

Конструкция будущего времени-2 является по происхождению проспективной. В дан-бло она была, по-видимому, вытеснена новой перифрастической проспективной конструкцией со вспомогательным глаголом *dǒ* ‘идти, уходить’ в прогрессиве. Напротив, в дан-гуэта и кла-дан семантика конструкции существенно расширилась: в дан-гуэта, помимо проспектива, она выражает также интенционалис и предиктив, а в кла-дан её семантика распространилась на всю зону будущего времени, в результате чего она оказалась в отношениях конкуренции с конструкцией с показателем *-lə̰̃*.

Ключевые слова: языки манде, языки дан, глагольные конструкции, будущее время, предиктив, проспектив, сравнительный анализ, реконструкция.

NadezhdaV. Makeeva
Institute of Linguistics, RAS, Moscow
umuta11@yandex.ru

FUTURE TENSE VERBAL CONSTRUCTIONS IN THE DAN LANGUAGES

Summary

This paper deals with future tense constructions in three idioms of the macrolanguage Dan (< South Mande < Mande < Niger-Congo): Kla-Dan, Dan-Gweta and Dan-Blo. In Kla-Dan there can be found two synonymous future tense constructions. The structure of the future tense construction-1 can be described as “an existential pronominal predicative marker + a verb with the extra-low tonal contour + *-lə̰̃*”, the future tense construction-2 consists of “a prospective pronominal marker + a verb with the lexical tonal contour”. Both of these constructions express a wide range of futural meanings: predictive, prospective, intentional, time-table future.

Both of these future tense constructions are reconstructed for Proto-Dan. The construction with the marker *-lə̰* still exists in Dan-Blo where it expresses a progressive meaning, and also inchoative and intentional. The existence of the secondary future meanings in this construction demonstrates that its meaning in Kla-Dan can also be developped towards the futural meanings. Evidently, this construction has been displaced from the progressive domain by the new imperfective construction with the infinitive marked by the suffix *-ká*.

Future tense construction-2 has originally been a prospective. In Dan-Blo, it has apparently been replaced by a new periphrastic prospective construction with the verb *dő* 'go' in the progressive form. By contrast, in Dan-Gweta and Kla-Dan, the semantics of this construction has significantly extended: in Dan-Gweta it has also the intentional and the predicative meanings, while in Kla-Dan its semantics has extended over all the future meanings causing its competition with the construction with the marker *-lə̰*.

Keywords: Mande languages, Dan, verbal constructions, future tense, predictive, prospective, comparative analysis, reconstruction.

References

Dahl, Ö. (1985) Tense and aspect systems. Oxford – New York.

Dahl, Ö., de Groot, Tommola H. (1992) Future Time Reference in European Languages. 1. EUROTIP Working Papers 6(2). Stockholm.

Erman A. V. Subjektnye mestoimenija v dan-blovo i modal'no-aspektno-temporal'nye znachenija [Subject pronouns in Dan-Blowo and the modal, aspectual and temporal semantics]. *Juzhnye mande: Lingvistika v afrikanskih ritmah. Materialy peterburgskoj jekspedicii v Kot d'Ivuar (K 50-letiju Konstantina Pozdnjakova).* [The South Mande Languages: Linguistics in African Rhythms. To the 50th anniversary of Konstantin Pozdniakov.] Vydrin V. F., Zheltov A. Ju. (ed.). SPb : Evropejskij Dom, 2002. S . 154-182.

Erman A. V. Progressiv v dan-blo [Progressive in Dan-Blo]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskih issledovanij RAN*. [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the institute for linguistics studies.] Kazanskij N. N. (red.). SPb.: Nauka, 2012. Vol. VIII, part 2. S. 648-661.

Idiatov D. I. Semantika vido-vremennyh pokazatelej v jazyke bamana [Sematics of aspecto-temporal markers in Bamana]. *Osnovy*

afrikanskogo jazykoznanija: Glagol. [Basics of African linguistics: Verb] Vinogradov V. A., Toporova I. N. (ed.). M.: Vost. lit., 2003. S. 259-324.

Plungjan V. A. Obshhaja morfologija: Vvedenie v problematiku. [General morphology: An Introduction] M.:Editorial URSS, 2003.

Vydrin V. F. On the problem of the Proto-Mande homeland. *Voprosy jazykovogo rodstva* [Journal of Language Relationship], 2009, 1. P. 107-142.

Vydrin V. F. Aspektual'nye sistemy juzhnyh mande v diahronicheskoj perspektive [Aspectual systems of Southern Mande languages in a diachronic perspective]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskih issledovanij RAN*. [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the institute for linguistics studies.] Kazanskij N. N. (red.). SPb.: Nauka, 2012. Vol. VIII, part 2. S. 566-647.

Vydrin V. F. Dan jazyk [Dan language]. *Jazyki mira. Jazyki mande.* [Languages of the World. Mande languages.] V.F. Vydrin, Ju.V. Mazurova, A.A. Kibrik, E.B. Markus (ed.). SPb.: Nestor-Istorija, 2017. S. 469-583.

Е.С. Моштылева
ННГУ, Нижний Новгород

Судебно-лингвистическое исследование признаков противорпавной пропаганды в художественном тексте

В современной судебно-экспертной деятельности в России многие проблемы связываются с несовершенством методологической базы исследования объектов либо ее отсутствием. В сфере применения специальных лингвистических знаний для целей судопроизводства вопрос стоит наиболее остро. Для достаточно распространенных в правоприменительной практике видов экспертиз, назначаемых по уголовным делам (экстремистской направленности, об угрозах и пр.), активно ведется деятельность по разработке методических рекомендаций. Иные экспертизы остаются без конкретных методик. Ситуация напоминает замкнутый круг, когда к названной проблеме примыкает следующая: неназначение некоторых видов экспертиз по причине отсутствия правоприменительной или судебно-экспертной практики.

Одним из примеров сложившейся ситуации является лингвистическая экспертиза пропаганды порнографии.

Пропаганда справедливо считается мощным механизмом воздействия на сознание человека и общества в целом. Изучением этого явления занимаются философия, социология, психология, юриспруденция, лингвистика, экономика, политология. Предлагается расмотрение понятия пропаганды с правовой и лингвистической точек зрения.

Пропаганда порнографии запрещена в России на законодательном уровне (часть 1 статьи 242 Уголовного Кодекса Российской Федерации). Объективная сторона указанного преступления зачастую включает распространение сведений посредством создания устных или письменных текстов. Последние, появляясь в судебном процессе, требуют проведения судебной лингвистической экспертизы.

В связи с тем, что в последнее время всё чаще появляются художественные произведения с явными или скрытыми пропагандистскими вкраплениями – как в печатных, так и в интернет-источниках (в том числе посредством радио- и

телевещания публично исполняются песни со спорным содержанием), для исследования нами выбран художественный дискурс.

Полагаем, автор, увлекающийся противоправной пропагандой, считает своей protectio художественный стиль произведения, который допускает выражение любых мыслей и эмоций через слова и практически не поддается верификации. Однако, если разработать особую судебно-экспертную методику и проводить всестороннее исследование спорного текста в каждом конкретном случае, существует вероятность, что преступление не останется безнаказанным.

По своей сути пропаганда является деятельностью адресанта по передаче адресату с помощью убеждающего воздействия пропагандистского сообщения, имеющего воплощение в устном или письменном тексте. Адресантом может являться любое физическое или юридическое лицо, преследующие определенные цели. Воздействие на адресата происходит с помощью различных пропагандистских приемов («анонимный авторитет», «будничный рассказ», «забалтывание», «эмоциональный резонанс» и др. [Сороченко 2002]).

В устном или письменном тексте адресантом является его автор или исполнитель. К примеру, лидер оппозиции, обращаясь к людям, может являться адресантом пропаганды и исполнителем пропагандистского текста-сообщения, но не являться его автором. При этом автор текста не является субъектом передачи пропагандистского сообщения. В пропагандистском сообщении могут содержаться идеи, воззрения, взгляды, учения, которые адресант распространяет ради определенных целей (формирование в сознании установок, стереотипов поведения, побуждение к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения).

Адресатом пропагандистского сообщения становятся социальные группы или общество в целом.

Правоприменитель, сталкиваясь во время решения задач судопроизводства с потенциально пропагандистским текстом, назначает судебную лингвистическую экспертизу. Для текста с признаками пропаганды порнографии отсутствует какая-либо методика исследования, что приносит заметные трудности в экспертную и правоприменительную практику. Эксперты-

филологи, не имея четкого представления о том, что от них требуется, проводят литературоведческий анализ, что вроде бы и требует художественный текст по своему существу. Не учитывается, что в основу такого анализа закладывается интерпретация произведения, изучение его сюжета, композиции, жанра, идей, что обусловлено, во многом, личностью исследователя-интерпретатора. Бесспорно, для целей судопроизводства (а цель судебной экспертизы – содействие судебному процессу) подобное исследование не требуется.

Таким образом, тема актуальна в связи с отсутствием методики для исследования текстов с признаками пропаганды порнографии, с одной стороны, и с растущим количеством текстов, пропагандирующих порнографию, с другой стороны.

Экспертизы по поводу определения признаков распространения порнографии, наличия признаков порнографии могут проводиться комиссионно или комплексно [Иванова 2011]. К исследованиям привлекаются инженеры, психиатры, психологи, сексологи, социологи, искусствоведы, культурологи, религиоведы, лингвисты – перечень далеко не исчерпывающий. Назначение отдельного вида экспертизы или привлечение к работе комиссии экспертов зависят от особенностей конкретного преступления.

При наличии потенциально порнографического текста на разрешение эксперту-лингвисту могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Содержит ли спорный текст признаки порнографии?
2. Содержит ли спорный текст признаки пропаганды порнографии?
3. Принадлежит ли спорный текст художественному функциональному стилю русского языка?
4. Присутствуют ли в спорном тексте описания полового акта?

В 2016 году нами был разработан диагностический комплекс языковых признаков пропаганды порнографии в художественном тексте. На основе него планируется создание полноценной частно-экспертной методики, причем она может быть частично автоматизированной: разработка программного обеспечения, способного различать «порнографические маркеры» в тексте, существенно упростит задачу лингвиста-эксперта.

Исследование спорного текста на наличие признаков пропаганды порнографии состоит из двух блоков: установление признаков порнографии и установление признаков пропаганды.

О наличии в спорном тексте признаков порнографии свидетельствуют: натуралистичное описание техники полового акта, гениталий и манипуляций с ними или различных сексуальных отклонений; однозначность интерпретации; употребление специфических лексических средств.

Натурализм в порнографическом тексте – наглядное изображение процесса полового акта (далее – ПА) и его техники (ТПА) на протяжении всех его стадий. Сексологи выделяют этапы – фазы ПА [Каталымов 2007]: фаза возбуждения, платофаза, фаза оргазма, фаза обратного развития.

Фаза возбуждения предполагает подготовку женского и мужского тел к соитию.

К платофазе относят непосредственно фрикции или иные телодвижения, направленные на достижение третьей фазы – оргазма.

В спорных текстах фаза возбуждения представлена в виде описания предварительных ласк, поглаживания различных частей тела (в том числе и не относящихся к половым органам), поцелуев, покусываний, посасываний, эротических танцев и иных телодвижений, не связанных с проникновением (*«Барин <…> двинул рукой вверх и вниз, перебирая пальцами вздувшуюся между ними поверхность груди». «Баня» *А.Н. Толстой*).

Платофаза в спорных текстах описывается процессом проникновения (коитус, фрикции) мужского полового органа в женский половой орган (*«И хотя его член проникает в Ваську всё глубже, всё дальше, и движется все быстрее, – лицо остается спокойным и безмятежным». «Тингль-Тангль» В.Е. Платова*).

В описании фазы оргазма содержится описание как мужского, так и женского оргазмов, поведения человеческого тела при испытывании наслаждения, различного рода эмоций (*«Тело женщины изгибалось в пароксизмах страсти, руки рвали полотно простыни. Вдруг она вся ослабела, словно раненая птица. Ее губы оторвались, ноги расжались и безжизненное тело распростерлось около меня». «Возмездие» *А.Н. Толстой*).

Гораздо реже встречается описание фазы обратного развития в спорных текстах. Вероятно, это происходит из-за

непримечательности этапа обратного развития (уменьшение кровенаполнения половых органов – период половой невозбудимости) для порнографического описания (*«Я пока не был утомлен и хотел возобновить ласки, но ее утомленный голос остановил меня:*

*– Нет, нет, подожди, дай мне прийти в себя». «Возмездие» *А.Н. Толстой*).

Описание гениталий может осуществляться как при описании ТПА, так и отдельно («*Можно назвать член членом, или дружком (если парень тебе нравится), или пиписькой (если парень тебе нравится не очень); можно вообще никак его не называть или придумать ему тысячу имен, – ни одно из них не подходит Ямакаси. То, что находится у него между ног, – тоже инструмент». «Тингль-Тангль» В.Е. Платова*).

Отклонениями от нормального сексуального поведения считаются различные девиации: мазохизм, садизм, педофилия, некрофилия, зоофилия (*«Где-то с минуту Макс ласкал ее холодное тело, нашептывая ей на ушко какие-то нежные слова. Ее окаменевшие соски порождали в нем безумие, но он сдерживался, решив до конца довести процесс "возбуждения". Он вошел в ее тело медленно, даже бережливо, как обычно входят только в девственниц или очень близких, возможно, любимых людей. Когда Макс кончил, голова его переполнилась мыслями, потом началась внутренняя борьба. «Мертвая любовь» автор под псевдонимом «Темный ангел»*).

Толкование описания полового акта целиком зависит от адресата – читателя или слушателя. **Однозначность интерпретации** предполагает восприятие информации всеми возможными адресатами одинаково, вне зависимости от уровня культуры и образования. Рассмотрим примеры.

«…Это был тот, с кем она, в некий срок, впервые должна была соединиться в самой тайной и блаженно-смертной близости. Эта близость, обоюдная, совершилась и уже ничем в мире расторгнута быть не может, и он навеки унес ее в себе, и вот эта необыкновенная ночь принимает его в свое непостижимое светлое царство вместе с нею, с этой близостью» («Таня» И.А. Бунин).

Половой акт, произошедший между Таней и Петром, назван «самой тайной и блаженно-смертной близостью». Бунин

использует предикативную связь между субъектом «близость» и сказуемыми «совершилась», «расторгнута быть не может», с помощью чего метафоризирует подлинный смысл предложения. Кроме того, словарное значение лексемы «близость» как «интимные/половые отношения» является переносным [Кузнецов 2000: 21]. Для русского языка обычно, что глагол страдательного наклонения «совершиться» вступает в пару с существительными, означающими некое событие, тогда как существительное «близость», образованное от наречия места «близко», означает характеристику предметов в пространстве.

«Жезлом моей жизни Лолиточка орудовала необыкновенно энергично и деловито, как если бы это было бесчувственное приспособление, никак со мной не связанное. Ей, конечно, страшно хотелось поразить меня молодецкими ухватками малолетней шпаны, но она была не совсем готова к некоторым расхождениям между детским размером и моим» («Лолита» В.В. Набоков).

Читателю представлен выбор: понимать фрагмент как описание полового акта между Лолитой и Гумбертом или как описание манипуляций с половыми органами. В любом случае, автор использует прием метафоризации – использует слова в переносных значениях. Прямого указания на половой акт (или манипуляции) нет.

«…Сильные, но нежные руки развели в стороны ее бедра и горячий член Дмитрия начал медленно входить в приближающееся, увлажненное страстью отверстие. Ирина инстинктивно подалась вперед, плотно прижимаясь клитором к члену Дмитрия. А Дмитрий то отодвигался от нее, вынимая член и лаская им нежные, покрытые нежными волосиками губы, то вновь вонзая промеж них до конца» («Японская комната» А.Н. Толстой).

Половой акт описан без метафор (за редким исключением, что не мешает читателю интерпретировать информацию однозначно).

Употребление специфических лексических средств. Описание ТПА предполагает использование особой лексики для номинации реалий, связанных с половыми отношениями между людьми:

• медицинские термины, обозначающие половые органы: *мужской половой орган, член, половой член, мужской член, головка члена, мошонка; клитор, влагалище, женский половой орган, половые губы, большие половые губы, малые половые губы, дефлорация, плева, влагалищные стенки, лобок;*

• номинации для обозначения полового акта и выделений: *половой акт – секс – погружение мужского члена в лоно – половое сношение – сношение – вторжение – трение слизистых, испускание семени – выброс, сперма;*

• общеупотребительные метафоры для обозначения половых органов: *прибор, срам, пах, яйца, дружок, пиписька, инструмент, жеребец, хрен, кол, конец, утроба, тугой зев влагалища, промежность, щель, красная щель, киска, целка, углубление;*

• номинации для обозначения проникновений и иных действий: *двигать (низом туловища), стонать, дергаться, ловить (член влагалищем), нырять (во влагалище), кончить, сосать, вогнать, вонзить, войти, проникать, вторгнуться, трахать, поиметь, отчпокать, лизнуть, дать за щеку, присунуть, оприходовать, тискать, вдавливать;*

• сложные метафоры: *«ту часть моего тела, которая была гораздо нетерпеливой, чем я сам», «моего воскресшего Лазаря», «то, что ее ждало, стоя во весь рост», «выдающаяся часть моего тела», «живая пружина», «клинок», «клубок нервов», «нетерпеливый, мучительно сладостный тайник», «большой удлиненный глаз», «горячая влажная рана», «та часть», «увлажненное стратью отверстие»;*

• обсценная лексика.

Названная лексика имеет место и в эротических, и в порнографических текстах, поэтому квалификация текста (правоприменителем) как порнографического лишь на основе признака употребления специфической лексики нецелесообразна.

О наличии в спорном тексте признаков пропаганды порнографии свидетельствуют: специфические предмет речи (описание полового акта, манипуляций с половыми органами и половых извращений) и коммуникативная цель (сообщение о предмете речи, отношение повествователя к нему).

Пропаганда порнографии – речевое правонарушение; следовательно, спорные тексты подлежат проверке на наличие

совокупности следующих лингвистических маркеров [Кукушкина 2011: 34]:

1. Предмет речи: *Есть ли в тексте сцены с подробным описанием полового акта?*

Рассматриваемый нами массив текстов имеет достаточно разнообразные предметы речи. Рассмотрим некоторые.

В «Японской комнате» А.Н. Толстого повествуется о шестнадцатилетней графине Румянцевой, жене старого графа, которую последний отправляет на курорт, где она всё время проводит, предаваясь любовным утехам с графом Весениным и его другом Владимиром одновременно в комнате, обставленной в японском стиле.

«Тингль-Тангль» В.Е. Платовой рассказывает о двух разных сестрах-сиротах, которые находятся в конфликтных отношениях друг с другом.

Тексты песен группы «Кровосток» («Порно», «Секс – это», «Киса») имеют ироничное содержание. В одной из песен высмеивается влияние порнографической продукции на общество, в другой – половые извращения, в третьей – девушки, ведущие «ночной» образ жизни.

2. Отношение к предмету речи, выраженное определенным образом: *Как повествователь оценивает сцены с описанием полового акта? Какое отношение к этим сценам выражается?*

В «Японской комнате» А.Н. Толстого повествователь не употребляет осуждающих выражений в отношении сексуальных развлечений героев.

В романе «Тингль-Тангль» В.Е. Платовой повествователь подробно описывает половые акты Ямакаси с одной из сестер, а с другой – ограничивается скромными указаниями на дальнейшие действия персонажей. Выражения *«Ваське очень хорошо, внутри тела взрываются петарды…», «Здорово, – только и может выговорить она»* свидетельствуют о положительном отношении повествователя к сексуальным сценам.

Тексты песен группы «Кровосток» («Порно», «Секс – это», «Киса»), как уже было нами сказано, имеют ироничное содержание. Повествователь высмеивает реалии, описываемые в текстах.

3. Цель сообщения об этом предмете речи: *Зачем сообщаются сцены с описанием полового акта?*

В «Японской комнате» А.Н. Толстого сцены секса являются основными в тексте. Они описаны достаточно подробно, с полным описанием ТПА. Сюжет примитивен – отсутствует конфликт. Цель – распространение подробностей порнографических сцен («порнография ради порнографии»).

В романе «Тингль-Тангль» В.Е. Платовой порнографические сцены использованы для большего уверения читателя в необычности персонажа Ямакаси, добавления к его образу тайн – секс Васьки с ним повествователь отмечает как необычный, отличный от «нескольких десятков парней до него». Цель – развитие сюжета.

Тексты песен группы «Кровосток» («Порно», «Секс – это», «Киса») имеют целью развлечение публики – слушателей группы. Цель «порнография ради порнографии» не устанавливается.

Таким образом, наличие всех маркеров (предмет, отношение, цель) среди приведенных в данном блоке текстов выявлено в «Японской комнате» А.Н. Толстого. Подводим итог: хотя данный текст является художественным произведением, задача описания в нем половых актов не связана с задачей построения сюжета. Цель данного произведения – описание половых актов и наслаждения от них между женщиной и ее партнерами.

Также анализ текстов показал, что установление второго маркера – отношение – для данной проблематики является факультативным, так как для того, чтобы квалифицировать текст как пропагандистский, правоприменителю достаточно знать о действительном наличии соответствующего предмета (описания ПА) и цели использования описания ПА, которая обнаруживается в спорном тексте с помощью лингвистического анализа. Данный маркер (отношение) актуален для текстов с экстремистской или диффамационной направленностью.

В литературе указывается на количественный признак в спорном тексте: порнографическое описание занимает бóльшую часть текста. [Нагаев 2009: 154] Остается неясным, каким образом анализировать данный признак – простым подсчетом предложений, лексических единиц или иным способом. Представляется, что данный признак является необязательным – им можно подкрепить экспертное исследование и выводы, когда все иные признаки установлены.

Создание и внедрение диагностического комплекса языковых признаков противоправной пропаганды в художественном тексте приведет к унификации порядка выполнения судебной лингвистической экспертизы спорного текста и к объективизации ее результатов. Результаты исследования также могут быть применены в преподавательской практике при разработке курса «Судебная лингвистическая экспертиза», а также в ходе проведения учебных семинаров для судей, следователей и судебных экспертов.

Литература

Иванова А.А. Методика расследования незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов [Электронный ресурс]: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.А. Иванова. – Псков, 2011. – URL: http://www.dissercat.com/content/metodika-rassledovaniya-nezakonnogo-izgotovleniya-rasprostraneniya-i-oborota-pornograficheskogo (дата обращения 20.12.2016).

Каталымов Л.Л. Словарь по сексологии [Электронный ресурс] / Национальная энциклопедическая служба. URL: http://vocabulary.ru/dictionary/897/word/polovoi-akt (дата обращения: 23.04.2016).

Нагаев В.В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы: монография / В.В. Нагаев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 336 с.

Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. 2002 г. [Электронный ресурс] // Пси-фактор. Центр практической психологии. URL: http://psyfactor.org/propaganda.htm (дата обращения: 14.12.2016).

Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / Сост. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. – М.: Государственное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ при Минюсте России), 2011. – 330 с.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы, посвященные лингвистической экспертизе текстов, которые принадлежат художественному дискурсу. Акцентируется внимание на речевом акте противоправной пропаганды. Пропаганда (в частности, пропаганда порнографии) разбирается автором с позиций лингвистической и юридической наук. Приводятся типовые вопросы, которые может обозначить правоприменитель (следователь или судья) в постановлении или определении о назначении судебно-лингвистической экспертизы. Далее предлагается диагностический комплекс языковых признаков (алгоритм) пропаганды порнографии в художественном тексте. Существует перспектива написания полноценной методики исследования для судебных экспертов, работающих как в государственных, так и в негосударственных экспертных учреждениях речеведческого профиля. Каждая стадия алгоритма иллюстрируется языковыми примерами из потенциально порнографических текстов. Исследование спорного текста на наличие признаков пропаганды порнографии состоит из двух блоков: установление признаков порнографии и установление признаков пропаганды. Первый блок включает в себя натуралистичное описание техники полового акта, гениталий и манипуляций с ними или различных сексуальных отклонений; однозначность интерпретации; употребление специфических лексических средств. Второй блок предусматривает исследование в тексте предмета речи (описание полового акта, манипуляций с половыми органами и половых извращений) и коммуникативной цели (сообщение о предмете речи, отношение повествователя к нему). В конце статьи даются рекомендации по применению разработанного комплекса признаков.

Ключевые слова: судебно-лингвистическая экспертиза, художественный текст, пропаганда, пропаганда порнографии, методика экспертного исследования.

Ekaterina S. Moshtyleva
Nizhniy Novgorod State Lobachevsky University
katiemoshtyleva@gmail.com

FORENSIC LINGUISTIC RESEARCH ON THE ILLEGAL PROPAGANDA IN THE FICTION TEXT

Summary

The author of the article considers questions about the forensic linguistic expertise of the fiction texts. The attention is focused on the verbal act of the unlawful propaganda. The propaganda explored by the author from the perspective of linguistics and law. The article cites typical questions for forensic experts from investigators and judges (in investigators regulation or judges resolution according to the law). After that the diagnostic complex of linguistics attributes of the propaganda of pornography in the fiction texts is offered. Each stage of this algorithm is illustrated by examples from allegedly pornographic texts. The study of the text with attributes of the propaganda of pornography consists of two parts. Firstly, it is the identification of attributes of the pornography. Secondly, it is the identification of attributes of the propaganda.

The article concludes with recommendations on the application of the diagnostic complex of linguistics attributes of the propaganda of pornography in the fiction texts.

Keywords: forensic linguistics, fiction text, propaganda, the propaganda of pornography, forensic linguistics methodology.

References

Ivanova A.A. Metodika rassledovanija nezakonnogo izgotovlenija, rasprostranenija i oborota pornograficheskih materialov ili predmetov [The methods for investigating of the illegal making, distribution and turnover of pornographic materials.] Pskov, 2011. [Electronic resource] // disserCat. URL: http://www.dissercat.com/content/metodika-rassledovaniya-nezakonnogo-izgotovleniya-rasprostraneniya-i-oborota-pornograficheskes (appeal date: 20.12.2016)

Katalymov L.L. Slovar' po seksologiy [Dictionary of Sexology] [Electronic resource] / Nacional'naya enciklopedicheskaya sluzhba.

URL: http://vocabulary.ru/dictionary/897/word/polovoi-akt (appeal date: 23.04.2016)

Nagayev V.V. Erotika i pornografiya. Kriterii razlichiy. Problemy pravovoy ocenki i ekspertizy: monografiya [Eroticism and pornography. Criteria for differences. Problems of legal assessments and expertise: monograph] / V.V. Nagayev. – M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2009. – 154 p.

Sorochenko V. Jenciklopedija metodov propagandy. 2002 g. [Encyclopedia of propaganda methods] [Electronic resource] // Psi-faktor. Centr prakticheskoj psihologii. URL: http://psyfactor.org/propaganda.htm (appeal date: 14.12.2016)

Teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu [Theoretical and methodological basis of the forensic psychological-linguistics expertise of texts on cases of extremism] / Kukushkina O.V., Safonova J.A., Sekerazh T.N. – M.: Gosudarstvennoye uchrezhdeniye Rossijskiy federal'nyy centr sudebnoy ekspertizy pri Ministerstve justiciy Rossiyskoy Federaciy (RFCSJe pri Minyuste Rossiy), 2011. – 330 p.

И.В. Наумов
НИУ ВШЭ, Москва

Оптатив и дезидератив в чукотском языке[1]

Введение

В данной работе пойдет речь о способах и средствах выражения желания в чукотском языке. В частности, будет рассмотрена семантика и сфера употребления двух категорий — *дезидератива* и *оптатива*. В литературе, посвященной исследованию этих категорий в других языках, не раз отмечалось, что в их значение входит один общий нетривиальный компонент: стремление/желание индивида, чтобы реализовалась некоторая ситуация. Желание субъекта ситуации (*x* хочет *P*) обслуживается формами дезидератива, а желание говорящего (говорящий хочет, чтобы *P*) — формами оптатива. Некоторым авторам это обстоятельство давало основание объединять их под общим термином «категории волитивной модальности», куда также входит императив (см., например, [Корди 1990]).

Если описанию семантики императива посвящена весьма обширная литература, то дезидеративу и оптативу исследователи уделяют куда меньше внимания как на типологическом (хотя здесь и имеются значительные наработки в первую очередь благодаря работам Н. Р. Добрушиной и О. В. Ханиной, к которым мы обратимся позже), так и на конкретно-языковом уровне. В частности, авторы грамматик чукотского ограничиваются упоминанием циркумфикса Дезидератива *re-√-ŋə* и кратким описанием его семантики, а Оптатив до настоящего момента вообще не получил хоть какого-нибудь внимания со стороны исследователей чукотского языка. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел и, опираясь на материал полевых данных, предложить подробное описание данных категорий.

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования (17-05-0043) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017-2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

Работа устроена следующим образом: В разделе 1 даются общие сведения о структуре финитных глагольных форм. В разделе 2 очерчивается функциональное поле употреблений оптативной конструкции. В разделе 3 характеризуется семантика и дистрибуция циркумфикса Дезидератива и других средств, с помощью которых выражается желание субъекта ситуации. В Заключении подводится итог проведенному исследованию и излагаются общие выводы.

1. Глагол в чукотском языке

Чукотский язык распространён в Чукотском автономном округе и на северо-востоке республики Саха (Якутия); по данным переписи 2010 года им владеют 5095 человек. Грамматика чукотского языка подробно описана в работах [Скорик 1961], [Скорик 1977] и [Dunn 1999]. Для чукотского характерна высокая степень агглютинации и продуктивная инкорпорация. Падежное маркирование ядерных актантов эргативно, а глагольное согласование устроено сложно и демонстрирует совмещение эргативной стратегии с номинативно-аккузативной. Система финитных форм глагола состоит из собственно глагольных, которые принято именовать личными, и «адъективных» форм, различающихся набором согласовательных аффиксов и стратегией согласования. Личные формы в переходном спряжении полиперсональны, адъективные — моноперсональны. Традиционно к личным формам относят Аорист, Презенс-прогрессив, Будущее время, Императив и Кондиционал, а к «адъективным» — Перфект и Статив. В личных глагольных формах маркированы аспектуальные противопоставления: «перфектив-имперфектив», а также противопоставление по «реальности ситуации»: «реалис-ирреалис» (см. подробнее [Урманчиева 2004]) Противопоставление «реалис-ирреалис» связано с позицией показателей реалиса и ирреалиса в глагольной словоформе. Будущее время, Кондиционал и Императив, относящиеся к ирреалису, маркированы в финитном глаголе префиксом; небудущее время, относящееся к реалису, маркировано нулём. Противопоставление «перфектив-имперфектив» выражается суффиксально: перфектив часто не маркирован; спорадически в перфективе встречается суффикс

-ɣʔe[2], который по предположению М. Данна, является тематическим элементом [Dunn 1999: 190]; имперфектив выражается с помощью суффикса *-rkən*[3]. Отметим также, что соотношение перфективных и имперфективных форм в текстах неоднородно; в ирреалисе перфектив встречается значительно чаще, чем имперфектив — 91% на 9% [Недялков и др. 1984: 203]. Нейтрализация контраста между перфективностью и имперфективностью при обозначении ирреальных ситуаций ожидаема (см., например, обсуждение в [Auwera, Malchukov, Schalley 2009] об аспекте в формах императива).

2. Оптативная конструкция

Прежде чем переходить к описанию Оптативной конструкции, необходимо дать представление об устройстве традиционно выделяемой парадигмы «Императива», которая представлена ниже.

Таблица 1

Парадигма непереходного глагола Императива

	Единственное число	Множественное число
I	**m-√-(ɣʔe)-k**	**mən-√-mək**
II	**q-√-ɣ-i**	**q-√-tək**
III	**n-√-(ɣʔe)-n**	**n-√-net**

Как видно из таблицы, парадигма императива в чукотском языке полностью синтетична — все лично-числовые комбинации выражаются морфологически. Такое положение дел является типологически неожиданным, поскольку «для императивных парадигм в целом не характерна морфологическая однородность их форм» [Бирюлин, Храковский 1992: 29]. В работе [Гусев 2013] предлагается следующее определение неоднородности парадигмы императива: «Две формы считаются формально неоднородными, если они различаются сильнее, чем

[2] Здесь и далее морфологические показатели приводятся в варианте со слабым вокализмом.

[3] Справедливости ради отметим, что глагольная форма вида *Ø-√-rkən* обозначает длительные ситуации только в настоящем времени, и, вопреки ожиданиям, не имеет дуративных употреблений в плане прошедшего.

соответствующие две формы в неимперативной парадигме». При таком подходе получается, что для того, чтобы формы были признаны однородными, им не обязательно иметь общий аффикс; важна лишь позиционная сопоставимость показателей с формами парадигмы индикатива. Представляется, что подобное понимание (не)однородности форм грамматической категории имеет ряд существенных недостатков, обсуждение которых увело бы нас далеко в сторону от основного сюжета настоящей работы. Достаточно будет сказать, что мы придерживаемся иной точки зрения и считаем, что префиксы «Императива», роль которых традиционно сводилась к кумулятивному выражению лица и числа адресата побудительного высказывания, в сущности представляют собой показатели трех разных наклонений — Гортатива, Императива и Юссива.

Оптативная конструкция в чукотском языке состоит из частицы *iwke*, диахронически, по-видимому, восходящей к глаголу *iwək* ‘говорить’, и смыслового глагола в соответствующей форме одной из перечисленных выше категорий. Аналитически выраженный оптатив не является типологической редкостью. Наоборот, из выборки в 319 языков морфологические показатели оптатива встречаются только в 48 из них [Dobrushina, van der Auwera, Goussev 2005].

Из-за недостаточной разработанности данной области, разные авторы понимают под термином оптатив весьма широкий круг явлений. В этой работе мы принимаем определение, которое было предложено в работе [Добрушина 2001b].

Оптатив — это грамматическая категория, которая используется только или преимущественно для выражения желания говорящего относительно реализации некоторой ситуации P, участник которой может быть 1/2/3 лица, причем реализация ситуации P лежит вне области, подлежащей контролю говорящего.

Типичный контекст употребления Оптативной конструкции представлен в (1)[4].

[4] Используемые здесь и далее примеры были получены автором от носителей чукотского языка во время совместной экспедиции ОТиПЛ МГУ и Школы лингвистики НИУ ВШЭ в село Амгуэма Иультинского района (Чукотский АО) летом 2016 года.

(1) *iwke* *eqəɬpe* *nə-jet-ɣʔe-n*!
PTCL быстро JUSS-приходить-TH-3SG
‘Пришел бы он поскорее!’

В данном высказывании содержатся два значимых для настоящего повествования компонента: во-первых, говорящий выражает свое желание, чтобы реализовалась некоторая ситуация; во-вторых, сообщается информация о том, что реализация этой ситуации лежит вне зоны контроля говорящего. В терминах [Добрушина 2009] такой вид оптативного высказывания называется «дезидеративным» (или нейтральным) и противопоставляется другому — «фактитивному» (или «перформативному»). Последний выражает не столько чистое желание говорящего, сколько обращение к высшим силам с надеждой на изменение некоторого положения вещей и в этом смысле является грамматическим средством маркирования речевых актов проклятия или благословения. Специальных средств для выражения «перформативного оптатива» в чукотском языке нами обнаружено не было.

Как не раз отмечалось в лингвистической литературе, употребление форм оптатива и императива в языках распределено в зависимости от наличия или отсутствия контроля над ситуаций и, как следствие, возможности каузировать ее исполнение. Данное наблюдение подтверждается и для чукотского: при заданном отсутствии контроля может быть использована только конструкция с *iwke* (2).

(2) *(*iwke*) *mə-qametwa-ɣʔa-k*, *ətrʔes*
PTCL HORT.1SG-есть-TH-1SG.S однако
ujŋe *e-tejnet-ke*!
NEG.EXIST NEG.IPFV-питаться-NEG.IPFV
‘Поесть бы сейчас, но нечего!’

Кроме собственно оптативных употреблений, рассматриваемая нами конструкция функционирует в вопросах с модальностью деонтической возможности. Так пример (3) демонстрирует случай, когда говорящий запрашивает у адресата разрешение на выполнение действия, обозначаемого глаголом.

(3) *iwke* *mə-qepł-uwiswetə-k*?
PTCL МӘ-мяч-играть-1SG.S
‘Можно мне поиграть в мяч?’

Кроме того, при референции ко второму или третьему лицу Оптативная конструкция конкурирует с другой ирреальной категорией — Кондиционалом. Основная функция форм Кондиционала — маркировать протазис гипотетических и контрфактивных условных конструкций. Однако встречаются и независимые употребления с семантикой некатегоричного побуждения (см., например, [Nedjalkov 1994: 329]).

(4) *n-ʔ-ajmə-ɣʔa-n*!
2/3.S/A-COND-ходить.за.водой-TH-IRR.2/3SG.S
‘Сходил бы ты/он за водой!’

Высказывание в (4) обозначает желание говорящего, причем это может быть как гипотетическое желание, то есть такое, которое еще возможно исполнить, так и контрфактивное, то есть заведомо невыполнимое. В первом случае подразумевается, что действие нужно выполнить в будущем, а втором, что ситуация должна была осуществиться в прошлом, но этого не произошло — в этом случае наблюдается оттенок упрека. Оптативная конструкция, в свою очередь, не может референцировать к нереализованным ситуациям в прошлом:

(5) *iwke* *q-reŋetə-ɣə-ne-t* *ʔəttʔə-t*!
PTCL IMP-кормить-IRR-3SG.O-PL собака-NOM.PL
‘Покормил бы ты утром собак!’ {Нужно было покормить, но не покормил}.

На этом заканчивается семантическое пространство контекстов, в которых функционирует Оптативная конструкция в чукотском языке. В следующем разделе будут описаны средства, служащие для выражения желания субъекта ситуации. Это циркумфикс Дезидератива *re-√-ŋə*, матричный предикат *teɣʔjeŋək* ‘хотеть’, а также аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом.

3. Оформление дезидеративной ситуации

В данном разделе предлагается описание различных языковых средств чукотского языка, которые способны выражать желание некоторым лицом наступления некоторой ситуации. Рассматриваются только такие языковые средства, которые используются для выражения желания любого лица: как участвующего в речевом акте, т.е. говорящего и слушающего, так и не участвующего. При этом нижеследующее изложение целиком опирается на теоретический инструментарий, предложенный в работах [Ханина 2004, 2005, 2008].

Рассмотрим следующие предложения русского языка:

(6)

a. *Ваня хочет уйти*.

b. *Ваня хочет, чтобы Петя ушел*.

c. *Ваня хочет новую машину*.

Все они описывают ситуации реального мира, а именно в них утверждается, что существует индивид, который желает наступления некоторого положения вещей. Целиком такие ситуации мы обозначаем как «дезидеративные». Они, в свою очередь, состоит из двух (под)ситуаций: ситуации желания и желаемой ситуации. Под первой понимается ситуация, о которой говорится ‘Ваня хочет’. Под второй — ситуация, наступления которой желает субъект ситуации желания. В (a) желаемой ситуацией является ‘Ваня уходит’ (выражается с помощью инфинитива); в (b) — ‘Петя уходит’ (выражается придаточным предложением); в (c) таковой является ситуация обладания объектом ‘Иметь новую машину’ (выражается именной группой). Термином «субъект ситуации желания» или, иначе, «субъект желания» обозначается участник, который, собственно, испытывает желание. Во всех трех предложениях таким субъектом является индивид по имени Ваня. Кроме того, важным здесь является противопоставление «равносубъектного и разносубъектного желания». Под первым подразумевается случай референциального тождества субъекта желания и участника, контролирующего желаемую ситуацию, как в предложении ‘Ваня хочет уйти’; под вторым — случай референциального различия, как в предложении ‘Ваня хочет, чтобы Петя ушел’.

Обозначив понятийный аппарат, который будет использоваться в дальнейшем, перейдем непосредственно к

анализу языкового материала. Исследователи чукотского языка (см., например, [Скорик 1977: 209-210; Dunn 1999: 267]), ограничиваются упоминанием циркумфикса дезидератива *re-√-ŋə*. Как отмечают авторы, глагол с ним обозначает «желание (стремление, намерение) выполнить действие».

(7) *Ø-ra-qametwa-ŋə-rkən*
2/3.S/A-DESID-есть-DESID-IPFV
‘Ты/он хочешь есть’.

Следует указать, что этот показатель может оформлять исключительно глагольные основы. Для того чтобы стало возможным использование циркумфикса с именной основой, ее необходимо предварительно вербализовать.

(8) *tə-ra-sawsəwa-twe-ŋə-rkən*
1SG.S/A-DESID-оленный.человек-TRSF-DESID-IPFV
‘Я хочу стать оленным человеком’.

Однако типологические данные говорят о том, что языки мира регулярно сочетают в себе различные морфологические, синтаксические и лексические средства выражения концепта желания. Их подробное описание приводится в [Ханина 2005]. Перечислим основные разновидности:

- глаголы;
- аффиксы;
- посессивные конструкции;
- перифрастические конструкции;
- имена;
- дезидеративные частицы.

Выбор того или иного средства осуществляется в зависимости от семантического статуса участников дезидеративной ситуации. В примере (7) представлено равносубъектное желание — субъект ситуации желания кореферентен субъекту желаемой ситуации. В чукотском языке в этом случае, помимо глагольного циркумфикса, возможно также использование матричного предиката с инфинитивной клаузой:

(8) *iɣər* *tə-teɣʔjeŋə-rkən*
сегодня 1SG.S/A-хотеть-IPFV
nuteɣsi-k
идти.в.тундру.за.корешками-INF
‘Сегодня хочу пойти в тундру’.

Для оформления разносубъектного желания (отсутствие референциального тождества субъекта ситуации желания и субъекта желаемой ситуации) может использоваться только матричный предикат *teɣʔjeŋək* ‘хотеть’ с сентенциальным актантом, представляющим собой финитную клаузу, которая вводится союзом *iŋqun* ‘чтобы’. Глагол вложенной клаузы должен стоять в форме одной из категорий императивной серии, или в форме Кондиционала.

(9) *ətłəɣə-n* *Ø-teɣʔjeŋə-rkən* *iŋqun* *ekket-e*
отец-NOM 2/3.S/A-хотеть-IPFV чтобы сын-INST
orwoor-Ø *nə-tejkə-ni-n*
нарта-NOM JUSS-изготовлять-3SG.A.3.O-3SG.O
‘Отец хочет, чтобы сын починил нарту’.

Как кажется, такой выбор стратегии оформления желаемой ситуации определяется тем, что язык трактует ее как нереальную. Аргументом в пользу такой точки зрения может служить тот факт, что в чукотском показатель Дезидератива грамматикализовался в показатель Будущего времени[5]. Подобное развитие широко представлено в языках мира и определяется ирреальным компонентом в семантике этой категории (см., например, [Bybee et al. 1994]). Кроме того, дезидеративные дериваты не могут обозначать желаемые и при этом реализованные ситуации в прошлом:

(10) #*tə-r-utsitku-ŋə-k*
1SG.S/A-DESID-колоть.дрова-DESID-1SG.S
‘Я хотел наколоть дрова’ {и наколол}.

[5] Показатели этих категорий формально совпадают за исключением того, что суффиксальная часть циркумфикса Будущего времени является факультативной.

Наконец, для оформления дезидеративной ситуации, когда желается обладание некоторым объектом, используется аналитическая конструкция, состоящая из вспомогательного глагола с видовременной морфологией и лексической основы в эквативном падеже:

(11) *kełikeł-Ø* *teɣʔjeŋ-u* *tə-łyə-rkən*
книга-NOM желание-EQU 1SG.S/A-AUX-IPFV
‘Я хочу книгу’.

Таким образом, мы описали все возможные средства оформления дезидеративной ситуации в чукотском языке: глагольный аффикс, матричный предикат и аналитическая конструкция. На данном этапе остается открытым вопрос о существовании ограничений на использование глагола *teɣʔjeŋək* ‘хотеть’ и циркумфикса *re-√-ŋə* при обозначении равносубъектного желания и возможных семантических различиях, которые мотивируют эти ограничения.

Заключение

В настоящей работе были проанализированы две категории, служащие для выражения желания в чукотском языке. В разделе 1 была рассмотрена семантическая зона, в которой функционирует Оптативная конструкция. Мы показали, что в качестве ее основного значения выступает желание говорящего относительно реализации некоторой ситуации. Однако существуют и другие употребления: вопросы с модальностью деонтической возможности и некатегоричное побуждение ко второму или третьему лицу — в этом месте она конкурирует с формами Кондиционала. В разделе 2 мы предложили описание средств и способов, использующихся для обозначения желания субъекта ситуации, который в общем случае может не совпадать с говорящим, и установили ограничения на их использование.

Рассмотренный нами материал принадлежат к той области семантики, которая пока что не получила удовлетворительного описания и не осозналась как значимая для понимая различных аспектов функционирования естественного языка, хотя, по нашему мнению, безусловно является таковой. Мы надеемся, что в дальнейшем это упущение будет исправлено, а полученные в

данном исследовании результаты смогут этому поспособствовать.

Литература

Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Храковский В.С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.

Гусев В.Ю. 2013. Типология императива. М.: Языки славянской культуры.

Добрушина Н.Р. 2001b. К типологии оптатива // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М.: Русские словари, 7-27.

Добрушина Н.Р. Семантическая зона оптатива в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 48-75.

Корди Е.Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 170-185.

Недялков В.П., Инэнликей П.И., Недялков И.В., Рахтилин В.Г. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // Теория грамматического значения и аспектологические исследования / под ред. А.В. Бондарко. – Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1984. С. 200-259.

Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Ч. 1. Л.: АН СССР. 1961.

Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Л.: АН СССР. 1977.

Урманчиева А.Ю. 2004. Седьмое доказательство реальности ирреализа // Ландер и др. (ред.) Исследования по теории грамматики. Ирреализ и ирреальность. 2004. № 3. 28-74.

Ханина О.В. Желание: когнитивно-функциональный портрет. Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 122-155.

Ханина О.В. Языковое оформление ситуации желания: опыт типологического исследования. Диссертация на соискание степени канд. фил. наук. Москва. 2005. 417 с.

Auwera, J., Malchukov, A., Schalley, E. (2009) Thoughts on (im)perfective imperatives // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y-M. Shin, S. Skopeteas & E. Verhoeven (eds.). Form and Function in Language Research. Papers in Honour of Christian Lehmann. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 93-106.

Bybee, J.L., Perkins, R., Pagliuca, W. (1994) The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The U. of Chicago Press.

Dobrushina, N., Auwera, J. and Goussev, V. (2005) Optative, in: Dryer, Matthew; Haspelmath, Martin; GIL, David & Comrie, Bernard (eds.). World Atlas of Language Structures. Oxford University Press, 298-301.

Dunn, M. (1999) A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss., Australian National University.

Khanina, O. (2008) How universal is wanting? Studies in Language 32 (4). P. 818-865.

Nedjalkov, V. (1994) Tense-aspect-mood forms in Chukchi. Sprachtypologie und Universalienforschung 47. 278-354.

Резюме

Цель настоящей статьи — предложить описание способов выражения семантики желания в чукотском языке. Для этого, в частности, в ней будет рассмотрены возможные случаи употребления Оптативной конструкции, которая обозначает желание говорящего. Мы покажем, что сфера ее функционирования достаточно широка и включает в себя, помимо собственно оптативных контекстов, вопросительные высказывания с модальностью деонтической возможности. Также будет рассмотрен случай конкуренции Оптативной конструкции и форм категории Кондиционала при некатегоричном побуждении ко второму или третьему лицу. Кроме того, опираясь на термины «субъект желания», «желаемый объект» и «желаемая ситуация», мы предлагаем описание всех возможных способов оформления дезидеративной ситуации в чукотском языке, то есть такой, в которой субъектом желания может являться не только говорящий. Это глагольный аффикс, аналитическая конструкция и матричный предикат с сентенциальным актантом, оформленным с помощью придаточного предложения с союзом *ŋqun* ‘чтобы’. Также устанавливаются ограничения на использование каждого из них — такие как ограничения на сочетаемость с основами разных частей речи, а также ограничения на кореферентность субъекта ситуации желания и субъекта желаемой ситуации.

Ключевые слова: дезидератив, оптатив, модальность, наклонение, чукотский язык.

Ilya V. Naumov
National Research University Higher School of Economics, Moscow
6nlv@mail.ru

Optative and desiderative in Chukchi

Summary

The purpose of this article is to offer a description of ways of expressing the semantics of desire in Chukchi. For this, in particular, possible cases of using the Optative construction, which denotes the speaker's desire, will be considered. We will show that its functional domain is wide enough and includes, in addition to the truly optative contexts, interrogative utterances with the semantics of the deontic modality. The case of competition of the Optative construction and forms of the Conditional denoting non-categorical order to second and third person will also be considered. In addition, basing on the terms «subject of desire», «desired object» and «desired situation», we offer a description of all possible ways to format a desiderative situation in Chukchi, that is, in which the subject of desire can be non-speaker. These are a verbal affix, an analytic construction and a matrix verb with a sentential argument, formed with a subordinate clause with the complementizer *iŋqun* 'that'. Moreover, we define the restrictions on the use of each of them — such as the restrictions on compatibility with different parts of speech, as well as the restrictions on coreference of the subject of desire and the subject of the desired situation.

Keywords: desidertive, optative, modality, mood, Chukchi.

References

Biryulin, L.A., Hrakovskij, V.S. Povelitelnye predlozheniya: problemy teorii // Hrakovskij V.S. (red.). Tipologiya imperativnyh konstrukcij. SPb., 1992.

Gusev, V.Y. 2013. Tipologiya imperativa. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Dobrushina, N.R. 2001b. K tipologii optativa // V.A. Plungyan (red.). Issledovaniya po teorii grammatiki. V. 1. Glagolnye kategorii. M.: Russkie slovari, 7-27.

Dobrushina, N.R. Semanticheskaya zona optativa v nahsko-dagestanskih yazykah // Voprosy yazykoznaniya. 2009. № 5. S. 48-75.

Kordi, E.E. Optativnost' // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporalnost. Modalnost. L.: Nauka, 1990. S. 170-185.

Nedyalkov, V.P., Inehnlikej, P.I., Nedyalkov, I.V., Rahtilin, V.G. Znachenie i upotreblenie chukotskih vido-vremennyh form // Teoriya grammaticheskogo znacheniya i aspektologicheskie issledovaniya / pod red. A.V. Bondarko. – L.: «Nauka», 1984. S. 200-259.

Skorik, P.Y. Grammatika chukotskogo yazyka. C. 1. L. 1961.

Skorik, P.Y. Grammatika chukotskogo yazyka. C. 2. L. 1977.

Urmanchieva, A.Y. 2004. Sedmoe dokazatelstvo realnosti irrealisa // Lander i dr. (red.) Issledovaniya po teorii grammatiki. Irrealis i irrealnost. 2004. № 3. 28-74.

Khanina, O.V. Zhelanie: kognitivno-funkcionalnyj portret. Voprosy yazykoznaniya. 2004. № 4. S. 122-155.

Khanina, O.V. Yazykovoe oformlenie situacii zhelaniya: opyt tipologicheskogo issledovaniya. Dissertaciya na soiskanie stepeni kand. fil. nauk. Moskva. 2005. 417 s.

Auwera, J., Malchukov, A., Schalley, E. (2009) Thoughts on (im)perfective imperatives // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y-M. Shin, S. Skopeteas & E. Verhoeven (eds.). Form and Function in Language Research. Papers in Honour of Christian Lehmann. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 93-106.

Bybee, J.L., Perkins, R., Pagliuca, W. (1994) The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The U. of Chicago Press.

Dobrushina, N., Auwera, J. and Goussev, V. (2005) Optative, in: Dryer, Matthew; Haspelmath, Martin; GIL, David & Comrie, Bernard (eds.). World Atlas of Language Structures. Oxford University Press, 298-301.

Dunn, M. (1999) A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss., Australian National University.

Khanina, O. (2008) How universal is wanting? Studies in Language 32 (4). P. 818-865.

Nedjalkov, V. (1994) Tense-aspect-mood forms in Chukchi. Sprachtypologie und Universalienforschung 47. 278-354.

О.И. Пилатова
СПбГУ, Санкт-Петербург

Экспериментальное исследование семантики в аспекте восприятия речи (на материале русского языка)

Введение

Описание и формализация содержания понятий являются актуальным направлением психолингвистических исследований, результаты которых могут использоваться, в частности, при моделировании процесса восприятия речи, важную роль в котором играет контекст [Пиотровский 1962; Риехакайнен 2016].

Изучение содержания понятий включает два взаимодополняющих направления: поиск смысловых связей между понятиями и установление их (элементарных) компонентов (признаков, сем). В первом случае данные получают, как правило, с помощью ассоциативных экспериментов, дающих представление о многообразии вербальных связей в ментальном лексиконе [Караулов 1994; Мартинович 1997; Залевская 2011 и др.], и экспериментов, направленных на обнаружение прайминг-эффекта, позволяющих более детально и направленно изучать те или иные типы ассоциаций [Chiarello et al. 1990; Lucas 2000; Глазанова 2001]. В исследованиях второго направления применяются различные варианты компонентного анализа [Апресян 1962; Katz et al. 1963; Найда 1983 и др.].

Перечисленные методы имеют общий недостаток — субъективность: при компонентном анализе в самом процессе анализа, при исследовании связей понятий — на стадии обработки (классификации) полученных экспериментально данных. Компонентный анализ исследователь осуществляет с опорой на собственную языковую интуицию (либо использует толковые словари, содержание которых не менее субъективно и является отдельной лингвистической проблемой [Городецкий 1983]). Каждый этап анализа предполагает принятие исследователем субъективного решения: относительно того, какой компонент выделить (технически это связано с выбором лексической единицы парадигматического ряда для сопоставления с исследуемым понятием, что не всегда

однозначно); как его обозначить (более простым понятием естественного языка или термином метаязыка, что связано и с решением, что считать более простым); какие из компонентов признать достаточными и необходимыми с точки зрения лингвистической семантики. При анализе получаемых данных о связях понятий, помимо отделения тех, которые обусловлены формальными характеристиками, исследователю необходимо устанавливать, какого типа отношения реализуются в той или иной паре слов (что неоднозначно даже в рамках одной какой-либо классификации [Брудный 1971; Горошко 2001]), а также какие из них считать семантическими.

Использование сочетаемостных свойств лексических единиц при дистрибутивном анализе решает проблему субъективности лишь частично: выбор примеров и оценка их приемлемости (как правило, с позиций их нормативности) в этом случае так же осуществляется исследователем. В качестве решения этой проблемы рассматриваются: 1) использование корпусов (дистрибутивно-статистический метод) [Плотников 1975; Шайкевич 1976], но в поле анализа оказываются только связи, подкрепленные грамматическими зависимостями (хотя семантика может реализовываться и вне их) и 2) привлечение информантов (т.н. семантические тесты) [Бендикс 1983], с помощью которых возможно проверять гипотезы относительно наличия и/или характера того или иного компонента [Лич 1983].

Однако при интерпретации данных о связях между понятиями зачастую привлекаются представления об их компонентном составе: содержательные связи принято разделять на обусловленные общими компонентами значений (парадигматические — одной части речи) и обусловленные частотой совместного употребления (синтагматические — относящиеся к разным частям речи и/или составляющие вместе словосочетание). Неоднозначность практического применения критериев разграничения этих типов отношений, привела к критике самого такого разделения [Клименко 1975; Залевская 1999; Мартинович 2008]. Кроме того, парадигматические связи понятий могут быть установлены через их синтагматические отношения [Шайкевич 1976]. Как следствие, был выделен еще один тип — т.н. тематические ассоциации, невключение которых в семантику понятия связывается с их обусловленностью

экстралингвистическими факторами и отсутствием общих компонентов значений (такие отношения могут обозначаться как «только ассоциативные» [Lucas 2000]). При этом к данному типу могут быть отнесены и синтагматические, и парадигматические связи. Исследования, направленные на установление различий между семантическими и ассоциативными отношениями между понятиями [Chiarello et al. 1990; Lucas 2000], оказываются весьма неоднородными с точки зрения выбора примеров и, соответственно, получаемых результатов. Разграничить эти типы связей тем более затруднительно, что ориентироваться приходится на компоненты значения, выделение которых не менее спорно и субъективно [Вежбицкая 1996]. Кроме того, ситуации совместной встречаемости предметов/явлений логично влекут за собой и встречаемость их обозначений в речи (и/или общность их контекстов) [Мартинович 2008].

Целью исследования, которое будет описано далее, является получение сведений о семантической информации, которой может пользоваться носитель языка в процессе восприятия речи. Метод толкования, который был применен, сочетает оба направления исследований содержания понятий: в некотором смысле его можно рассматривать и как экспериментальный компонентный анализ (перед испытуемыми ставится та же задача), и как семантически направленный ассоциативный эксперимент (выполнение ограничено вербальными средствами, а задание истолковать понятие подразумевает, что они должны иметь существенные связи с понятием-стимулом).

Эксперимент

Участие в эксперименте приняли 90 носителей русского языка: 43 мужчины и 47 женщин от 18 до 60 лет. Анкета была размещена на специализированном сайте https://virtualexs.ru и заполнялась испытуемыми письменно на компьютерах без ограничения по времени. Задание заключалось в перечислении существенных признаков для каждого из 10 понятий, обозначенных существительными русского языка: *собака, человек, рубашка, книга, ребенок, купальник, дверь, кровать, ножницы, деньги*. Слова предъявлялись в случайном порядке со свободным пространством для записи признаков после каждого.

Инструкция содержала подробное описание того, какие могут быть признаки: внутренние, внешние части, как звучит, как пахнет, какое на ощупь, на вкус; функциональные свойства: для чего, где, когда, кем используется; поведение, происхождение и др. В качестве примера были приведены толкования трех понятий[1]. В среднем испытуемые записывали по 7-10 признаков.

Обработка данных

Первичная обработка данных заключалась в подсчете частоты встречаемости различных признаков для каждого из понятий. Для объективного представления полученных данных и в соответствии с целями исследования в качестве критериев группировки признаков были выбраны следующие:

1. Лексемы/словоформы, встретившиеся в ответах разных испытуемых и содержащие одну и ту же корневую морфему, расценивались как указывающие на один и тот же признак и объединялись в одну группу*: игра, играет, игрушки* и т.п.

2. Даже близкие по значению признаки, но выраженные лексемами/словоформами с различными корнями (например, *интересная* и *увлекательная*) распределялись по разным группам.

3. Признаки, записанные испытуемым как один, разделялись на несколько, если в ответах других испытуемых для этого понятия они упоминались по отдельности и/или в сочетании с другими признаками: так, ответ *его воспитывают родители* для понятия *ребенок* был отнесен и в группу «*родители*», и в группу «*воспитание*», т.к. среди ответов других испытуемых для этого понятия встретились признаки *имеет родителей; похож на родителей; родители* и т.п., а также признаки *его нужно воспитывать; воспитание; требует воспитания* и т.п.

Результаты

Были получены ранжированные по частоте списки признаков для каждого из понятий. Можно выделить следующие особенности ответов испытуемых:

[1] Процедура сбора данных аналогична той, которая была разработана для создания базы семантических признаков понятий на материале английского языка и описана в [McRae et al. 2005].

- если признак мог быть выражен разнокоренными синонимами (или близкими по значению понятиями), в ответах испытуемых часто преобладал только один из них (например, *кровать: удобная* (25) vs. *комфортная* (4); *деньги: средство* (21) vs. *способ* (3); *собака: виляет* (13) vs. *машет* (4)).

- при толковании понятия разные испытуемые часто использовали лексемы, содержащие одинаковые корневые морфемы, при этом в ряде случаев эти лексемы 1) указывали на различные семантические роли понятий-стимулов (*ребенок: любит* vs. *его любят, любимый*); 2) содержались в признаках, имеющих в целом различный и даже противоположный смысл (*человек: ошибка природы* vs. *царь природы, венец природы*);

- нередко присутствовали ответы, в которых признак давался в виде лексемы в начальной форме (например, *ребёнок*: *любовь, ножницы: бумага*), что указывает на то, что испытуемому представляется значимым указать на связь толкуемого слова с этим понятием без обозначения отношений между ними. Это может быть результатом возникшей неконкретизированной ассоциации или обобщения многих возможных вариантов выражения признака. В любом случае, такие примеры подтверждают нецелесообразность группировки признаков по реализуемым отношениям в парах стимул — признак (это могло бы быть задачей отдельного исследования).

При сравнении полученных данных с данными Русского ассоциативного словаря [РАС 2002] было установлено, что, хотя многие реакции идентичны признакам, выделенным при толковании понятий (например, признак *спать* для понятия кровать находится на первом месте по частоте и среди ассоциаций (14 из 107), и среди полученных ответов (65 из 90)), некоторые реакции, единичные или отсутствующие среди ассоциаций, оказывались частотными среди выявленных в эксперименте признаков этого понятия (например, *купальник — одежда* (1 из 101 в РАС; 53 в ответах); *человек — 2 ноги* (0 из 643 в РАС; 27 в ответах) и наоборот. Единичными среди признаков (но нередкими среди ассоциаций) оказываются такие типы ответов, которые можно обозначить как конкретно-ситуативные реакции (*ребенок — мой* (17 из 511 в РАС; 2 в ответах)*; дверь — белая* (10 из 500 в РАС; 0 в ответах), а также устойчивые выражения, не являющиеся по своей структуре определениями

понятия (*деньги — большие* (41 из 543 в РАС; 3 в ответах). В целом, представляется, что ассоциативные реакции и понятия, используемые в толкованиях, различаются не столько по набору ответов (если рассматривать все ответы, включая единичные), сколько по их частотному распределению.

В результате сравнения полученных данных с определениями толкового словаря [МАС 1999] обнаруживается, что словарные определения содержат только некоторые признаки из тех, которые большинство испытуемых выделяют как существенные. Так, определение слова *собака* содержит выявленные в эксперименте признаки *человек, домашнее животное, охрана, охота*. Другие понятия, упоминаемые в словаре, присутствуют среди признаков значительно реже: *семейство псовых* (5 ответов), *волк* (4), *упряжка* (1). При этом такие частотные признаки, как *друг* (56), *лает* (44), *хвост* (32), *кусает* (27), *шерсть* (25) и др. отсутствуют в словарном определении.

Получаемые от носителей языка наборы существенных признаков не соответствуют представлениям о семантике как о списке необходимых и достаточных признаков (в традиционном понимании компонентного анализа), но также не являются только лишь описанием типичного представителя понятия (согласно прототипическому подходу [Rosch 1978]). Если представить полученные в эксперименте списки существенных признаков в терминах этих подходов, то это не только те, которые можно рассматривать как необходимые для понятия (например, *дверь: от-/закрывать, в-/выход* и т.п.), но и некоторые необязательные признаки (*скрипит, дом* и т.п.), обусловленные, вероятно, совместной встречаемостью этих понятий. С другой стороны, их можно охарактеризовать как содержащие описание типичного представителя понятия (*деревянная, замок, ручка* и т.п.) с вариантами по некоторым параметрам (*железная, металлическая, раздвижная* и т.п.).

Следует отметить, что понятия, являющиеся гиперонимами толкуемых, встречаются среди частотных признаков наряду со всеми остальными типами отношений между понятиями и, как кажется, не имеют особого статуса: наиболее частотными в ответах испытуемых могут оказываться и признаки, указывающие на отношения целое-часть (*рубашка: рукава*), и

функциональные признаки (*кровать: спать*, *ножницы: резать*), и описательные признаки (*ребенок: маленький, дверь: деревянная*) и т.д.

Можно с осторожностью предположить, что те из гиперонимов, которые поддержаны однокоренными с ними ситуативно-тематическими признаками (*одежда — на-/одевать* для понятий *купальник* и *рубашка* или *животное — живет/живой* для понятий *человек* и *собака*), оказываются более частотными в ответах испытуемых, чем те, которые такой поддержки не имеют (признак *инструмент* для понятия *ножницы* лишь на двенадцатом месте по частоте; *мебель* и *человек* — на четвертом для понятий *кровать* и *ребенок* соответственно). Следует подчеркнуть, что более высокое их положение в частотном рейтинге не связано с фактом объединения однокоренных понятий: формулировки признака с помощью лексем *одежда* и *на-/одевают* практически во всех случаях встречались у одних и тех же испытуемых, поэтому засчитывались только один раз (если уже был упомянут один из них у того же самого испытуемого, то второй расценивался как повтор).

Выводы

1. Зафиксированные в эксперименте существенные признаки понятий отличаются от данных свободного ассоциативного эксперимента (прежде всего, по их частотному распределению), что указывает на возможность при данной инструкции выявить именно те ассоциативно связанные с исследуемым понятия, которые являются существенными с точки зрения носителей языка.

2. Признаки понятий, выделяемые испытуемыми как существенные, оказываются более однородными при их группировке по корневым морфемам, а не по лексемам/словоформам. Можно предположить, что при восприятии речи словоформы, содержащие определенные корни, в силу их связи с понятиями, уже активированными предшествующим контекстом, становятся более ожидаемыми и распознаются быстрее и надежнее.

3. Существенными для носителей языка оказываются не только такие признаки, которые дифференцируют понятие от

других, близких по значению, и не только соотносимые с прототипом понятия, но и некоторые другие: вариативные (например, *дверь: металлическая, железная, стеклянная*) и неспецифические — присущие широкому кругу понятий (например, *деревянная* для понятий *дверь* и *кровать*; *бумага* для понятий *деньги*, *ножницы*, *книга*). Возможно, более существенным для прогнозирования появления в речи той или иной лексической единицы оказывается не степень информативности каждого отдельного признака с точки зрения категоризации понятия, а специфичная для понятия комбинация признаков, включая формальные (фонетические и грамматические).

4. Особенности наборов полученных признаков позволяют предположить, что частота совместной встречаемости понятий в речи может влиять на представления носителей языка о содержании понятий, которые таким образом имеют конвенциональный характер.

Дальнейшее исследование предполагает проведение корпусного исследования с целью выявления того, какие из полученных в эксперименте признаков понятий реализуются в ближайшем окружении целевых существительных в устной речи.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 тт.: Т. 1 Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Изд-во Школа «Языки русской культуры», 1995. 364 с.

Апресян Ю.Д. О понятиях и методах структурной лексикологии // Проблемы структурной лингвистики. 1962. С. 141-163.

Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XIV. С. 75-108.

Брудный А.Л. Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. 1971. С. 19-27.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Глазанова Е.В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб, 2001. 237 с.

Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. С.5-23.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс]. 2001. URL: http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38 (дата обращения: 30.03.2017).

Залевская А.А. Ведение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 349 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Ассоциативный тезаурус русского языка. 1994. С. 190-218.

Клименко А.П. Психолингвистические методики исследования значений // Методы изучения лексики. 1975. С. 52-56.

Лич Дж.Н. К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XIV. С. 108-133.

Малый академический словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.

Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 72 с.

Мартинович Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб: Изд-во СПбГУП, 2008. 256 с.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ<=>ТЕКСТ». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.

Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XIV. С. 61-74.

Пиотровский Р.Г. О теоретико-информационных параметрах устной и письменной форм языка // Проблемы структурной лингвистики. 1962. С. 43-60.

Плотников Б.А. Сочетаемость и семантика // Методы изучения лексики. 1975. С. 74-81.

Риехакайнен Е.И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. 270 с.

Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002. URL: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php (дата обращения: 29.03.2017).

Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.

Торочешникова Л.Т. Метод дистрибутивно-статистического изучения семантики // Методы изучения лексики. 1975. С. 81-94.

Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. 1976. С. 38-48.

Chiarello, C., Burgess, C., Richards, L., Pollock, A. (1990). Semantic and associative priming in the cerebral hemispheres: Some words do, some words don't. Sometimes, some places. Brain and Language, Vol. 38, 75-104.

Katz, J.J., Fodor, J.A. (1963). The Structure of a Semantic Theory. Language. Vol. 39 No. 2, 170-210.

Lucas, M. (2000). Semantic priming without association: A meta-analytic review. Psychonomic Bulletin & Review. Vol. 7, No. 4, 618-630.

McRae, K., Cree, G.S., Seidenberg, M.S., McNorgan, C. (2005). Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things. Behavior Research Methods, Instruments & Computers. Vol. 37 No. 4, 547-559.

Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. Cognition and Categorization, 27-48.

Резюме

В статье представлены результаты экспериментального исследования содержания понятий, целью которого являлось получение сведений о семантической информации, доступной слушающему при распознавании речи.

90 носителей русского языка получали задание записать существенные признаки каждого из десяти конкретных понятий, выраженных существительными русского языка: *собака, человек, рубашка, книга, ребенок, купальник, дверь, кровать, ножницы, деньги.*

Были составлены ранжированные по частоте списки признаков для каждого из понятий. С одной стороны, выявленные признаки можно квалифицировать как

семантические ассоциации, с другой — как описание типичного представителя понятия, включающее перечисление вариантов признаков по некоторым параметрам.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что семантическое описание понятия с точки зрения носителей языка содержит не логически необходимые и достаточные признаки, а набор признаков, существенность которых заключается в их комбинации, специфичной для того или иного понятия. При восприятии речи такие признаки в сочетании с формальными (фонетическими и грамматическими) могут с высокой вероятностью указывать на появление той или иной лексической единицы в контексте.

Ключевые слова: восприятие речи, семантические признаки, методы исследования семантики, русский язык, существительные.

Olga I. Pilatova
Saint-Petersburg state university
oipilatova@yandex.ru

THE EXPERIMENTAL STUDY OF SEMANTICS IN TERMS OF SPEECH RECOGNITION (IN THE RUSSIAN LANGUAGE)

Summary

The present study is devoted to eliciting the semantic information that is relevant and accessible to a listener during speech recognition.

90 native Russian speakers were given a task to write down essential semantic features of each of 10 concepts, which were expressed by Russian nouns: *sobaka (a dog), chelovek (a man, a person), rubashka (a shirt), kniga (a book), reb'onok (a child), kupal'nic (a swimsuit), dver' (a door), krovat' (a bed), nozhnitsy (scissors), den'gi (money).*

The obtained features were ranked according to their frequency among the responses of different participants for each concept.

These features do not seem to be just necessary and sufficient ones; also they are not exactly the descriptions of the prototype of the object they stand for.

It may be assumed that the combination of semantic and associative features (which may not be distinctive, differential or specific for a concept on their own) is more informative for the prediction of a word occurrence during speech recognition. Moreover, it is not necessary these features by themselves point to a certain word as long as a listener also has formal (phonetic and grammatical) features of a spoken word.

Keywords: speech recognition, semantic features, methodology of semantics, Russian language, nouns.

References

Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: V 2 t.: T. 1 Leksicheskaya semantika [Lexical semantics]. M.: Izd-vo Shkola "Yazyki russkoj kul'tury", 1995. 364 p.

Apresyan Yu.D. O ponyatiyah i metodah strukturnoj leksikologii [On the notion and methods of structural lexicology]. // *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Problems of structural linguistics], 1962. pp. 141-163.

Bendiks E.G. Empiricheskaya baza semanticheskogo opisaniya [The empirical basis of semantic description] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], 1983, Vol. XIV, pp. 75-108.

Brudnyj A.L. Znachenie slova i psihologiya protivopostavlenij [The meaning of a word and the psychology of oppositions] // *Semanticheskaya struktura slova. Psiholingvisticheskie issledovaniya* [The semantic structure of a word. Psycholinguistic studies], 1971, pp. 19-27.

Vezhbickaya A. Yazvk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition] M.: Russkie slovari, 1996. 416 p.

Glazanova E.V. Tipy svyazej v mental'nom leksikone i ehksperimental'nye metody ih issledovaniya [The types of connections in the mental lexicon and the experimental methods of their studying]: avtoreferat dis. … kand. filol. nauk. SPb, 2001. 237 p.

Gorodeckij B.Yu. Problemy i metody sovremennoj leksikografii [The problems and methods of current lexicography] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], 1983, pp.5-23

Goroshko E. I. Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo eksperimenta [The integrative model of unrestricted associative experiment]. 2001. [Elektronnyj resurs] URL: http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38 (data obrashcheniya: 29.03.2017).

Zalevskaya A.A. Vedenie v psiholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 1999. 349 p.

Zalevskaya A.A. Znachenie slova cherez prizmu ehksperimenta [The meaning of a word from the perspective of an experiment]. Tver': Tver. gos. un-t, 2011. 240 p.

Karaulov Yu.N. Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza yazykovoj sposobnosti [The Russian associative dictionary as a source and a tool of analysis of language competence]// *Associativnyj tezaurus russkogo yazyka* [The associative thesaurus of Russian language], 1994, pp. 190-218.

Klimenko A.P. Psiholingvisticheskie metodiki issledovaniya znachenij [The psycholinguistic methods of meaning research] // *Metody izucheniya leksiki* [The methods of lexical research], 1975, pp. 52-56.

Lich Dzh.N. K teorii i praktike semanticheskogo ehksperimenta [On the theory and practice of semantic experiment] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], 1983, Vol. XIV, pp. 108-133.

Malyj akademicheskij slovar' russkogo yazyka [Small academic dictionary]: V 4 t. / Pod red. A. P. Evgen'evoj. M.: Russkij yazyk, Poligrafresursy, 1999.

Martinovich G.A. Verbal'nye associacii v associativnom ehksperimente [Verbal associations in associative experiment]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1997. 72 p.

Martinovich G.A. Tekst i ehksperiment: issledovanie kommunikativno-tematicheskogo polya v russkom yazyke [Text and experiment: the study of communicative-thematic field in Russian language]. SPb.: Izd-vo SPbGUP, 2008. 256 p.

Mel'chuk I.A. Opyt teorii lingvisticheskih modelej «SMYSL <=> TEKST» [The experience with theory of linguistic models “MEANING<=>TEXT”]. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1999. 346 p.

Najda Yu.A. Procedury analiza komponentnoj struktury referencionnogo znacheniya [The procedure of analysis of component structure of referential meaning] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], 1983, pp. 61-74.

Piotrovskij R.G. O teoretiko-informacionnyh parametrah ustnoj i pis'mennoj form yazyka [On theoretico-informational parametres of

the oral and written forms of language] // *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Problems of structural linguistics], 1962, pp. 43-60.

Plotnikov B.A. Sochetaemoct' i semantika. [Collocation and semantics] // *Metody izucheniya leksiki* [The methods of lexical research], 1975, pp. 74-81.

Riekhakajnen E.I. Vospriyatie russkoj ustnoj rechi: kontekst + chastotnost' [The recognition of Russian speech: context + frequency]. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2016. 270 p.

Russkij associativnyj slovar' [Russian associative dictionary]/ Pod red. Yu.N. Karaulova. M.: AST-Astrel', 2002. [Elektronnyj resurs] URL: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php (data obrashcheniya: 29.03.2017).

Sternin I.A., Salomatina M.S. Semanticheskij analiz slova v kontekste [The semantic analysis of a word in context]. Voronezh: Istoki, 2011. 150 p.

Torocheshnikova L.T. Metod distributivno-statisticheskogo izucheniya semantiki [The methods of distributive-statistical studying of semantics] // *Metody izucheniya leksiki* [The methods of lexical research], 1975, pp. 81-94.

Shajkevich A.Ya. Distributivno-statisticheskij analiz v semantike [The distributive-statistical analysis of semantics] // *Principy i metody semanticheskih issledovanij* [The principles and methods of semantic research], 1976, pp. 38-48.

Chiarello, C., Burgess, C., Richards, L., Pollock, A. (1990). Semantic and associative priming in the cerebral hemispheres: Some words do, some words don't. Sometimes, some places. Brain and Language, Vol. 38, 75-104.

Katz, J.J., Fodor, J.A. (1963). The Structure of a Semantic Theory. Language. Vol. 39 No. 2, 170-210.

Lucas, M. (2000). Semantic priming without association: A meta-analytic review. Psychonomic Bulletin & Review. Vol. 7, No. 4, 618-630.

McRae, K., Cree, G.S., Seidenberg, M.S., McNorgan, C. (2005). Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things. Behavior Research Methods, Instruments & Computers. Vol. 37 No. 4, 547-559.

Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. Cognition and Categorization, 27-48.

О.Н. Прокофьева
МГЛУ, Москва

Процессы фокусирования в устном описательном дискурсе: полимодальное исследование

Введение

В когнитивной психологии и когнитивной лингвистике фокусирование рассматривается как один из важнейших процессов, служащих для выдвижения наиболее релевантной информации в дискурсе. Он позволяет говорить о когнитивной выделенности элементов в контексте дихотомии фокуса и фона, которая детерминируется процессами распределения внимания и по своей природе свойственна не только языку, но и таким модальностям, как зрительное восприятие и жесты. Распределение фокусов в дискурсе - в частности, на уровне высказывания, не раз рассматривалось в лингвистических исследованиях, однако взаимосвязь языкового и перцептивного фокусов в условиях устной полимодальной коммуникации не получила достаточного освещения. Данная работа призвана не только экспериментально подтвердить наличие связи между перцепцией и речью, но и выявить, каким образом визуальное восприятие влияет на последующую устную коммуникацию и на процессы фокусирования в ней с учетом полимодальности общения. При этом анализу подвергаются вербальный и жестовый модусы коммуникации.

Процесс фокусирования в речи и жестах

Центральной темой нашего исследования стали понятия процесса фокусирования и смежного с ним процесса дефокусирования [Ирисханова 2014]. Результатом данных процессов является естественное и неизбежное разделение информации на **фокус** и **фон**, где в фокус попадает выделенная, часто новая, информация, которая в определённом контексте является более релевантной, чем информация, которая по большей части автоматически соотносится получателем с фоном [Mathesius 1929; Потапова 2014; Jackendoff 2002; Wårvik 2004]. Фокусирование и дефокусирование – одни из самых сложных и важных процессов в речи, однако, они не ограничиваются лишь модальностью языка.

Так если обратиться к жестам, то каждый из них может передавать лишь строго ограниченное количество информации о референте, создавая тем самым каждый свою «иллюзорную реальность» объекта, хранимого в памяти [Müller 2014: 1691]. Иными словами, лишь строго ограниченное количество характеристик референта получает единовременное выдвижение при помощи жеста. Следовательно, можно говорить о существовании некоего жестового фокуса, или же об участии жеста в формировании полимодального фокусного комплекса.

Связь речи и жестов отмечается во многих исследованиях (см., например, в [Ekman, Friesen 1969]). Однако, недостаточное освещение получила проблема того, как соотносятся друг с другом фокусировка перцептивная (в визуальном модусе), языковая (в вербальном модусе) и жестовая (в кинетическом модусе) в конкретных актах коммуникации и типах дискурса.

Процесс фокусирования в зрительном восприятии

Если обратиться к визуальной перцепции, то можно обнаружить схожий процесс выдвижения и задвижения получаемой информации. В силу анатомических особенностей строения глазного аппарата, несмотря на то, что поле зрения человека в полностью неподвижном состоянии достигает 180° в диаметре по горизонтали, лишь около 10° в самом его центре, напротив центральной ямки сетчатки глаза, формируют наиболее точную картинку [Strasburger, Pöppel 2002]. Далее же получаемое при помощи визуальной перцепции изображение постепенно становится всё более нечётким и блёклым. В итоге, хорошо видимый центр картинки оказывается **фокусом**, а периферия – **фоном**.

Однако, чтобы восполнить недостаточную остроту зрения на протяжении всего поля зрения, человек способен перемещать свой взгляд, совершая скачкообразные движения, **саккады**, и тем самым дополняя визуальную картину мира вокруг себя [Величковский 2006]. Тем не менее, именно во время относительно статичного фокусирования на одной точке, или **фиксации**, осуществляется обработка информации. Движения глаз обрабатываются и записываются в научных целях, например, при помощи инфракрасной камеры аппарата для регистрации движений глаз или ай-трекера. Такое же оборудование (айтрекер

модели SMI iView X RED 4) было использовано для проведения эксперимента и в рамках данного исследования.

Ход эксперимента

Наш эксперимент был проведён в лаборатории ПолиМод Центра социокогнитивных исследований в МГЛУ в марте-апреле 2016 года. Его реализация была бы не возможна без целого ряда людей, в частности, без куратора эксперимента и научного руководителя Ольги Камалудиновны Ирисхановой, а также ассистентов и помощников Екатерины Балакиной и Екатерины Панченко, и студентов, которые согласились участвовать в эксперименте. Основная цель эксперимента заключалась в том, чтобы установить причинно-следственную связь между перцепцией и речью, в которой визуальное восприятие непосредственно влияет на последующую устную коммуникацию и на процессы фокусирования в ней.

В ходе эксперимента участникам предлагалось в течение 40 секунд внимательно рассмотреть произведение живописи, при этом движения их глаз регистрировались при помощи ай-трекера. Затем испытуемых просили описать картину ассистенту так, чтобы он смог её угадать (участники не знали, что ассистенту известно, на какую картину они смотрели). Все четыре стимула, которые были представлены участникам приводятся ниже (см. рисунки 1, 2, 3, 4). Информация об имени художника, названии картины и направлении живописи была не доступна испытуемым.

Рисунок 1. Стимул 1. Каспар Давид Фридрих «Ущелье» (реализм)

Рисунок 2. Стимул 2. Жорж Сёра «Цирк» (неоимпрессионизм)

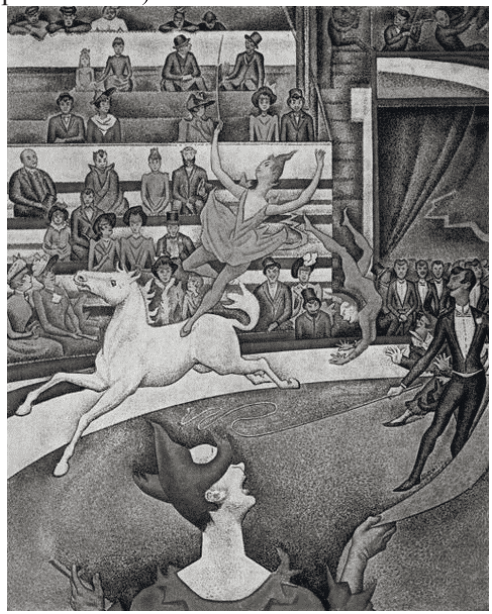


Рисунок 3. Стимул 3. Василий Кандинский «Импровизация. Ущелье» (абстракционизм)

Рисунок 4. Стимул 4. Яцек Йерка «Наука хождения» (сюрреализм)

Обработка полученных данных

Исследование основано на данных, полученных от 20 участников, каждый из которых описал 4 картины, различающиеся по содержанию и жанру. Общая длительность видеоматериала: 2 часа. В него входит речь участников, которая была транскрибирована и в которой были выделены фокусные элементы, и жесты, сопровождающие эту речь.

Уже на стадии анализа на каждом визуальном стимуле были выделены 10 областей интереса, включающих отдельный, легко идентифицируемый объект, изображённый на картине. Общая длительность фиксаций на каждой из этих областей интереса была определена в микросекундах и представлена в процентном соотношении, где 100% составляет общая длительность фиксаций на всей картине.

Результаты анализа

В ходе исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1) Более продолжительная фиксация на области интереса обусловливает более высокую вероятность упоминания этой области интереса при описании всего изображения.

2) Чем выше длительность фиксаций на области интереса при просмотре картины, тем чаще она попадёт в фокус при её вербальном описании.

3) Высокая длительность фиксаций на области интереса получает отражение в использовании жестов, соотносящихся с

данной областью интереса, то есть она не только коррелирует с вербальными фокусами, но и повышает вероятность усиления речевого фокуса с помощью жеста.

4) Жесты могут привносить дополнительную информацию при речевом фокусировании на свойствах объекта.

В результате анализа полученных данных все гипотезы нашли подтверждение.

Длительность фиксаций – упоминание в речи

Во-первых, если общая длительность фиксаций на области интереса превышала 12% от суммы длительности всех фиксаций на картине, то область интереса упоминалась испытуемым в рассказе в среднем в 88% случаев. Если же эта цифра была ниже 12%, то лишь в не более 37% случаев. Единственным значительным отклонением является показатель по областям интереса с общей длительностью фиксаций выше 12% по абстрактной картине (см. рисунок 3) - 47% упоминаний в описании, однако количество рассматриваемых в этой группе объектов (19 из 200) представляется не столь значимым для общей статистики.

Исходя из приведенных количественных результатов, можно сделать следующие выводы: связь между продолжительностью изучения объекта и его последовательным упоминанием в речи существует, однако для получения наиболее точных данных весь представленный набор объектов (или областей интереса) должен быть легко воспринимаем и понятен смотрящему. При рассмотрении группы объектов, с трудом идентифицируемых и выделяемых человеком, смотрящий сменяет тактику рассматривания картины: даже при просьбе внимательно изучить её, он прибегает к амбьентному режиму зрения, который иногда называют поисковым [Величковский 2006]. Упоминание областей интереса при последующем описании становится хаотичным и менее предсказуемым.

Длительность фиксаций – количество фокусов – количество жестов

После того, как наличие связи между визуальной перцепцией и речью было подтверждено, был проведён тест на коэффициент корреляции Пирсона между длительностью фиксаций на областях интереса на уровне перцепции и количеством раз, когда она попала в языковой фокус в речи. В результате было выявлено

позитивное значимое соотношение ($p < .001$), то есть существует некая зависимость, приближенная к линейной. Следовательно, можно сделать вывод о тенденции к увеличению количества упоминаний объекта в фокусе при увеличении процентного соотношения длительности фиксаций на нём относительно общей длительности фиксаций.

Также было проанализировано соотношение количества фокусов и жестов, поскольку было выявлено, что в среднем в 72,5% случаев, если область интереса попадала в фокус, она также была представлена в жестовой модальности. Коэффициент Пирсона составил, в среднем, 0.8 по всем четырём картинам с незначительными отклонениями. Так, можно не только утверждать, что 2/3 всех языковых фокусов сопровождались жестами, но и заключить, что с увеличением количества попаданий области интереса в языковой фокус, количество жестов, употребляемых для его описания, имело также тенденцию к росту.

При проведении теста на корреляцию между фиксациями и количеством жестов, была также выявлена положительная взаимозависимость. Коэффициент корреляции варьирует от 0.318 для картины 4 до 0.464 для картины 1. Следовательно, полностью исключать влияние зрительного восприятия на жестикуляцию также невозможно.

Таким образом, квантитативный анализ подтвердил существование связи перцептивного и речевого фокусов при описании объектов, а также корреляции между зрительным восприятием объекта и степенью полимодальности фокусирования при конструировании объекта в дискурсе.

Жестовый элемент в полимодальном фокусном комплексе

На следующем этапе исследования мы обратились к качественному анализу: мы попытались определить, какой семантический вклад вносят жесты в речевой фокус. В зависимости от того, какую характеристику объекта из области интереса профилирует жест, мы разделили жесты на группы, из которых более 20% жестов в среднем по 4 картинам пришлось на каждую из следующих характеристик: местоположение или направление; эмфаза, то есть усиление какой-либо характеристики объекта или выражение личного отношения к

нему; качество объекта, в преобладающем числе случаев, размер или форма. Остановимся на жестах, выражающих место и форму/размер объекта, так как они являются непосредственными перцептивно воспринимаемыми характеристиками объекта, получающими выражение в жестовой модальности.

Местоположение попало в фокус жеста в 29% случаев в среднем по всем картинам. *«…на переднем плане и сзади, который кувыркается…»* - говорит участница и одновременно жестом указывает, где находились клоуны на стимуле 2 (см. рисунок 5).

Рисунок 5. Участница жестом обозначает местоположение клоунов со второй картины

Подчеркнем при этом, что большая часть жестов проявили индексальность (около 56% в среднем по каждой из картин с минимальными отклонениями), то есть жесты каким-либо образом указывали на место или направление объекта на картине. Следует отметить, что высокая концентрация указательных жестов была вполне ожидаема в связи с заданием «описать картину для собеседника», где одной из основных тактик становится описание расположений объектов на картине и относительно друг друга.

Иная ситуация наблюдается с жестами, передающими качество самого объекта. Жесты, акцентирующие форму или размер изображения, оказались представлены в 31 и 28% случаев жестикуляции при описании визуальных стимулов 3 и 4, в то время для изображений 1 и 2 аналогичные показатели составили 20% и 13% подобных жестов. Эти результаты в некоторой мере соотносятся с количеством жестов, характеризующихся

иконичностью, иначе, отражающих внешний вид описываемого объекта или его действие (как на рисунке 6 ниже).

Рисунок 6. Иконический жест, сопровождающий и иллюстрирующий слова *подпрыгивает жёлтая фигура*

Здесь нами вновь была замечена связь с жанровой принадлежностью картин: те произведения, которые легко поддаются описанию и представляют собой реалистичное изображение окружающей нас действительности, можно просто и эффективно описать вербально, однако картины с непривычным и неожиданным содержанием при описании требуют «пояснений» и «дополнений» с помощью иконических жестов.

В ходе нашего исследования также была определена степень семантического совпадения жестового и вербального компонентов в фокусном полимодальном комплексе. Мы также попытались выявить, привносит ли жест какую-либо новую информацию, которая не была упомянута в речи. Мы установили, что, если для первой и второй картины (как на рисунках 5 и 6) совпадения содержания языкового и жестового элемента полимодального комплекса составили 37 и 44% соответственно, то при описании третьей и четвёртой картин эти показатели составили 64 и 61%. Можно предположить, что неточность своего описания говорящие стремились компенсировать уточняющим жестом, который зачастую не только повторял сказанное в речи, но и привносил новую информацию. Однако статистически значимое преобладание **смыслообразующей** функции жестов (то есть способность привносить новую информацию) было обнаружено лишь на примере картины 4 (см. рисунок 4). 47% жестов, употребляемых при описании областей интереса стимула 4 содержали новую информацию, которая

присутствовала лишь в жестовом компоненте. Для остальных изображений эти показатели составили 36, 30 и 31% соответственно. Несмотря на то, что данные цифры ниже показателя четвёртой картины, именно эта графа свидетельствует о том, что информация, полученная через визуальный канал, нашла своё отражение, в той или иной степени минуя речь. Так, участница эксперимента произносит: *«…очень-очень-очень много маленьких часов...»*. Однако её жест указывает не только на большое количество объектов, что совпадает с сообщением вербального компонента, но и передаёт их форму, информацию о которой слушатель может получить лишь из жестового модуса (см. рисунок 7).

Рисунок 7. Пример жеста, привносящего новую информацию в полимодальный фокусный комплекс (указание на форму объекта)

Таким образом, качественный анализ содержания компонентов полимодального комплекса позволил уточнить первоначальную гипотезу о связи между перцептивным распределением внимания при непосредственном восприятии объекта и процессами фокусирования при последующем конструировании этого объекта в устной речи, сопровождаемой жестами.

Выводы

Несмотря на то, что процессы распределения внимания при физическом восприятии объектов и в языковой деятельности различаются, в устной коммуникации зрительное, языковое и жестовое фокусирование начинает взаимодействовать, как бы вступая друг с другом в резонанс.

Процесс фокусирования в речи обнаруживает зависимость от перцепции. В частности, распределение фокусов при устном описании визуального стимула обусловлено длительностью

фиксаций, связанной с определённой областью интереса, хотя языковой фокусный элемент, несомненно, продолжает представлять собой более сложную структуру, чем зрительный фокус (точка фиксации).

Жесты, в свою очередь, обнаруживают не только устойчивую связь с речью, которую они сопровождают, но и связь непосредственно со зрительной перцепцией. В качественном отношении эта связь обусловливается присутствием в жестах информации, которая была вызвана визуальным стимулом, но при этом не встречается в вербальном компоненте описательного дискурса.

В целом, исследование доказало, что в устном описательном дискурсе существует зависимость между распределением информации внутри полимодального комплекса, с одной стороны, и особенностями зрительного восприятия картин, с другой. Эта зависимость указывает на то, что в устной коммуникации процессы профилирования кросс-модальны и охватывают все задействуемые в момент общения модусы коммуникации (в частности, вербальный и жестовый). Компоненты этих модусов согласуются друг с другом, однако каждый вносит свой вклад в фокусирование и дефокусирование объектов и их свойств.

Литература

Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. М.: Академия, 2006. М. 448 с., 432 с.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСК, 2014. 320 с.

Потапова Р.К. Функционально-речевая специфика просодии и семантики // Речевые технологии. 2014. № 1-2. С.3-21.

Jackendoff, R. (2002). Foundations of Language. Oxford: Oxford University Press.

Leeuwen, Th. van. (2005). Introducing Social Semiotics. London: Routledge.

Mathesius, V. (1929). Zur Satzperspektive im modernen Englisch. Archiv für das Studium der modernen Sprachen und Literaturen 155, 200-210.

Müller, C. (2014). Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction. Body – Language – Communication: An

International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Vol. 2. Ed. Müller, C., Cienki, A., Frickle, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. Berlin: De Gruyter Mouton. P.1687-1701.

Strasburger, H., Pöppel, E. (2002). Visual Field. Encyclopedia of Neuroscience. 3rd edition, on CD-ROM. Ed. Adelman, G., Smith, B.H. Amsterdam, New York: Elsevier Science B.V.

Wårvik, B. (2004). What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding. Approaches to Cognition through Text and Discourse. / Ed. Virtanen, T. Berlin: Mouton de Gruyter. P.99-122.

Резюме

Результаты экспериментального исследования с применением ай-трекера свидетельствуют о том, что перцептивное (зрительное) фокусирование при восприятии изображения (картины) влияет на то, какие объекты и их характеристики попадают в фокусную позицию в устном описательном дискурсе и какие жесты будут сопровождать соответствующие языковые выражения.

Ключевые слова: распределение внимания; фокусирование; полимодальность; регистрация движений глаз (ай-трекинг); описательный дискурс; жесты.

Olga N. Prokofieva
MSLU, Moscow
oliviaprok@gmail.com

Focusing in Spoken Descriptive Discourse: A Multimodal Study

Summary

The present article studies focusing as a multimodal cognitive process aimed at foregrounding the most relevant information in discourse and resulting in the division of its elements into focus and background. The following three modes: speech, gestures, as well as visual perception, are brought under analysis in this research. We lay special emphasis on the interconnection of the verbal and perceptive foci in the context of spoken multimodal discourse. The results of the experimental study of spoken descriptions carried out with the help of

an eye-tracking device has determined that the process of focusing in visual perception has an impact both on the choice of objects and their features that are later included into the focal element of spoken descriptive discourse and on the types and characteristics of co-speech gestures employed.

Keywords: division of attention, focusing, multimodality, eye-tracking, descriptive discourse, gestures.

References

Iriskhanova O. K. Igry fokusa v jazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija. Moscow: JaSK, 2014. 320 p.

Potapova R.K. Funkcional'no-rechevaja specifika prosodii i semantiki // Rechevye tehnologii. 2014. № 1-2. P.3-21.

Velichkovskij B.M. Kognitivnaja nauka. Osnovy psihologii poznanija: 2 volumes. Moscow: Akademija, 2006. M. 448 p., 432 p.

Jackendoff, R. (2002). Foundations of Language. Oxford: Oxford University Press.

Leeuwen, Th. van. (2005). Introducing Social Semiotics. London: Routledge.

Mathesius, V. (1929). Zur Satzperspektive im modernen Englisch. Archiv für das Studium der modernen Sprachen und Literaturen 155, 200-210.

Müller, C. (2014). Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction. Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Vol. 2. Ed. Müller, C., Cienki, A., Frickle, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. Berlin: De Gruyter Mouton. P.1687-1701.

Strasburger, H., Pöppel, E. (2002). Visual Field. Encyclopedia of Neuroscience. 3rd edition, on CD-ROM. Ed. Adelman, G., Smith, B.H. Amsterdam, New York: Elsevier Science B.V.

Wårvik, B. (2004). What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding. Approaches to Cognition through Text and Discourse. / Ed. Virtanen, T. Berlin: Mouton de Gruyter. P.99-122.

Е.В. Самостиенко
ННГУ, Нижний Новгород

Новейшая русская поэзия в когнитивной перспективе: семантическая нелинейность и ментальное картирование[1]

Новейшая русская поэзия в критической и аналитической литературе фигурирует как поэзия постконцептуальная, а «проблематика концептуализма – наиболее фундаментальная из всех предложенных в 70-90-е годы» [Кузьмин 2001]. При этом поэтическая практика остается автономной от теории современного искусства, в которой понятие постконцептуального искусства чрезвычайно детально разработано. С. Огурцов подчеркивает, что «критическая мысль обязана сегодня рассматривать свой предмет, поэзию, как искусство, а свои тексты – как часть art theory» [Огурцов 2012].

Типологически развитие поэтического языка в конце 60-х – начале 70-х годов совпадает как с развитием теории постконцептуального искусства, так и с формированием когнитивной лингвистики как самостоятельной дисциплины. При этом интересно, что одна из важнейших художественных групп в основу своего названия кладет именно *концепт*, именуя себя *концептуализмом*. Мы предполагаем, что, обращаясь к русской поэзии последнего времени в когнитивной перспективе, имеющей ярко выраженную ориентацию на наследие концептуализма, мы должны остановиться на когнитивных аспектах поэзии концептуализма.

Андрей Монастырский подчеркивает, что в московском концептуализме «происходит называние не только и не столько каких-то “ментальных миров” и их “обитателей”», сколько «мы имеем дело с *поэзисом* понятий» и «философской поэтикой» [Словарь 1999: 6]. Из предисловия «Словаря терминов московской концептуальной школы» следует, что имеются в виду не концепты, а понятия или даже термины. Именно ***понятие*** становится конструктивной единицей поэтического текста и задает логику линейного развертывания, при этом ограничивая

[1] Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 162410001 «Параллельные процессы в языке современной русской и китайской поэзии».

разнообразие лексического материала и смещая акцент на саму дискурсивную стратегию, которую можно было бы обозначить как генеративную, дающую зрителю «эксплицитные предпосылки и принципы своего порождения» [Гройс 1979] и, следовательно, ведущую к более глубинным языковым структурам.

Видимо, можно говорить о некотором закономерном соотношении и своеобразном равновесии между количеством лексических единиц и их повторяемостью: чем меньше лексических единиц, тем выше их повторяемость. Рассмотрим фрагмент поэмы «Сочинение семьдесят третьего года» Андрея Монастырского:

1.
Лежи,
лошадка,
вершина жизни,
лежи,
лошадка,

2. кошелёк
вопильщика
кузовок
пищальщика,
рукоять
копальщика,

3. лежи,
лошадка,
крупинка мира,
лежи,
лошадка,

4. половины
лодки,
лодки,
подбородки [Монастырский 2010: 24].

Обратимся к нелинейной репрезентации этого текста, используя для этих целей программный инструмент Textexture. В основе анализа лежит количественный метод (удаление слов с незначительным весом и лемматизация), а также ассоциативный анализ, опирающийся на «ландшафтную модель чтения» (Landscape Reading Model) [Broek 1995].

Рисунок 1. Нелинейная репрезентация фрагмента поэтического текста Андрея Монастырского.

Каждое из имеющихся в поэтическом тексте слов связано с остальными преимущественно синтагматически, что в тексте графически представлено посредством такой разбивки на строки, при которой слово и строка (или словосочетание и строка) практически совпадают, что приводит, с одной стороны, к автономизации отдельного слова (на другом уровне, чем это было в эпоху исторического авангарда, когда автономизация осуществлялась на уровне буквы или звука), переведенного таким образом в статус понятия, а с другой стороны, усиления вертикальных связей при сохранении системных синтагматических отношений.

Для постконцептуальной поэзии характерно качественное изменение дискурсивной стратегии и резкое движение в сторону семантической нелинейности. О языке современного искусства этого периода говорят, указывая на «состояние постмедиальности» или «трансмедиальное состояние постконцептуального искусства» [Osborn 2013: 44].

Если говорить о типологически близких явлениях в сфере информационных технологий, то ключевыми можно считать смену консольного интерфейса («вопросно-ответной» консольной формы) графическим пользовательским интерфейсом (GUI); развитие объектно-ориентированного и графического программирования; сетевой принцип организации информации; появление тегирования как новой индексальной системы цифровой культуры; распространение креолизированных текстов, а позже – и диффузной цифровой текстуальности; семиотизацию аффекта в цифровых коммуникационных средах (например, в мессенджере Telegram); развитие форм визуализации данных как внешнее средство, усиливающее когнитивные способности; дискретизацию и рандомный доступ как разрушение линейной логики; появление и распространение интернета, концептуализированного как пространства (А. Келлерман); переход от «двумерных» (списковых) архивов – через картографические – к зум-системам организации и репрезентации невизуальной информации.

Уже в более ранних текстах мы можем видеть, как формируется «сетевая» структура поэтического текста, состоящая не только из понятий, но и из слов–спутников этих понятий, создающих их семантический ореол и дополнительное смысловое измерение. Так, в стихотворении Геннадия Айги «Снова – Сон-“Потепление”» мы можем видеть подобную организацию текста:

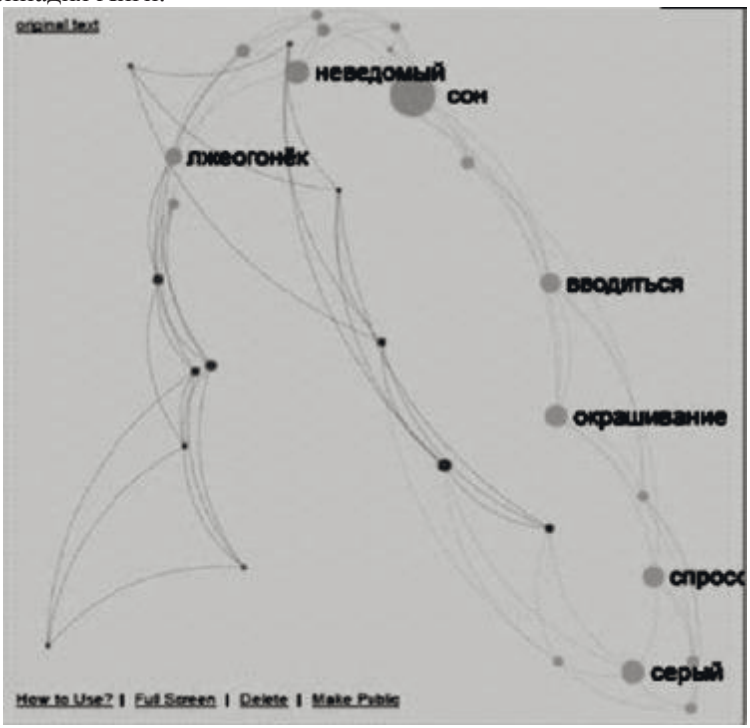
а вокруг – называясь
Местом – неведомо чем «потеплевшим» –
прерываясь как сон

и опять начинаясь –
продолжается – сна продолженье:

вводятся те же окрашиванья
ударами будто спросонья
поддерживая разделения

серого на менее серое –
роются
вязнут
в добиваниях в месиве темном
шевелений уползших –
и все это единство – толчками подрагивая
сдвигоподобий
проборматывается «жизнь»
вспыхивая изредка
лжеогоньками [Айги 1992].

Рисунок 2. Нелинейная репрезентация поэтического текста Геннадия Айги.



На визуализации видно, что в тексте намечаются концептуальные сгущения вокруг понятия «сон». В этом тексте функция повтора будет качественно отличаться от того, как он используется в тексте А. Монастырского: если в последнем повтор обеспечивал связность, то здесь повторы выступают своеобразными аттракторами, к которым притягиваются слова, более или менее косвенно связанные с данной семантической группой.

Если в поэзии концептуализма система понятий, задающая координаты поэтического текста, выстраивается в некоторый нарратив с сохранением семантической линейности, как это видно из текста, рассмотренного выше, а также из других произведений не только А. Монастырского, но и Д.А. Пригова и Л. Рубинштейна, то стратегию, свойственную постконцептуальной поэзии, можно было бы обозначить как когнитивное картирование, следствием которого является семантическая нелинейность.

Когнитивное картирование[2] понимается нами как некий глубинный процесс текстопорождения, позволяющий говорить о дискурсивной модели, под которой понимается такой способ организации поэтического текста, при котором, несмотря на отсутствие ярко выраженной ориентации на сегментирование текста и введение визуальных компонентов, линейное развертывание приостанавливается благодаря реализации «узлового» принципа.

[2] Термин «когнитивное картирование» был введен Эдвардом Толменом в 1948 году для описания моделей научения (статья «Когнитивные карты у крыс и у человека» [Толмен 1980 1990-е гг. – освоение этого термина в гуманитарной перспективе: когнитивное картирование начинают использовать для описания многообразных отношений между пространством и познавательными способностями человека. В 1990-е годы был создан Национальный центр географической информации и ее анализа (NGGIA), где были выполнены исследования, связанные с языком пространственных отношений, отношениями пространства и причинно-следственных связей, масштабирования и динамических репрезентаций географического пространства. В 2000-х происходит информационный поворот. Постепенно когнитивное картирование начинается пониматься как способ пространственной репрезентации когнитивных процессов, а также инструмент качественного анализа и репрезентации ситуаций, представленных с помощью неструктурированных данных [Cognitive mapping 2002: 2].

Обыкновенно тексты такого типа организованы как специфические языковые ситуации, где структурообразующими элементами становятся ключевые концепты, как правило, отрефлексированные самим автором (как результат сближения поэтического и философского дискурсов). От системообразующих концептов расходятся семантические концентрические круги.

Переход от одного концепта к другому обеспечивается сетевой моделью, лежащей в основе поэтического текста. Система этих концептов, а также принцип, задающий динамику их смены (то есть логику перемещения от одних концептов к другим), достаточно часто позволяет говорить о когнитивной референциальности – своеобразном поэтическом картировании самих когнитивных процессов, которые и создают семантическое пространство поэтического текста как пространственные реализации не-пространственных явлений (например, абстрактных понятий). Так как сознание не схватывается знаковыми конфигурациями, авторы часто используют аппарат образов-схем.

В комментарии на вопрос из анкеты о когнитивном картировании в поэтической практике Никита Сафонов пишет: «Различие территории и карты, различие пересборки и кристаллизации касаются языка. Территория страницы и карта текста, пересборка события и карта записи, аннексия территории и напряжение на границе значения являют себя в промежутке, где невидимость контура и его подвижность не оставляют никакой возможности схемы. Схема не может стать образом. Схема – образ, пущенная в реальность, упускает становление фантазма в каждом из его отпечатков, каждая операция меняет условия. Поэтому схем всегда больше одной, поэтому схема не всегда относится к территории.

Схема может быть фиксацией логики движения. **Письмо, к примеру, является внутренней территорией, оно соответствует некоторым требованиям: упаковка-распаковка, отправка-получение, мысль-ожидание, связность.** “Ожидание встречи с этими камнями было долгим: время их формирования несравнимо с временем спонтанности смысла этой встречи”. **Граница проводится, часть смысла кристаллизуется, но часть остается свободной для**

пересборки. Существование фантазма требует границы, чтобы сохранить свободный смысл, существование фантазии в широком смысле требует чего-то без имени. Это требование – требование промежутка между присутствием и отсутствием смысла, требование работы этого промежутка». Рассмотрим его стихотворение из книги «Узлы»:

пока черное есть черное, и оно движимо отстранением цвета
(пока масса между событием и прошедшим собирается, явленная не языком)

может ли сохраниться сигнал цвета, припадающего к ночи бессилия
последние дни вне этого смысла оставленности, окаменелости пешехода

а промежутках материи у кистей рук. Так, однажды
пока ты говоришь, что сон это лепесток космоса
вырванного наверх, так и продолжаешь бодрствовать у края реки

т.е. остается следить: линий берега не видно, но край есть

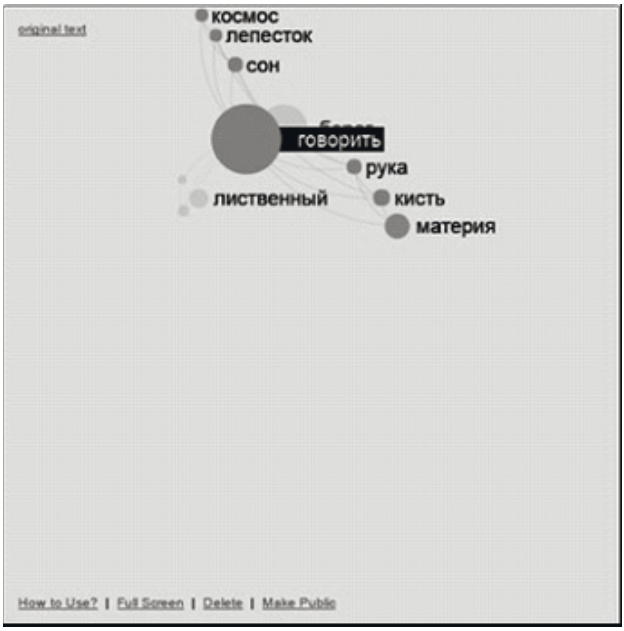
проплывая сквозь лиственные заросли к остановке

о чем говорило это (эти, так же, как и те, берега) [Сафонов 2010].

Разная степень абстрактности понятий, организующих семантическое пространство поэтического текста, создает специфический оптический режим, позволяющий осуществлять смещение фокуса внимания, используя когнитивную перспективу – перемещаться по семантическому пространству, переходя от более абстрактных объектов к менее абстрактным и осуществляя концептуальное масштабирование. Переход от одних концептуальных зон к другим и обеспечивает семантически нелинейное развертывание поэтического текста при формальном сохранении линейной структуры. В стихотворении Никиты Сафонова мы видим уже гораздо более плотные сгущения вокруг

базовых слов «говорить» и «материя», линейное развертывание практически полностью отсутствует.

Рисунок 3. Нелинейная репрезентация поэтического текста Никиты Сафонова.



Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что с точки зрения стратегии развертывания поэтического текста можно говорить о переходе от концептуальной поэзии к постконцептуальной во многом как о переходе от линейной семантической структуры на основе повторения ключевых понятий, к нелинейной структуре, обозначенной нами как принцип когнитивного картирования, описания ментального ландшафата – то есть, вероятно, тех «ментальных миров» и их «обитателей», о которых упоминал А. Монастырский как о периферийной возможности поэтического языка. Парадокс заключается в том, что постконцептуальная поэзия структурно как раз и является концептуальной, в основе которой лежит сеть

поэтических концептов, а концептуальная лишь указывает на свой когнитивный горизонт.

Литература

Кузьмин Д. Постконцептуализм [Электронный ресурс]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-postkonts/dossier_932/ (дата обращения: 15.03.2017).

Огурцов С. Когнитивные узлы: методы и смыслы новой поэзии // НЛО. 2012. №115 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlobooks.ru/node/2304 (дата обращения: 15.03.2017).

Словарь терминов московской концептуальной школы. М.: Ad Marginem, 1999.

Гройс Б. Московский романтический концептуализм [Электронный ресурс]. URL: http://www.mmoma.ru/press-/articles/boris_grojs_moskovskij_romanticheskij_konceptualizm/)] (дата обращения: 15.03.2017).

Монастырский А. Поэтический сборник. Вологда: Библиотека московского концептуализма, 2010.

Broek, van Den P. (1995). A landscape model of reading comprehension: Inferential processes and the construction of a stable memory representation // Canadian Psychology / Psychologie canadienne, Vol 36, No 1, 53–54.

Osborne P. (2013). *Anywhere Or Not At All: Philosophy of Contemporary Art.* London, New York: Verso.

Айги Г. Теперь всегда снега. М.: Советский писатель, 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vavilon.ru/texts/aigi6-1.html#11 (дата обращения: 10.03.2017).

Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и у человека // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 63–69.

Cognitive mapping: Past, Present and Future. (2002). London, New York: Routledge.

Сафонов Н. Техника упрощения // Воздух. 2010. №4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.litkarta.ru/projects/-vozdukh/issues/2010-4/safonov/ (дата обращения: 20.03.2017).

Резюме

В статье делается попытка описания когнитивных аспектов новейшей русской поэзии в широкой междисциплинарной

перспективе с целью показать, как переход от стратегии линейного развертывания текста реализуется в тенденции к семантической нелинейности при преимущественном сохранении формальной линейной структуры. В статье рассматриваются предпосылки данного изменения, позволяющие взглянуть на процессы, актуальные для новейшей русской поэзии, как с точки зрения теории современного искусства, так и с точки зрения медиатеории, что необходимо для более точного описания языковой специфики поэтических текстов. В центре внимания оказывается поэзия конца XX века – начала XXI века, написанная на русском языке, однако также представлены примеры из поэтической практики московского романтического концептуализма. Поэтические тексты рассматриваются в перспективе когнитивного картирования. В целях исследования использовался программный инструмент для нелинейного чтения Textexture, позволяющий учитывать количественные параметры для анализа динамики механизмов развертывания поэтических текстов новейшей поэзии по сравнению с текстами концептуальной поэзии, относящейся к более раннему периоду. В результате исследования нами был сделан основной вывод о том, что при переходе от семантически линейной к семантически нелинейной дискурсивной стратегии на первый план выходят концепты, становящиеся узловыми точками поэтического текста, а переход от одного узла к другому задает динамику смыслового развертывания стихотворения.

Ключевые слова: новейшая русская поэзия, когнитивное картирование, нелинейность, постконцептуализм.

Evgenija V. Samostienko
Nizhnij Novgorod State University
eugeniasuslova@gmail.com

CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY IN THE COGNITIVE PERSPECTIVE: SEMANTIC NON-LINEARITY AND MENTAL MAPPING

Summary

The article attempts to describe the cognitive aspects of modern Russian poetry in a broad interdisciplinary perspective demonstrating

how the transition from the strategy of linear model of a text is realized in a tendency to semantic non-linearity with the predominant preservation of the formal linear structure. The article considers the background of this change, allowing one to look at the processes that are relevant to contemporary Russian poetry, both from the point of view of the theory of contemporary art and from the point of view of media theory, which is necessary for a more precise description of the linguistic specifics of poetic texts. The focus of attention is the poetry of the end of the XX century – the beginning of the XXI century, written in Russian, but examples from the poetic practice of Moscow romantic conceptualism are also presented. Poetic texts are considered in the perspective of cognitive mapping. For the purposes of the study, we used the software tool for non-linear reading of Textexture, taking into account the quantitative parameters for analyzing the dynamics of discursive mechanisms of poetic texts of contemporary poetry in comparison with the texts of conceptual poetry relating to an earlier period. As a result of the research, we conclude that when moving from a semantically linear to a semantically non-linear discursive strategy takes place the concepts with the nodal points play center stage, and the transition from one node to another provide the dynamics of the semantic development of the poem.

Keywords: Russian poetry, cognitive mapping, non-linearity, postconceptualism.

References

Kuz'min D. Postkonceptualizm [Postconceptualism]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-postkonts/dossier_932/ (дата обращения: 15.03.2017).

Ogurcov C. Cognitivnye uzly: metody I smysly novoj poezii [Cognitive nodes: methods and sense of contemporary poetry]. // Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2012. №115. URL: http://www.nlobooks.ru/node/2304 (дата обращения: 15.03.2017).

Slovar' terminov moscovskoj conceptual'noj shkoly [The Glossary of Moscow Conceptual School]. Moscow: Ad Marginem, 1999.

Grojs B. Moskovskij romanticheskij konceptualizm [Moscow romantic conceptualism]. URL: http://www.mmoma.ru/press-

/articles/boris_grojs_moskovskij_romanticheskij_konceptualizm/)] (дата обращения: 15.03.2017).

Monastyrskij A. Poeticheskij sbornik [Poetry collection]. Vologda: Biblioteka moskovskogo konceptualizma, 2010.

Broek, van Den P. (1995). A landscape model of reading comprehension: Inferential processes and the construction of a stable memory representation // Canadian Psychology / Psychologie canadienne, Vol 36, No 1, p. 53–54.

Osborne P. (2013). *Anywhere Or Not At All: Philosophy of Contemporary Art.* London, New York: Verso.

Algui G. Teper' vsegda snega [Always is snow]. Moscow: Sovetskij pisatel' [The soviet writer], 1992. URL: http://www.vavilon.ru/texts/aigi6-1.html#11 (дата обращения: 10.03.2017).

Tolmen E. Cognitivnye karty u krys I u cheloveka [*Cognitive maps* in rats and men] // Hrestomatija po istorii psihologii [The Reader in history of psycology]. Moscow: MGU Publishing, 1980. p. 63–69.

Cognitive mapping: Past, Present and Future. (2002). London, New York: Routledge.

Safonov N. Tehnika uproshhenija [The technics of reduction] // Vozduh [The air]. 2010. №4 URL: http://www.litkarta.ru/projects/-vozdukh/issues/2010-4/safonov/ (дата обращения: 20.03.2017).

А.Д. Симдянова
НИУ ВШЭ, Москва

Ошибочное согласование в категории лица: экспериментальное исследование

Введение

Одна из главных задач психолингвистики – порождения речи и построение моделей порождения речи. Основную информацию для анализа удается получить благодаря ошибкам, совершаемых говорящими. Их мы и будем анализировать в работе.

В этой работе рассматриваются ошибки в согласовании в категории лица. Одним из подвидов ошибок в согласовании в английском языке имеет название «agreement attraction» или ошибки с перетягиванием согласования. Чаще всего такая ошибка происходит со сложными сочетаниями существительных, но может возникать и в других случаях.

Рассмотрим пример ошибочного согласования в категории числа в английском языке:

(1) *The key to the cabinets are rusty* [5]
‘Ключ к шкафам/от шкафов заржавели’.

Здесь существительное *the key* употребляется в единственном числе, а глагол появляется во множественном. Глагол принимает такое число из-за того, что в процесс согласования «вмешивается» существительное «the cabinets», которое перетягивает на себя внимание. Подобные «перетягивающие внимание» существительные мы здесь и далее будем именовать «аттракторами». Силу, с которой «аттракторы» перетягивают согласование на себя, мы будем именовать привлекательностью.

В предыдущих работах исследовалось ошибочное согласование в категории числа и рода, в этой же мы сконцентрируемся на ошибочном согласовании в лице. Безусловно, важно рассмотреть, что было обнаружено до этого.

1. Предыдущие исследования

1.1 Ошибки с перетягиванием согласования в категории числа

Большая часть работ, исследующих ошибочное согласование,

посвящается согласованию в категории числа.

Носители делают ошибки в согласовании:

- когда аттрактор находится между главным существительным и глаголом:

(2) *«The key to the cabinets are on the table»*
Ключ к шкафам лежат на столе'[5]

- когда аттрактор не вмешивается

(3*) «The cabinets that the key open are on the second floor»*
'Шкафы, которые открывают ключ, находятся на втором этаже'[5]

Стауб А. [5] в 2009 году проводил эксперимент, в котором измерял время, необходимое респондентам, чтобы принять решение о выборе правильно согласованного предложения из двух, в одном из которых была ошибка. Стауб задавался вопросом, являются ли эффекты, порождающие эти два типа ошибок, качественно разными. В итоговой выборке учитывались только участники, которые выбирали правильные согласованные предложения. Исследование показало, что на скорость выбора правильного согласованного предложения влияет как аттрактор, находящийся между подлежащим и сказуемым, так и аттрактор, находящийся от них поодаль. Основной вывод этой работы состоит в том что, положение аттрактора влияет на процесс согласования.

В 2006 году Джули Франк[2] опубликовала работу по теме синтаксического анализа ошибочного согласования. В ходе исследования Франк пыталась совместить психолингвистический экспериментальный метод и синтаксическую теорию. Практическая часть работы состояла из трёх экспериментов, в каждом из которых рассматривалась та или иная ошибка согласования. Эксперименты Франк выполнялись на итальянском и французском языке. Ошибки в согласовании были обнаружены не только в английском языке. Для тщательного рассмотрения этой работы, мы подробно рассмотрели несколько экспериментов Франк:

Эксперимент №1

Была выдвинута гипотеза о влиянии структуры предложения на количество ошибок в согласовании. Когда существительное или аттрактор вмешивается в предложение вида SV (существительное+глагол), как итальянское (4), противопоставлялось вмешательству в предложения с инверсией VS (глагол+существительное), как итальянское (5).

(4) *L'amica dei vicini telefonerà*
Подруга соседей позвонит по телефону[2]
(5) Telefonerà l'amica dei vicini
Позвонит по телефону подруга соседей[2]

Предложения типа (5) представляют собой инверсию предложений типа (4) и используются для того, чтобы понять, влияет ли строение предложения на возрастание эффекта «привлекательности».

Основным результатом первого эксперимента является то, что ошибок в согласовании больше в предложениях типа SV (существительное+глагол). Это говорит о том, что аттракторы меньше «оттягивают» на себя влияние в предложениях типа VS (глагол+существительное). Результат эксперимента подтверждает гипотезу о том, что линейность является одним из факторов, который влияет на привлекательность аттрактора. Проще говоря, выдвигается гипотеза, что для появления ошибок в согласовании, необходимо поставить аттрактор на определенное место в предложении. Далее эта гипотеза экстраполируется до идеи, что все предложение целиком должно соответствовать определенной структуре

Эксперимент №2

Во втором эксперименте Франк добавляла в качестве аттракторов клитики – грамматически самостоятельные, но зависимые в предложениях частицы или местоимения. В работе была предпринята попытка определить, какие дополнительные помехи создают клитики, как во французском предложении (6), в сравнении с существительными, как во французском предложении (7), и насколько изменится эффект «привлекательности», полученный в предыдущей части работы, если в предложение будут добавлены подобные словоформы.

(6) Le professeur les lit/*lisent
‘Профессор им читают*/читает[2]
(7) Le professeur des élèves lit/*lisent
‘Профессор студентов читают/*читает’[2]

Основным выводом эксперимента №2 является то, что клитики не только усиливает «привлекательность» в согласовании между существительным и глаголом, но и превосходят в силе существительные.

Можно заключить, что эти эксперименты еще раз подтверждают, что согласование определяется иерархией членов предложений. На привлекательность аттрактора влияет отношение между членами предложения, которые могут быть связаны линейно и иерархически. Эксперименты показывают, что, когда аттрактор вмешивается между членами иерархической структуры, создается более высокая «привлекательность», если аттрактором является клитика, а не существительное. Кроме того, доказывается, что больше на привлекательность влияет иерархическая связь, а не просто линейный порядок членов в предложении.

В 2009 году Вейджерс, Лау и Филиппс провели исследование [7], большая часть которого продемонстрировала «agreement attraction» в согласовании глагола с существительным. Было проведено семь экспериментов, посвященных изучению того, что лежит в основе эффектов «привлекательности» и какие именно ошибки случаются, когда вмешивается «аттрактор». В итоге авторы делают два основных вывода: во-первых, эффекты «привлекательности» проявляется не только в ситуациях, когда «аттрактор» не вмешивается между существительным и глаголом, но и еще раз подтверждается, что и в случаях нахождения в прямой структурной взаимосвязи с главным существительным.

Во-вторых, важным выводом для нашей работы является то, что подтверждается то, что множественное число обладает наибольшим эффектом «привлекательности», чем единственное. Эти результаты позволяют предполагать, что такая же ситуация будет повторяться и в роде, и в лице.

В 2015 году Лаго [3] проводит исследование эффектов «привлекательности» в испанском языке, для которого характерна более богатая морфология. Однако несмотря на наличие различий

в морфологии английского и испанского языков, в обоих были замечены поразительно похожие эффекты ошибочного согласования. «Agreement attraction» в испанском языке варьируется в зависимости от типа глагола. Участники – носители испанского языка делают такие же ошибки, как и носители английского языка, когда речь идет о согласовании с основными обычными глаголами. С другой стороны, в результатах эксперимента наблюдается разница по сравнению с английским языком при согласовании с вспомогательными глаголами. Это приводит авторов к заключению о том, что различия в морфологии между языками могут повлиять на степень «привлекательности».

1.2 Ошибки с перетягиванием согласования в категории рода

Исследования по теме ошибочного согласования проводились не только в категории числа, но и в категории рода. Основополагающей работой по указанной тематике является исследование Бадекера и Куминака [1], проведенное в 2007 году. Данная работа посвящена изучению механизмов, лежащих в основе согласования глагола в словацком языке. Эксперименты изучают «agreement attraction» у глаголов прошедшего, в согласование которых вмешивается аттрактор-подлежащее. Исследование выявляет, зависит ли вероятность вмешательства аттрактора от маркированности рода существительного, которое является подлежащим. Результаты отражают наличие асимметрии привлекательности между тремя словацкими родами, а также указывают на то, что вероятность привлекательности зависит от рода аттрактора. В результате выявляется более сильная «привлекательность» женского рода. В связи с тем, что женский род является более маркированным членом, можно сделать вывод о том, что более маркированный член класса будет более сильным аттрактором.

Кроме французского, итальянского и словацкого, были проведены исследования на материале русского языка (Малько и Слюсарь, 2013) [4]. В статье сообщается о результатах четырех экспериментов (один на порождение и три на понимание) на согласование глагола в категории рода. Гипотеза, выдвинутая исследователями, предполагала, что род, в отличие от числа,

определен для каждого существительного в словаре и, следовательно, будет ошибочно выбран с меньшей вероятностью. Эффекты «привлекательности» наблюдались во всех из них.

В заключение хотелось бы отметить, что исследования ошибочного согласования в категориях числа и рода заставляют задуматься о том, что будет происходить с аттракторами в лице.

2. Экспериментальная часть

В исследованиях, описанных выше, можно заметить асимметрию «привлекательности» аттракторов в числе и роде. Во множественном числе и женском роде была отмечена более сильная привлекательность аттракторов. В связи с этим, можно предположить, что причиной этому становится их более сильная маркированность по сравнению с единственным числом и мужским и средним родами. Это дает нам повод предположить, что некоторые значения лица будут сильнее. Мы проверили эту гипотезу в русском языке. Для этого было проведено два эксперимента.

Эксперимент №1. Сравнение 2 и 3 лица

Первый эксперимент сравнивает между собой второе и третье лицо. Основная гипотеза заключалась в том, что аттрактор 2 лица будет сильнее, чем 3. Эксперимент был проведен на платформе ibexfarm http://spellout.net/ibexfarm/ в онлайн-режиме. В этом исследовании участвовали 121 человек. Среднее время выполнения эксперимента составило около 15 минут. Для эксперимента были отобраны люди, для которых русский язык является единственным родным языком. Экспериментальные предложения появлялись автоматически. Слова в предложениях появлялись по одному, появляясь и исчезая.

Рисунок 1. Скриншот, взятый при прохождении эксперимента.

В конце каждого из них участнику предлагалось выбрать подходящую форму глагола, между данными:

(9) *Ты, как и они, снова с этими людьми общаться будешь/будет*
Он, как и ты, снова с этими людьми общаться будешь/будет

Было решено, что участники будут делать выбор между формами одного и того же глагола. Предложения появлялись автоматически (со скоростью 300мс). В эксперименте было представлено 32 экспериментальных предложения, которые были перемешаны с 64 филлерами. Экспериментальные предложения были перемешаны методом латинского квадрата. Филлеры были разделены на две категории: с аттрактором в первом или во множественном лице, а также без аттрактора или с аттрактором, но в косвенном падеже.

Анализ результатов проводился на языке программирования R с помощью метода линейной регрессии. При анализе результатов во внимание принимались время, которое требовалось участникам для выбора правильной формы глагола, и правильность их ответов. В итоге ошибки распределились следующим образом: больше всего ошибок было найдено в экспериментальных предложениях (0.92), меньшее количество в филлерах с аттрактором(0.94), наименьшее в филлерах без аттрактора(0.96). Приведенные данные доказывают наличие «agreement attraction» между 2 и 3 лицом.

Если говорить о времени, которое потребовалось респондентам при выборе ответа, то картина представляется следующая: меньше всего трудностей вызвали филлеры без аттрактора (781мс), потом филлеры с аттракторами (825мс), а выбор правильного ответа в экспериментальных предложениях показал такие результаты (801мс).

Решающим выводом для нас является то, что количество ошибок уменьшается, а время выбора ответа возрастает в экспериментальных предложениях, когда аттрактор находится во 2 лице. Количество корректных ответов в экспериментальных предложениях при нахождении аттрактора во втором лице составляет 0.95, а в 3 лице 0.90. Среднее время, которое

потребовалось для ответа в экспериментальных предложениях во втором лице равняется 782 мс, а в третьем 821мс.

В результате проведенного эксперимента сравнения второго и третьего лица было выявлено, что второе лицо обладает большей привлекательностью, а значит, это подтверждает нашу гипотезу о том, что более сильным аттрактором является более маркированный член предложения.

Эксперимент №2. Сравнение 1 и 2 лица.

Во втором эксперименте мы искали асимметрию между первым и вторым лицом. Основная гипотеза заключалась в том, что аттрактор 1 лица будет сильнее, чем 2. В этом эксперименте мы так же, как и в предыдущем, полагаем, что маркированность лица станет причиной того, что оно будет более сильным «аттрактором». Это предположение мы делаем, основываясь на опыте работ, рассмотренных в обзоре литературы и проведенном эксперименте №1. В этом эксперименте приняли участия 122 человека. Он также был сделан и проводился с помощью платформы ibexfarm http://spellout.net/ibexfarm/ в онлайн-режиме. Эксперимент продолжался, как и первый, около 15 минут. Участники обоих экспериментов не пересекались. Критерием отбора остался родной русский язык.

Всего в эксперименте 32 экспериментальных предложения и 64 филлера, которые перемешиваются методом латинского квадрата. Экспериментальные предложения появлялись автоматически со скоростью 300 мс (см. рис 1). Они не изменялись по своей структуре по сравнению с предложениями из первого эксперимента, кроме изменения лица.

(10) Я, как и ты, снова с этими людьми общаться будешь/буду

Ты, как и я, снова с этими людьми общаться будешь/буду

Участникам было предложено делать выбор между формами одного и того же глагола. В связи с этим расположение кнопок с вариантами ответа не изменялось. Филлеры были разделены на две категории: с аттрактором в третьем или во множественном лице, а также на филлеры без аттрактора или с аттрактором, но в косвенном падеже. В связи с тем, что проведение эксперимента №1 заставило предположить, что выбор может быть основан

только на чтении местоимений, в данном эксперименте было принято решение об изменении порядка слов в филлерах из первого эксперимента, для усложнения задачи участникам.

Анализ результата проводился на языке R с помощью метода линейной регрессии. Если говорить о результате эксперимента, то следует отметить, что филлеры без аттракторов вызвали меньше ошибок (0.97), чем с аттракторами. В свою очередь филлеры с аттракторами (0.957) не отличаются по количеству ошибок от экспериментальных предложений (0.953). В этой ситуации можно говорить об ошибках в согласовании, которые появляются в экспериментальных предложениях в этом случае.

Если говорить о времени, которое потребовалось для ответа, то в проведенном исследовании экспериментальные предложения обрабатываются быстрее (848мс), чем филлеры: без аттракторов (850.1мс) и с аттракторами (915мс).

Мы сравнили количество ошибок, когда аттрактор был в первом лице (0.94) и во втором (0.95) и сделали выводы, что разница статистически не значима. Такие же выводы можно сделать при сравнении времени ответов: в первом лице (860) и во втором (836).

Благодаря второму эксперименту были обнаружены необычные и непредсказуемые результаты. Появляется вопрос, можно ли назвать такие ошибки – ошибками с перетягиванием согласования, так как обнаружены ошибки в филлерах, в которых «аттрактор» не связан с глаголом. В связи с этим можно предположить, что если в этих условиях и есть «agreement attraction», то он симметричен в обоих случаях.

Заключение

В заключение можно сказать, что ошибки в согласовании проявляются не только в категории рода и числа, но и в категории лица. При анализе результатов проведенных нами экспериментов мы проверяли гипотезу о том, что в русском языке 2 лицо отличается тем, что оно более маркированное, чем третье, а, следовательно, обладает наибольшим эффектом «привлекательности». Мы сравнили 2 и 3 лицо и 1 и 2 лицо и выявили асимметрию в «привлекательности».

Первый эксперимент показывает, что по сравнению с третьим лицом аттракторы второго лица обладают более сильной

«привлекательностью» и становятся причиной ошибочного согласования. Мы полагаем, что причина этому маркированность второго лица в сравнении с третьим.

Результаты второго эксперимента любопытны тем, что были довольно непредсказуемыми. Можно сказать, что первое и второе лицо показывают симметричную «привлекательность» аттракторов. Кроме того, были обнаружены ошибки в филлерах, подвергающие сомнению сам процесс «agreement attraction» в экспериментальных предложениях. В будущем было бы интересно поработать над исследованием ошибочного согласования первого и третьего лица, и посмотреть, будет ли наблюдаться такой же эффект в таком эксперименте. Безусловно, важным вопросом остается определение причин симметричности «привлекательности» у 2 немаркированного и 1 немаркированного лица. Интересно проверить, что будет при сравнении 1 и 3 лица, если возможно есть что-то необычное в первом лице, что приводит к такому результату.

Литература

Badecker, William and Frantisek Kuminiak.. Morphology, agreement and working memory retrieval in sentence production: Evidence from gender and case in Slovak.// Journal of Memory and Language 56,2007, 65-85.

Franck J., Lassi G., Frauenfelder U.H, Rizzi.L. Agreement and movement: A syntactic analysis of attraction // Cognition,101, 2006, 173–216

Lago S., Shalomb D. E., Sigmanb M., Laua E.F., Phillipsa C., Agreement Processes in Spanish Comprehension, 2015

Malko A., Slioussar N., Attraction Errors in Gender Agreement: Evidence from Russian.// Michigan Slavic Publications, 2013

Staub, A. Response time distributional evidence for distinct varieties of number attraction. // Cognition, 114, 2010, 447–454.

Vigliocco, G., & Franck, J. When sex and syntax go hand in hand: Gender agreement in language production.// Journal of Memory and Language, 40, 1999, 455–478.

Wagers M.W., Lau E. F., Phillips C., Agreement attraction in comprehension: Representations and processes.// Journal of Memory and Language, 2009, 1-32

Резюме

В работе рассматривается феномен ошибочного глагольного согласования (agreement attraction - от англ. ошибки с перетягиванием согласования). Предыдущие исследования показали, что больше таких ошибок возникают в предложениях с аттракторами во множественном числе и женском роде по сравнению с единственным числом и мужским родом соответственно. Предполагается, что причиной является бóльшая морфологическая маркированность множественного числа и женского рода. Эта гипотеза была проверена на согласовании в лице.

В эксперименте, сравнивающем согласование в 1 и 2 лице, не было найдено разницы между условиями: в предложениях с аттрактором 1 лица и аттрактором 2 лица было одинаковое количество ошибок и время выбора глагольной формы не отличалось, т. е. гипотеза о том, что более маркированное 1 лицо будет более сильным аттрактором, не подтвердилась. В эксперименте, сравнивающем согласование во 2 и 3 лице, была найдена разница между условиями: аттрактор во 2 лице вызывал в два раза больше ошибок, чем аттрактор в 3 лице. Более маркированное 2 лицо является более сильным аттрактором, чем 3.

Ключевые слова: лично-числовое согласование, ошибки в согласовании, аттрактор, лицо.

Alexandra D. Simdyanova
National Research University Higher School of Economics, Moscow
sandrasimdi@gmail.com

Summary

In this paper we are looking threw the phenomenon of agreement attraction. Previous studies have shown that more errors in agreement arises with the attractors in the plural and female gender in comparison with singular and the masculine gender. It is assumed that the reason for it: the more marked values of gender and numbers will be stronger attractors than the less marked. This hypothesis has been verified by agreement in person.

In the experiment comparing the 1st and 2nd person, there was no difference between the conditions. In the sentence with the attractor

of the 1st person and the attractor of the 2nd person there was the same number of errors and the response time for the verbal form have no difference. The hypothesis that a more marked first person will be a stronger attractor has not been confirmed. In the experiment comparing the matching in the 2nd and 3rd person, a difference was found between the conditions: the attractor in the 2nd face caused twice as many mistakes as the attractor in the 3rd person. A more marked 2nd person is a stronger attractor than the 3rd.

Key words: agreement attraction, attraction, person**.**

References

Badecker, William and Frantisek Kuminiak. Morphology, agreement and working memory retrieval in sentence production: Evidence from gender and case in Slovak.// Journal of Memory and Language 56,2007, 65-85.

Franck J., Lassi G., Frauenfelder U.H, Rizzi.L. Agreement and movement: A syntactic analysis of attraction // Cognition,101, 2006, 173–216.

Lago S., Shalomb D. E., Sigmanb M., Laua E.F., Phillipsa C., Agreement Processes in Spanish Comprehension, 2015.

Malko A., Slioussar N., Attraction Errors in Gender Agreement: Evidence from Russian.// Michigan Slavic Publications, 2013.

Staub, A. Response time distributional evidence for distinct varieties of number attraction. // Cognition, 114, 2010, 447–454.

Vigliocco, G., & Franck, J. When sex and syntax go hand in hand: Gender agreement in language production.// Journal of Memory and Language, 40, 1999, 455–478.

Wagers M.W., Lau E. F., Phillips C., Agreement attraction in comprehension: Representations and processes.// Journal of Memory and Language, 2009, 1-32.

Н.М. Стойнова
ИРЯ РАН, Москва

Показатели движения с целью в южнотунгусских языках и категория associated motion[1]

*1. Суффикс -*nA: в тунгусо-маньчжурских языках в типологическом контексте*

В статье будут рассмотрены некоторые особенности суффикса «движения с целью» -**nA:* в двух южнотунгусских языках – нанайском и удэгейском, ср. примеры (1) и (2).

(1) ute ge-*ne*-gi-e
that take-MPURP-REP-IMP.2SG
'Пойди возьми его (мясо)!' (удэгейский, тексты [Nikolaeva et al. 2003: 68])

(2) gə əlbəsi-*ndə*-xən
so take.a.bath-MPURP-PST
'И вот он пошел купаться'. (нанайский, тексты 2009–2013)

Морфологические показатели, модифицирующие значение исходного глагола так, что к нему добавляется компонент перемещения в пространстве ('пошел и сделал', 'пошел делать', 'сделал на ходу', 'сделал и пошел' и под.), представляют собой достаточное экзотическое и не до конца изученное явление. Наиболее распространены и лучше всего описаны подобные показатели в языках Австралии (ср. [Koch 1984; Wilkins 1991; 2006]) и особенно Южной Америки (Амазонии, ср. [Guillaume 2009; 2016]), применительно к которым говорят о категории «сопутствующего движения» (associated motion, далее AM).

Показатели, представленные в тунгусо-маньчжурских языках (и, возможно, шире – в языках Сибири и Дальнего Востока, см. [Волков, Стенин в печати]), заметно от них отличаются. На их

[1] Исследование выполнено по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-3158.2017.6 «Полевое исследование контактного влияния русского языка на грамматику вымирающих языков РФ: на материале диалектов нанайского и ульчского языков».

материале можно верифицировать и дополнить отдельные предположения, высказывавшиеся о маркерах «сопутствующего движения» и им подобных, а также восполнить лакуны в их типологической классификации. См. также похожее обсуждение в недавней работе [Fuente, Jacques 2016] на материале маньчжурского языка.

2. Показатели associated motion: типологические ожидания

Ниже кратко перечислены отдельные типологические характеристики показателей AM, интересные в контексте обсуждения соответствующего тунгусо-маньчжурского показателя. См. подробнее о типологии показателей AM (на материале большой выборки языков Амазонии) работу [Guillaume 2016], а также представленную в ней библиографию.

1) Количество показателей в системе associated motion

Категория AM часто представлена большими или очень большими инвентарями показателей. Ср. данные из [Guillaume 2016] для выборки языков Южной Америки:

1–2 показателя – 50% (22)

3–5 показателей – 27% (12)

6 и > показателей – 23% (10)

Суффикс -**nA:* во всех тунгусских языках оказывается единственным такого рода показателем (в маньчжурском – система из трех показателей).

2) Категория associated motion и значения пространственной ориентации

Для категории AM в языках Южной Америки и Австралии характерно частое, если не повсеместное, совмещение со значениями пространственной ориентации (в особенности дейктическими, но не только). Ср. также показатели вентива (‘сюда’) / андатива (‘туда’) в некоторых языках Западной Африки (см., например, [Voisin 2010] о волоф). Они дают чисто пространственное, дейктическое значение в сочетании с глаголами движения и значение associated motion (или движения с целью), склеенное с дейктическим, в сочетании с глаголами непространственной семантики.

Суффикс -**nA:* представляет собой типологически нетривиальный нейтральный показатель, не осложненный

дополнительным ориентационным значением. В зависимости от контекста глагол на -**nA:* интерпретируется как ‘пойти / прийти / войти / выйти и под., чтобы V’ (однако с разной частотой, см. ниже).

3) Классификация значений associated motion и значение движения с целью

В [Wilkins 1991] предлагается классификация показателей AM на основании того, как ситуация и сопровождающее ее движение соположены во времени (‘пошел и сделал’ / ‘сделал на ходу’ / ‘сделал и пошел’). В [Levinson, Wilkins 2006] они выстроены в следующую типологическую иерархию (предложена для языков Австралии, в [Guillaume 2016] верифицируется для языков Южной Америки):

prior motion (‘пошел и сделал’) > concurrent motion (‘сделал идя’) > subsequent motion (‘сделал и пошел’)

Выделенным классом оказывается т.о. класс показателей предшествующего движения (prior motion): в выборке языков Южной Америки он обнаруживается в 88% (38) языков с показателями AM [Guillaume 2016].

Суффикс -**nA:* с точки зрения предлагаемой классификации попадает именно в этот класс показателей и т.о. (как единственный показатель, представленный в языке) вписывается в иерархию. Важно, однако, что он реализует скорее узкое целевое значение (‘пошел, чтобы сделать’), а не просто указывает на то, что ситуации предшествовало движение (‘пошел, а потом сделал’) – хотя подобные употребления также изредка встречаются в текстах и требуют отдельного рассмотрения, см. ниже.

Типологически релевантным таким образом представляется более дробное противопоставление внутри класса prior motion или наряду с ним (в указанных работах не проводится). См. трактовку категории associated motion в [Rose 2015]: специальные оговорки о значении движения с целью как не входящего в эту категорию.

4) Тяготение показателей associated motion к определенным грамматическим контекстам

Имеются типологические наблюдения о тяготении показателей AM к императивному контексту (см. [Гусев 2013: 67–71]). Отдельный вопрос, в равной ли степени это

касается показателей собственно prior motion (‘пойди и сделай!’) и представленных в рассматриваемых языках показателей движения с целью (‘пойди делать!’). Императивный контекст, а также футуральный и другие контексты снятой утвердительност интересны также тем, что снимают денотативное различие между первыми и вторыми (‘пошел делать’ ≠ ‘пошел и сделал’, но ‘пойди делать’ ≈ ‘пойди и сделай’). В связи с этим интересно рассмотреть соотношение грамматических контекстов именно на материале тунгусо-маньчжурских языков.

Не освещались на широком типологическом материале и требуют отдельного исследования также следующие вопросы.

5) Вопросы об идиоматизации и переносных употреблениях показателей АМ, характерных типах полисемии

Интересно также сравнить модели полисемии, характерные для рассматриваемых морфологических маркеров с путями грамматикализации, характерными а) для сериальных конструкций с глаголами движения и б) целевых конструкций с глаголами движения (типологических данных по которым достаточно много).

6) Вопрос об актантной структуре показателей АМ

Поскольку в семантику глагола с рассматриваемыми показателями входит две ситуации – ситуация, обозначаемая исходным глаголом, и ситуация движения, логически можно ожидать при нем актантов двух типов: как у исходного глагола или как у глагола движения. Тип актантной структуры косвенно свидетельствует о том, как данный показатель представляет семантические отношения между ситуациями. При их равноправии или выделенности ситуации, обозначаемой исходным глаголом (как это предположительно бывает у прототипических показателей АМ) модель управления, наследуемая от глагола движения, менее ожидаема, чем при семантической выделенности ситуации движения (как это, видимо, бывает в случае показателя с отчетливой целевой семантикой).

7) Особенность тунгусо-маньчжурского -**nA:* – два морфосинтаксических типа употреблений

Наконец, отдельная необычная черта тунгусо-маньчжурского -**nA:* состоит в том, что он допускает два синонимичных типа

употреблений (с разной частотностью и тяготеющих к разным контекстам), ср. (3):

а) независимое – при финитном глаголе (букв. ‘делать-идет’);

б) плеонастическое – при деепричастии в составе конструкции с выраженным финитным глаголом движения (букв. ‘делать-идя пошел’).

(3) wa:-nda-xa-ni = wa:-nda-mi
убивать-MPURP-PST-3SG = убивать-MPURP-CVBSIM.SG
ənə-xə-ni
идти-PST-3SG
‘пошел на охоту’ (нан.)

3. Материал и формат исследования

К обсуждению будут представлены сопоставительные данные двух южнотунгусских языков – нанайского и удэгейского (Хабаровский и Приморский край).

Суффикс движения с целью (далее обозначаемый как -**nA:*[2] и глоссируемый как MPURP) выглядит в них как *-ndA* («порода цели», [Аврорин 1961: 59 ff.]) в нанайском и как *-nA* («директив», [Nikolaeva, Tolskaja 2001: 232–233]) в удэгейском.

Исследование проводилось на материале текстовых выборок. Для нанайского (среднеамурский диал.) это: тексты из сборников фольклора [Аврорин 1986: тексты 13–24] (сказки), [Бельды, Булгакова 2013] (сказки, легенды), а также тексты, записанные в 2009–2013 гг. С. Оскольской, К. Шагал и автором (сказки, бытовой нарратив); всего ок. 6,5 тыс. предложений. Для удэгейского это тексты из сборника фольклора [Nikolaeva et. al. 2003: тексты 1–15] (сказки), ок. 1 тыс. предложений.

Детальные данные сразу по двум близкородственным языкам в сопоставлении с привлекаемой в качестве фоновой известной информацией по похожим показателям в языках мира должны, как кажется, позволить разделить общетипологические / ареально-генетические / конкретноязыковые черты описываемых показателей.

[2] См. о его реконструкции для пратунгусо-маньчжурского [Fuente 2011: 51 ff.].

4. Нанайские и удэгейские данные

4.1. Общая частотность

Текстовый материал дает представление об употребительности показателей, подобных тунгусо-маньчжурскому -**nA:*. В Таблице 1 приведены данные по частотности показателя в обоих рассматриваемых языках.

Таблица 1

Показатель -*_nA:_ в нанайском и удэгейском: частотность в текстах

	всего предложений	всего -**nA:*	N употр. на 1 тыс. предл.	точный двуст. тест Фишера
нанайский	6673	168	25	$p<0.0001$
удэгейский	1048	62	59	

В удэгейском языке он более употребителен, чем в нанайском (различие значимо). На фоне других показателей глагольной деривации, представленных в этих языках, показатель движения с целью обнаруживает среднюю частотность. См. для сравнения аналогичные данные по продуктивному показателю рефактива *-gO* (‘опять, обратно’):

удэгейский: 132 употр./ 1 тыс. предл. (138 на 1048 предл.);

нанайский: 260 употр. / 1 тыс. предл. (166 на 639 предл.).

Ср. также данные по продуктивности разных показателей аспектуальной деривации в нанайском языке в [Оскольская 2017].

4.2. Соотношение контекстов с разной дейктической интерпретацией

Выше в качестве нехарактерной для показателей АМ черты тунгусо-маньчжурского суффикса упоминался тот факт, что он выражает «чистое» значение движения с целью, не склеенное со значениями пространственной ориентации. Ср. примеры (4) с интерпретацией ‘пойти, чтобы сделать’ и (5) с интерпретацией ‘прийти, чтобы сделать’:

(4) …Keaŋa mama ən’uə-wə-ni
Киана старуха котел-ACC-3SG

gələ-ndə-m’ aja
просить-MPURP-CVBSIM.SG хорошо
‘…Пойдемте просить котел у старухи Киана…’ (нан., [Аврорин 1986: текст 16])

(5) gaki, mi: sin-či xupi-ndə-xəm-bi
ворона я ты-DIR играть-MPURP-PST-1SG
‘Ворона, я пришла к тебе поиграть!’ (нан., [Аврорин 1986: текст 13]) – персонаж уже находится у вороны.

При этом, тем не менее, есть основания ожидать от *-*nA:* большей склонности к контекстам первого типа, андативным (‘отсюда’), чем к контекстам второго типа, вентивным (‘сюда’).

Следует отметить, что в родственном расматриваемым письменном маньчжурском языке была представлена более дробная система показателей движения с целью, включающая пространственный, а именно дейктический компонент, (см. [Аврорин 2000: 173 ff.]; [Fuente, Jacques 2016]):

- андатив *-na~-nə* (‘пойти, чтобы V’);
- вентив *-nʒi* (‘прийти, чтобы V’);
- андатив-каузатив *-ŋgi* (‘послать делать V’).

И единственный суффикс движения с целью, имеющийся в нанайском и удэгейском, – когнат маньчжурского андативного (не вентивного!) суффикса.

На синхронном уровне обнаруживается, что, при наличии у этого суффикса употреблений обоих типов, андативные оказываются частотней. Ср. сопоставительные данные по нанайскому и удэгейскому в Таблице 2а (общие данные) и Таблице 2б (данные только по независимым употреблениям, без учета плеонастической конструкции, в которой пространственное значение задается выбором финитного глагола движения, см. п.4.3).

Таблица 2а

Соотношение вентивных (‘прийти, чтобы V’) и андативных (‘пойти, чтобы V’): всего (без учета лексикализованных употр.)

	пойти, чтобы V	прийти, чтобы V	???	% вентивных (от вентивных и андативных)	точный двуст. тест Фишера
нанайский	87	32	17	27%	p=0.0054
удэгейский	53	5	0	9%	

Таблица 2б

Соотношение вентивных (‘прийти, чтобы V’) и андативных (‘пойти, чтобы V’): только в независимом употреблении (без учета лексикализованных употр.)

	пойти, чтобы V	прийти, чтобы V	???	% вентивных	точный двуст. тест Фишера
нанайский	61	24	14	28%	p=0.0029
удэгейский	45	3	0	6%	

И для нанайского языка, и для удэгейского вентивных контекстов меньше, чем андативных. Разницы между плеонастической конструкцией и независимым употреблением по этому параметру не наблюдается.

Для удэгейского языка асимметрия между вентивными и андативными контекстами существенно больше, чем для нанайского. При этом для нанайского языка (но не для удэгейского) наблюдаемую картину можно объяснить большей частотностью андативных контекстов вообще в тексте, а не дейктической окраской самого показателя движения с целью. Подсчет употреблений основного вентивного глагола *ǯi-* (‘приходить’) и *ənə-* ‘уходить, идти’ по той же выборке (тексты 2009–2013) дает 35% вентива, 82 и 150 употр. (т.е. меньше половины, примерно столько же, сколько и для глаголов с показателем движения с целью в нанайском и значительно больше, чем в удэгейском).

Еще одно различие между языками, отраженное в таблицах: если для удэгейского языка все употребления распадаются на многочисленные андативные (‘пойти сделать’) и редкие вентивные (‘прийти сделать’), то в нанайском довольно много примеров с неоднозначной интерпретацией (в таблицах помечено как «???»). Это в т.ч. контексты, описывающие более сложные ситуации перемещения в пространстве (‘выйти’, ‘зайти’ и под., как в независимом употреблении, так и в плеонастической конструкции при глаголах движения, отличных от ‘прийти’ / ‘пойти’).

Таким образом можно сказать, что показатель движения с целью в удэгейском оказывается ближе к прототипическим показателям АМ, а аналогичный показатель в нанайском – дальше от них. Первый сохраняет связь с пространственной семантикой (дейктической). Второй – по-настоящему нейтрален с этой точки зрения: дает ожидаемую пропорцию вентивных / андативных контекстов, встречается в контекстах, указывающих на самые разные пространственные конфигурации, см. примеры и более подробное описание в [Стойнова 2016] (и там же – о разлиичиях в пространственной интерпретации суффикса движения с целью по разным говорам нанайского языка).

4.3. Плеонастическая конструкция vs. независимое употребление

Плеонастическая конструкция с нефинитной формой, оформленной суффиксом движения с целью, и выраженным глаголом движения: особенность ТМЯ.

(6) Ge omo belie-de uli-we *ga-ŋna:-ni*,
INTJ one fairy-FOC water-ACC take-MPURP.PST-3SG
ga-ŋna:-m(i) *ŋene:-ni* ŋä:-la
take-MPURP-INF go.PST-3SG river.bank-LOC
‘…(и увидела:) волшебница идет к реке набрать воды <независ.>. Она шла к берегу реки <плеоназт.>.’ (удэг., [Nikolaeva et. al. 2003: 23 (текст 4)])

Таблица 3

Частота употреблений в плеонастической конструкции vs. в независимых (исключены лексикализованные и переносные употр.)

	независимое	плеонастическая конструкция	% плеонастических конструкций	точный двуст. тест Фишера
нанайский	99	37	27%	незнач., p= 0.1485
удэгейский	48	10	17%	

● Для обоих языков доля употреблений в плеонастической конструкции (предположительно, более новой, см. подробнее [Stoynova 2016]) меньше.

● Разница между языками незначима.

4.4. Употребления с актантом, характерным для ситуации движения

Глаголы на *-*nA:* допускают модель управления, характерную для глагола движения и невозможную для исходного глагола (выражение исходного, конечного пункта движения, маршрута), ср.:

(7) əə, *sun-či* polče-nda-mi
старшая.сестра вы-DIR греться-MPURP-CVBSIM.SG
aja=nu
хорошо=Q
‘Старшая сестра, можно к вам войти погреться?’ (нан., [Аврорин 1986: текст 18])

Употребления с аргументами, свойственными глаголам движения, находятся и в нанайском, и в удэгейском языке. В обоих немногочисленны, ср. Таблицу 4. Для удэгейского, на первый взгляд, такие употребления совсем маргинальны (всего 2 примера на всю выборку), однако это требует дополнительного исследования (для имеющихся данных различие между нанайским и удэгейским статистически незначимо).

Таблица 4

Выражение при глаголах на -*nA: участников ситуации движения (только для независимых употреблений)

	с моделью управления глагола движения	без модели управления глагола движения	% с моделью управления глагола движения	точный двуст. тест Фишера
нанайский	14	85	16%	незнач., p=0.0559
удэгейский	2	50	4%	

В Таблицу 4 для упрощения картины не включены данные по синтаксису плеонастической конструкции, в которой соответствующий актант может относиться к выраженному глаголу движения / деепричастию / всей конструкции / не иметь однозначной интерпретации. Более подробно об этих возможностях на материале нанайского языка см. в [Стойнова 2016].

От прототипических показателей АМ, для которых семантически центральным является ситуация, обозначаемая исходным глаголом, а компонент движения вторичен, модели управления, характерной для глагола движения, на первый взгляд, скорее не ожидается. В этом смысле описываемый показатель движения с целью снова отклоняется от канона в обоих языках (возможно, в нанайском более, чем в удэгейском).

4.5. Предшествующее движение или движение с целью?

Выше показатель -**nA:* назван показателем движения с целью, однако действительно ли он выражает именно значение типа ‘пошел чтобы сделать’, а не ‘пошел и сделал’ (предшествующее движение) или оба этих значения?

На логическом уровне различия между предшествующим движением и движением с целью касаются:

а) семантически центрального компонента: это обозначаемая исходным глаголом ситуация V для значения предшествующего движения (ср. неслучайный термин «сопутствующее движение») и ситуация движения для значения движения с целью;

б) истинностного статуса ситуации V: истина предшествующего движения (*‘пошел и сделал, но не сделал’); не определен для движения с целью (^{OK}‘пошел делать, но не сделал’)

Для обоих языков находятся «бесспорные» употребления -*nA:* в значении движения с целью: лексически (напр., с продолжением *но не…*) или грамматически заданный (напр., наст.вр.) контекст реального движения + ирреальной цели.

(8) simbi-ə xaj bələči-ndə-xəm-bi-ə
ты-ACC это помогать-MPURP-PST-1SG-ACC
un-ǯi
сказать-PRS
‘{Тетя, ты зачем приехала?} – Я приехала тебе помочь, говорит’ (нан., тексты 2009–2013) – т. е. ‘уже приехала, но еще не помогла’

Однако находятся и единичные примеры, для которых ситуацию V естественнее интерпретировать как реализованную (и тогда можно говорить о выражении значения предшествующего движения):

(9) palan-dola sisox sisox sisox golǯon ǯuliə-či-ə-ni
пол-LOC sisox sisox sisox очаг перед-DIR-OBL-3SG
tə-ndə-gu-xə-ni
сесть-MPURP-REP-PST-3SG
‘По полу идет… шаркая, и села перед печкой’ (нан., [Бельды, Булгакова 2013: текст16])

При этом для многих примеров сложно или объективно невозможно провести границу между этими двумя значениями, ср., например, (1). Прежде всего это касается контекстов снятой утвердительности (см., например, [Падучева 2015]), в которых истинностный статус оказывается одинаковым (неопределенным) для ситуации движения, и ситуации V, причем в данном случае непонятно, откуда этот статус у ситуации V – из целевой семантики, если это движение с целью (*иди есть!*), или из внешнего контекста снятой утвердительности, если это значение предшествующего движения (*иди поешь!*). См. далее о таких контекстах.

4.6. Распределение по грамматическим формам

Ниже приводятся данные по частотности глаголов на -**nA:* в разных грамматических формах, Таблица 5а. Отдельно подсчитана сумма употреблений по формам, задающим контекст снятой утвердительности: формы императива и гортатива, будущее время, конъюнктив. Их частота интересна в контексте того, что в этих формах стирается разница между значениями движения с целью и предшествующего движения (см. выше). Отдельно рассмотрены формы императива, для которых есть типологическое ожидание об особой предрасположенности к ним показателей АМ. В той же таблице для сравнения приводятся данные по общей частоте соответствующих форм для той же выборки (для нанайского языка: предположительно данные по удэгейскому не должны сильно отличаться). В Таблице 5б приведены также данные по двум русским синтаксическим конструкциям с глаголами движения – конструкции движения с целью с бессоюзным целевым инфинитивом (*сходил сделать*, в таблице «инф.») и сериальной конструкции со значением предшествующего движения (*сходил сделал*, в таблице «SVC»). Эти данные позволяют оценить, к какому из семантических типов показателей примыкает тунгусо-маньчжурский -**nA:* по частотному распределению грамматических форм.

Таблица 5а

Распределение по грамматическим формам: нанайский и удэгейский

	СУ	имп (в т.ч. горт.)	прочее	общий % СУ[3]	общий % императива	точный двуст. тест Фишера
нанайский	48 (35%)	18 (13%)	88	33%	23%	незнач., p=0.2586, 0.3789
удэгейский	26 (45%)	11 (19%)	32			

[3] Подсчеты из [Оскольская 2017] по текстам 2009–2013 гг.

Таблица 5б

Сопоставительные данные русского языка (НКРЯ): конструкции с глаголом *сходить* – *сходил сделал* и *сходил сделать*

	прош.вр.	СУ (имп.+фут.+сослагат.)	имп.
инф.	31 (36%)	54 (64%)	12 (14%)
SVC	14 (11%)	118 (89%)	64 (48%)

Заметной разницы между нанайским и удэгейским языками по этому параметру не обнаруживается. Доля употреблений в грамматических формах, задающих контекст снятой утвердительности:

1) значимо не отличается от средней по тем же текстам;

2) ниже, чем ожидалось бы для показателя АМ (ср. данные по русскому *сходил сделал*), но при этом и ниже, чем для русской целевой конструкции (*сходил сделать*).

Доля употреблений в императиве:

1) не выше, а даже ниже средней по тем же текстам;

2) значительно ниже, чем ожидалось бы для показателя АМ; примерно совпадает с ожидаемой от целевой конструкции (ср. данные русского языка).

Таким образом, для показателя -**nA:* не подтверждается ни типологическое ожидание о частотности императивных форм, ни возможное ожидание о частотности форм, задающих контекст снятой утвердительности (снимающих противопоставление между значениями движения с целью и предшествующего движения). По распределению грамматических форм -**nA:* оказывается ближе к целевым показателям, чем к показателям АМ.

4.6. Лексикализация, переносные употребления

Очень кратко охарактеризуем степень склонности показателя -**nA:* к лексикализации и развитие у него переносных употреблений. Лексикализованные и переносные употребления в текстах составляют ок. 6% для удэгейского, 10% для нанайского.

Для нанайского в этот процент входят преимущественно лексикализованные употребления отдельных глаголов (подробнее о них см. в [Stoynova 2016]). Для удэгейского – скорее

переносные употребления: это употребления а) в контекстах, где пространственный компонент выветривается (‘=V’), а также в инхоативных контекстах (‘begin to V’). Для не рассмотренного в работе джуенского говора нанайского языка характерным оказывается переносное проспективное употребление (‘вот-вот V’).

В языках мира грамматикализация в инхоатив и проспектив / будущее время:

- неизвестно, насколько характерна для морфологических маркеров AM;
- вполне характерна для целевых конструкций с глаголами движения (см., например, [Heine, Kuteva 2002]; [Майсак 2005]).

5. Заключение

Обобщая сопоставление поведения показателя движения с целью *-*nA:* в нанайском и удэгейском языках, можно сказать, что:

а) этот показатель в обоих языках ведет себя в целом похожим образом;

б) однако отдельные (в основном частотные) расхождения по рассмотренным выше параметрам все же наблюдаются;

в) удэгейский показатель оказывается по этим параметрам чуть ближе к «каноническим» показателям associated motion, чем нанайский.

Если же сравнивать южнотунгусский суффикс движения с целью с прототипическими показателями категории associated motion, представленными в языках Австралии и Южной Америки, то можно отметить следующее.

Наиболее принципиальные различия состоят в том, что:

- такого рода показатель в языке единственный;
- он не склеен со значением пространственной ориентации;
- он выражает именно значение движения с целью, а не значение типа ‘пошел и сделал, сделал пойдя’ (prior motion);
- в связи с этим он способен наследовать модель управления, характерную для глаголов движения;
- характерный набор грамматических контекстов и моделей полисемии у этого показателя такой же, как у целевой конструкции с глаголом движения (но не такой, как у сериальной конструкции с глаголом движения).

При этом по тем же самым параметрам наблюдается все же и некоторое сходство:

- возможность употребления в контекстах «реализованной цели»;
- не полная дейктическая нейтральность: выделенность андативных контекстов (‘туда’).

Таким образом, анализ представленных данных дает основания выделять значение движения с целью в качестве отдельного типологически релевантного значения, способного в т.ч. к морфологическому выражению. Приходится, однако, говорить о недостаточном «грамматическом потенциале» значения движения с целью: даже, казалось бы, «чистые» морфологические показатели движения с целью, такие как рассмотренный нами -**nA:*, видимо, неслучайно распространяются и на контексты prior motion категории AM и сближаются с ними по части свойств.

Сокращения

ACC – аккузатив
AM – associated motion (сопутствующее движение)
CVBSIM – одновременное деепричастие
DIR – директив
FOC – фокус
IMP – императив
INF – инфинитив
INTJ – междометие
LOC – локатив
MPURP – движение с целью
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
REP – рефактив
SG – единственное число

Литература

Аврорин В.А. 1961. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Аврорин В.А. 1986. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука.

Аврорин В.А. 2000. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука.

Бельды Р.А., Булгакова Т.Д. 2012. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien // SEC Publications.

Волков О.С., Стенин И.В печати. А. Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Сборник статей к 80-летию А. П. Володина.

Гусев В.Ю. 2013. Типология императива. М.: Языки славянских культур.

Майсак Т.А. 2005. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур.

Оскольская С.А. 2017. Аспект в нанайском языке. Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Стойнова Н.М. 2016. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс -nda в нанайском языке // Вопросы языкознания, 4. С. 86–111.

Fuente A. 2011. Tense, voice and Aktionsart in Tungusic. Another case of “analysis to synthesis”? Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Fuente A., Jacques G. 2016. Associated motion in Manchu in typological perspective. Manuscript.

Guillaume A. 2009. Les suffixes verbaux de « mouvement associé » en cavineña // Faits de Langues, 1. P. 181–204.

Guillaume A. 2016. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // Linguistic Typology 20(1).

Heine B., Kuteva T. 2002. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press.

Koch H. 1984. The category of “associated motion” in Kaytej. Languages in Central Australia. Vol. 1. P. 23–34.

Levinson S., Wilkins D. 2006. Patterns in the data: Toward a semantic typology of spatial description // Levinson S., Wilkins D. (Eds.) Grammars of space: Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press. P. 512–552.

Nikolaeva I., E. Perekhvalskaya and M. Tolskaya. 2003. Udeghe texts. Osaka: ELPR.

Rose F. 2015. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations. Folia Linguistica, 49(1). P. 117–158.

Stoynova N. 2016. The evolution of the marker of motion-cum-purpose in Nanai: A case of cyclical change? // 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europeae (Naples, 31 August – 3 September 2016, University of Naples Federico II, Naples, Italy.

Voisin, Sylvie. 2010. Les morphèmes -i et -si en wolof // Sciences Et Techniques Du Langage 7. P. 23–34.

Wilkins D. 1991. The Semantics, Pragmatics and Diachronic Development of 'Associated Motion' in Mparntwe Arrernte // Buffalo Papers in Linguistics, 1. P. 207–57.

Wilkins D. 2006. Towards an Arrernte grammar of space. Grammars of space: Explorations in cognitive diversity. Levinson S., Wilkins D. (Eds.) Cambridge: Cambridge Univ. Press. P. 24–62.

Резюме

В работе рассматривается тунгусо-маньчжурский показатель движения с целью -**nA:* ('пойти, чтобы делать') в контексте типологических данных о категории сопутствующего движения (associated motion). На количественном текстовом материале двух языков, нанайского и удэгейского, показаны некоторые своеобразные черты этого показателя, которые не укладываются в типологические ожидания.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, удэгейский язык, движение с целью, глаголы движения, сопутствующее движение, целевые конструкции, глагольная ориентация, глагольная деривация.

Natalia M. Stoynova
Russian Language Institute RAS, Moscow
stoynova@yandex.ru

Motion-cum-purpose markers in the Southern Tungusic languages and the typology of associated motion

Summary

The paper deals with the suffix of motion-cum-purpose -**nA:* ('go to V') in Tungusic languages. The text-data on its uses in two Southern Tungusic languages, Nanai and Udihe, is analyzed in detail and compared to crosslinguistic data on a more general category of

associated motion. The features of this marker that do not follow typological expectations are described.

Keywords: Tungusic languages, Nanai, Udihe, verbal derivation, motion-cum-purpose, purpose constructions, associated motion, motion verbs, spatial verb markers.

References

Avrorin V.A. 1961. Grammatika nanajskogo jazyka [The grammar of Nanai]. V. II. M.–L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Avrorin V.A. 1986. Materialy po nanajskomu jazyku i folkloru [Working data on the Nanai language and folklore]. L.: Nauka.

Avrorin V.A. 2000. Grammatika manchzhurskogo pismennogo jazyka. [Written Manchu Grammar]. SPb.: Nauka.

Beldy R.A., Bulgakova T.D. 2012. Nanajskie skazki [Nanai tales]. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien // SEC Publications.

Volkov O.S., Stenin I.V pechati. A. Andativ i ventiv v jazykah Sibiri: k tipologii glagol'noj orientacii [Andative and ventive in Siberian languages: to the typology of verbal orientation] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskih issledovanij RAN. Sbornik statej k 80-letiju A. P. Volodina.

Gusev V.Y. 2013. Tipologija imperativa. [The typology of Imperative]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur.

Majsak T.A. 2005. Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii [The grammaticalization of motion- and position-verbs: a crosslinguistic study]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur.

Oskolskaja S.A. 2017. Aspekt v nanajskom jazyke. [Aspect in Nanai] Diss…kand. filol. nauk. SPb.: ILI RAN.

Ctojnova N.M. 2016. Pokazateli «dvizhenija s celju» i sobytijnaja struktura: suffiks -nda v nanajskom jazyke [Motion-cum-purpose markers and event-structure: the suffix -nda in Nanai] // Voprosy jazykoznanija, 4. P. 86–111.

Д.Б. Тискин
СПбГУ, Санкт-Петербург

Синтаксические и семантические различия между сериями местоимений *кто* и *что* в русском языке[1]

Неопределённые местоимения в языках мира зачастую представлены словообразовательными гнёздами, производящая основа каждого из которых выражает значение, соответствующее некоторой «онтологической категории», такой как лицо, неодушевлённый объект, место, количество и др. [Haspelmath 1997: 21], а словообразовательные средства привносят значения отрицательности (*кто* → *никто*), неизвестности говорящему (*кто-то*), зависимости выбора индивида от некоторого параметра (*кто-либо*) и т. д. (см., например, [Yanovich 2005]). При этом компоненты значения, привносимые основой, сохраняются, что делает возможным совместное рассмотрение местоимений разных серий (отрицательного, различных неопределённых) от одного корня с точки зрения их семантики.

Настоящая статья посвящена сочетаемостным и семантическим различиям между местоимениями, относящимися к гнёздам *кто* и *что*. В §1 будут описаны различия в сочетаемости, часть из которых до сих пор не исследовалась. В §2 будет предложено семантическое объяснение этих различий, сводящееся вкратце к тому, что, помимо очевидного различия в одушевлённости, *кто* отличается от *что* способностью обозначать единичный или множественный индивид, возможно обладающий внутренней мереологической структурой и способный входить как составная часть в бóльшую мереологическую структуру; *что* лишено этой способности и обозначает всякий неединичный референт посредством реинтерпретации его как нерасчленённого единства, что исключает внутренние или внешние для него мереологические отношения. В §3 подводятся итоги.

[1] Автор благодарит С.С. Сая и участников конференции за ценные замечания. Недостатки работы остаются целиком на совести автора.

1. Синтаксические различия

1.1. Согласование

Как отмечает академическая «Русская грамматика», «выступая в роли относительного слова, местоимение *кто* расширяет свои синтаксические возможности: если придаточное предложение с этим местоимением занимает позицию подлежащего при глагольном сказуемом, то глагол может стоять в форме как ед., так и мн. ч.» [Шведова (ред.) 1980: §1687]. Я. Г. Тестелец [2001: 289], отмечая способность *кто* (*Кто пришли?*) и неспособность *что* (**Что упали?*) контролировать согласование по мн. ч., сравнивает с поведением *кто* поведение нулевого подлежащего нефинитных клауз PRO, наследующего признаки контролёра:

(1) Ему$_i$ нравилось [PRO$_i$ чувствовать себя востребованн**ым**].
(2) Ей$_j$ нравилось [PRO$_j$ чувствовать себя востребованн**ой**].

Различие в контроле согласования подтверждается и корпусными данными. С одной стороны, среди вхождений конструкции *кто* V, *так это* в ГИКРЯ (http://webcorpora.ru) глагол употреблён в форме мн. ч. в 4 случаях из 21 примера, где такое употребление можно себе представить (т. е. где после *это* следует именная группа со значением множества). С другой стороны, в подкорпусе со снятой омонимией НКРЯ (http://ruscorpora.ru) *кто* сочетается с формой мн. ч. глагола в 36 случаях, а *что* — ни в одном случае[2].

1.2. Квантификация

Помимо согласовательных, между (дериватами) *кто* и *что* имеются и другие синтаксические различия. Так, дериваты *кто* могут выступать в позиции плавающих определителей (или плавающих кванторов, см. [Тестелец 2001: 295 и сл.]) — модификаторов, структурная позиция которых может быть ближе

[2] Из рассмотрения исключались случаи типа (i), для которых Холодилова [2014: §5.3] убедительно обосновывает трактовку *что* как союза, поскольку он, в частности, релятивизирует только подлежащее и прямое дополнение, сочетается с одушевлёнными вершинами и т. д.
(i) Тут всё женщины, что стояли на крыльце, стали вздыхать, желая, чтоб клеёнка была с цветочками. [Юрий Коваль. Клеенка (1970)].

к глаголу-сказуемому, чем позиция имени, к которому они относятся по смыслу:

(3) а люди **мало кто** до 40-50 постов набивают. [Google]
(4) Все хорошо, вчера за проездным ходила, с нашими **кое с кем** виделась, поболтали. [Google]

Дериваты *что* не демонстрируют такого поведения.

Как указывает Д. Спортиш [Sportiche 1988: 426], плавающие определители (ПО) тесно связаны с партитивными конструкциями типа Q *из них*. Так, во французском языке имеется две лексемы со значением ‘каждый’: *chaque*, требующая непартитивного комплемента, и *chacun*, сочетающаяся с партитивным комплементом (*...de* DP), причём последняя, но не первая, способна выполнять роль ПО. Такая связь наблюдается и на нашем материале: в подкорпусе НКРЯ со снятой омонимией сочетание *кто из них* встречается 33 раза, а *что из них* (за вычетом вхождений союза *что*, отсеянных вручную) — ни разу, что соответствует приемлемости (3)–(4) при неприемлемости (5)–(6).

(5) *Дома мало что хорошо отапливаются.
(6) *У домов кое у чего покосились крыши.

К ПО по семантике близка дистрибутивная конструкция, описанная в [Зевахина, Оскольская 2013], в которой каждое вхождение *кто* обозначает подмножество множества, обозначаемого подчёркнутой ИГ («рестриктором»):

(7) — И разослали их **кого** в Сибирь, **кого** в монастырь, в заточенье. [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)][3]

В примерах типа (7) падежное маркирование рестриктора и всех вхождений *кто* совпадает. Если принять теорию плавающих определителей, согласно которой рестриктор выдвигается вверх из позиции комплемента ПО (stranding analysis, [Sportiche 1988]),

[3] Здесь и далее подобным образом: с указанием автора, названия текста и года создания — оформляются примеры из НКРЯ.

конфигурацию в (7) можно описать как одновременное (across-the-board) выдвижение *их* из обоих компонентов дистрибутивной конструкции (которые мы предположительно характеризуем как малые клаузы, SC):

(8) разослали [их] [$_{SC}$ [кого ~~из них~~] в Сибирь], [$_{SC}$ [кого ~~из них~~] в монастырь …]

Местоимения *кто* и *что* относительно дистрибутивной конструкции ведут себя в целом так же, как относительно конструкций с ПО. В отличие от *кто*, *что* почти не встречается в дистрибутивной конструкции: НКРЯ выдаёт не менее 20 примеров, где за существительным или местоимением-существительным следует сочетание «*кто* в том же падеже + предлог… *кто* + предлог» (9), тогда как запрос (10) — около 3 примеров, некоторые из которых спорны.

(9) (S|SPRO) кто[casered] PR… кто PR
(10) (S|SPRO) что[casered] PR… что PR

Так, в (11) проблематична трактовка *на север с Жоржем* и *в лёгких вьюках со мною* как участников ситуации, обозначаемой главным предикатом (*распределить*), тогда как в (7) *в Сибирь* и *в монастырь* называют участников ситуации ‘разослать’.

(11) Надо было собраться, распределить вещи: что на север — с Жоржем, что в легких вьюках — со мною… [С. Д. Мстиславский. Крыша мира (1905)]

2. Семантические различия как объяснение синтаксических

2.1. Мереология и семантика

Г. Линк [Link 1983] предлагает мереологическую семантику для именных групп, основанную на онтологии, включающей, помимо атомарных индивидов (традиционно называемых просто индивидами), *множественные* индивиды, представляющие собой комплексы атомарных, возможно с внутренней структурой. Например, атомарные индивиды Маша, Петя, Оля и Коля могут образовывать множественные индивиды из двух атомов (Маша

⊕ Петя, Оля ⊕ Коля и др.), из трёх, четырёх атомов. Онтологию Линка можно усложнить так, чтобы индивид «Маша ⊕ Петя ⊕ Оля ⊕ Коля» оказывался не тождествен составленному из пар индивиду «(Маша ⊕ Петя) ⊕ (Оля ⊕ Коля)». Такое усложнение понадобится, чтобы отличать кумулятивные свойства, выполняемые группами индивидов, от кумулятивных свойств, выполняемых атомарными индивидами; к примеру, если *Маша, Петя, Оля и Коля играли в теннис*, то речь может идти как о двух событиях, в каждом из которых принимала участие одна пара, так и об одном событии, в котором свойству ‘играть в теннис’ удовлетворял множественный индивид, составленный из двух множественных индивидов (игра в парном разряде).

При этом ни в одном из двух случаев максимальный задействованный индивид не тождествен *множеству* {Маша, Петя, Оля, Коля}, множеству множеств {{Маша, Петя}, {Оля, Коля}} или множеству пар {⟨Маша, Петя⟩, ⟨Оля, Коля⟩}. Нетождество множественного индивида и множества индивидов связано с тем, что любой индивид, в т. ч. неатомарный, представляет собой элемент домена индивидов (семантический тип *e*), а всякое множество индивидов типа τ (точнее, его характеристическая функция) имеет тип ⟨τ, *t*⟩ — тип функций из домена типа τ в домен истинностных значений [см. Heim, Kratzer 1998: 24 ff.].

Из сказанного видно, что в мереологической семантике атомарные и множественные индивиды трактуются одинаково. Это удобно для сохранения единства семантики ИГ при кумулятивной/коллективной vs. дистрибутивной предикации: в семантике дистрибутивного (по аргументному месту *X*) предиката, такого как *пойти гулять*, достаточно указать, что обозначаемое им свойство должно выполняться каждым атомом в составе (множественного) индивида, чьё имя заполняет валентность *X*, а для предикатов, допускающих как кумулятивное, так и дистрибутивное прочтение (как *съесть пять конфет*), можно постулировать дистрибутивный оператор δ.

(12) ⟦Маша и Оля пошли гулять⟧ =
= [λ*X*.∀*x* ⊑ *X*.**пошёл_гулять**(*x*)](**Маша ⊕ Оля**)

(13) ⟦Маша и Оля съели пять конфет (вместе)⟧ =
[λ*X*.**съел_5_конфет**(*X*)](**Маша ⊕ Оля**)

(14) ⟦Маша и Оля съели пять конфет (каждая)⟧ =
⟦Маша и Оля δ [съели пять конфет]⟧ =
[λ*X*.∀*x* ⊑ *X*.**съел_5_конфет**(*x*)](**Маша** ⊕ **Оля**)

2.2. *Кто*, *что* и мереология

Мы полагаем, что синтаксические различия между *кто* и *что*, описанные выше, имеют причиной семантическое различие между ними, состоящее, помимо (вероятно, нерелевантной в этом отношении) одушевлённости, в их отношении к мереологии индивидов. Различие это состоит в том, что *кто* семантически не специфицировано по числу и может иметь как единичный, так и множественный индивид, тогда как *что* существенным образом ограничено единичными индивидами. Так можно было бы объяснить невозможность использования мн. числа для согласования с *что* — подлежащим (см. §1.1), хотя вариативность согласования с *кто*, когда оно семантически множественно, требует отдельного объяснения[4].

Более того, в случае множественного референта *кто* способно обозначить его, сохраняя его внутреннюю мереологическую структуру. Проиллюстрируем это примером.

(15) Детям достались кому одинаковые шарики, а кому разные.

На наш взгляд, (15) может описывать любую из следующих ситуаций.

А. Маше достались два красных шарика, а Оле — красный и зелёный.

Б. Каждому в паре «Маша ⊕ Петя» досталось по одному красному шарику, а в паре «Оля ⊕ Коля» Оле достался красный шарик, а Коле — зелёный.

В. Каждому в паре «Маша ⊕ Петя» досталось по одному красному шарику и по одному зелёному, а в паре «Оля ⊕ Коля» Оле достались красный и зелёный, а Коле — красный и синий шарики.

В ситуации А каждое из вхождений *кому* отсылает к атомарному индивиду (Маше, Оле), в ситуациях Б и В — к паре индивидов[5]. Таким образом, *кто* не «схлопывает»

[4] Такое объяснение можно видеть в том, что в основании вариативности лежит выбор между формальным и семантическим согласованием.

[5] Различие между Б и В состоит в том, что в Б одинаковые и разные относятся к сравнению единичных шариков (шарик Маши такой же, как у

мереологическую структуру, чувствительно к различию между структурой, построенной из индивидов, и структурой, состоящей из пар индивидов, взятых из того же множества.

Что, если его референтом является совокупность, представляет эту совокупность как единичный нерасчленённый индивид с потерей внутренней мереологической структуры. Поскольку этот индивид единичный, информация о числе атомов в нём оказывается недоступна для семантической интерпретации, вследствие чего нельзя ожидать согласования с *что* по мн. числу. Кроме того, «схлопывание» структуры в нерасчленённое единство препятствует её включению в бóльшую структуру (полученное единство оказывается вне отношения ‘быть частью’ $\sqsubseteq$, определённого на (атомарных и множественных) индивидах), что требуется для дистрибутивной конструкции; поэтому затруднены примеры типа (11).

Сказанное позволяет предложить и объяснение различий в приемлемости между (3)–(4), с одной стороны, и (5)–(6), с другой. Семантика ПО зачастую описывается через обращение к мереологической структуре множественного индивида, обозначаемого рестриктором ПО — именной группой, вводящей квантифицируемое множество:

(16) $[\![\text{all}]\!] = \lambda P.\lambda X.P(\text{MAX}(X))$ [Fitzpatrick 2006: 22]
(17) $[\![\text{none (of them)}]\!] = \lambda P.\lambda X.\forall x \sqsubseteq X.\neg P(x)$ [Hoeksema 1996]

В (16) MAX обозначает, что P предицируется максимальному множественному индивиду, удовлетворяющему свойству, называемому рестриктором; например, в англ. *The guests have all arrived* ‘Гости все приехали’ свойство ‘приехать’ приписывается максимальной совокупности релевантных в речевой ситуации гостей. В (17) постулируется универсальная квантификация по таким (атомарным) индивидам, которые входят в состав множественного индивида, обозначаемого рестриктором, т. е., если обратиться к тому же примеру, в состав множества релевантных гостей. Если семантика неопределённых ПО также

Пети, а шарик Оли не такой же, как у Коля), а в В — к сравнению пар шариков (хотя в обоих случаях шарики внутри пар, пара шариков у Маши такая же, как у Пети, а у Оли не такая же, как у Коли).

предполагает обращение к мереологической структуре, неприемлемость (5)–(6) может быть объяснена.

3. Заключение

В настоящей работе были продемонстрированы различия в дистрибуции и морфологических признаках между местоимениями *кто* и *что* (и их производными). Общим для выявленных различий является то, что все они так или иначе связаны с семантикой или морфологическим выражением числа и смежных значений. Для объяснения выявленных различий мы предложили считать, что *кто* не имеет семантических ограничений на численную характеристику референта, а *что* ограничено единичными референтами. Неединичный референт, если к нему требуется отослать с помощью *что*, претерпевает реинтерпретацию в нерасчленённое единство, которое, не будучи объектом того же онтологического «сорта», что исходные индивиды, неспособно входить в мереологическую структуру, что делает невозможной интерпретацию некоторых синтаксических конфигураций и приводит к неприемлемости ряда конструкций с *что*, приемлемых с *кто*.

Литература

Зевахина Н. А., Оскольская С. А. Неопределённые местоимения без показателей неопределённости в русском языке // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы: тезисы докладов. СПб.: ИЛИ РАН, 2013. С. 18–20.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 796 с.

Холодилова М. А. Относительные придаточные // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Относительные_придаточные (дата обращения: 31.03.2017).

Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.

Fitzpatrick, J. The Syntactic and Semantic Roots of Floating Quantification. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology. 2006.

Haspelmath, M. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Heim, I., and A. Kratzer. Semantics in Generative Grammar. Oxford: Blackwell, 1998.

Hoeksema J. Floating Quantifiers, Partitives and Distributivity // Partitives: Studies on the Syntax and Semantics of Partitive and Related Constructions. De Gruyter, 1996. Pp. 57–106.

Link, G. The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms: a Lattice-theoretical Approach // Meaning, Use, and the Interpretation of Language. De Gruyter: 1983. Pp. 302–323.

Sportiche, D. Sportiche D. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure // Linguistic Inquiry. 1988. Vol. 19. No. 3. Pp. 425–449.

Yanovich, I. Choice-functional series of indefinite pronouns and Hamblin semantics // Proceedings of SALT. Vol. 15. 2005. Pp. 309–326.

Резюме

Статья посвящена различиям в сочетаемости и семантике между местоимениями *кто* и *что* (и производными от них) в русском языке. К сочетаемостным различиям относятся способность *кто* и неспособность *что* выступать в дистрибутивной конструкции типа *отправить их кого в…, кого в…*; способность *кто* и неспособность *что* занимать позицию плавающего определителя (ПО); способность *кто* и неспособность *что* контролировать согласование по множественному числу. Перечисленные наблюдения подтверждаются корпусными данными. Предлагается объяснять эти особенности различиями в семантике, которые простираются дальше очевидного различия в одушевлённости: *кто* не имеет семантических ограничений на количественную характеристику обозначаемой им совокупности (может иметь как единичный, так и множественный референт), тогда как *что* может обозначать только единичный референт. Поэтому если *что* в данном употреблении отсылает к множеству (как в *всё, что стояло на столе: ваза, цветочный горшок и письменный прибор*), то это множество интерпретируется как единичный нерасчленённый индивид и не сохраняет внутренней мереологической структуры,

а также теряет способность выступать компонентом большей мереологической структуры.

Ключевые слова: дистрибутивность, мереология, местоимения, плавающие определители, русский язык, согласование.

Daniel B. Tiskin
Saint Petersburg State University
daniel.tiskin@gmail.com

Syntactic and Semantic Differences between Pronominal Series *kto* ‘who’ and *čto* ‘what’ in Russian

Summary

The paper outlines and sketches an account of distributional and semantic differences between the Russian pronouns *kto* ‘who’ and *čto* ‘what’ as well as between their derivates. The differences in distribution are as follows. *Kto* but not *čto* can occur in the distributive construction of the type exemplified by *otpravit’ ix kogo v…, kogo v…*, lit. ‘send them whom to…, whom to…’; *kto* but not *čto* can play the role of a floating quantifier (FQ); *kto* but not *čto* can control plural agreement. The observations are confirmed by corpus studies. An explanation is provided in terms of semantic differences that go beyond the obvious contrast in animacy. The core idea is that *kto* has no semantic restrictions on the cardinality of its referent (i.e. it can have a singular or a plural referent) whereas *čto* is restricted to singular referents. Whenever *čto* is used to refer to a plurality (as in *vsë, čto stojalo na stole: vaza, cvetočnyj goršok i pis’mennyj pribor* ‘everything [that] there was on the table: a vase, a flower pot and a writing set’), the pertinent plurality is construed as a single unarticulated whole and does not preserve the internal mereological structure; neither is it capable of entering a larger mereological structure as its proper part.

Keywords: agreement, distributivity, floating quantifiers, mereology, pronouns, Russian.

References

Zevahina, N.A., Oskol'skaya S.A. Neopredelyonnye mestoimeniya bez pokazatelej neopredelyonnosti v russkom yazyke //

Russkij yazyk: konstrukcionnye i leksiko-semanticheskie podhody: tezisy dokladov. SPb.: ILI RAN, 2013. S. 18–20.

Testelec, Y.G. Vvedenie v obshchij sintaksis. M.: RGGU, 2001. 796 s.

Holodilova, M.A. Otnositel'nye pridatochnye // Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki [EHlektronnyj resurs]. URL: http://rusgram.ru/Otnositel'nye_pridatochnye (data obrashcheniya: 31.03.2017).

Shvedova, N.Y. (red.). Russkaya grammatika. T. 2. M.: Nauka, 1980. 709 s.

Fitzpatrick, J. The Syntactic and Semantic Roots of Floating Quantification. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology. 2006.

Haspelmath, M. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Heim, I., and A. Kratzer. Semantics in Generative Grammar. Oxford: Blackwell, 1998.

Hoeksema J. Floating Quantifiers, Partitives and Distributivity // Partitives: Studies on the Syntax and Semantics of Partitive and Related Constructions. De Gruyter, 1996. Pp. 57–106.

Link, G. The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms: a Lattice-theoretical Approach // Meaning, Use, and the Interpretation of Language. De Gruyter: 1983. Pp. 302–323.

Sportiche, D. Sportiche D. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure // Linguistic Inquiry. 1988. Vol. 19. No. 3. Pp. 425–449.

Yanovich, I. Choice-functional series of indefinite pronouns and Hamblin semantics // Proceedings of SALT. Vol. 15. 2005. Pp. 309–326.

Е.М. Шуванникова
ИЯз РАН, Москва

Языковая политика Индии в отношении малых языков (на примере языка куллуи)[1]

1. Введение

Языковая политика государства – один из важнейших факторов, влияющих на степень витальности языка. Каждое современное государство реализует перспективную языковую политику, осуществляя языковое планирование и языковое строительство. Главной задачей при этом является обеспечение благоприятных условий функционирования и развития национальных языков.

В данной статье ставится цель описать языковую политику Индии в отношении малых языков на примере языка куллуи. Описывается основополагающая законодательная база языковой политики Индии, анализируется степень витальности малого языка северной Индии куллуи и государственные меры, предпринимаемые для его сохранения.

2. Численность населения и количество языков в Индии

Население Индии составляет более 1 342 745 931 человек (на 27 сентября 2017 года)[2]. Страна занимает 2 место в мире по численности населения, что составляет около 18% мирового населения. Общество Индии исторически неоднородно, что обусловливает его поликультурность и многоязычие.

На развитие процессов многоязычия в Индии повлиял тот факт, что при определении границ многих штатов в основу был положен языковой принцип. В 1956 г. была принята поправка к Конституции, на основании которой 14 штатов были образованы на языковой основе, а также пять союзных территорий под непосредственным управлением центра. Их создание явилось результатом активной борьбы народов Индии за языковую

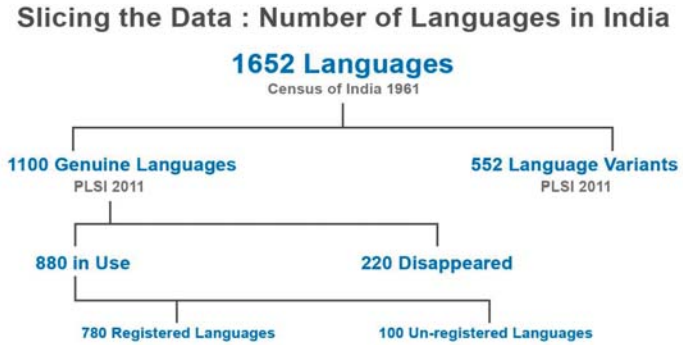
[1] Работа выполнена частично при поддержке РФФИ, проект № 16-34-01040, «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи» (рук. Е.М. Шуванникова).

[2] См. актуальную статистику по численности населения Индии // [сайт] URL: http://www.worldometers.info/world-population/india-population/ (дата обращения: 28.09.2017).

автономию. Если бы в основу определения границ штатов не был бы положен языковой принцип, развитие языковых и политических процессов в стране могло бы пойти по совершенно непредсказуемому сценарию.

Согласно индийским исследованиям 2011 года, общее количество языков[3] в Индии составляет 880 (см. Рис. 1.)[4]. 122 из них отнесены к основным языкам (major languages), остальные – к малым (minor languages).

Рисунок 1. Количество языков в Индии по данным 1961 г. (Census of India) и 2011 г. (People's Linguistic Survey of India).



Количество малых языков в Индии в разы превышает количество основных языков. Важно отметить, что 22 из 122 основных языков вынесены в отдельный список, представленный в Приложении 8 Конституции Индии (согласно статьям Конституции 344 и 351)[5]. Эти 22 языка находятся на особом положении, и государство проводит в отношении них более активную языковую политику. Что касается малых языков, они также не остались без внимания, по крайней мере, законодательно.

[3] Здесь имеются в виду те языки, для носителей которых этот язык является родным. Об определении «родной язык» (mother tongue) и методе выявления родного языка при переписи населения Индии 2001 см. [Khokhlova 2014: 3-5].

[4] People's Linguistic Survey of India // [сайт] URL: http://www.peopleslinguisticsurvey.org (дата обращения 28.11.2017).

[5] Список языков см. в 8 Приложение к Конституции Индии: // [сайт] URL: http://lawmin.nic.in/coi/coiason29july08.pdf (дата обращения 28.11.2017).

3. Законодательное регулирование языковой политики в Индии

Языковая политика любой страны – это комплекс законодательных актов и конкретных мероприятий, проводимых властями и/или общественными институтами страны, которые ставят перед собой определенные социально-языковые цели.

К основным законам, регулирующим языковую политику в Индии, относят: Конституцию Индии (вступила в силу в 1950 г.) и Акт об официальных языках (1963 г.)[6]. Акт регламентирует использование официальных языков. Конституция задает основные векторы для развития языковой политики государства, в том числе и в отношении малых языков. Положения, касающиеся языковой политики, отражены в следующих статьях Конституции: 29-30, 120, 210, 343-349, 350, 350A, 350B, 351. В этих статьях обозначаются официальные языки (хинди и английский), определяется язык судопроизводства, регламентируется выбор языка в общении между двумя и более штатами, а также вводится положение об официально утверждаемом Президентом страны должностном лице (Национальном комиссаре), который призван отвечать за языковую политику в отношении языковых меньшинств. Последние положение, в частности, раскрывается в статье 350B Конституции Индии:

«1. Учреждается пост специального должностного лица по делам языковых меньшинств, назначаемого Президентом.

2. В обязанности специального должностного лица по делам языковых меньшинств входит рассмотрение всех вопросов, касающихся защиты, предусматриваемой настоящей Конституцией в отношении языковых меньшинств, и сообщение Президенту по этим вопросам с интервалами, устанавливаемыми Президентом; Президент должен направлять все доклады в каждую Палату Парламента, а также посылать их соответствующим Правительствам Штатов)».

---

[6] The Official Languages Act (1963) // [сайт] URL: http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/124141/16/16_appendix.pdf (дата обращения 28.11.2017).

Введение Конституцией официального должностного лица, ответственного за представление интересов языковых меньшинств, является значимым фактором в языковой политике. Как минимум, это признак того, что государство озабочено тем, как существуют и развиваются малые языки, которых в Индии в несколько раз больше, чем основных. На государственном уровне языковая политика Индии реализуется через Департамент официального языка (*Department of Official Language*)[7], Центральный институт индийских языков (*The Central Institute of Indian Languages (CIIL)*[8], Национального комиссара по языковым меньшинствам (*The National Commissioner for Linguistic Minorities*)[9], а также через собирающиеся по необходимости языковые советы и академии по малым языкам (*Language boards or academies for minority languages*) и некоторые другие.

Государственная политика Индии в отношении малых языков реализуется главным образом через деятельность Национального комиссара по языковым меньшинствам. Его главная задача – осуществлять контроль в сфере развития и сохранности малых языков и давать необходимые рекомендации правительствам штатов по улучшению ситуации. Ежегодно он собирает данные о сохранности малых языков от каждого штата и предоставляет отчет Президенту страны с конкретными рекомендациями. Как показывает анализ отчетов Национального комиссара за последние годы, официальному представителю не всегда удается собрать сведения по языковой ситуации в отдельных штатах Индии. В результате в отчете лишь обозначается, что данных от правительства штата не поступило. В таких случаях в отчете повторяются рекомендации прошедших лет. Эти отчеты фиксируют реальность происходящего, и в этом, очевидно, их польза. Однако улучшают ли они реальное положение дел в отношении миноритарных языков в стране – в этом пока вопрос. А тем временем статистика исчезающих языков в Индии стремительно растет.

---

[7] Department of Official Language // [сайт] URL: http://rajbhasha.nic.in/ (дата обращения 28.11.2017).

[8] Central Institute of Indian Languages // [сайт] URL: http://www.ciil.org/ (дата обращения 28.11.2017).

[9] Сайт National Commissioner for Linguistic Minorities // [сайт] URL: http://nclm.nic.in/

За последние 50 лет в Индии исчезло 250 малых языков 250. В настоящее время в статусе исчезающих (вымирающих) находится 13 языков[10]. В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», изданном ЮНЕСКО[11], 172 языка Индии отнесены к группе языков, подверженых исчезновению. Из них 101 язык – «сильно» (*severely*), «критически» (*critically*) или «определенно» (*definitely*) находятся под угрозой исчезновения, а остальные 71 попали в группу «уязвимых» (*vulnerable*) языков.

Статья 29 Конституции Индии гласит: *«Любая группа граждан, проживающих на территории Индии или в любой ее части, имеющая особый язык, письменность или культуру, вправе сохранить их»*. Малые общности не всегда имеют достаточно сил и механизмов для самостоятельного сохранения своего языка. А государственная языковая политика не успевает охватить все малые языковые общности.

В качестве предпринимаемых по сохранению малых языков мер стоит отметить программу «Многоязычное образование» (*MultiLingual Education*), представляющее возможность детям начинать обучение в школе на своем родном языке. Эта программа сопровождается выпуском учебников на малых языках. В отдельных регионах Индии она уже доказала свою результативность, однако, таких школ пока не так много.

Сохранению малых языков способствуют также частные общественные инициативы. В качестве примера одной из таких инициатив можно привести крупный проект в Гуджарате по исследованию языков Индии (*People's Linguistic Survey of India*), цель которого – описание основных и малых языков Индии по типовым схемам, включая в описание том числе и социолингвистические данные. Подобных общественных движений в Индии немало. И чаще именно они на практическом уровне становятся более действенными в сохранении малых языков в отдельных штатах, чем официальные институты и меры, предпринимаемые государством.

В.М. Алпатов справедливо отмечает, что в любом многонациональном государстве возникает иерархия, которая

---

[10] См. данные сайта Ethnologue // [сайт] URL: https://www.ethnologue.com/country/in (дата обращения 28.11.2017).

[11] UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger // [сайт] URL: http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php (дата обращения 28.11.2017).

может быть представлена в виде перевернутой пирамиды. Верхний слой этой пирамиды – одноязычные носители государственного языка. Средний слой – двуязычные граждане. Нижний слой – одноязычные носители языковых меньшинств (или же двуязычные, не владеющие государственным языком). Эта иерархия коррелирует с социальной иерархией лишь в одном отношении – нижний слой языковой иерархии имеет и низкий социальный статус. Статус двуязычного населения и государственная политика в отношении языковых меньшинств могут быть различными, но определенное их неравенство с верхним слоем всегда ощущается, что может создавать потенциально конфликтную ситуацию [Алпатов 2013: 16]. Поэтому грамотная языковая политика столь важна для единения многоязычного общества в большом государстве.

4. Язык куллуи как малый язык Индии и степень его витальности

К малым языкам Индии относится язык куллуи. Он принадлежит к западной группе языков пахари индоарийской ветви индоевропейской семьи и распространен в штате Химачал-Прадеш на севере Индии (главным образом, в округе Куллу). Куллуи является преимущественно языком устной коммуникации, не носит статуса официального языка, не преподается в школе, не имеет стандартизованной письменности. На данный момент язык системно не описан, но имеются описания по отдельным аспектам языка [Bailey 1908; Grierson 1916; Thakur 1975; Ranganatha 1981; Князева 2013; Saaraswat 2014; Князева 2016; Крылова 2016; Мазурова 2016; Ренковская 2016] и др.

С 2013 года в Институте языкознания РАН реализуется проект по описанию языка куллуи. К настоящему моменту состоялись четыре лингвистические экспедиции (2013, 2014, 2016 и 2017 гг.) в индийские Гималаи – д. Наггар (Naggar), д. Башинг, д. Сума, д. Нашала и г. Куллу (Kullu). За это время были собраны данные по основным аспектам грамматики языка куллуи, записан словарь-тезаурус объемом около 1500 единиц, а также собран корпус текстов различной тематики (сказки, легенды, рассказы о местных традициях и обычаях, бытовые диалоги). Материалы

исследования отражаются в научных статьях, а также на сайте проекта[12].

Одна из исследовательских задач проекта – изучение социолингвистической ситуации в районе употребления языка куллуи. В частности, описание степени витальности языка куллуи в д. Наггар, где проживают носители языка. Предварительные данные показали, что на данном этапе язык не подвержен серьезной угрозе исчезновения, хотя и наблюдаются две не вполне благоприятные для развития языка тенденции.

Во-первых, среди представителей старшего поколения (50-70 лет) заметна тенденция к сокращению функциональных сфер использования языка. В отдельных областях бытового общения (например, на рынке, в социальных учреждениях, в интернет коммуникации и т.п.) носители предпочитают использовать хинди, а не куллуи. Безусловно, это не означает, что носители не хотят говорить на родном языке. Они просто хотят быть понятыми в том социальном контексте, в котором оказываются. А поскольку государственная языковая политика связана с укреплением роли хинди в качестве официального языка, и для носителей разных локальных диалектов он становится связующим языком-посредником, в социальных сферах общения носители куллуи предпочитают сразу переходить на хинди. В результате функциональность употребления родного языка в социальной сфере снижается.

Во-вторых, активность использования, а также степень владения языком куллуи у представителей младшего поколения заметно снижается. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что родители, хотя в детстве и говорят со своими детьми на куллуи, по достижении ими школьного возраста, ориентируют их на изучение хинди и английского (а не куллуи), считая, что знание этих языков откроет им дорогу в будущее. Вероятно, по этой же причине общение детей друг с другом на куллуи в школах не поощряется и учителями (даже на переменах).

Одним из факторов, влияющих на степень витальности языка, является «правительственная и институциональная политика, а также отношение к языку, включая официальный

[12] Пахари: индоарийские языки Северной Индиии // [сайт] URL: www.pahari-languages.ru (дата обращения 28.11.2017).

статус и использование» [UNESCO's Atlas 2011: 5]. Для многих малых языков Индии, в том числе и для языка куллуи, целенаправленная и последовательная языковая политика государства в отношении малых языков могла бы значительно повлиять на степень сохранности языка, на повышение его статуса в среде носителей.

В районном городе Куллу (штат Химачал-Прадеш) периодически проводятся официальные мероприятия, направленные на сохранение малых языков и культур. Из основных мероприятий можно отметить, в частности, Фестиваль народной культуры, проводимый ежегодно в Куллу. На этот Фестиваль съезжаются жители со всех районов (в том числе и из удаленных деревень), представляя свое культурное творчество и языковое наследие. Важным ежегодным мероприятием является также праздник Душера. Это большой религиозный праздник – событие года для многих жителей – организуется при поддержке районного Департамента языка, искусства и культуры штата Химачал-Прадеш. Во время праздника на одной площади города Куллу собираются представители десятков культур и носители разных языков и диалектов. Такие мероприятия отчасти способствуют популяризации малых языков и культур, позволяют укреплять языковую и культурную самоидентичность малых народов. Однако для сохранения миноритарных языков этого недостаточно.

Более действенной мерой, возможно, могло бы стать преподавание малых языков в школах. К тому же, Конституция Индии это допускает и даже предписывает (статья 350A): *«Штат и каждый местный орган власти на территории Штата должны принимать меры для обеспечения возможностей для обучения родному языку в начальной школе детьми, принадлежащими к языковым меньшинствам; и Президент может издавать такие директивы для какого-либо Штата, какие он сочтет необходимыми или подходящими для обеспечения предоставления таких возможностей».*

Однако здесь возникает другая проблема – многие малые языки (такие, например, как куллуи) являются разговорными, не имеют описанной грамматики и стандартизованной письменности. А, следовательно, их сложно ввести в образовательный процесс из-за отсутствия учебников.

5. Выводы

Индия – уникальное с точки зрения языкового разнообразия государство. Это накладывает особый отпечаток на требования к проведению языковой политики в стране. Эффективную языковую политику проводить в условиях такого большого количества существующих языков и диалектов довольно сложно. Тем не менее, законодательство Индии учитывает наличие малых языков в языковом планировании и строительстве. Так, в Конституции страны предусмотрена специальная должность, призванная обеспечивать сохранность языковых меньшинств с обязательным ежегодным отчетом о состоянии дел Президенту страны. Однако реальность и статистика исчезающих языков Индии показывает, что действий, необходимых для сохранения малых языков требуется гораздо больше.

Анализ степени витальности языка куллуи, относящегося к малым языкам северной Индии, показывает, что даже для этого языка (на котором говорят более 100 000 жителей страны) требуются государственные меры с целью его сохранения. Как показали исследования, на данном этапе куллуи не подвержен серьезной угрозе исчезновения, однако, две неблагоприятные для сохранения языка тенденции уже приходится отмечать. Во-первых, сокращаются функциональные сферы использования языка у представителей старшего поколения. Во-вторых, заметно снижается активность использования, а также степень владения языком представителями младшего поколения.

Учитывая, что языков, подобных куллуи, в Индии несколько сотен, становится очевидным, что языковая политика Индии в отношении малых языков должна быть усилена. Развитие языковой политики Индии, как представляется, требуется в следующих направлениях: создание письменности и алфавита для бесписьменных языков; системный учет и целенаправленная работа по кодифицированию малых языков; усиление лингвистических исследований, направленных на описание малых языков, включая создание грамматик, справочников, учебников, словарей; предоставление возможности младшим школьникам обучаться на родном языке, поощрение использования малых языков в СМИ; стимулирование носителей к развитию литературы на малых языках.

Литература

Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычкая» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. № 2 (12). 2013. С. 11-22.

Князева Е.М. Язык куллуи: общие сведения и лакуны в лингвистическом описании // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2013. С. 149-160.

Князева Е.М. Степень витальности языка куллуи в д.Наггар (район Куллу, штат Химачал-Прадеш, Индия) // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2016. С. 80–86.

Крылова А.С., Князева Е.М. Некоторые проблемы подготовки тезауруса для документирования языка куллуи (западный пахари) // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2014. С. 125-138.

Крылова А.С. Видовременная система куллуи // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвёртой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2016. С. 165-178.

Мазурова Ю.В. Система личных и указательных местоимений в куллуи // Языки дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XII Международной конференции (Москва, 16-17 ноября 2016 г.): [сборник статей] / Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Восточный факультет СПбГУ. М., 2016. С. 172-180.

Ренковская Е.А., Крылова А.С. Прохибитивные конструкции в языке куллуи // Двенадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (тезисы докладов). СПб, 2015. С. 81-83.

Ренковская Е.А. «Сказано – не сделано»: послелоги-маркеры субъекта в модально-деагентивных конструкциях в центральном и западном пахари // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвёртой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2016. С. 243-252.

Цоллер К.П. Языки пахари // Языки мира: Новые индоарийские языки РАН. Институт языкознания. Ред. Колл.

Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков. М., 2011.

Bailey T.G. The Languages of the northern Himalayas, being studied in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. Royal Asiatic Society. London, 1908.

Benedikter, T. Minority languages in India. Bolzano, 2013.

Grierson G.A. Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Culcutta, 1916.

Khokhlova L.V. Changing Contours of Mother Tongue – English Bilingualism in India // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение. 2014. №1. С.3-19.

Ranganatha M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Sensus of India. 1971. Language monograph №7. Delhi, 1981.

Saaraswat D. Encyclopedia of Kuluout (Kullu). New Delhi, 2014.

Thakur M. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Dehli, 1975. (Язык пахари с приложением описания куллуи)

UNESCO's Atlas of the World's Languages in Danger. Paris:UNESCO, 2011.

Электронные ресурсы

www.ciil.org
www.ethnologue.com
www.nclm.nic.in
www.pahari-languages.ru
www.peopleslinguisticsurvey.org
www.unesco.org
www.worldometers.info

Резюме

В статье рассматривается языковая политика в Индии в отношении малых языков на примере языка куллуи. Автор приходит к выводу, что законодательно малые языки в Индии защищены, однако, реально предпринимаемых действий недостаточно, чтобы обеспечить их устойчивое развитие и сохранение.

Ключевые слова: языковая политика, малые языки, социолингвистическая ситуация, язык куллуи, языки пахари, индоарийские языки.

Elena M. Shuvannikova
Institute of linguistics, RAS, Moscow
elena.shuvannikova@gmail.com

Summary

The article analyzes language policy in India towards minor languages by the example of Kullui language. The author comes to the conclusion that legislatively minor languages in India are protected; however, there are not enough real actions undertaken towards minor languages to ensure their sustainable development and preservation.

Keywords: language policy, minor languages, sociolinguistic situation, Kullui language, Pahari languages, Indo-Aryan languages.

References

Alpatov, V.M. Yazykovaya politika v sovremennom mire: «odnoyazychnaya» i «dvuyazychnaya» praktiki i problema yazykovoj assimilyacii // Comparative politics. № 2 (12). 2013. S. 11-22.

Knyazeva, E.M. Yazyk kullui: obshie svedeniya i lakuny v lingvisticheskom opisanii // Problemy yazyka: Sbornik nauchnyh statej po materialam Vtoroj konferencii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodyh uchenyh». M., 2013. S. 149-160.

Knyazeva, E.M. Stepen' vital'nosti yazyka kullui v d.Naggar (rajon Kullu, shtat Himachal-Pradesh, Indiya) // Problemy yazyka: Sbornik nauchnyh statej po materialam Chetvertoj konferencii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodyh uchenyh». M., 2016. S. 80–86.

Krylova, A.S., Knyazeva, E.M. Nekotorye problemy podgotovki tezaurusa dlya dokumentirovaniya yazyka kullui (zapadnyj pahari) // Problemy yazyka: Sbornik nauchnyh statej po materialam Tret'ej konferencii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodyh uchenyh». M., 2014. S. 125-138.

Krylova, A.S. Vidovremennaya sistema kullui // Problemy yazyka: Sbornik nauchnyh statej po materialam Chetvyortoj konferencii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodyh uchenyh». M., 2016. S. 165-178.

Mazurova, J.V. Sistema lichnyh i ukazatel'nyh mestoimenij v kullui // Yazyki dal'nego Vostoka, Yugo-Vostochnoj Azii i Zapadnoj Afriki: materialy XII Mezhdunarodnoj konferencii (Moskva, 16-17 noyabrya 2016 g.): [sbornik statej] / Institut stran Azii i Afriki MGU

im. M.V. Lomonosova, Vostochnyj fakul'tet SPbGU. M., 2016. S. 172-180.

Renkovskaya, E.A., Krylova, A.S. Prohibitivnye konstrukcii v yazyke kullui // Dvenadcataya konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodyh issledovatelej (tezisy dokladov). SPb, 2015. S. 81-83.

Renkovskaya, E.A. «Skazano – ne sdelano»: poslelogi-markery subjekta v modal'no-deagentivnyh konstrukciyah v central'nom i zapadnom pahari // Problemy yazyka: Sbornik nauchnyh statej po materialam Chetvrtoj konferencii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodyh uchenyh». M., 2016. S. 243-252.

Coller, K.P. Yazyki pahari // Yazyki mira: Novye indoarijskie yazyki RAN. Institut yazykoznaniya. Red. Koll. T.I. Oranskaya, J.V. Mazurova, A.A. Kibrik, L.I. Kulikov, A.J. Rusakov. M., 2011.

Bailey, T.G. The Languages of the northern Himalayas, being studied in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. Royal Asiatic Society. London, 1908.

Benedikter, T. Minority languages in India. Bolzano, 2013.

Grierson, G.A. Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Culcutta, 1916.

Khokhlova, L.V. Changing Contours of Mother Tongue – English Bilingualism in India // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 13. Vostokovedenie. 2014. №1. S.3-19.

Ranganatha, M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Sensus of India. 1971. Language monograph №7. Delhi, 1981.

Saaraswat, D. Encyclopedia of Kuluout (Kullu). New Delhi, 2014.

Thakur, M. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Dehli, 1975. (Язык пахари с приложением описания куллуи)

UNESCO's Atlas of the World's Languages in Danger. Paris:UNESCO, 2011.

СОКРАЩЕНИЯ

ИВ РАН – Институт востоковедения РАН

ИВКА РГГУ – Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

ИРЯ РАН – Институт русского языка Российской академии наук

ИСАА МГУ – Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ИЯз РАН – Институт языкознания Российской академии наук

МГИМО – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

МГЛУ – Московский государственный лингвистический университет

МГОУ – Московский государственный областной университет

МГУ им. М.В. Ломоносова – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ННГУ – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПТСГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

РНБ – Российская национальная библиотека

СПбГУ - Санкт-Петербургский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…… 3

Балакина Е.С. (Москва) Транзитивность в полимодальном конструировании событий…… 4
Власова Е.А. (Санкт-Петербург) Лексические особенности языка «Нового благочестия» на материале рукописных молитвенников из РНБ……..... 18
Грабовская М.А., Жигульская В.Р. (Москва) Отличия в употреблении и значении между *свой* и притяжательными местоимениями 1 и 2 л. (ед. и мн. ч.)……. 32
Гулидова Д.Н. (Москва) К вопросу об элизии в арабском языке……... 44
Дрейзис Ю.А. (Москва) Механизмы когезии в современном китайском стихе: «вторая жизнь» классического параллелизма……. 55
Дяченко Д.В. (Москва) Славянские заимствования в современном диалекте села Старошведское: лексические и грамматические процессы…… 67
Ефремова Д.А. (Москва) Категория модальности в тексте биографических романов…….. 81
Жорник Д.О., Хомченкова И.А. (Москва) Предикаты боли в горномарийском языке: семантика и морфосинтаксис……. 94
Зевахина Н.А., Пужаева С.Ю. (Москва) Деепричастная клауза в русском: позиция и семантический субъект…… 112
Кашлева К.К. (Москва) Синтаксические особенности немецких научных текстов первой половины XIV в. (на материале *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur*)…….. 127
Комалова Л.Р. (Москва) Жанры агрессивного речевого поведения……... 139
Коробейникова И.И. (Санкт-Петербург) Методы изучения контекстной предсказуемости (на примере распространителей при фазовых глаголах в русском языке)… 154
Коровина Е.В. (Москва) К вопросу о этимостатистике……... 166
Косогорова М.А. (Москва) Императивные конструкции в гвинейском пулар…….. 176
Краснощекова С.В. (Санкт-Петербург) Отрицательные местоименные лексемы в речи русскоязычного ребенка…….. 185

Крылова А.С. (Москва) Количественные числительные языка куллуи……. 200
Куликов С.Ю. (Москва) Факторы выбора грамматического рода у акронимов в текстах русскоязычных онлайн-СМИ (к методике корпусного исследования)……... 208
Ло Мэн (Москва) Воспроизведение процесса умозаключения при переводе комического с русского на китайский язык в аспекте теории релевантности (на примере китайско-русских переводов)…….. 215
Макеева Н.В. (Москва) Конструкции будущего времени в языках дан…….. 228
Моштылева Е.С. (Нижний Новгород) Судебно-лингвистическое исследование признаков противорпавной пропаганды в художественном тексте…….. 242
Наумов И.В. (Москва) Оптатив и дезидератив в чукотском языке……... 255
Пилатова О.И. (Санкт-Петербург) Экспериментальное исследование семантики в аспекте восприятия речи (на материале русского языка)……... 269
Прокофьева О.Н. (Москва) Процессы фокусирования в устном описательном дискурсе: полимодальное исследование…….. 283
Самостиенко Е.В. (Нижний Новгород) Новейшая русская поэзия в когнитивной перспективе: семантическая нелинейность и ментальное картирование……. 296
Симдянова А.Д. (Москва) Ошибочное согласование в категории лица. Экспериментальное исследование……... 309
Стойнова Н.М. (Москва) Показатели движения с целью в южнотунгусских языках и категория associated motion…… 321
Тискин Д.Б. (Санкт-Петербург) Синтаксические и семантические различия между сериями местоимений *кто* и *что* в русском языке……. 340
Шуванникова Е.М. (Москва) Языковая политика Индии в отношении малых языков (на примере языка куллуи)……. 351

Сокращения…… 364

Содержание…… 365

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Сборник научных статей по материалам
Пятой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(16-17 февраля 2017 г.)

Подписано в печать 30.11.2017 г.
Объем 23 п.л. Тираж 500 экз. Заказ № 1155.

Отпечатано с предоставленных оригинал-макетов
в типографии «Канцлер»
150008, г. Ярославль, ул. Полушкина роща, д. 16, стр. 66а.
Тел.: 8-4852-58-76-33; 8-4852-58-76-39
E-mail: kancler2007@yandex.ru